

Александр Зеле

Пылающий восход

16+

Александр Зеле

Пылающий восход

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48438832

SelfPub; 2021

Аннотация

Семь сотен лет Великая Долина приходила в себя после чудовищной войны против существа, считавшегося богом. В один из дней у границ одного из городов-государств объявляется человек в лохмотьях. Его появление сразу же вызывает беспокойство у местных жителей. Подозревая неладное, они рассылают письма, прося о помощи. Тем временем далеко на юге, племена кочевников, проявляют доселе невиданную наглость и жестокость. Нападение на один из самых крупных и богатых городов Торговой Картели вынуждают девушку Ташу и ее дядю Халэна спастись бегством, покидая родные места.

Александр Зеле

Пылающий восход

Пролог

С рассветом тьма обретает очертания, с закатом свет утопает в ночи. Время идет, эпохи сменяют друг друга. Снега тают, образуя моря. Моря наводняют пустыни, вытесняя песок. Песок становится породой и горные массивы возвышаются там, где некогда были бескрайние долины, а их пики покрывает белоснежный снег.

Три материка, окруженные темными водами, прижимались друг к другу. Они были здесь давно, они видели начало эпохи и ощущали весь груз прошедших лет.

Северный не имел имени. Холодный, заснеженный, он часто являлась морякам туманным белым призраком где-то далеко на горизонте. Его никто не искал, к нему никто не стремился. Материк-изгой, просто был всегда где-то рядом, но в тени своих братьев.

Южный же наоборот был обласкан вниманием. Он носил имя – Кальдера. Зеленый, заросший и непроходимый, он манил к себе исследователей и год за годом экспедиции росли и укреплялись на его берегах.

Центральный – Тирьера, вобрал в себя все минусы и плю-

сы братьев. В его сердце цвела огромная зеленая долина, окруженная цепью гор, размыкавшимися узкими перешейками с севера и юга.

Великая Долина или Мидленд, как звали его местные, подразделялась на пять владычеств, каждое из которых было, вполне, самостоятельным и независимым в границах своих владений. Решение же вопросов, затрагивавших жизнь всех территорий, принимались на Совете Пяти, в который входили владыки Тиретхолла, Ансельма, Рейвина и Лордсхена, а также Великий Магистр земель Рид.

Юг Тирьеры был красив, обжигаяще горяч и коварен. Его называли Айленд. Сюда не залетали холодные ветра, здесь никогда не видели снега, а в самой его глубине разрасталась пустыня. Прибрежными землями и границами с Мидлендом управляла Торговая Картель – состоящий из хрупкого объединения купцов, который мог сменить свой состав за неделю по два раза. Пустыня же принадлежала кочевникам, которые в своих владениях, не задумываясь, нападали на караваны и грабили любого случайно забредшего путника.

Север материка был безжизнен и носил соответствующее имя – Мертвые земли. Всю его видимую часть покрывала толстая корка льда, с ползающими по ней, словно огромными жуками, барханами снега.

Таким был мир, таким он стал... Таким он уйдет, едва уловимые искры еще только мерцают в разных частях света, предвещая новый восход.

Но одна из них мерцает ярче всех других.

Искра...

Все начинается с малого. Лавина со снежка, ураган с порыва, а пламя с искры. Она зажглась в окружении льдов, на самой окраине Мидленда.

Крепость Хостраш была последним оплотом цивилизации на пути к Мертвым Землям, являясь укрепленным форпостом, предназначавшимся для наблюдения за возможной угрозой с севера, она всем своим видом вопила об опасности, что когда-то угрожала жителям Великой Долины.

Время шло, цитадель ветшала, когда-то древние стены, выстроенные вдоль границ, уже давно сточили холодные ветра и засыпала вьюга, сейчас о них напоминали лишь едва уловимые очертания холмов снега, тянувшихся от крепости куда-то к горам на горизонте.

Древняя обитель – твердыня северных земель, имела двадцать четыре башни, торчавшие из зубчатого панциря. Сам замок напоминал огромного дикобраза с длинными черными иглами, вершины которых скрывались высоко за облаками.

Местность в этих краях была скудной, как на растения, так и на всякого рода живность. С юга к крепости примыкал массивный темный лес, в народе называемый каменным, за

его холод и безжизненность. Изредка меж темных деревьев можно было заметить оленя, отбившегося от своего стада и по ошибке забредшего так далеко на север, что же касается более мелких животных или птиц – все они старались держаться как можно дальше от заснеженных земель, раскинувшихся с северной части крепости.

Крепость заложили во время бушевавшей войны с орденом Аргхзура – культа огненного демона, как его прозвали в народе, предполагая, что Норгхстор мог попытаться поддержать своего родного брата, покинув свои северные владения и отправившись войной на Долину, но, к счастью, этого так и не произошло.

Растянувшись почти на целый век, строительство самой твердыни было окончено спустя восемьдесят лет после разгрома ордена и низвержения демона. Изначально была возведена лишь одна стена, препятствующая прорыву, и четыре дозорных вышки на горном перешейке, соединявшем долину с ледяной пустыней. В те дни самым ценным считалось время. Армия всегда могла подойти из земель Тиретхолла, поэтому основной задачей, тогда еще башен Хостраша являлось наблюдение и дозор.

Свои лучшие времена крепость пережила спустя двести лет после окончания войны, в ту пору четыре обветшавших вышки попытались восстановить, но в ходе работ было решено пристроить к ним еще двадцать. Строительство началось бурно и второпях, так словно бы война все еще про-

должалась, отчасти это было обусловлено нежеланием строителей надолго задерживаться в столь суровом климате. Так или иначе в ходе масштабного ремонта восстановить удалось лишь две дозорные вышки одну в восточном крыле, другую в западном, центральная или как ее еще именовали южная, самая древняя из четырех, оказалась настолько крепкой, что казалась была построена вместе с двадцатью новыми, северная же напротив уже давно осыпалась и рухнула, как только на ней начались работы. В то время в этом увидели добрый знак, посчитав что южные земли с набирающим в нем силу новым государством будет процветать, а северный враг давно побежден. Впоследствии были возведены и переходы между остроконечными пиками, окончательно закрепив за крепостью звание цитадели.

Первое время строители полагались на камень, как это и было принято в самой Долине, но в скором времени поняли, что он не способен противостоять тем ветрам, что обдували замок со всех сторон. Дозорные часто погибали, превращаясь буквально в ледяные статуи прямо на своих постах. Ходили слухи о магической природе ветра, исходящего из морозной пустыни. Лучшие строители и инженеры ломали голову над задачей по укреплению и утеплению цитадели.

Именно в тот момент крепость начала обретать свои окончательные очертания, выход был найден и вскоре древние стены покрылись смолой и миллионами осколков обсидиана. Из-за чего крепость стала переливаться мертвенно-блед-

ными красками, а по долине пошли слухи о мертвецах, наблюдавших за севером. Конечно же все это были выдумки, подпитываемые страхом перед мало изученной частью материка, да и лорды Долины не гнушались всякий раз напоминать населению о непобежденном враге и желанию его разобшить объединенные народы. Слухи распространялись быстро и обрастали все новыми небылицами, ведь единицы из жителей долины действительно бывали в крепости, зато каждый считал своим долгом поделиться историей о древнем демоне и вечных защитниках.

Сэр Джон Форкстон, рослый мужчина пятидесяти восьми лет, был шестнадцатым комендант-командующим крепостью Хостраш уже добрых тридцать лет. Его лицо когда-то обрамляла львиная грива иссиня-черного цвета. Теперь же подернутые сединой волосы были коротко подстрижены и жесткой колючкой выступали на лысеющей голове. Но хоть он и носил гордое звание командующего, в крепости он был единственным солдатом, потому, как последние воины из гарнизона Хостраша покинули древнюю обитель еще задолго до появления Джона на свет. Уже пять поколений командующих заботились о заброшенной цитадели и руководили несколькими небольшими поселениями, образовавшимися вдоль границы.

Высокое звание никак не выделяло его среди населения этих суровых краев. Он носил обычные шерстяные бриджи с поясом из выдубленной кожи, поверх которого был одет

пепельного цвета камзол.

Распорядок дня в крепости не менялся долгие годы. Лорд Еж (так нарекли местные жители одно из комендантов далекого прошлого и теперь этот шуточный титул-прозвище стал неотъемлемой частью богатой истории Хостраша) просыпался одним из самых первых. Он спускался в большой зал, который теперь напоминал помещение огромной опустевшей таверны. Там его уже ожидал горячий завтрак. Сегодня на столе стояла телятина под Серкский соусом, а в печи доходил карп с лимонами и яблоками. Хотя угроза, исходящая с севера, уже давно стала не более чем страшной сказкой, коей пугают непослушных детей, провизии замок получал в достатке.

Вскоре к Джону присоединялись и другие, пробуждавшиеся от сна, обитатели замка. Численность их была невелика. Первым ковылял Айк Хартер – глава строителей. Он приезжал со своей бригадой раз в полгода, из близлежащий земель Тиретхолла для осмотра древней стены и самой крепости. За ним шел мажордом Калэн, в чьи обязанности входило вести летописи и учетные книги Хостраша, а также поддерживать связь с Советом Пяти. Одним из последних забегал широкоплечий великан – мастер Хосмуд, отвечавший за немногочисленные лечебные травы, которые сам же и выращивал. Его задачей было лечение обитателей замка и населения близлежащих деревень, располагавшихся в подконтрольных крепости землях. Хватая пару мисок с похлебкой,

он сразу же возвращался в изолированное крыло цитадели, где содержались больные. Самым же последним, как правило, прибывал Янокс Кирит – глава Белой Гвардии.

Его небольшой отряд брал название от войска когда-то базировавшегося в крепости и охранявшего границу, но, по сути, ныне существующая гвардия была всего лишь группой местных необученных крестьян, считавших своим долгом охранять родные земли, как когда-то это делали их деды и прадеды. Боевым опытом они, конечно же, не обладали, но вполне могли поддерживать порядок в округе.

Все это время по залу сновали сонные строители, конюхи, стюарды и прочие жители замка.

Позавтракав, Джон уже собирался отправиться в конюшню и начать ежедневный обход территории, как заметил бегущего к нему мальчишку – помощника мажордома.

– Сэ...р, мгх..., сэр, там во дворе человек. Он хочет пересечь границу и отправиться на север, – мальчик глотал слова, пытаясь перевести дыхание после утомительной пробежки.

Уже многие годы никто даже не задумывался о том, чтобы покинуть долину и направиться на север материка, не говоря уже о том, чтобы лично явиться в крепость и требовать пропустить его через закрытые многовековые ворота.

– Проводи его в мой кабинет, Рик, – спокойно ответил Джон запыхавшемуся мальчугану.

– Да, сэр, – помощник мажордома тут же рванул обратно к выходу из зала.

В обязанности командующего входило вести списки и оповещать совет о перемещении лиц через границу, но каких-то учетных книг или перечня лиц в крепости уже давно не существовало. Может быть, они когда-то и были, но необходимость вести что-то подобное отпала давным-давно.

– Кто в здравом уме поедет туда, да и зачем? – думал он про себя, поднимаясь к странному гостю.

Кабинет командующего располагался в южной башне – самой высокой из всех двадцати четырех, а именно на ее вершине, наименовавшейся Облачным Часовым, благодаря тому, что из ее окон открывался вид на всю территорию земель Хостраша и огромную безжизненную пустыню Мертвых Земель. Она была одной из первых четырех древних башен и в отличие от остальных имела окна, выходящие на все стороны света. Отсюда были хорошо видны местные поселения ближайших владений, а вдалеке отчетливо различались очертания замка Тиретхолл. Каждый раз, наблюдая за бескрайней мертвой пустыней, Джон как никто другой понимал всю бессмысленность путешествия в глубь этой безжизненного края.

Согласно летописям, в последний раз граница пересекалась семьсот лет назад. Тот год ознаменовала победа над орденом Аргхзура, и объединенные войска считали себя несокрушимыми. Тогда сэр Джаред Йорг – глава Белой Гвардии и первый комендант-командующий Хостраша отправился с небольшим отрядом на разведку. Спустя неделю дозорные

сообщили, что заметили очертания лагеря, сливавшегося с линией горизонта и еле различимые струйки дыма, поднимавшиеся к холодному белому небу.

В Хостраш прибыли властители всех пяти владычеств, в надежде выслушать доклад командующего о том, что ждет их на севере, но после того, как отряд гвардейцев, наконец, достиг массивной арки ворот, вернувшись в родную обитель, боевое рвение и решимость лордов продолжать военный поход тотчас исчезло.

На север отправлялись лучшие воины Белой Гвардии, они доблестно сражались против культистов ордена Аргхзура, но домой вернулись искалеченными, обезумевшими стариками. Сильные, здоровые воины поседели и обмякли, словно бы прошли десятилетия после их отъезда. Многие были тяжело ранены, другие бредили, выкрикивая какую-то чушь, некоторые и вовсе молчали, не сводя глаз с одной точки. Из немногочисленного отряда домой вернулись единицы, часть из которых лишь благодаря тому, что намертво вцепились в поводья своих лошадей.

Из двадцати переживших поход гвардейцев пятнадцать более никогда не проявляли признаков разума. Сэр Джаред и оставшиеся пять мужчин, сохранивших рассудок, отказались рассказывать о произошедшем с ними собравшемуся в крепости совету и в последствии даже не упоминали об этом походе. Вскоре все они, включая комендант-командующего оставили службу и покинули Хостраш, поселившись глубоко

в Мидленде, как можно дальше от северных земель.

Джон с трудом поднялся по винтовой лестнице. Отворив массивную дубовую дверь, ведущую в кабинет, он вошел в небольшое круглое помещение. Комната освещалась четырьмя узкими окнами, из которых пробивались блеклые лучи солнца.

Между ними стояли стеллажи книг, слева от входа находился каменный постамент, предназначенный для воронов Тиретхолла.

Каждое из пяти владычеств имело своего вестника. У Тиретхолла были вороны, Лордсхен предпочитал голубей, земли Рид, где находился Солас Мор – магистрат ордена Ирдром, использовал ястребов, Ансельм посылал особый вид черных волков. Темные подземелья крепости Рейвин приютили летучих мышей-альбиносов.

Крепость же Хоштраш не являлась самостоятельной и была подконтрольна совету, но также имела своего вестника и земли. Еще первые дозорные приручили грациозных снежных барсов, приходивших на запах пищи. С тех пор в крепости был вольер, где жили эти грозные и величественные существа. К сожалению, за прошедшие века они остались единственными из своего вида.

Что касается воронов Тиретхолла – они были приучены лететь прямо к Облачному Часовому, и теперь, сидя на жердочках, взирали на незнакомца со своего возвышения.

Правее постамента, в центре кабинета командующего,

располагался резной стол из кедрового дерева. Перед ним на небольшом стуле сидел темноволосый юноша, с ног до головы одетый в густой черный мех. Голову его прикрывал капюшон, а с плеч спадал длинный плащ из шкур черных волков.

– Я в своем-то возрасте с трудом к вам поднялся, как вы с этим справляетесь каждый день? Не удобнее ли жить где-нибудь в крепости? – с приветливой улыбкой обратился он к вошедшему в кабинет.

– Может быть, вы и правы, но, возможно, только благодаря этому каждодневному восхождению я все еще жив, бодр и подтянут, – с усмешкой командуя пробрался к креслу, стоящему за столом и с блаженством сел, начав пристально рассматривать странника. – Откровенно говоря, мы просто соблюдаем давно сложившиеся традиции. В этой башне жил комендант-командующие до меня и думаю, что будут жить и после, к тому же сюда приучены лететь вороны из Тиретхолла, так что я узнаю обо всех новостях первым.

– Тогда, надеюсь, я могу попросить вас выделить мне место для ночлега где-нибудь внизу, в самой крепости, и немного припасов в дорогу. Я располагаю большим запасом золота и надеюсь, что его хватит, чтобы оплатить все те неудобства, что я вам доставлю, – молодой человек достал тугой кошель, набитый золотыми монетами, и положил на стол перед собой.

– Да, конечно, я сразу же распоряжусь, чтобы вам выделили комнату, если мажордом Калэн еще этого не сделал. Наш

замок почти пуст, так что могу вас заверить, что у вас будет богатый выбор.

– Буду очень благодарен, я пытался заплатить вашему конюху за своего коня, но он не принял золота. Боюсь, я не так хорошо осведомлен о правилах и законах вашего края, быть может, мне рассчитаться с вашим мажордомом?

– Золото у нас не в почете, Совет Пяти снабжает крепость всем необходимым. Но, вернемся к цели вашего визита. Мне передали, что вы собираетесь пересечь границу, это так? – Джон смотрел прямо в глаза незнакомца. Парень был так молод и собирался подвергнуть свою жизнь бессмысленному риску.

– Да, я должен что-то сделать перед отбытием? Когда я сказал, что направляюсь на север, мальчик, встретивший меня у ворот, тут же убежал, а вернувшись отправил меня сюда.

– По правилам я должен внести вас в список и оповестить Совет Пяти, – комендант встал и направился к стеллажам с древними книга и свитками, торчавшими из разных углов.

– Есть ли возможность как-то обойти эту процедуру? Я бы не хотел, чтобы мое имя фигурировало в каких-либо документах. У меня имеется письменное объяснение от лорда Грейфорга, что я действую от его имени и по его поручению.

Командующий резко обернулся и, широко улыбнувшись, приблизился к молодому человеку.

– Это все упрощает. Тогда я полагаю, что могу передать совету бумаги от лорда Грейфорга. Я правильно вас понял?

– Да, там содержится все необходимое о целях моего визита в Мертвые Земли. В случае каких-то дополнительных вопросов, я думаю, милорд Грейфорг сможет предстать перед советом лично, – парень протянул туго свернутый лист пергамента с печатью Ансельма.

– Хорошо, очень хорошо, – забрав сверток, Джон направился к столу, вновь оказавшись лицом к лицу с незнакомцем. Задумавшись на пару мгновений, командующий произнес с несвойственной ему жесткостью: – очень самонадеянное путешествие. Нам не известно, что там. Там нет жизни. Дома, где можно переночевать. Очага, чтобы согреться или хотя бы перекусить. Зачем вы туда отправляетесь? Это же равносильно самоубийству, – Джон неотрывно смотрел на юношу, он так напоминал ему собственных детей, теперь уже разъехавшихся по всей долине. Молодой, еще совсем юнец. Командующий поймал себя на мысли, что ему жаль этого мальчишку.

– Это владения Норгхстора, – последовал хладнокровный ответ.

– Вы серьезно? Вы действительно верите в то, что эта ледяная пустыня – владения какого-то мифического бога? Да, в народе говорят, что по ту сторону стены происходит что-то странное, но уж поверьте мне. Я прожил здесь многие годы и единственное что вы там найдете, будут одни сугробы на многие мили, да голодные звери, и то если вам повезет вообще найти там что-то живое. Как и многим. мне в детстве то-

же рассказывали о Великом Пророке Мартине, который воевал с падшим богом, и про заснеженные пустоши Норгхстора, где в ледяных могилах спят мертвецы. Но ведь вы сами понимаете, как дико все это звучит, – Джон откинулся на спинку кресла и грустно посмотрел на собеседника.

– В чем я могу вас заверить, так это в том, что зверей там нет. Да, людские сказки о мертвецах в промерзших могилах сильно преувеличены, но не лишены доли правды, но, к сожалению, это не самое опасное, что таится по ту сторону стены.

– Ну, хорошо, допустим, вы правы... в чем-то. Но откуда нам знать, что находится там? Быть может, там всего лишь снежные барханы и нескончаемая метель, а может, за полосой снега есть что-то живое. Другой народ, другой мир. Сказать с уверенностью это не может никто... Но... Но и отправляться туда в одиночку, полагаясь на одну удачу, это не слишком безрассудно?

– Я искренне благодарен за вашу заботу, но мне уже приходилось пересекать границу, и хотя я с ужасом вспоминаю те дни, кое-какие уроки я все же извлек, и полагаю более подготовленного человека, чем я вы вряд ли когда-либо встречали.

– Подождите. Я управляю крепость Хостраш тридцать лет и за все это время ни один человек не пересек границы, а вы... – Джон ненадолго задумался, пытаясь оценить возраст собеседника. – Вам не можете быть больше тридцати. Сколь-

ко вам лет?

– Командующий, вас никогда не интересовало, что так испугало отряд сэра Джареда? Или чего опасался Мартин, строя эту стену? От диких зверей не прячутся за боевыми крепостями.

– На юге живут племена кочевников, они часто нападают на Долину, а в трех днях езды на запад от нашей крепости находится деревня Солморн. И около восточной части стены, в горах, тоже есть где-то деревушка. Оба поселения принадлежат племенам Ульгиrow. И если вы не знали, когда-то этот северный народ жил по ту сторону стены. А уж если они могли существовать там семьсот лет назад, то я, вполне, могу допустить, что в тех промерзших краях мог жить, и кто-то еще. Я не исключаю того, что мы так же могли воевать и с предками этих самых племен. Это, кстати бы, объяснило враждебность Ульгиrow наших дней по отношению к нам, и их малую численность. Да, наверно да. Я склонен предположить, что там жили именно Уль...

– Была война, командующий, жестокая и бескомпромиссная. Многие погибли в те годы. Огромные, хорошо вооруженные армии сталкивались в чудовищных сражениях. Земля сочилась кровью. Какой численности должны были быть ваши мифические племена, раз они смогли так напугать совет? Чем они должны были быть вооружены? На стороне Долины была огромная, натренированная в боях армия, вооруженная от макушки до пят, – парень говорил с твердой ре-

шимостью и верил в каждое сказанное им слово. – Неужели вы серьезно считаете, что после разгрома воинства павшего бога объединенную армию пяти владычеств могли остановить племена каких-то северных кочевников? Каким же боевым потенциалом они должны были обладать и куда в таком случае они делись?

– Я сказал, что там могли быть, и кто-то еще, – с нажимом в голосе повторил командующий, уязвленный словами мальчика. – Хорошо, забудем об этом. Это все дела прошлого. Скажите лучше мне, что вы будете делать, если окажется, что по ту сторону границы только холодная, мерзлая пустыня, как я и говорил. Что, если все это сказки, выдуманные орденом ради власти? Давайте я выделю вам отряд. У группы гораздо больше шансов на выживание в тех землях, и если вы все-таки ничего не найдете, то благополучно вернетесь обратно, – страх Джона больше не увидит этого глупого, дерзкого парня продолжал крепнуть, но помимо него где-то глубоко зарождалось любопытство.

– Я повторяюсь, вы очень добры, лорд-командующий, но даже если вы считаете все это сказками, то кто из ваших людей рискнет отправиться со мной?

– Я не могу им приказать пойти с тобой, но я уверен, что мы найдем пару-тройку смелых парней, готовых отправиться в короткое, но захватывающее путешествие.

– Вашему оптимизму мог бы позавидовать любой, – мрачно заверил парень.

Джон встал из-за стола и направился к двери:

– Я обсужу это с главой Белой Гвардии, а вас, я думаю, уже ждет Калэн.

Пара спустилась по винтовой лестнице, где незнакомца тут же перехватил старый мажордом и увел вглубь замка.

Джон шел вдоль широких залов, и его шаги порождали гулкое эхо. Наконец, выбравшись из запутанных туннелей во двор, он устремился к конюшне, где его давно ждали гвардейцы. Их глава, оседлавший темного мерина, раздавал приказы.

Янокс был старым другом Джона. Они оба воспитывались в Рейвине, хотя сам командующий и был родом из Хостраша. Когда совет перевел его со службы стража в земли Хостраш, Джон не забыл о своем приятеле и предложил последовать ему за собой.

Янокс был худым и высоким, отчего казался неестественно длинным, его непослушные каштановые волосы торчали в разные стороны, а на лице вечно присутствовала трехдневная щетина. Еще в детстве он был непоседлив и тороплив, а в землях Хостраш, где народ привык к спокойной и размеренной жизни, это ярко бросалось в глаза. С Джоном они были одногодки, но быстрый ритм жизни Яна словно бы тормозил старение, отчего тот казался значительно моложе командующего. Именно Ян возродил Белую Гвардию, он лично набирал людей и сам придумал облачение для себя и своей армии.

В форму гвардейцев Хостраша входили светлые бриджи,

отороченные волчьим мехом. Поверх шел белый дублет из грубой шерсти, к которому были пришиты сотни маленьких кусочков выбеленной кожи, отчего он походил на стены замка. В обувь гвардейцев входили либо утепленные белые сапоги из вареной кожи, либо их облегченный вариант. Дозорным также выдавался длинный и тяжелый плащ, сотканный только из шкур волков и опушенный соболем, он укутывал носившего толстым слоем меха.

– Джон, мы тебя заждались. Что скажешь про этого безумца? Говорят, он собирается на север. Я не знаю, чем соображает этот малец, но ему там придется несладко, – Янокс, как всегда, был бодр и весел.

– Ян, у нас с нашим новым другом появилась безумная затея.

– Заинтриговал, – на лице главы гвардейцев выступила лукавая улыбка.

– У тебя найдутся храбрецы, которые готовы составить кампанию этому искателю приключений в его походе? – с задором, присущим другу, произнес Джон.

– На север? Но зачем? – от былой улыбки Яна не осталось и следа. Он оглядел своих парней, собравшихся на обход территорий. – Джон, мне надо обсудить это со всеми. Я не могу просто так послать их туда, это безумие.

– Я готов, – выкрикнул кто-то из всадников.

– Я тоже с вами, – вторил ему другой гвардеец и вслед за ним свою помощь предложили все участники отряда.

– Парни, парни, это вам не пьянчуг разнимать по тавернам и кабакам. Мертвые Земли – крайне опасная территория, и отдохнуть вы сможете только у своего костра, – Ян с опаской оглядел своих подчиненных, встревоженный их энтузиазмом. – Если, конечно, вообще сможете его разжечь, – угрюмо закончил он.

– Двое – это уже компания, а нас вон сколько, всей братией не пропадем, – возразил первый из предложивших свою помощь, и толпа оживленно закивала, поддерживая юношу.

Ян завел своего коня в стойло и, спрыгнув на землю, подошел к Джону: – когда этот намерен отправляться?

– Я думаю, что завтра утром. Он попросил комнату только на одну ночь, – Джон давно не видел своего друга столь хмурым. Вечно веселый Ян, гроза всех пабов, шутник и балагур в одночасье постарел на десять лет.

– Вы. Отправляйтесь в главный зал, сегодня обхода территорий не будет, – резко выкрикнул он шумной ватаге гвардейцев. – Эд, созови караульных, и тоже отправляйтесь в зал.

– Да, сэр, – лохматый парень спрыгнул с коня и выбежал из конюшни.

Юноша был сыном Яна, но отец никогда не выделял его среди других гвардейцев. Младший Кирит напоминал Джону собственное детство. Эд был копией отца, не внешне. Черты лица он унаследовал от матери. Его русые непослушные волосы стояли торчком, а на губах только начал проклевываться первый пушок. А вот характером он полностью по-

шел в отца, переняв весь его задор и активность.

– Нам нужно все обсудить. К вечеру все будет известно. Честно говоря, я не горю желанием отправлять их на север, они плохо представляют, что им придется пережить, вступив на эту негостеприимную землю, – не дождавшись ответа, Ян тяжелой походкой вышел из конюшни и направился в замок.

Он надеялся, что никто из его гвардии не захочет отправляться с незнакомцем, но теперь у него оставалось совсем немного времени, чтобы переубедить собственных людей.

Весь оставшийся день Джон провел в кабинете. Первое время он бесцельно бродил из угла в угол в ожидании решения друга. Потом, снабдив форменным докладом, отослал бумаги, переданные ему юношей в магистрат ордена Ирдром. И даже несколько раз порывался написать прошения покинуть крепость и возглавить поход на север, но так и не решился его отправить.

Он откопал древние книги времен строительства первых башен, подготовил пергамент и инструменты в надежде уговорить парня составить карту пройденного им маршрута. Сотню раз прокрутил в голове каждое слово своей речи, которой он собрался убеждать его на исполнение своей просьбы.

Солнце скрылось за горизонтом, возвещая об окончании дня, когда в дверь кабинета постучали.

– Да, заходи, – командующий исследовал наброски стен и древние записи, в поиске любых материалов, которые могли

бы помочь собиравшемуся отряду в дороге.

Дверь со скрипом отворилась, пропуская Яна. Пройдя в кабинет, глава гвардейцев присел на тот же стул, который некогда занимал гость, перевернувший привычный уклад жизни всей крепости.

– Я не смог их переубедить, – с грустью ответил он на вопросительный взгляд друга. – Ни один не отказался. Все... все семьдесят восемь человек, не считая нескольких дозорных, занятых в патруле. Все хотят идти. Я отобрал десятку самых опытных... – Ян замолчал, собираясь с мыслями, – ... и я поеду с ними.

Джон обошел стол, сев напротив.

– Эд тоже идет?

– Да, – с горечью прошептал Янокс.

Ян никогда не покидал границ, патрулируемых его гвардейцами. Он никогда не был в Мертвых Землях, но еще мальчишкой успел побывать в горах, граничащих с землями Рейвин. Знакомство со снегом и вездесущими ветрами не пошло ему на пользу. Сильно простыв, он пролежал в горячке несколько мучительных недель. А впоследствии, приняв приглашение друга и перебравшись в Хостраш, стал рьяно заботиться об экипировке своих людей на стене и в самом замке.

– Я... я пойду... Наверное. Помогу собраться в дорогу, – встав, он побрел усталой походкой к выходу.

– Ян, тебе нужно поспать, – только и успел выкрикнуть

Джон вслед удалявшемуся другу.

Утро выдалось морозным, сонное солнце лениво выползло из-за горизонта, бросая блеклые лучи на темную крепость. Во дворе копошился народ, словно муравьи, они забежали в замок и выбегали обратно, волоча на себе очередные мешки с провизией или припасами, необходимыми в дороге.

Шли последние приготовления, на лошадей грузились вынесенные из замка тюки, вязанки дров и всевозможное оружие. Этой ночью повара поработали на славу, чего только не было собрано для похода.

Погрузки ожидали солонина и вяленое мясо, сырое было завернуто в листья акавы. Пучки кореньев, трав и всевозможных специй. Связки разнообразной рыбы, от свежей и только доставленной, до копченой и сушеной. Повара даже пытались всучить тушеное мясо с грибами и картошкой, распахав его по глиняным горшочкам, но Ян вовремя их остановил, еле сдерживая смех.

– Нас не будет всего пару дней, а то и меньше, – убеждал он поваров.

Вместе с отрядом отправлялись и Джаг с Лоном, которые теперь жалобно смотрели на свой вольер, где, кажется, собрались все барсы, провожая сородичей.

Джон не спал всю ночь, мысли никак не давали ему уснуть. Он беспокоился за друга, беспокоился за незнакомца, а тут еще и с первыми лучами солнца прилетел ястреб

с ответом из Солас Мора. Гордо сев на постамент, возвышаясь над сидевшими рядом воронами, ястреб издал громкий крик, торопивший командующего забрать послание и отправить птицу обратно.

Джон освободил вестника от небольшого свертка, прицепленного к лапе, и ястреб, издав благодарный крик, вылетел в окно, скрывшись высоко за облаками. Развернув пергамент, командующий быстро пробежал глазами по тексту письма.

– Значит, они хотят поговорить с ним лично, – пробормотал он, отложив в сторону письмо. Взяв новый чистый пергамент, он вывел три коротких строчки.

“Незнакомец выехал этой ночью. Догнать его не представляется возможным, так как доподлинно не известен ни его путь, ни предполагаемый маршрут его путешествия.

*Комендант-командующий крепостью Хостраш,
Джон Форкстон”*

Скрутив бумагу, он закрепил ее тесемки печатью, оделся и широким, быстрыми шагом направился во двор.

Спустившись, командующий сразу же заметил Яна, тот снова был в отличном расположении духа и во всю отпуская шуточки по поводу обилия еды.

– Джон, вот ты где. Я уж думал, ты все проспидь, – капи-

тан гвардейцев направился к другу. С его лица исчезли все признаки вчерашней хандры.

– Да я даже глаз сомкнуть не смог, вы так шумели, – улыбка на лице Яна обнадеживала и приободряла измученного ночными раздумьями коменданта. – Я вижу, еды вы с собой берете в достатке. Может быть, мне послать в деревню за парой ослов? – он осмотрел бедных лошадей, обвешанных мешками, а из замка тем временем подносили все новые.

– Дааа... Это верно подмечено, представляешь, они нам даже тушеное мясо пыта... Гейл, Дарнел, ну куда вы ее еще нагружаете, на ней же еще человек поедет, – Ян побежал к двум молодым поворятам, которые пытались прицепить к бедной лошади уже третий выюк с провизией.

– Рик, – Джон окликнул помощника мажордома, который записывал объемы отгружаемой в поход провизии.

– Да, командующий.

– Отправь это в магистрат и как можно скорей, – он протянул мальчику, только что написанный сверток пергамента. – И еще, в какой комнате остановился наш гость?

– Хорошо сэр, я сейчас же отправлю. В комнате? Нет, он не появлялся в замке. Я лично растопил камин специально для него, но он так и не пришел.

– Как так, – подобное развитие событий меняло все планы. – Тогда где он? – тщательно выверенный за беспокойную ночь замысел, продуманные слова – все в одночасье рухнуло.

– Его видели в крепостной роще не так давно, а сейчас я

не знаю где он.

– Хорошо, спасибо, – подхватив сверток, мальчик кивнул и бегом помчался к вольеру.

– Ну, в роще так в роще, – пробурчал командующий, – хорошо, попробуем обсудить все там...

Искать долго Джону не пришлось, войдя в заснеженный сад, и пройдя всего несколько десятков футов, он тут же заметил сидящего на небольшой поляне юношу. Сначала старому стражу показалось, что парень просто задремал сидя у догоравшего костра, но вскоре он заметил слабые струйки дыма, вдыхаемые им. Да, и сам костер выглядел необычно. На первый взгляд сваленные в кучу тонкие веточки вперемешку с несколькими более толстыми сучьями при внимательном рассмотрении образовывали неизвестный Джону символ, из центра которого струился дым. Нависавший над тлеющими углями парень что-то шептал, периодически вращая головой, словно бы разговаривая с кем-то поблизости, но при этом его глаза были закрыты, и приближение коменданта он, по всей видимости, даже не замечал.

Джон осторожно подошел, стараясь не помешать, проводившемуся обряду.

– Командующий вы хотели поговорить со мной? – не открывая глаз, спросил юноша.

– Д... да, конечно. Что вы делаете? – Джон, буквально, чуть было не подпрыгнул от неожиданно прозвучавшего голоса. А всего мгновение назад он считал себя хищником,

подкравшись к добыче, а не как ни наоборот.

– Пытался осмотреть предстоящую нам дорогу. Не все сказки так беспочвенны как вы полагали, – парень засыпал землей угольки, тлеющие в центре странного костра, а закончив с этим принялся разгребать нагромождение обуглившихся веток. – Оу. Я совсем не подумал. Мне нужно было спросить у вас разрешение, прежде чем заниматься чем-то подобным?

– Нет, нет, все в порядке. В наших краях принято с уважением относиться к традициям предков, даже если это идет в разрез с политикой, диктуемой магистратом и советом. Я уже нечто подобное видел... и может быть... ммм... не знаю... – Джон замолчал, думая о том какую реакцию могут вызвать его следующие слова и стоит ли их вообще говорить. – Когда вы вернетесь, не могли бы вы рассказать об... мм...

– Обряде? – закончил парень. – Конечно мог бы, но боюсь орден будет не в восторге, если узнает о вашей заинтересованности и обязательно примет меры. Но вы ведь пришли не по этому поводу.

– Что? А... да. Ночью прилетел ястреб...

– Орден требует не пропускать меня и задержать любыми возможными средствами, – перебил парень и без того сбитого с толку старого стража. – Я благодарен вам за ответ.

– Откуда... Но... Я только что... – командующий испуганно смотрел на сидевшего перед ним человека. Рик не мог

прибежать в рощу раньше него самого, да и зачем ему это делать, а значит... Он не мог осмыслить все происходящее. Да, он слышал о “магии” культистов ордена Архзура и об огненных битвах в стародавние времена, он даже видел некоторые странные обряды Ульгигов, но еще никогда ему не приходилось встречаться с прямым необъяснимым следствием подобного. А кроме “магии” он никак не мог объяснить невероятную осведомленность своего собеседника.

– Этот мир может многое рассказать, если правильно задавать вопросы, – юноша закончил убирать с земли все признаки когда-то проводимого обряда. Встав, он потянулся, разминая затекшие конечности. Видимо, всю ночь он провел сидя перед костром. – Ну что, теперь можно отправляться, – совершенно непринужденным голосом заявил он, смотря на пораженного старика.

– Вы...

– Зовите меня Нэйк, я думаю, так будет удобней, – с теплотой в голосе произнес он, пропуская собеседника вперед.

– Нэйк... Нэйк... – Джон пробовал на вкус звучание нового имени, довольно странного, незнакомого для этих земель. – Нэйк, ты когда-нибудь видел этого самого Норгхстора? – пара не спеша направилась во двор.

– Нет. У Норгха множество глаз и не меньше ушей, разбросанных по всей долине и за ее пределами, но его самого нигде нет. Мой учитель как-то сравнил его с пауком. Паутина осталась, а ее хозяин исчез.

Оказавшись во дворе, где отряд Белой Гвардии уже седлал лошадей, Нэйк вывел из стойла своего ярко-рыжего коня и, забравшись на него вновь подъехал к Джону.

– Буду ждать твоего возвращения, у меня осталось так много вопросов, – улыбнулся командующий. – Возвращайся, если ничего не найдешь, у нас ты сможете передохнуть и попытаться снова.

– Благодарю вас за гостеприимство. Вас лично и всех, кто помогал собираться в дорогу, и так же тех, кто рискнул отправиться со мной. Чтобы не случилось, я никогда не забуду о вас и ваших людях, – юноша коротко кивнул в знак прощания и поскакал к началу конного отряда, в то время как Джон подошел к, седлавшему коня, Яну.

– Береги себя, и возвращайтесь при первых же проблемах, магистрат заинтересовался этим делом, я думаю, он пришлет своих людей, а это куда более безопасно, – пожав руки, друзья обнялись, напоследок похлопав друг друга по спине.

– Да не волнуйся, вот как съедим все это, – Ян шлепнул по пухлому вьюку, водруженному на круп лошади, – так сразу вернемся. Только ты нас уже не узнаешь, – его голос стал мрачным, – потому что мы приедем круглые, как надутые свинки, – хохотом разразились все всадники, и процессия медленно двинулась вперед.

Отряд во главе с Нейком и Яноксом Киритом пересек полуразрушенную стену и помчался в белую пустыню, навстречу неизведанным землям.

Первая искорка вспыхнула, порождая множество огоньков подле себя, и вскоре разрастающееся пламя нового восхода охватит весь континент.

1

За искрой следует пламя, и оно возникло в самом сердце Мидленда. Древнейший из собратьев, он единственный помнил тепло старого пламени, и сейчас еще совсем слабый, и дрожащий, он разгорался, ощущая перемены.

Шел сильный ливень, крупные капли падали и со звоном разбивались о придорожные камни. Все небо в одночасье заволокли огромные пепельно-серые тучи, словно бы день и ночь вдруг решили поменяться местами. Где-то вдалеке пастух в спешке созывал и уводил стадо овец, селяне прятались по домам и запирали живность в небольших амбарах. Лишь одинокий монах, в ярко-красном балахоне хлюпал в своих неудобных сандалиях вдоль по дороге, все сильнее походившей на один большой грязевой поток.

На его спине золотой нитью были вышиты различных размеров десятки глаз, смотревшие во всевозможные стороны, и под всевозможными углами. В довершение ко всему, на каждом из рукавов был аккуратно вышит пикировавший ястреб, клювом указывающий на кисти рук, а крылья-

ми, прижатыми к телу, на плечи обладателя балахона.

Ястреб был символом ордена Ирдром, а глаза, вззирающие на каждого с облачения монаха, должны были вселять почтение, страх и трепет перед всевидящим и всезнающим магистратом. По краям подола, рукавов и капюшона аккуратной тонкой нитью шла золотая тесьма с текстом девиза:

“Пламя поглотило многих, но лишь покоровишись Пророку даровало жизнь новым поколениям”.

Красные одежды свидетельствовали о высоком статусе человека. Только магистры имели право облачаться в огненные цвета.

Обычные послушники, как правило, носили невзрачные серые, либо коричневые, с оливковой тесьмой, войлочные балахоны.

Ранним утром, когда монах только покидал аббатство, небо было еще голубым и ясным, но налетевшие тучи окончательно уничтожили все надежды на теплый солнечный денек. Теперь, унылое небо озаряли лишь одинокие вспышки света, порождаемые молниями. В мрачной торжественности гром возвещал всем и каждому, что это только начало предстоящей бури. Придерживая одной рукой капюшон, путник бросил встревоженный взгляд на хмурые облака и ускорил шаг.

– Не на шутку что-то погода разошлась, видимо удача

окончательно от меня отвернулась, – бурчал он. – Почему именно сейчас, именно в этот день, что за жестокая насмешка судьбы.

Сандалии его утопали в грязи, но он упрямо продолжал свой путь. Мысль о том, что большая часть пути уже позади, наверное, единственное, что приободряла его в эту ненастную погоду.

Дорога неспешно тянулась и петляла от огромного, древнего аббатства Родсбери. Окруженная лесом она скрывала любого путника, зашедшего в эту дикую и неприветливую местность. Где-то намного дальше она соединялась с Трактом Молчаливых, служившим центральным связующим путем между пятью основными владениями Великой Долины.

На многие мили вокруг не было ни одного очага цивилизации, не считая самого аббатства и соседней с ним деревушки. Земли Лордсхен снискали славу самого малонаселенного края из всех пяти, на всей его территории, а она была второй по величине, было всего пара-тройка поселений.

Монах приближался к деревне. Его ноги ужасно болели, одежда вымокла и испачкалась, а тело уже давно была ледяная дрожь.

С какой бы стороны ни шел путник, войдя в деревню первым, что бросалось ему в глаза, была таверна. Окинув грустным взглядом надежное, теплое укрытие из которого струился мягкий теплый свет, монах удрученно побрел дальше.

В таверне “Улыбающийся Сверчок” было всегда многолюдно, даже сейчас, в такую грозу здесь сидела почти все население этого крохотного поселения. Любой, кто забирался так далеко в эти дикие земли, мог не знать о местоположении замка Лордсхен, мог даже не слышать об аббатстве и не сторониться местных суеверий, но он точно знал, где «унять сверчка пряной едой и теплой постелью». Таверна служила местом, где решались все насущные проблемы деревни, в ней всегда можно было найти нужный товар, у остановившихся переночевать торговцев, и даже пару раз здесь проводили суд над пойманными разбойниками и браконьерами.

А о том, сколько слухов и небылиц вмещало эта на вид небольшое строение, было трудно передать. Словом, “Улыбающийся Сверчок” был сердцем этих тоскливых земель.

Деревня не изобиловала строениями: пара десятков бревенчатых домиков с соломенными крышами, лесопилка с коксовой мастерской, и, конечно же, сама таверна, единственное каменное строение, ярко выделявшееся на фоне остальных – вот и все что могла предложить и чем могла похвастаться эта безлюдная местность перед незадачливым путешественником. Уже покидавшего деревню монаха окликнула девушка, выглядывающая из окна таверны:

– Аббат Марк, – ее лицо озаряла лучезарная улыбка, словно солнце решило переждать непогоду на ее губах. – Как вы здесь оказались? В такую непогоду лучше сидеть дома, в тепле и уюте, и не высовываться, тем более в вашем то возрасте.

Заходите скорее, – девушка скрылась внутри здания, и через пару мгновений показалась в дверях парадного входа. Высокая, немного полноватая, на ней было простое темно-зеленое платье с повязанным поверх фартуком, сейчас же ее лицо выглядело скорее обеспокоенным, нежели веселым.

– Спасибо Элис, но мне надо спешить, – старик еще сильнее укутался в свой безразмерный балахон, убеждая себя, что если он в ближайшее время не доберется до цели своего вынужденного похода, последствия могут быть гораздо более плачевными, чем простуда или вновь обострившиеся боли в спине.

Что касается Элис. Она стала полноправной хозяйкой таверны в ее двадцать третий день рождения. В тот день гости говорили много приятных слов и засыпали именинницу комплиментами, но все они стали не так важны после речи отца. Он благословил их брак с Рэном, сказав, что верит в правильность выбора своей дочери и, наконец, готов передать семейное дело новому поколению Фраев.

Томас Долвай, или как его чаще звали в деревне, старик Том был хорошим отцом. В молодости он работал дровосеком на местной лесопилке, но по уши, влюбившись в мать Элис, стал подрабатывать в таверне, помогая разносить заказы и прибирая в комнатах после отъезда постояльцев. Вскоре на его застенчивые ухаживания последовал столь долгожданный ответ.

К несчастью, семья просуществовала не долго, вскоре по-

сле рождения малышки мать Элис подхватила неизвестную болезнь и всего за несколько дней угасла. Монахи аббатства пытались спасти юное дитя, но болезнь словно бы иссушала ее изнутри и не продержавшись и трех дней девушка скончалась.

Том был опечален утратой настолько, что не хотел никого ни видеть, ни с кем бы то ни было говорить. Таверна стала угасать вслед за ее бывшей владелицей, и в зале, где вечно стоял шум и гам, поселилась траурная тишина. Положение спасла сама Элис. В один из дней, будучи еще совсем крошкой, она забралась на колени к отцу и с задорным смехом стала шлепать по его груди своими маленькими ладошками. Одним темным богам известно, что так могло развеселило ребенка, но этот смех был так необходим ее отцу в то мрачное время. Он словно живительный свет проникал в каждый уголок таверны, и вскоре не было ни одного посетителя, кто бы ни улыбался или не хохотал во всю глотку, глядя на малышку с отцом.

С самого детства Элис обучалась письму и счету в аббатстве и была одной из немногих грамотных людей во всей деревне. Прошло уже двенадцать лет с того самого дня как она покинула учебную скамью, и когда-то юная застенчивая девчушка превратилась заботливую хозяйку, готовую приютить хоть богатого торговца, хоть нищего путника.

– Двенадцать лет, – подумал аббат. – Как быстро летит время, вроде так недавно этот белокурый ангел с изумруд-

но-зелеными глазами бегал по всему аббатству с кипой бумаг, а теперь она управительница целой таверны и заботливая мать малыша Мика.

Где была Элис, там обязательно был и Рэн, он стал практически ее второй тенью, высокий, худощавый парень, с лохматыми ярко-рыжими волосами. Его возраста никто в точности не знал. Еще ребенком его поймали стражники Лордсхена за мелкое воровство и бродяжничество, так и не решив, что с ним сделать они отправили мальчишку на воспитание к монахам ордена. Сейчас же этот весельчак уверял всех, что ему тридцать два, что и праздновали уже четвертый год подряд.

С юных лет Рэн отличался наглым и неукротимым характером. Насмехаясь над дрожащими от холода и кутавшимися в множество теплых одежд сельчанами, он, как и в детстве предпочитал носить бриджи из плотной вареной кожи и на этом как правило его повседневный гардероб заканчивался. Временами, когда холодные ветра Мертвых Земель все-таки добирались до Лордсхена, он с неохотой натягивал на себя длинные войлочные плащи, отороченные волчьим или лисьим мехом, либо балахоны монахов.

О его статусе ходило расхожее мнение. Кто-то называл его женихом, кто-то ухажером, кто-то обычным поклонником, коих было не счесть у прекрасной хозяйки таверны. Сам Рэн считал Элис супругой и рьяно защищал свою семью в многочисленных драках с теми, кто пытался приставать к возлюб-

ленной. Вскоре после благословения отца на брак, у пары появился малыш. Было решено назвать его Миком, в честь прадеда Элис. Малыш быстро рос, и его лицо всегда украшала ослепительная улыбка матери, а на голове полыхал огненно-рыжий смерч растрепанных волос, унаследованный от отца.

Мальчик бегал как заводная кукла, его звонкий детский смех заставлял улыбнуться даже самого угрюмого посетителя. В свои двенадцать лет мальчуган во всем старался походить на отца и чем мог, помогал родителям в управлении таверной.

Пара давно была готова связать свои жизни узами брака, с того самого дня, когда старик Том дал свое согласие, но в землях Лордсхен не было обители Мейков, чей кронд скреплял пары перед лицом Пророка нерушимым обетом, а ближайшим местом их обитания были земли Рейвин. Элис не могла оставить таверну на старика отца, даже на те несколько недель, что потребовались бы на путь до крепости Рейвин и обратно, а после рождения сына поездка до обители окончательно отошла на второй план.

– Переждите хотя бы непогоду, – кричала Элис вслед удалявшемуся старику. Вдруг, словно вспомнив что-то важное, она на миг скрылась в проходе, ведущем вглубь таверны, и тут же появилась вновь, толкая перед собой молодого парня.

– Я пошлю с вами Рэна, он поможет вам и проводит назад. Марк остановился, обдумывая предложение.

– Спасибо, дитя мое, пусть он выезжает к вечеру вон к тому холму, – слышалось от маленькой фигурки вдалеке, старик указывал пальцем на небольшой участок леса, приютившегося на скалистом утесе. – Я буду рад его компании на пути домой.

Аббата горячо любили жители деревни и случись, какая болезнь, или гибель скота, что стало, к сожалению, не редкостью в последнее время, они тут же бежали к нему. Марк никогда не отказывал ни в лечении, ни в приюте и всегда выделял необходимую пару рук, если о том его просили. Прибыв, в эти края лет двадцать назад, еще достаточно крепким мужчиной, он быстро завоевал всеобщую любовь, и не прошло и года, как его имя было у всех на слуху. Вскоре монахи ордена предложили ему занять место скончавшегося аббата, хотя до этого он никогда не был даже обычным послушником.

Прошлой осенью аббату уже стукнул шестьдесят четвертый год, его день рожденья отмечался не хуже праздника огненного солнцеворота, но силы его были уже не те, и с каждым годом он слабел, а тело все чаще подводило. Когда-то он рассекал на быстроногом коне и руководил армиями, но все это осталось в далеком прошлом. В прошлом остался и могучий воин, сейчас же превратившийся в дряхлую развалину. Его руки были испещрены морщинами, как и само лицо, голова поседела и ее гордо украшала лысина с редкими волосками, небольшая седая борода все еще торчала жесткими колючками на мощных скулах. Время оставило тяже-

лый отпечаток на его теле и лице, но его карие глаза все еще хранили задорный огонек молодости, а добродушная улыбка согревала каждого кто имел честь с ним общаться.

Хлюпая в грязи и кутаясь в мокрые, липнувшие к телу, одежды старик продолжал свой путь, приближаясь к подножью высокой горы, которую селяне прозвали Шепчущей. Летописи гласят, что именно на ней произошла последняя битва между культистами ордена Аргхзура и войском Пророка Мартина, ставшая переломным моментом в войне и уничтожившая падшего бога. В тот день, как уверяют летописи, с ее вершины текли реки крови, и полыхали сотни пожаров, разнося зловоние смерти на многие мили вокруг, до сих пор мертвый пик был бесплоден, даже снег никогда не укрывал пепельно-черную вершину. По местным поверьям земли вокруг горы считались проклятыми, как и небольшой лесок, примостившийся на торчавшем утесе. Некоторые даже поговаривали, что в нем слышны шепотки давно погибших людей:

– Как на ней вообще может, что-то расти? Это же земля мертвых. И лес там мертвый, все это место проклято, говорю я вам. Я сам видел покойников, одним вечером, они плясали и веселились меж деревьев, – рассказывал как-то торговец, остановившийся в таверне.

– Да, их не упокоили, вот они там и бродят. Хватают и утаскивают путников, проходящих поблизости, в лес, где приносят в жертву своему давно погибшему богу, – с угрю-

мым видом вторил ему другой.

Согласно все тем же летописям ордена, семьсот лет назад Пророк Мартин привел свою армию на гору и предрек падение Аргхзура – падшего бога, отнявшего свободу у людей. Бог, который должен был заботиться о всех живых существах в своих землях, стал их убивать, иногда выжигая ни в чем неповинных людей целыми деревнями. Первым кто восстал против безумного тирана стал юноша, поднявший народ на защиту своих жизней, земель и семей. Он наступал, уничтожал темных культистов и прислужников кровавого тирана. Битва за битвой он гнал бога все дальше, не давая ему не сна не отдыха пока не загнал его в тупик, на эту самую гору, бежать больше было некуда и состоялся решающий бой. Аргхзур был повержен, его армия разделилась на маленькие отряды, которые еще пытались сражаться, но война уже подходила к концу. После победы Великий Пророк основал крепость Лордсхен, где впервые собрались лорды всех пяти земель.

В тот же день, на военном совете было решено объединиться, создав Совет Пяти. В состав, которого вошли пять лордов, представлявшие каждый свои владения и полководцы армии Мартина.

Позже последовали еще две коротких войны, закончившиеся для объединенной армии позорным поражением, но обе они уже проходили без Великого Учителя и Наставника, пропавшего или как заверял орден ушедшего, чтобы вер-

нуться в час нужды.

Первая в некоторых летописях именованная западной, в других южной, велась против кочевников – коренных жителей южной части континента, но не продлившись и года окончилась разгромом объединенных армий пяти владychеств и массовым отступлением. Вторая же даже не успела начаться, как была тут же отменена. От северного похода было решено отказаться после доклада первого, комендант-командующего крепостью Хостраш.

Много позже, уже после окончания войны и уничтожения последних отрядов все еще поклонявшихся огненному демону, боевые друзья, соратники и ученики Мартина основали орден Ирдром, наконец признав исчезновение своего наставника и объявив, что Великий Пророк покинул этот мир дабы защитить всех от грядущей угрозы и обязательно вернется, когда его верным послушникам будет угрожать опасность, а покуда все должны сплотиться и восстановить разрушенные земли.

Добравшись к подножию горы, аббат присел на огромный камень, примостившийся рядом с дорогой. Тяжело дыша, он взгляделся в тропинку, взбирающуюся круто вверх и скрывающуюся где-то в глубине небольшого темного леса.

– Соберись, это всего лишь дождь, ты встречал врагов куда страшнее, – пытался приободрить себя монах. Тяжело вздохнув, он поднялся и медленно начал карабкаться по скользкой, глинистой тропке.

Спотыкаясь об острые камни, хлюпая по ледяному ручью, изможденный старик осторожно, шаг за шагом, боясь поскользнуться и скатиться обратно вниз продолжал свое восхождение.

В чем действительно были правы местные, так это в том, что лес и в правду был крайне необычен. Сама гора была скалистой и из нее повсюду выступали каменные отростки, но сквозь всю эту горную породу каким-то чудом пробивались ростки трав, кустов и даже массивных деревьев.

– Еще немного, главное добраться до пещеры, – продолжал успокаивать он себя. – Мне необходимо отдать ему письмо.

Дрожа от холодных порывов ветра и капель, стекавших с абсолютно вымокшего балахона, запинаясь, он, наконец, достиг небольшого горного участка леса. Здесь воздух был чист и свеж, запах зелени дурманил уставшего путника, тем более, сейчас, когда дождь окропил живительной влагой на удивление богатую природу этой местности.

С утеса, приютившего лесок, были хорошо видны окрестности. Прямо у подножия горы простиралась деревушка Хард с ее соломенными крышами, а в паре миль от нее виднелся ее старший брат – аббатство Родсбери, где-то вдалеке были еле уловимы очертания твердыни Лордсхен.

– Как тихо и спокойно, теперь я понимаю почему он решил обосноваться именно здесь, – подумал Марк, пробираясь вглубь небольшой чащи.

Деревушка Хард принимала странствующих торговцев и делегатов разных земель, направлявшихся в аббатство. Когда-то именно аббатство послужила причиной заселения этих земель. Отстроенное на месте первого лагеря, развернутого Пророком, оно долгое время являлось главной твердыней ордена Ирдром и центром всего культа, чьим долгом стало очищение земель, оскверненных падшим богом, и защита каждого, кто в этом нуждается.

Находясь вдалеке от основных торговых путей, монахи нуждались в пище, тканях, материалах для строительства и ремонта аббатства, словом во всем, что не могли вырастить или изготовить сами.

Книга времен, ведущаяся в каждом представительстве ордена, в том числе, и в аббатстве гласит, что однажды один торговец, после успешной сделки задержался у монахов почти на целую неделю. Продав остатки товаров таким же, как и он сам странствующим купцам, он в спешке уехал, но вскоре вернулся, правда, на этот раз не один. За повозкой с товарами следовали и другие: с лесорубами и плотниками, фермерами и рыбаками. Живая вереница остановилась в паре миль от аббатства, основав небольшое поселение.

Работы велись недолго, и уже через месяц на месте небольшого лагеря гордо красовалось белокаменное строение. Таверну тут же облюбовали местные сверчки и каждую ночь их трели разносились по всем комнатам и залам.

Сегодня же деревушка существовало в основном за счет

вырубки леса и производства угля, из-за чего над городком постоянно стоял густой смог.

Марк забирался все глубже и глубже в чащу, силясь, что-то отыскать. Сырые ветки хлестали его по лицу и плечам, ноги заплетали в спутанных корнях, но ничего не могло остановить его упрямую решимость идти дальше.

Он осматривал каждый выступ, ощупывал каменные стены огромной горы, стараясь отыскать хорошо знакомый ему символ.

– Да где же он, чтоб мне провалиться прямо в бездну, если я еще раз решусь куда-то пойти в такую погоду. Не в том я уже возрасте, да и слеп стал совсем как крот, – бурчал он, ощупывая скалы дрожащими руками. – Ааа, вот ты где, – на холодном сером камне был аккуратно вырезан маленький орнамент.

Метка была не велика и состояла из трех кругов, каждый из которых был внутри предыдущего. Все три круга соединялись небольшими, на первый взгляд, хаотично разбросанными черточками.

Марк внимательно осмотрелся. Сначала надавил на каменный выступ с символом, но ничего не произошло. Затем принялся ворошить ближайшие кусты, облепывавшие склон, и вскоре удача ему улыбнулась. Прямо под знаком, за огромным пышным кустом ежевики таился тоннель, ведущий куда-то глубоко внутрь горы. В диаметре он чуть превышал размеры обычного человека. С радостью мальчишки, бегу-

щего за сладостями, монах залез в огромный куст и устремился в темноту.

Пробираясь вперед, старик разбрасывал сухие ветки и листья, скопившиеся здесь за многие годы, но чем дальше он продвигался, тем тоннель становился все уже. Если сначала по нему еще можно было ползти на четвереньках, то вскоре его высота уже не позволяла даже приподняться с холодного камня. Именно в эти мгновения аббат окончательно распрощался с надеждами сохранить одежду чистой или хотя бы целой.

Тоннель тянулся невероятно долго и когда, наконец, подошел к концу, в небольшой темной пещере у бедного старика не оставалось сил даже приподняться. Вокруг царил полумрак, лишь слабые лучики блеклого пасмурного солнца проникали сюда через маленькие трещины и отверстия в стенах.

– И тут сыро, – в отчаянии пробормотал он.

Немного переведя дыхание, старик отполз от проклятого тоннеля, и прислонившись к холодной стене пещеры гневно произнес:

– Ты так и будешь наблюдать, как я мучаюсь? Я был бы тебе признателен за костер или хотя бы за теплый ветерок, – но ответа так и не последовало. – Хорошо, хорошо. Мне нужна помощь, доволен? – громкий возглас Марка отразился от стен пещеры, порождая гулкое эхо.

– Зажги свет, – тихий шепот, словно легкий порыв, пролетел по пещере. Шепот был еле уловим, но эхо усилива-

ло голос и создавало ощущение, будто бы говоривших было несколько, и они окружали со всех сторон.

– Я не могу, я вымок, замерз, и вообще в моем возрасте подобные испытания могут иметь неблагоприятные последствия. И прекрати шептать, я сейчас не в том настроении.

Тишина, словно невидимая пелена, начала заполнять собой всю пещеру, вытесняя любые другие звуки. Затих не только сам голос, затихло все – шум ливня за каменными сводами пещеры, вой ветра, игравшего на древних скалах, крики селян вдалеке, смолкло все, словно бы сам мир решил, что в звуках он больше не нуждался.

Марк нервно осмотрелся, его глаза потихоньку привыкали к темноте пещеры.

– Я достаточно стар для твоих игр, – выкрикнул он. Вслед за возгласом, тишину нарушило тихое потрескивание, сначала где-то в глубине пещеры, затем медленно приближаясь и окружая старика. На стенах один за другим стали загораться факелы, словно хлопушки у детей в день огненного солнцеворота.

Тесное, тусклое, холодное помещение в один миг преобразилось, огни освещали каждый уголок и тени, отбрасываемые Марком, закружились в причудливом танце на каменных сводах пещеры. Из разных углов, впадин и трещин поползли небольшие, размером с кулак, камни, словно толстые навозные жуки, они медленно пробирались к центру пещеры, образуя круг.

– Посмотри, где-то справа от тебя должна лежать вязанка поленьев. Я нарубил сегодня утром, на всякий случай. Брось ее к камням, если, конечно, тебя это не затруднит, – голос, продолжал обволакивать старца со всех сторон.

Марк осмотрелся, действительно, неподалеку от него, прямо под одним из горящих факелов лежали несколько свежесрубленных поленьев, перевязанных бечевкой. Рядом, повалившись на них, стоял, с виду потрепанный, холщовый мешок. Старик, хрустнув суставами, со вздохом поднялся и проковыляв к поленьям, бросил всю связку к камням.

– Я надеюсь, ты не хочешь, чтобы я здесь задохнулся? Мне бы вполне хватило и одного факела. Не забывай, это все-таки не твоя пещера в холмах Ансельма.

– Да успокойся уже, о дыме я позабочусь, отдохни лучше. Кстати, в том рюкзаке медовые лепешки из таверны Розы. Помнишь, ты еще ребенком туда бегал? – голос переместился к центру пещеры.

Камни сползались, образуя круг, поленья взлетали и соединялись в причудливую звезду, оседая меж камней.

– Да, да... Как давно это было, – в задумчивости пробормотал старик обдумывая, как сообщить встревожившие его вести.

– Секрет приготовления этих лепешек утерян в веках. Пришлось изрядно потрудиться, добывая их, и заметь все это только ради тебя. К сожалению, никакой сухой одежды предложить не могу, но огонь, я надеюсь, все компенсирует.

Из-под разгоравшихся поленьев поднималась слабая струйка дыма, но как только огонь охватил сухие деревяшки, дым мигом исчез. Жар от полыхающего костра обдал приятной, теплой волной измученное тело старца.

– Давно мы с тобой не виделись, в последний раз я видел тебя еще мальчишкой, – задумчиво произнес голос. – Неужели ты наконец-то решил навестить старого друга?

– Мальчишкой? Тоже скажешь. Сколько мы не виделись? Лет сорок может быть, хотя наверно по твоим меркам я до сих пор еще не оперенный юнец. Мальчишкой... Знаешь, временами мне кажется, что тот юноша из глубин моей памяти... Хоть он и носил мое имя, мою внешность, но он кто-то другой, не я. Все его мечты и желания, вся его жизнь, не больше чем просто сказка, придуманная больным, измученным разумом старика, – Марк устало вздохнул и подошел к костру, отогревая руки в тепле. – Ладно, что-то я совсем раскис, старею наверно. Итак, я бы не рискнул идти в такую погоду и забираться на эту проклятую гору не будь дело действительно серьезным, – все еще дрожащими пальцами монах стал ощупывать карманы своего балахона. – Этой ночью прилетел ворон, культиста ордена Аргхзура видели у северных границ Тиретхолла.

– Ха, стареешь... и это тебя так обеспокоило? Ты серьезно? Няньки пугают ими своих воспитанников уже не первое столетие, и где этих культистов только не видели, и что они только не вытворяли. Брось, это не более чем обычные стра-

шилки, отдохни, а как погода успокоится, возвращайся в аббатство, – существо говорило с заботой, но все-таки в его голосе легко улавливалось явное пренебрежение к словам аббата.

– Боюсь, что это несколько больше, чем, очередная страшилка. Я принес письмо, почитай, как точно и детально описывают его обычные крестьяне, – старик, наконец, нашел, что искал и достав мокрый, измятый лист пергамента, замер в растерянности. – Как мне его тебе передать?

– Как и всем другим. Не делай из меня... Ладно, просто вытяни руку вперед.

Марк послушно протянул перед собой скомканный клочок пергамента, словно бы перед ним стоял живой человек.

– Как же наверно глупо я сейчас выгляжу.

– Брось, мы тут совсем одни.

Руку аббата обдал легкий порыв ветра, озноб пробежал по коже от незримого прикосновения и в ту же секунду его пальцы больше не ощущали шершавой поверхности бумаги.

Голос замолчал. Время бежало, но лишь потрескивание костра нарушало тишину. Марк потянулся за мешком, лежавшим у стены. Распутав несложный узел, он достал аккуратный сверток ярко-зеленых листьев акавы. Осторожно развернув, он достал небольшую злаковую лепешку. Сверху она была обмазана медом и щедро посыпана кедровыми орешками, от чего под бликами костра переливалась янтарем. Давно забытый и такой знакомый аромат, быстро запол-

нял пещеру.

Угощения были до сих пор теплыми, словно бы их только что достали из печи. "Неужели, он принес их прямо перед моим приходом", – думал Марк, приступая к долгожданной трапезе.

Еще будучи ребенком, он, впервые попробовав их и с того самого момента был покорен чудесным вкусом этого редкого лакомства. Мальчишкой все свободное время он проводил у Розы в маленькой таверне на окраине деревушки, часто помогая разносить напитки или подметая двор, в награду же получая столь желанное угощение.

С виду обычные лепешки стали вторым символом Ансельма, вобрав в себя все лучшее этих земель.

Во время приготовления в тесто добавляли щепотку корицы, всевозможные орехи и, конечно же, медовые соты, смешанные с молоком. Горячую лепешку, прямо из печи погружали в жидкий мед, а после того как она пропитывалась и покрывалась золотистой медовой глазурью, посыпали кедровыми орешками.

Марк уже было хотел бросить мешок с остатками лакомства назад в угол пещеры, как услышал тихое бульканье, покопавшись, он извлек бутылку Ансельмского красного вина и пару оловянных кружек. "Ты меня балуешь", – промелькнуло у него в голове.

Балахон уже достаточно подсох, а лепешки и вино смогли утолить голод, мучивший старика, немного захмелев, он уже

начал было подумывать о сне, как вдруг голос вновь подал признаки своего присутствия.

– Возможно это совпадение. Поразительное, скажу честно, но все-таки совпадение. Ордена нет и уже давно, ты сам это прекрасно знаешь, а падший бог заточен.

– Совпадение? – удивился Марк, – скольких ты людей встречал с подобными узорами по всему телу, сколько людей носят такие маски?

– Две недели назад отгремел праздник огненного солнцеворота, – напомнил голос. – Фантазия людей поистине может быть невообразимой. К тому же не стоит верить словам всяких крестьян, они необразованны, глупы, суеверны. С чего ты вообще так переполошился? Только прошел этот языческий праздник, и полупьяные людишки могли увидеть хоть самого Аргхзура в переодетом клоуне. Ладно... Я вижу, ты уже попробовал вино, по-моему, урожай выдался удачным. Какой богатый, яркий вкус, сколько оттенков смешалось в нем, чтобы ты ни говорил, но лучше, чем в Ансельме, вина нет нигде.

Марк не обращал внимания на восхищения своего давнего знакомого. Его вымотала долгая дорога и от выпитого вина и теплого жара костра, все сильнее клонило в сон.

– Возможно, ты и прав. Нашел какие-нибудь признаки присутствия ордена в землях Тиретхолла? – Марк закашлялся, но отпив еще немного вина, продолжил. – Хорошо, ну допустим ты прав и это жуткое совпадение, но ведь это еще

не все. Натаниэль сообщил, что вулкан близ его земель проявляет активность после стольких лет сна. Это явно ни о чем хо...

– Извержения редки, но обычны мой друг, а в земли Тиретхолла у меня больше не осталось ни глаз, ни ушей подвластных мне, твой орден славно поработал, – с грустью закончил голос.

– Вот только ты то не приписывать мне их заслуги. Давай ближе к делу. Я думаю, положение дел намного серьезнее. Тебе не кажется, что уж чересчур много совпадений? – аббат привстал и попытался разглядеть небо в одну из трещин пещеры.

– Совпадений? Брось, байка о злых культиста кочует из поколения в поколение, а активность вулкана не больше, чем причуда природы, успокойся. Я стащу одну лепешку, а то изрядно набегался, если ты конечно не против?

– Бери, конечно. Значит, я пишу Натану, чтобы он не беспокоился по поводу вулкана?

– Натану? В Тиретхолле новый лорд? – впервые за все время разговора в голосе невидимого существа промелькнула заинтересованность.

– Да.

– Подожди, подожди. Натан Аргер. Уммм... Тот самый вулкан? Ты не сказал, что обе новости пришли из Тиретхолла.

– О темные боги, я тебе вроде бы ясно сказал. Лорд На-

таниэль Аргер сообщил, что вулкан близ его земель проявляет активность! У нас что есть еще какие-то вулканы?! Ты вообще слушаешь меня?! – Марк обернулся в сторону, где по его предположениям должен был находиться его собеседник, сжимая кулаки, он был готов наброситься. Вино сильно ударило в голову старика, оживив буйный характер молодости. – И зачем я в такую бурю, с риском для своего здоровья, добирался сюда с этим проклятым клочком бумаги, если ты даже не в состоянии выслушать меня. Ладно бы только меня, ты никогда не отличался особой внимательностью к окружающим, но ты ведь и в письмо, что б тебя... даже толком не вчитался! – голос старика нарастал с каждым словом и, в конце концов, перешел в громогласный крик.

– Ты как всегда прав, меня отвлекли ваши...уммм... – голос запнулся на мгновение, но сразу же продолжил, – ордена, обряды местного ордена в Тиретхолле, и я совсем не обратил внимания на вторую часть письма. Напиши лорду... Аргеру, чтобы он собрал всю возможную информацию от жителей на предмет странностей, происходивших в последнее время в местах, где видели культиста. И еще, пусть все бумаги привезет один из очевидцев.

– Ну уж нет. Я напишу, чтобы они опросили всех местных, но вести к тебе человека, я не намерен. Я не хочу брать и этот грех на душу, своих достаточно. Не ты ли только что уверял меня, что орден никогда, нигде, и не при каких обстоятельствах, не появится, я подчеркиваю, никогда и нигде.

– Да, да... Хочешь, можешь просто послать голубя с сообщением, что ему не о чем беспокоится.

– О темные боги, какой ты... – Марк был в ярости, уставший и замерзший, единственное, о чем он мог только мечтать был сон в теплой, уютной постели. Но для его старого знакомого ничего не значили ни усталость длинных путешествий, ни ледяные ветра, пробиравшие до самых костей, бушевавшей снаружи непогоды. Время не имело над ним власти, или, по крайней мере, повлияло заметно меньше, чем на самого аббата. – Вот умру я, что ты тогда будешь делать?

– Верну тебя к жизни и отправлю пугать детишек Тиретхолла в дни огненного солнцеворота, – с усмешкой ответил голос.

– Лучше угомони бурю и дай мне телегу, на худой конец коня, чтобы я мог спокойно добраться до аббатства.

– Аххх... ты стал таким скучным.

– Эх, – махнул куда-то в пустоту старик и побрел в дальний конец пещеры, – Я посплю, а то уже с ног валюсь. Разбуди меня, как заметишь Рэна.

– Я лучше пойду, прогуляюсь пока в округе еще безлюдно, – голос стал отдаляться, затихая, а вскоре и вовсе умолк.

– А меня кто разбудит? – прокричал аббат в сторону тоннеля, ведущего наружу.

– Я всегда рядом, – ответил шепот, словно говорящий нависал прямо над ухом старика.

– Никогда к нему не привыкну, – бурчал Марк, кутаясь в

За ним следовал второй. Переливаясь, играя, он вспыхнул у северных границ Великой Долины, в землях Тиретхолла.

Отряд всадников в блестящих на солнце доспехах, остановился на холме. Их лидер, спешившись, уверенной походкой начал спускаться к берегу.

Рядом со спокойной гладью чистого озера резвились двое ребят, а на противоположном берегу около темного, поросшего мхом каменного изваяния рыбачили седовласый мужчина с мальчишкой не старше двух предыдущих.

Дети бегали друг за дружкой, размахивали палками, разыгрывая битву двух рыцарей.

Первому из них, на вид, было лет тринадцать, его мокрые светло-русые волосы без конца лезли на глаза, отчего ему приходилось постоянно останавливаться, убирая их со лба. Одет был парень в изодранный когда-то нежно-кремового цвета камзол с вышитыми небесно-голубыми и темно-синими вставками. Сейчас же костюм был измазан глиной, а белый цвет уступил свое место бледно-зеленому.

Второй был немного младше своего приятеля, и его одежда выглядела значительно беднее, если при всей этой грязи вообще могла идти речь о благосостоянии мальчишек. Его

черные ни то от природы, ни то от грязи волосы были жутко спутаны и торчали в разные стороны.

Дети видимо провели не один час, катаясь в траве, так как на их ногах красовались, до колен завернутые, грязные бриджи. Пара башмаков одиноко валялась в высокой траве.

– Кэй! Клюет! Хватай его, а то уйдет, – выкрикнул младший и, бросив импровизированный меч, побежал к берегу.

Только сейчас рыцарь заметил торчавшие из ила ветки, служивших удочками для этой несносной пары. Поплавок из грубо вырезанной деревяшки все сильнее дергался на поверхности прозрачной глади воды. – “Так они опять сбежали рыбачить”, – пробурчал он про себя, став еще более хмурым. – “Ну, конечно же, как я раньше не догадался, надо было сразу ехать к озеру, а не обыскивать деревню”.

– Держууу, смотри-ка какая резвая, – к другу подскочил русоволосый, схватив удочку обеими руками, он, что есть сил, потянул на себя.

Вдвоем, эта чумазая парочка стала медленно вытягивать что-то большое и явно не желавшее вылезать на поверхность. Шаг за шагом, осторожно, крепко держа перед собой ветку, они отступали все дальше от берега, а существо в свою очередь все активнее сопротивлялось. Вдруг, воздух пронзил резкий свистящий звук, лопнувшей бечевки и, не удержавшись на ногах, ребята повалились на землю. Ощувив, что его больше не тянут, существо выпрыгнуло из воды, на мгновение, показав свое огромное тело и махнув хвостом, скры-

лось в глубине.

– Да он издевается, – бросив остатки удочки, выругался Кэй.

– Лорд Аргер, наконец-то мы вас нашли, – обратился, спустившийся рыцарь к русоволосому парню.

– Сэр Эклстер, вы это видели? Вы видели его? Он почти был у нас, мы почти поймали Рагра, – с досадой ответил мальчик.

Большой Рагр был местной легендой, огромный сом, живущий в озере. Многие пытались его выловить, но и по сей день он, как ни в чем не бывало, бороздил эти тихие, спокойные воды, словно бы насмехаясь над рыбаками.

– Лорд Аргер, – уже строже произнес рыцарь. – Вы хоть понимаете, как опасно покидать крепость? При вашем статусе, если вдруг вы нарветесь на бандитов, промышляющих в округе...

– То вас могут принять за бродягу, – перебив рыцаря, крикнул кто-то из толпы гвардейцев, спускавшихся следом за своим командиром к берегу. Сэр Эклстер бросил грозный взгляд на своих подчиненных, но развернувшись обратно к мальчишкам продолжил:

– ...то вас могут похитить или того хуже зарезать, в отместку вашему лорду-отцу. Говорят, сегодня в замок принести мальчика вашего возраста, его чуть не убили. Мастер Арвуд сказал, что парень чудом остался жив, – рыцарь грустным взглядом окинул юного лорда. – Кэй, – уже мягче до-

бавил он. – Я же уже говорил тебе, предупреди отца или подойди сам к стражам, в конце концов, найди меня. Нельзя просто так убегать из города, леди Эйдрин безумно волнуется, подумай хотя бы о ней. Мы могли этим утром отправиться все вместе и объехать все окрестные земли, вы бы с Тимом ехали на своих собственных лошадях и все были бы спокойны.

– Сэр Эклстер, не обижайтесь, – парень виновато потупил глаза. – Но вся ваша ватага стражей убивает все веселье. Разве мы смогли бы гоняться друг за другом, тренироваться на мечях или играть с деревенскими детьми? Да или хотя бы рыбачить? Нет! Нас бы за милую обходили, а встретившиеся мальчишки видели бы во мне лорда, а не как ни друга. К грязи вы бы меня не подпустили, а на малейший ушиб звали бы мастера Арвуда. Да и к тому же я уже не маленький и мы с Тимом вполне можем постоять за себя сами, – напарник Кэя впервые за все время разговора оживленно закивал головой.

– И что прикажете мне с вами делать, – оглядев виновников утренней шумихи, рыцарь растрепал волосы мальчишкам. – Так, – звонким голосом заявил он. – Кэй, ты отправляешься к миссис Дьюрер, Тим тебя мы вернем к отцу. Я думаю, он не меньше обеспокоен, нежели лорд Аргер. Ох, ребята, ну, и взбучку вам сегодня устроят.

Мальчиков посадили на двух не оседланных коней, видимо предназначавшихся именно для них, и отряд продолжил свое движение по дороге.

– Кэйл сразу от миссис Дьюрер мы отправляемся к твоему отцу, – нахмутив брови, пробасил воин.

Услышав новость о возвращении в крепость, отряд рыцарей заметно приободрился с момента их прибытия к озеру.

Они искали молодого лорда с самого утра, а день, как и само утро, выдалось солнечным и жарким. Всем не терпелось поскорей вернуться в замок и сбросить громоздкую броню. В пределах крепости стражникам Тиретхолла позволялось не надевать всю боевую экипировку, и они носили только темные кожаные бриджи, да кольчугу поверх холщовых рубах. Но если появлялась необходимость покинуть пределы крепости, то всем предписывалось быть в полном обмундировании, и в итоге по дороге медленно тянулась чередой уставших, взмокших от жары стражей в темных камзолах поверх кольчуг, легких плащах и грубых кожаных наплечниках, украшенных вороньими перьями. Бриджи сменялись на покрытые черной эмалью поножами с серебряными заклепками, так же украшенными вороньими перьями. Шлемы у многих были привязаны к седлам или держались в руках, одежда воинов хоть и не была утеплена мехом или шерстью, но за время поисков успела сильно нагреться под лучами палящего солнца.

Для мальчишек же погода выдалась на редкость замечательной, как и весь день до того мгновения как их не обнаружил старый рыцарь. Все утро они гонялись друг за другом в поле фермера Денбера, который поставлял пшеницу в го-

род и замок. Днем ребята отправились пешком к озеру Большого Рагра, дорога была не близкой, но зато веселой. Проходя мимо ферм и небольших селений, они встретили местных деревенских ребяташек, успели поиграть в догонялки и прятки, даже умудрились подраться по никому не ведомой причине.

Около недели назад, охотясь с отцом в лесу близь озера, Кэй соорудил из двух длинных ивовых веток и заранее припасенной бечевки самодельные удочки, которые дожидались ребят в густых кустах, окружавших водоем.

В целом день можно было считать удачным, так долго ребята никогда еще не были предоставлены сами себе, как правило, их находили и возвращали в город вскоре после их очередного побега. Ну, а теперь следовал неизбежный финал всех вылазок – предстоящий разговор с отцом не сулил ничего хорошего. Все те яркие, сочные краски живого мира, что так вдохновляли и манили Кэя на пути к озеру, теперь бросались в глаза раздражающей пестротой и нагоняли тоску. Вот уже показались первые домики деревни Корстейт, окружавшей город, здесь в основном находились дешевые таверны, да фермерские дома с огромными пашнями или овощными полями. Сейчас, пока светило солнце на улицах было шумно и многолюдно, но к вечеру вместе с сумерками вся деревня затихала до рассвета, лишь слабые огоньки вечно оживленных таверн блестели, как маяки в темном море.

Корстейт была скорее придатком города, нежели самосто-

ательной деревней. Фермеры, владевшие землей, жили в городе и только днем выбирались за его пределы, чтобы проконтролировать рабочих, вспахать землю или собрать урожай, но зато в деревне всегда можно было найти дешевый ночлег и краюху хлеба, в чем как раз таки и нуждались проезжающие мимо путники.

Сразу за деревней возвышалась столица этих земель, город Тиретхолл с одноименной крепостью на вершине. Его окружала огромная, даже по меркам всей Долины стена, высотой в сорок пять футов и шириной в восемь. Местами гранитный монолит покрылся мхом, местами его оплели пышные заросли дикой лозы, но и эти лесные краски все равно не меняли общей мрачности представлявшейся картины. Перед отрядом, расступался народ, освобождая дорогу к массивной каменной арке городских врат. Узкие улочки переплетались, сходились и снова расходились в огромном лабиринте. Высокие дома отбрасывали тени друг на друга, отчего в город почти не проникал солнечный свет. Подъехав к небольшой конюшне, встроенной в стену города, сэра Эклстер спрыгнул с коня и завел его в стойло, так же поступили и люди его отряда.

– Тим, я думаю это за тобой, – сказал рыцарь, глядя, как к ним приближался широкоплечий мужчина в кожаном фартуке, одетый поверх голого торса.

Тим был сыном кузнеца, простолюдин, а что означало их классовое неравенство с юным лордом и логическую абсурд-

ность дружбы и совместных игр. Действительно, первое время, а если точнее, то первые года два, родители с обеих сторон пытались объяснить свои отпрыскам, кто есть, кто и как нужно вести себя с подданными Кэю и, что обязан делать Тим в присутствии лорда. Но как это водиться дети имели свое особое мнение на этот счет, в итоге после тщетных попыток вразумить ребят родителям пришлось сдаться. В конце концов, дружба не угрожала ни юному лорду, ни молодому подмастерью, а разлучить друзей уже не представлялось возможным.

До последнего времени все, действительно, обстояло именно так, но ребята стали все чаще убегать из города, их непреодолимо влекла свобода и жажда приключений что, конечно же, вызывало беспокойство в рядах родителей и ближайших родственников с обеих сторон.

– Благодарю вас, что привели назад моего негодника, сэра Хьюго. Мери вся извелась из-за этого шалопая, – грудным басом поблагодарил кузнец, схватив Тима за плечо. – А ну как быстро домой, иди, успокой мать, – добавил великан, осмотрев суровым взглядом одежду и содранные коленки сына.

Мальчик дабы не гневить отца еще сильнее быстро кивнул и побежал со всех ног, скрывшись в глубине запутанных улиц.

– Еще раз спасибо сэра, не знаю, что бы я делал, если бы с ним что-то случилось, – кузнец поклонился и пошел осмат-

ривать подковы только что вернувшихся лошадей.

– Ну а тебе пора смыть всю эту грязь, – Хью посмотрел на спутанные волосы и ободранные коленки своего юного подопечного.

– Нееееет... давай я сразу в свою комнату пойду, все равно ведь запрете. К тому же я уже искупался в пруду, – выпалил Кэй, в надежде избежать нелюбимую процедуру.

– Кейл твой лорд-отец сейчас занят очень серьезной проблемой. Не отвлекай его еще сильнее своими капризами, он и так весь день был обеспокоен твоим очередным исчезновением. С самого утра лорд Аргер заседает в малом зале с мастером Арвудом и мажордомом Сеилэном. Как я уже говорил, этой ночью стражники принесли ребенка, он весь в ожогах, говорят, на него напал какой-то сумасшедший и чуть не сжег прямо перед городскими стенами, а вы с Тимом так беззаботно бегаете и совсем без охраны, – с тревогой в голосе продолжал старый рыцарь.

– Это был тот культист, о котором рассказывал Тим? Да? Говорят, во времена войны они сжигали людей заживо. А вы не верили ему!

– Кэйл это не шутки и не сказки, где-то в лесу скрывается опасный человек. Ему не нужно золото, как обычным разбойникам или животные как браконьерам. Он не будет что-то требовать или угрожать, а просто убьет тебя и все, мы тебя потом даже не узнаем, – рыцарь попытался припугнуть чересчур заинтересовавшегося новостью ребенка.

– Не правда, это он. Тот культист, Тиму тоже никто сначала не верил, а потом его видели еще несколько человек. Аргхзур ведь огнем повелевает, вот и его культист тоже, – настаивал Кэй.

– Тим действительно скорей всего видел именно его, но это человек, опасный человек, и хорошо, что в ту ночь все закончилось благополучно. Главное запомни, он опасен, и я могу повторить это слово еще раз двадцать, чтобы вы с Тимом, наконец, запомнили, что нельзя убегать из города и без присмотра гулять, а теперь марш в замок, миссис Дьюрер тебя уже заждалась, – рыцарь хлопнул мальчика по плечу, подталкивая в сторону крепости. – Я поговорю со своими парнями и отправлюсь за тобой, – сэр Эклстер отошел к рыцарям, которые тем временем стаскивали с себя громоздкие комплекты брони и обливали друг друга холодной водой из ближайшего колодца.

Кэй медленно побрел в сторону замка, ему не хотелось встречаться с отцом, но куда больше лезть в лохань с горячей водой и оттирать честно заработанную грязь. Со стороны конюшни еще доносились обрывки разговора Хью с отцом Тима и крики стражников вперемешку со смехом.

– ...Стен ты уж не сильно ругай его....

– ...я и не такое вытворял в их возрасте сэр Хьюго, но сейчас сами понимаете в окрестностях не спокойно....

Мальчик неохотно прошел по мосту, соединяющему город с замком. Небольшой ров под ним был заполнен грязной

водой и кое-где виднелись обломанные штыки, торчащие откуда-то из темных глубин. Со двора к нему уже бежала миссис Дьюрер – полная женщина в вельветовом, бледно-малиновом платье. В обязанности, которой входило воспитание Кэя и общий уход за замком и кухней. Сэр Эклстер за глаза называл ее кастеляном в юбке. Добрая и ласковая она заменила Кэю бабушку, которую, к слову, тот жутко боялся.

– Ну, наконец-то, ваш отец уже трижды посылал за вами, – воскликнула она, поравнявшись с мальчиком. – Пророк всемилостивый, да на кого же вы похожи, – глаза женщины с ужасом осматривали изодранные коленки мальчугана и порванный в нескольких местах камзол. Недолго думая, она схватила Кэя за руку и потащила к каменной пристройке, неуклюже торчавшей из угла крепости.

– Мари, Мари, – вбегая и таща за собой Кэя, прокричала она. – Приготовь что-нибудь чистенькое.

– Уже сделано. Я нашла только холщовую рубашку и шерстяные бриджи, – на лестнице, ведущей на второй этаж, показалась милая девчушка лет пятнадцати.

– Пойдет на первое время, лорд Аргер хочет поскорее увидеть сына.

– Лохань уже заполнена, а одежду я положила там, на столик.

– Хорошо, спасибо дорогая, приготовь теплого вина с пряностями. Сейчас придет сэр Эклстер, а он с самого утра на ногах.

Девушка, быстро поклонившись, спустилась по лестнице и скрылась за дверью, ведущей куда-то вглубь этой небольшой пристройки.

– Пророк всемилостивый, во что вы превратили камзол, – миссис Дьюрер еще раз бросила взгляд на одежду своего подопечного и, не разжимая его руки, повела за собой на второй этаж.

Лестница заканчивалась небольшим коридором с несколькими дверями по бокам. Крайняя левая была открыта, и из нее струился слабый свет. Женщина быстрыми шагами пересекла коридор и втолкнула Кэя внутрь. Тесное, узкое помещение не имело окон. В центре стояла большая лохань, из которой валил пар, сбоку от нее примостился небольшой столик, который обычно занимал место при кровати какого-нибудь лорда. На нем лежали аккуратно сложенные рубашка и бриджи, принесенные Мари.

– Быстро оттирайтесь, одевайтесь и марш в малый зал, отец вас уже заждался, – скомандовала миссис Дьюрер и закрыв за собой дверь, шаркая ногами, удалилась.

– И зачем меня снова суют в воду, я же сказал, что уже искупался в озере, неужели этого недостаточно, – бубнил Кэй, снимая грязные остатки камзола с не менее чистыми бриджами. – Интересно, что там за парень, неужели он и, правда, встречался с ним, – мальчик стал осторожно залезать в ожидавшую его лохань. Горячая вода обжигала, что несколько не радовало ребенка при той жаре и духоте, что царила сей-

час на улице и в крепости. – Весь город уже наверно видел культиста, почему мне так не везет, – Кэй с неохотой начал оттирать засохшую грязь с коленок и локтей, барахтаться в воде, то погружаясь с головой, то выныривая обратно. – Когда отец перестанет сердиться, надо будет его попросить пустить меня к нему, – его раздумья прервал тихий, осторожный стук в дверь.

– Лорд Аргер вы скоро? За вами пришел сэр Эклстер, – послышался звонкий голос Мари.

– Да, да. Я сейчас, – Кэй в последний раз с головой погрузился в горячую воду и вылез. Небрежно вытерся полотенцем, лежавшим тут же на столе, надел заранее приготовленную одежду и вышел.

– Так пойдет? – спросил он, спустившись на первый этаж, где его уже ожидал воин, попивая вино.

– Какой вы милый, – проворковала миссис Дьюрер, – но вытрите хорошенько голову, ведь опять простудитесь.

– Милый, – хихикнула Мари.

– Кэйл, я уже доложил твоему лорду-отцу, что ты в замке. Он ждет нас, – Хью, кряхтя, встал с соломенной скамьи и направился к выходу.

Вслед за ним вышел и Кэй, преодолев двор, они поднялись на стену крепости. С ее высоты было отлично видно весь лабиринт города. Стена упиралась в приземистую башню, войдя внутрь которой, они спустились на несколько футов вниз и, пройдя по длинному, витиеватому коридору, наконец, до-

стигли двери, из-за которой слышалось бурное обсуждение. Сэр Эклстер постучал.

– Заходи Хью, – низкий бас ответил по ту сторону и, повинуясь приказу рыцарь распахнул дверь, пропуская вперед мальчика. В зале сидели три человек, прервав разговор, теперь они смотрели на вошедших. – Хорошо, Кэйл подожди немного, нам надо поговорить с сэром Эклстером, – сказал сидящий во главе стола человек.

Мужчина был плотного телосложения, средних лет, его лицо словно состояло из одних прямых линий. На выступающих скулах и подбородке росла жесткая, под стать карим глазам, небольшая бурая бородка, волосы на голове были коротко подстрижены.

– Ты уже слышал о ночном происшествии? – обратился он к севшему рядом рыцарю.

Кэй прошел к окну и тихо сел на твердую деревянную скамью, в надежде, что отец, отвлеченный разговором с Хью, забудет о нем.

– Да, мне рассказали про мальчика, но лишь в общих чертах, – командующий с усталостью провел рукой по глазам. Долгий, утомительный и жаркий день, подогреваемый выпитым вином, и усталостью от утренних поисков начали сказываться на самочувствии старого вояки.

– Мастер Арвуд, повторите, что рассказали вам стражи, принесшие мальчика, – обратился лорд к сидящему рядом человеку, увешенному всевозможными кореньями и трава-

ми.

– Меня разбудили ночью, – начал мастер. – Прибежал Лойд, мой новый помощник, сказал, что стражники принесли лорда Кэйла. Я, конечно же, сразу выбежал, но благо Лойд ошибся. И это не мудрено, у мальчика тоже песочного оттенка волосы и по возрасту, он может чуть старше нашего Кэйла. Но это все не так важно, на мальчике было множество ожогов и порезов, местами на нем сгорела одежда и он без конца стонал. Я дал ему отвар мелисы, и пока он спал, мы его перевязали, – лицо старика осунулось, воспоминание об этой ночи явно причиняли ему боль. – Какое чудовище могло такое сотворить с ним? Сейчас он отказывается подпускать нас к себе. Мальчик сильно напуган, и мы даже не можем сменить на нем повязки ...

– Мастер Арвуд, мы приложим все усилия, чтобы поймать безумца. Расскажите о том, в чем вас уверяли гвардейцы, – прервал мастера над травами лорд Аргер.

– Да, да... конечно. Они сказали, что патрулировали стены города, когда увидели яркую вспышку около леса. Сначала не предав этому никакого значения, продолжили обход, но вскоре вспышка повторилась снова, а потом снова, пока не стали видны две бегущие фигуры. Первый, как теперь мы знаем, был тот самый мальчуган, а за ним высокий человек. Гвардейцы уверяют, что фигуры бежали вдалеке, и они не сразу поняли, что действительно там происходит. Гнался ли за мальчишкой убийца или это всего лишь фермер, прого-

нявший очередного вора со своих земель. Но вдруг они увидели источник вспышек. Гнавшийся поднял руку с горящим факелом, другой рукой он тянулся к убежавшему, тогда-то они и услышали, что мальчик зовет на помощь. Они тот час бросились к стражам городских врат, чтобы те как можно скорее подняли решетку, те в свою очередь крикнули внешнему патрулю, чтобы он спешил на выручку. Остального они уже не видели. Говорят, что услышали пронзительный детский крик, но не могли ничего сделать, пока решетка медленно поднималась, освобождая дорогу. Когда, наконец, они выбежали за стены, то увидели уже людей из патруля, несших тело мальчишки. Дальше они принесли его ко мне, а остальное я уже рассказал, – закончил мастер Арвуд, угрюмо оглядев собравшихся.

– Это безумие, его пытались сжечь заживо? Мальчик что-нибудь рассказал о нападвшем? – Хью не мог поверить в услышанное. Утром ему рассказывали о происходившем, но истории сильно разнились друг от друга, и доходили даже до того, будто бы сам Аргхзур явился в потоках пламени.

– Мальчик ничего не говорит, он напуган, если кто-то входит в комнату, он жметя к кровати и испуганно смотрит, – с грустью повторил мастер Арвуд. – Если так и дальше будет продолжаться, боюсь, нам придется насильно влить ему отвар мелисы, и пока он спит, обработать ожоги и сменить повязки.

– Так вы его еще больше запугаете мастер, – прогремел

лорд Аргер.

– Если он не даст нам обработать ожоги, и будет отказываться пить отвары, то в скором времени может погибнуть, мальчик в очень тяжелом состоянии.

– Хорошо, я веч. . .

– Отец можно мне с ним поговорить, – прервав разговор, вмешался Кэй.

В зале повисло вязкое молчание. Мастер Арвуд раскашлялся, сэр Эклстер прикрыл лицо руками, борясь с сонливостью, лорд Аргер задумчиво посмотрел на сына, поглаживая жесткую бороду.

– Идея, в целом, не плоха. Сверстника он может принять легче, я думаю можно попробовать, – наконец, нарушил молчание скрипучий голос мажордома Сеилэна, до этого старик угрюмо вел какие-то записи, не проронив ни единого звука.

– Кейл, поговори с ним, успокой. Пусть он начн. . .

– Я понял, – мальчик вновь прервал отца, не дав ему договорить, в надежде по скорей покинуть помещение и увидеть пострадавшего.

– Кейл, это серьезно, будь с ним помягче, не засыпай вопросами. Твоя задача показать ему, что здесь ему нечего не угрожает.

– Хорошо отец, – парень мигом бросился к двери.

– Кейл, мы еще поговорим о твоих вылазках за стены города, разговор не окончен, – строго добавил отец.

В душе Кэя переполняло ликование, но, собрав все свои

внутренние силы мальчик сдержано кивнул и спокойно вышел в коридор замка. Отец все еще сердит на него, но это пока не так важно.

Выбравшись на улицу, он быстро пробежал по стене, спустился во двор и уже через несколько мгновений был в главном зале. Внутри стояла череда массивных длинных столов, главный, он же большой зал предназначался для пиров и приема гостей. Пройдя вдоль них, Кэй вошел в боковую дверь прямо за центральным столом, находившийся на небольшом возвышении перед всеми остальными. Он попал в скромную, тесную комнатку башни мастера над травами, уставленную столиками, между которыми сновал слуга, подметая пол. Здесь можно было отыскать разного вида и цвета колбы и баночки, со стен и потолка свисали травы и корни, некоторые были еще свежие, другие уже совсем засохли.

– Мастер Арвуд разрешил увидеть больного, которого принесли сегодня ночью, – прошептал он слуге. Прекратив мести, тот с недоверием оглядел посетителя и ничего не сказав, указал на дверь в углу небольшой гостиной.

Осторожно проскользнув между всеми склянками и травами Кэй, наконец, добрался к столь долгожданной цели. Мальчик лежал в полупустой комнате в большой кедровой кровати, на резной тумбочке рядом с ним стояли две мерзко пахнущие склянки с темно-болотной жидкостью. Парень был весь обмотан повязками, лишь левая часть лица выглядывала из-под желтоватой ткани. Под повязками выступали

края ожогов, единственный видневшийся глаз был закрыт и временами в его мерном дыхании слышались тихие стоны.

Кэй осторожно прокрался к окну, попутно проклиная шумные ботинки, с босыми ногами он бы передвигался гораздо быстрее и тише, но миссис Дьюрер не позволяла ему одеваться, как он того хотел. Наконец, добравшись до узкого, каменного окна, он с легкость запрыгнул на него и стал ждать пробуждения незнакомца.

Сам замок находился на возвышении, отчего даже с самых низких его окон можно было наблюдать за происходящим в городе. Эта особенность замка отлично проявила себя во время войны, даже после потери городских стен и стен самой крепости, замок мог продолжать оборону. Вот и сейчас Кэй мог наблюдать за сложным и запутанным муравейником. Люди сновали по туннелям то туда, то сюда, что-то волоча и передовая друг другу, но вдруг его отвлекло шуршание тканей и скрип кровати, мальчик, лежавший перед ним, проснулся и теперь с опаской взирал на него.

– Эээм... Привет я Кэйл, – Кэй попытался изобразить свою самую дружелюбную улыбку. – А тебя как зовут?

Парень лишь испуганно смотрел на него, все сильнее вжимаясь в спинку кровати.

– Говорят, ты видел культиста? Тим тоже его видел. Тим мой друг. Это вечером было, когда он относил еду отцу в кузню. Ему тогда никто не поверил, но потом еще несколько фермеров видели культиста. – Кэй так тараторил, что маль-

чик либо не понимал его, либо мастер Арвуд был действительно прав, и парень был настолько напуган, что боялся даже своего сверстника. – Я несколько ночей просидел на стене, специально, хотел посмотреть на него, но он так и не появился, – грустно добавил Кэй, замечая, что парень никак не реагирует на его слова. – Прости, я наверно слишком много говорю, отец сказал тебе не докучать, но ты же видел его... эээм... я пойду..., наверное, – Кэй спрыгнул с окна и поплелся к двери.

– Я Вилл, – слабым голосом ответил мальчик. – Они его убили? – спросил он уже менее затравлено.

– Да, стражники его изрубили, – решил соврать Кэй. Парень был сильно напуган. Он боялся не столько мастера Арвуда и окружения, в которое попал, сколько того, что за ним может вернуться. Пусть он лучше считает его мертвым.

– Хорошо, – с огромным облегчением прошептал ребенок, словно бы что-то темное, что нависало над ним все это время, наконец, исчезло.

– Ты не бойся мастера Арвуда, он хоть и выглядит жутковато, обвешанный своими травами, но он пытается помочь.

Мальчик кивнул и с гримасой боли попробовал при-
встать.

– Лежи, тебе еще рано вставать, – Кэй мигом подскочил и осторожно помог новому знакомому лечь обратно. Он никогда еще не видел подобного. К мастеру Арвуду часто приносили раненых гвардейцев, после пьяных драк на улицах или

потасовок с местными разбойниками, обитавшими в немногочисленных лесах, но они все были опытными и умелыми воинами, а не мальчишками его возраста. – Когда ты поправишься, я покажу тебе город и крепость тоже покажу, а пока лежи. Я заскочу к тебе завтра утром, хорошо?

– Хорошо, – еле слышно прошептал в ответ Вилл и снова закрыл глаза.

3

Не отставал от них и третий, так же отозвавшийся на северный призыв. Он вспыхнул далеко на юге Тирьеры. В прибрежном городке Палена, всего в нескольких десятках миль от границы с долиной.

Утреннее солнце пробивалось сквозь светло-лиловые занавески в просторную овальную комнату, а легкие порывы ветра колыхали атласную ткань, превращая ее в невесомые, натянутые ветром паруса, прекрасной галеры. Внутри, занимая добрую четверть всего пространства, стояла огромная квадратная кровать, на которой могли бы уместиться пять, а то и шесть человек.

С высокого балдахина струился нежно-розовый шелк, ниспадая блестящими волнами на пол. Несколько пузатых подушек норовили упасть с края кровати, остальные же в хаотичном беспорядке валялись по всей комнате.

Кое-где с потолка свисали золотые и серебряные цепочки с мерцающими на концах звёздами и полумесяцами, пол же устлала темные, меховые шкуры различных животных. Между иссиня-черным мехом которых проглядывали едва различимые серебряные нити, переплетавшиеся в загадочном восточном узоре и скреплявшие лоскуты разных форм и размеров.

Но все это роскошное убранство блекло на фоне того алмаза, что хранился за стенами дорогого особняка. Меж разбросанных подушек металась совсем юная особа, развешивая картины по голым стенам из белого песчаника. Ее вьющиеся волосы были собраны в тугой конский хвост и из пышного пучка ниспадали водопадом до самого пояса.

В карих глазах девушки блестели живые огоньки мыслей и чувств, занимавших невинное создание в эти мгновения. Ее смуглая кожа еще сильнее подчеркивала шоколадный оттенок промасленных благовониями волос.

Алая туника плотно облегла тело и не имела рукавов, представляя вниманию изящные руки и стройную талию прекрасной девы. Багряные шаровары струились по ее бедрам и топорщились по всей длине ног, заканчивая огненно-красный наряд.

Вся комната пестрела яркими тонами, словно бы прибежище дня и ночи, она вобрала в себя все краски небесного мира. Со всех сторон бросалось обилие всевозможных цветов от ярко-красных шелков и блеска золотых украшений

до пурпурных и темно-синих тканей, свисавших с потолка – импровизированного небосвода.

Днем, когда светило солнце, золото переливалось в его лучах, превращаясь в десятки маленьких огоньков, ночью, когда к власти приходила луна, наступало время серебра, отражавшего молочный свет в сотнях маленьких звезд.

В четвертый раз, перевесив картину с изображением восхода на фоне бескрайнего моря, девушка отошла на расстояние нескольких шагов и стала внимательно разглядывать ее новое расположение.

– Идеально, – улыбнувшись, радостно произнесла она, но в короткое мгновение, передумав, подскочила к стене и немного поправила положение картины. – А теперь тебя, – подхватив другую из стопки лежавших на кровати полотен, она вернулась к висевшей. На этот раз на холсте были изображены две галеры с кроваво-красными парусами, они плыли под лучами палящего светила, преодолевая высокие приливные волны. – Ты отлично будешь смотреться над восходом, но как же ... – девушка быстро оглядела комнату в поисках чего-нибудь, на что можно было бы привстать. – Ага, – бросив холст, она захлопнула большущий сундук, из которого торчали украшенные драгоценными камнями рукава платьев и дорогие кружева, привезенные ее дядей.

Его принесли сюда в день ее приезда, и он до сих пор стоял в углу комнаты вместе с остальными не разобранными вещами. Скрежещущий звук, передвигаемой тяжести, заполнил

собой все пространство комнаты. Хрупкая дева, вцепившись в массивные ручки, навалилась на неподъемный груз, всем своим весом, толкая его перед собой, в надежде как можно ближе пододвинуть свой будущий уступ к висевшей картине.

– Тайя, дорогая, что ты делаешь? – на шум прибежал коренастый мужчина. Волосы его бороды уже тронула седина, а голова давно поросла белым полем всклокоченных колючек. На сухом, морщинистом лице виднелись следы сражений далёкого прошлого, пара неглубоких шрамов у лба и самый большой и тёмный проходил по левой щеке, от края глаза до уголка рта. Человек был одет в легкую песочного оттенка тунику с россыпью янтаря на груди и рукавах, отороченных золотистой бахромой. Поверх туники с его плеч свисал легкий плащ из кусочков шелка, ярко-красные шаровары были подпоясаны кушаком.

– Хочу повесить картину. Вон над той, – Тая указала на уже висевшее полотно.

– А ну-ка, – отстранив дитя, мужчина схватил обеими руками сундук и медленно, кряхтя, поднял его. – До чего же он тяжелый, – промелькнуло у него в голове.

В дом все сундуки перетаскали два паренька, но он был значительно крупнее и сильнее их, ну или по крайней мере считал себя таковым до сего момента. Осторожно передвигаясь по комнате, (массивная крышка саквояжа закрывала практически весь обзор) мужчина медленно приблизился к стене и не спеша опустил нелегкий груз прямо под висевшей

картиной. – Ууух, – изогнувшись, прокряхтел он, разминая мышцы спины, и дождавшись мелодичного хруста, распрямился. – Стар я стал уже, вот даже не сгожусь и вещи-то таскать.

– Да что ты дядя, их сюда еле-еле два молодых парня занесли, а ты в одиночку поднял, – приободряюще улыбнувшись, произнесла девчонка, и подхватив картину с кровати быстрыми, ловкими движениями запрыгнула на сундук. – Что скажешь? Ровно висит? – обратилась она к мужчине, прижав картину к стене.

– Великолепно, милая моя. По-моему, у тебя талант, нам бы надо подумать об их продаже, – все еще потирая спину, улыбнулся тот в ответ. – Палена – город не большой, но богатый. Мне кажется, дела у нас тут быстро пойдут на лад. Что ты думаешь по этому поводу? Стены в лавке у нас почти не заняты. Если мы их вывесим, я думаю, уже скоро у тебя будет целая череда собственных заказчиков.

– Дядя Халэн, мой дорогой и милый дядя. Ты слишком переоцениваешь мои скромные возможности, – девушка спрыгнула с сундука и подскочила к кровати. – Я всего лишь стараюсь запечатлеть мгновения жизни, те прекрасные места, где я успела побывать и людей, что заботились и помогали мне. Тем более я не так талантлива, как мама, – ее взгляд упал на картину с роскошной усадьбой из красного песчаника.

Красивый двухъярусный дом, казалось, располагался в са-

мом центре огромного пышного сада, сочные краски картины словно бы оживляли его, отчего казалась, что стоит лишь протянуть руку и прикоснуться, и через мгновения картина затянет в дикий, дышащий жизнью лес. Со второго этажа, стоя на балконе, куда-то вдаль бескрайнего моря смотрели два силуэта.

– Алиана еще многому тебя научит, если ты, конечно, перестанешь убегать каждый раз, когда она пытается тебе хоть что-то объяснить, – дядя легонько щелкнул по носу свою племянницу и расплылся в широкой, детской улыбке. – Мне перенести обратно сундук?

– Нет, оставь, я хочу рядом повесить еще несколько.

– Хорошо, но не вздумай двигать сама, Ваалир меня убьет, если с тобой что-то случится.

– Не буду, – тихо, машинально ответила она, увлекшись выбором следующей картины.

– Зови, если понадобится, я буду на первом этаже, расставлять товар. К нам сегодня привезли два мешка корицы, так что вечером жди пирог с апельсинами и персиками. Я к тебе отправлю Наирима, сразу как он вернется, пусть помогает разбирать вещи.

– Даааа... – пальцы Тайи гладили шершавую поверхность полотна, – да. Спасибо.

– Ну не буду тебе мешать, – Халэн развернулся и вышел из комнаты, что-то напевая себе под нос.

– Все не то, – она осматривала картины одну за другой,

раскладывая их в разные стопки. – Я помню, помню, что еще был павлин, да где же он, – девушка отложила последнюю, и тут же ринулась к сундуку, разбросав все его содержимое. Просмотрев все еще раз и, наконец, поняв, что внутри кроме платьев больше ничего не находилось, она принялась обыскивать комнату.

Осмотрев каждый дюйм, обыскав каждый угол и даже заглянув под кровать, и так и не найдя нужного полотна, Тайя, запрыгнув в легкие, с загнутыми носами туфли, вышла из комнаты в длинный светлый коридор. По левую сторону бил яркий солнечный свет из широкого прохода, в нескольких шагах справа находилась лестница, ведущая на первый этаж. Пройдя на свет, она оказалась на огромном балконе – его размеры были даже больше чем сама ее комната. Рядом с каменными зубцами, служившими бортиком, стояла деревянная конструкция из тонких реек, к вершине которой был прикреплен чистый лист, а у подножия сохли уже несколько готовых работ.

Тайя проводила практически все свое свободное время на балконе, рисуя новые картины или просто наблюдая за снующими туда-сюда горожанами и вечно бурлящим морем.

Осмотрев конструкцию и несколько неоконченных работ, она устремилась на первый этаж. Лестница заканчивалась прямо за прилавком, сразу за которым тянулись, непрерывной чередой длинные, узкие столы. Плотнo прилегая к стенам, они оставляли лишь небольшой проход у входной две-

ри. Почти все из них были забиты товарами, лишь на некоторых еще оставались крохотные островки свободного места.

Один из столов был полностью заставлен разного вида, цвета и состояния перцами. Здесь был красный и черный, белый и Паргинский синий. Свежие стручки свисали над столом яркими, разноцветными гроздьями, сморщенные сушеные, лежали в лотках, перетертые до порошка содержались в стеклянных баночках и кожаных мешочках.

Другой стол занимали специи, пучки свежего тимьяна и кориандра свисали с натянутой над столом бечевки, лиловые пики шалфея гордо возвышались над всеми остальными травами, скрюченные, в причудливых формах, корни имбиря были плотно утрамбованы в стеклянных банках. Палочки корицы, словно деревянный частокол окружал горшочки душистого базилика. На небольших полках, возвышавшихся от поверхности стола до самого потолка, стояли их сушеные собратья.

Рядом играли обилием красок фрукты и ягоды. Яркие лимоны соседствовали с апельсинами и плодами лайма, словно огромные сталактиты, над столом свисали спелые бананы. Пузатые и продолговатые яблоки вобрали в себя практически всю палитру цветов, от темно-багровых, практически черных, до сочно-зеленых и золотых. Далее эстафета передавалась ягодам, от самых больших зеленых и полосатых до маленьких и красных, размером с ноготок. Лотки были доверху набиты лесными ягодами, которые, конечно же, счи-

тались большой редкостью для жителей Айленда. Лишь в лавке Халэна можно было увидеть малину и землянику, соседствующую с гроздьями винограда.

Здесь были столы и с овощами, были и со свежими, солеными и сушеными грибами, под столами прятались мешки зерна и муки.

Практически у каждого стола стояли несколько высоких глиняных горшочков, рядом с фруктами в них находились изюм, курага и финики, около пряностей они содержали орехи.

Словом, лавка Халэна могла исполнить любой вкусовой каприз покупателя. Постоянные поставки специй и фруктов с жарких южных островов, а грибов и овощей из Мидленда не давали торговле зачахнуть.

Для ее дяди открытие лавки было далеко не в новинку, он уже имел четыре преуспевающих в разных городах Айленда – в песчаном Фасхеме, куда и не каждый торговец то решится приехать, в приморском Саротелли – одном из самых богатых городов юга, в древнем Ниализе, где располагался крупнейший рынок и по совместительству главная резиденция Торговой Картели и в самом северном городе – прохладной Паргии у самой границы с Долиной. В каждой новой лавке он проводил первые несколько месяцев, пока дело не крепло, и в городе не находился подходящий человек, которому он мог бы доверить свое предприятие. Сейчас же настала очередь Палены.

Пару месяцев назад, когда он только отправлялся в дорогу, брат попросил его взять с собой свою дочь. Кочевников в последнее время стали все чаще замечать близь городов Картели, поговаривали, что несколько могущественных племен объединились и теперь намерены вернуть отнятые у них в прошлом земли, и Ваалир предпочел отослать дочку в более безопасное место.

Когда-то юг континента, принадлежал разрозненным племенам кочевников, и во всей бескрайней пустыне можно было считать удачей встречу хотя бы с парой низеньких ветхих лачуг.

Но во время войны Пророка с орденом Аргхзура многое изменилось, не все население Долины приняло новый порядок (старые верования вытеснялись, а за поклонение Темным Богам людей уводили в Солас Мор, огромную цитадель-город). Тогда то многие и покинули родные земли, устремившись на юг. За семьсот лет беженцы Долины смешали свою кровь с жителями степей, возвели города и селения, а свою бывшую родину теперь называли на языке кочевников Мидлендом.

– Дядя, – Тайя спустилась к прилавку, под которым, что-то перебирая, копошился Халэн.

– Что дорогая? Передвинуть сундук обратно? – взлохмаченная голова выглянула из-под прилавка, но скрип двери отвлек мужчину. – Подожди солнышко, – он вышел на встречу к покупательнице, пожилой даме, рассматривающей сто-

лик с пряностями и орехами. – Чем я могу помочь столь юной особе? – обратился он к старушке в темной мантии.

– Ой, вы мне льстите, – заулыбалась та в ответ, – я хотела испечь лепешки и...

Тайя прошла за прилавок и села в глубокое, оббитое мягкой тканью кресло, пока дядя беседовал с покупателями, носился по магазину, собирая склянки со специями, орехи и фрукты, она, скучая, наблюдала за происходящим.

Когда отец только сообщил ей, что собирается отправить ее вместе с дядей, девушка прибежала к нему по несколько раз за день, ей хотелось, как можно скорее покинуть родной дом, пересечь бескрайние степи за стенами города, бороздить бушующие моря, наконец, увидеть Палену, звавшуюся жемчужиной Айленда. Но уже на второй день дороги она начала скучать по заботливым рукам матери, по ласковому взгляду отца. Чуть больше трех месяцев назад они отплыли из Сеилитэна и уже почти месяц как обосновались здесь. Дядя заботился о ней как о маленьком ребенке, его сын Наирим служил в Песочном отряде – группе наемников, охранявших город. Все свое свободное время молодой человек старался проводить рядом с ней, они почти закончили украшать ее комнату, и она твердо вознамерилась заняться апартаментами брата сразу после своих.

– Ну что идем? – задумавшись, она даже не заметила, как дядя освободился и очутился прямо перед ней, расплываясь в свой повседневной улыбкой.

– Аааа... нет, нет. Я не могу найти картину с павлином, помнишь, такую с фиолетовыми перьями? Я тебе ее на корабле еще показывала.

– Может, она в моих вещах затерялась, все никак руки не доходят разобрать эти сундуки, – дядя открыл дверь, располагавшуюся позади прилавках, выведившее в небольшое помещение, уставленное до самого потолка громоздкими сундуками. Из-за нехватки места они стояли один на другом, отчего возвышались темными массивными колоннами.

– Поищем тут, а не найдем – у меня еще в комнате несколько стоят, – он указал на дверь, ведущую в западное крыло дома.

Осторожно стаскивая сундуки один за другим, они вываливали их содержимое, осматривали и заталкивали назад, отодвигая осмотренные в сторону.

– Отец, – в проеме появился молодой человек, одетый в кожу, с его пояса свисал широкий палаш.

– Наирим, ты сегодня что-то рано, а мы ведь даже не услышали, как ты зашел. Надеюсь, я не пропустил покупателей, мы слишком увлеклись, – лицо Халэна стало взволнованным. – Помоги Тайе, мне будет спокойнее за прилавком...

– Нет. Нам нужно поговорить, – резко, перебив отца, произнес юноша.

Пара вышла из комнатки, о чем-то бурно перешептываясь, вдруг Наирим так и не недослушав отца в мгновение выскочил на улицу, а Халэн быстрым шагом направился прямо

к наблюдавшей ней.

– Тайя, милая, ты помнишь, где твой походный плащ, в котором ты приехала сюда? – ласково спросил он.

– Да, у меня наверху, в том самом сундуке, что ты перетаскивал.

– Хорошо, милая, беги скорее наверх, одевай его и спускайся сюда, – больше ничего не сказав, он чуть ли не бегом ринулся к двери, ведущей в западное крыло дома, где находились комнаты его и Наирима.

Не понимая, что происходит она выбежала из подсобки и поднялась на второй этаж. Платья, камзолы, мантии, туники валялись по всей комнате, но ее плаща нигде не было. В поисках картины она разбросала все и теперь боялась, как бы случайно не выкинула его в окно. В панике она подобрала все вещи, забрасывая их обратно в сундук, снова залезла под кровать, но плащ так и не нашла.

– Он у меня, – в проеме вновь показалась фигура Халэна, протягивая плащ, – видимо я его захватил вместе со своим. Его внешний вид сильно изменился. От туники, украшенной янтарем, не осталось и следа. Дядя был одет в темную кольчугу, на поясе у него висели два длинных изогнутых ятагана, поверх всего была накинута мантия темно-песочного цвета, скрывающая боевое обмундирование.

– Что происходит? – таким дядю ей видеть еще не приходилось и это ее сильно пугало. Вечная ребяческая улыбка пропала, уступив свое место жесткому суровому лицу. Хал-

Эн был встревожен, в этом не было сомнений, но что этому послужило причиной, пока было не ясно.

– Ничего страшного, немного поплаваем, ты же любишь море? Помнишь, как ты ко мне прибегала в Сеилитэне? Сейчас я покажу тебе королевские рифы, – дядя постарался изобразить улыбку, но впервые у него это не получилось.

Спустившись и выйдя на улицу, даже не заперев дверь, они направились вниз по дороге.

Палена располагалась на берегу моря, так что до порта было всего несколько десятков шагов. Тайя не раз уже наблюдала, как с груженных кораблей в лавку несут мешки и бочки со всевозможными специями, но сейчас город преобразился. Многие дома были фактически брошены, из некоторых еще выбегали люди или в спешки выносились утварь, другие уже пустовали с открытыми нараспашку дверями.

Спустившись к порту, они увязли в неимоверном скоплении людей, несколько верениц тянулись к кораблям, вдалеке виднелись паруса уплывающих, а с улиц прибывали все новые толпы горожан. Халэн крепко сжал руку племянницы и, расталкивая народ, поволок ее к кораблю. Многие возмущались, слышались угрозы, но они продолжали пробиваться к трапу. На палубе командовал толстый мужчина, что-то выкрикивая поднимавшимся людям.

– Рьег, – крикнул он человеку и замахал рукой, привлекая к себе внимание.

– Халэн! Пропустите его. Пропустите!!! Скорей подни-

майся, – перевалившись через бортик, крикнул толстяк.

– Пусть ждет своей очереди, – послышалось из толпы перед кораблем.

– Тихо, – гаркнул Ръег, – радуйтесь, что мы вообще вас берем и даже не просим платы взамен.

– Ах ты жирный ублюдок, – из толпы уже, поднявшейся на корабль выбежал мужчина в лохмотьях, – там мои жена и дети, если они не попадут на борт, я тебя сам отсюда скину. Думаешь, если ты богат, то можешь распоряжаться чужими жизнями?

– Что ж ты сам-то сюда забрался? Пропустил бы сначала детей и жену, а уже потом спасал свою шкуру, – Ръег развернулся, подзывая к себе матросов.

– Заткнись! Еще не хватало, что бы мне указывала такая свинья как ты!

– Ну, все хватит! – вспыхнул капитан. – Твою жену и детей мы увезем, а ты выметайся с моего корабля. Ребята помогите пассажиру спуститься, – обратился он к команде.

– Ах, ты отродье, вы его слышали, слышали? – у оборванца что-то блеснуло в руке, быстрым рывком преодолев расстояние до капитана, он прижался к нему вплотную, продолжая выкрикивать оскорбления. Тайя даже не заметила, что произошло, но уже через секунду капитан держался за горло, его глаза выпучились, готовые вылезти из орбит. Сделав два-три отчаянных вдоха, он упал на колени, и из его рта багровой струйкой потекла кровь. Словно бы пытаясь что-то

сказать его губы беззвучно шевелились, но в одно мгновение все закончилось – он замер и в тот же момент с остекленевшими взором, рухнул на палубу.

Обезумевшие от паники и вида крови люди ринулись на корабль, расталкивая друг друга, некоторые полетели в соленую воду, другие падали и разбивались о мостовую. На самом корабле команда, выхватив мечи рубила наступающий люд размашистыми ударами.

– Идем. Скорее! – Халэн рывком выдернул племяннику из наступавшей толпы.

Теперь они бежали назад, вглубь города, навстречу новым толпам горожан, надеявшимся на спасение в порту. Пробежав через полупустые улицы, они снова попали в людской поток. Часть населения пыталась покинуть город по суше, но здесь пока что было спокойно, люди медленно продвигались внастежь открытые ворота, а вооруженная охрана следила за порядком.

Из отряда охранявших ворота наемников к ним подбежал Наирим.

– Что вы здесь делаете? Вы уже должны быть на корабле! – выпалил парень.

– Корабля не будет, они убили Ръега. Нам нужны верблюды, ослы, лошади, кто угодно. Найди их, и срочно.

– Как убили? – на лице парня смешалось растерянность, граничащая с паникой. – Кто убил? Кто они?

– Люди кто еще, в городе паника. Наирим, очнись! – отец,

схватив сына за плечи, встряхнул его словно только привезенный мешок со специями. – Нам надо уходить!

– Уходить. Как? По земле? Я сейчас пошлю людей в порт, мы отплывем.

– Никуда мы не отплывем, их убьют! Наирим Халэн Асап найди нам лошадей, немедленно!

– Да. Сейчас, – строгий голос отца видимо отрезвил парня, и он скрылся за домами. Несколько мгновений спустя он вернулся с двумя верблюдами нагруженными мехами с водой и небольшими мешками. – Здесь вода, ее должно хватить на неделю, – парень указал на меха. – Здесь что успел собрать, в основном лепешки, да хлеб, – рука шлепнула по надутым кожаным мешкам.

– Хорошо. Где твой?

– Отец я поеду один, без меня у вас больше шансов выжить, они не воспримут тебя как врага. Встретимся через несколько дней в Фасхиме.

Кочевники не имели собственных деревень и жили в основном за счет грабежей караванов. Единственным их постоянным городом был Аркх Мазул, но и тот был всего лишь огромным лагерем без единой постройки. В нем обитал старейший – хранитель традиций и обрядов, он сам выбирал себе приемника и обучал его всему что знал, а после своей смерти его место занимал ученик, и так происходило раз за разом. Аркх Мазул имел несколько полей, за счет которых и получал пропитание, все остальное приносили вожди пле-

мен. Каждый вождь обязан был посещать старейшего раз в два месяца, принося с собой дары и прося совета, так же старейший разрешал споры и был высшим законом, если подобные обряды вообще могли называться законом. Кочевники имели одно принципиальное отличие от обычных разбойников, орудовавших в пустыне. Они никогда не нападали на слабых, и чтобы те не везли, ни один воин племени никогда не обнажал свой меч. К слабым кочевники относили детей, женщин и стариков, убийство беззащитных жестоко каралось, но это правило не распространялось на военные трофеи.

Вожди – самые уважаемые и сильные воины своих племен прошли немало битв и приходили к власти, как правило, в ходе того или иного сражения. Если в охраняемом караване были женщины, по праву трофея, их отдавали в пользование воинам, хорошеньких вели к вождю. Уродливых, старых и строптивых брали в рабство, старики не годились в рабы, поэтому их чаще просто убивали. Паре путников, как они кочевники были не опасны, нападение на них означала бы бесчестье, изгнание из племени и скорую смерть, но наличие охраны сулило бы верную гибель.

Отец и сын обнялись, Тайя впервые увидела слезы в глазах дяди. Ничего не сказав, он посадил ее на верблюда и забрался на соседнего сам. Наирим проводил их до невысокой калитки рядом с воротами и выпустил наружу.

Отъехав от города, девушка, наконец, набралась смелости

спросить дядю, что происходит.

– Что-то странное творится в глубине пустыни. Кочевники раньше никогда не были такими агрессивными и смелыми, – грустным голосом пробормотал дядя. – Наирим сказал, что их разведчики заметили огромное племя, приближающееся с запада, а ведь это Палена, один из самых могущественных городов Айленда. И видимо эта новость распространилась слишком быстро, вот город и охватила паника.

Города Айленда, в отличие от замков Долины, были не предназначены для осад, хрупкие дома и стены города были выстроены из песчаника и не отличались высотой или обилием укреплений. С другой стороны, в этом и не было необходимости, какими-то осадными машинами кочевники не обладали, предпочитая быстрые конные набеги. Как правило, каждый город имел свой гарнизон из наемников, которые вполне могли поддерживать порядок в городе. Нападение на город, тем более на столь крупный и богатый (что означало высокую численность местной Песочной Гвардии) казалось ошибкой или чьей-то плохой шуткой.

Весь следующий путь они проехали в полном молчании, редкие кустики и слабые ростки пожухлой травы пробивались сквозь голую песчаную землю. Ближе к морю, земля была плодородной, в городах выращивались пышные сады, а за их пределами земля была мягкой, а деревья высокими. Но Халэн вел верблюдов вглубь материка, к пустынному городу Фасхиму, чем дальше они продвигались, тем беднее стано-

вилаась земля и все больше наступали пески.

Всю дорогу девушку не покидало ощущение, что за ней кто-то наблюдает. Временами ей мерещились темные фигуры вдалеке, но короткий миг, и они исчезали, словно причудливый мираж.

Тишину нарушил дядя, остановив своего верблюда, он взгляделся куда-то за горизонт, где клубилась пыль, спешившись, он взял своего верблюда за поводья и дальше продолжил путь пешком.

– Ты сиди, – грозным голосом сказал он, попытавшейся слезть вслед за ним племяннице.

Клубы пыли приближались и вскоре рассеявшись, показали с десятков всадников, потом их число увеличилось до сотни, пока словно приливная волна на них не хлынул поток конных воинов. Кочевники окружали их со всех сторон, в центр из толпы выехал худощавый парень, его тонкие руки лежали на двух ржавых мечах.

Еще завидев клубы пыли вдалеке Халэн уже не сомневался, с чем им придется столкнуться в ближайшее время. Действительно племена кочевников было сложно перепутать, с кем бы то ни было другим. Все их отряды независимо от размера и богатства имели совершенно одинаковое обмундирование, отличаться могли лишь цвета, и то не значительно. Как правило, это были темные, чаще песочного цвета однотонные костюмы, состоящие из свободного кафтана с глубоким запахом и шаровар. Голову закрывал легкий кожаный

шлем, с которого свисали несколько длинных полосок ткани, сейчас они были обмотаны вокруг головы, закрывая лицо и шею, но оставляли узкую щелку для глаз. Подобный шлем был бесполезен в бою, но спасал при песчаных бурях, которые были не редким явлением в глубине пустыни.

– Кто ты *старик* и куда плетешься? – процедил с нескрываемым раздражением воин, спрыгнув с коня, – говори, а не то я возьму твою голову в качестве трофея.

Кочевник, говоривший с ними, был молод, слишком молод, от силы ему можно было дать лет семнадцать, он не мог быть вождем, решил Халэн, но их окружал огромный отряд и он, по всей видимости, ему подчинялся.

– Ты управляешь этим племенем?

– Ты не смеешь задавать мне вопросы *старик*, но я тебе отвечу, тем более что жить тебе осталось не долго, – юноша сплюнул и разразился жутким, визгливым смехом. – Мое имя Рахж Разящий, в моем подчинении первые всадники Бахрама Айдэ Айгея, моего кровного брата.

– Если у тебя есть честь, уведи своих людей и дай нам дорогу, – Халэн обнажил мечи, угрожая юному вождю. “Что-то с кочевниками было действительно не так, но если начнется бой, он уж точно захватит с собой этого наглого выскочку,” – решил он, готовясь к сражению.

– Убери меч *старик*! – в голосе парня проступило напряжение. Он, в который раз с презрением акцентировал свою речь на слове «*старик*». – Была бы моя воля, я бы украсил

твоей никчемной головой своего коня, а твоя девка ублажала бы меня этой ночью. Отвечай, откуда ты идешь? – Халэн, послушно убрал мечи, в надежде все-таки избежать заранее обреченной на поражение битвы. Как только они доберутся до Фасхима нужно расспросить Наирима, что происходит в пустыне, но сейчас главное не совершить ошибку.

– Мы путешествуем из Палены.

– Палены? Ваш белый город боится, да? Я правильно понял тебя, *старик*?

– В городе паника, там остались только больные да мертвые, вы ничего там не найдете.

– Вот как. Значит, мы добьем раненных, а потом догоним таких же беглецов, как ты, – воин осклабился в ехидной улыбке.

– У вас есть закон...

– Закон?!? – Рахж взбесился, его визгливый голос перешел в крик. – Красный человек с проклятой четвероногой тварью убил закон, и теперь молитесь своих жалких богов о теплом приеме. Скоро вы с ними встретитесь! – парень снова сплюнул, вскочил на коня и скомандовал отряду продолжить путь.

Быстро разгоняясь, всадники скрылись, удаляясь на восток, к Палене.

– Наирим пусть сохраняют тебя темные боги. Тайя, нам нужно свернуть, – запрыгнув на верблюда, он повел его на север обратно к морю. Мысль о том, что это войско всего

лишь разведка, прощупывающая путь основных сил, сильно встревожила его. Откуда такая численность у одного вождя, что за красный человек? Оставалось много вопросов, и ответы на них не сулили ничего хорошего.

Они ехали без остановки до самого вечера, пока Халэн опять не спрыгнул с верблюда, вдалеке снова маячили всадники.

– Провалитесь вы в бездну! Мы же должны были их обехать. Тайя, веди себя тихо и если боги нам благоволят, мы благополучно минуем и их.

Тем временем люди приближались, одежда их разительно отличалась от войска кочевников под руководством Рахжа, сразу же бросалось в глаза их ободранные камзолы и шаровары, разного цвета и размера.

– Это не кочевники, – он завел правую руку под плащ, положи ее на клинок, готовясь в любой момент выхватить его из ножен и нанести удар.

– Может это караван, – звонкий счастливый голос племянницы сжал сердца ее дяди, во всей этой неразберихе и спешке он совсем забыл, какое юное дитя путешествует с ним.

– С ними нет товаров, одни наемники, – первые четыре всадника уже находились в нескольких ярдах от них, другие стояли на горизонте, следя за происходящим. – Если я скажу, беги – пинай, кусай верблюда, но гони его, как можно быстрее назад в Палену и не оглядывайся, – прошептал дядя. – Кто вы? – выкрикнул он приближающимся всадникам.

– Мы мирные беженцы, как и вы. В степях стало не безопасно, кочевники бушуют, нападают на караваны пуще прежнего и даже не боятся атаковать города, – один из всадников изобразил улыбку и, спрыгнув с коня, стал подходить ближе. – Вы так прекрасны и беззащитны, я могу вас охранять и днем, и *ночью*, – добавил он, не сводя глаз с юной особы.

Остальные трое всадников уже окружили их со всех сторон. Халэн перехватил руку мужчины, тянувшуюся к его племяннице, и потребовал оставить их в покое.

– Не мешайся старик, я разговариваю не с тобой, – наемник выхватил изогнутый меч, приложив острое лезвие к горлу вставшего перед ним мужчины. – Будь поговорчивее, и быть может мы дадим тебе уйти живым, – улыбаясь, прошептал он ему на ухо.

– Беги!!! – крикнул Халэн и что есть сил, шлепнул верблюда своей племянницы.

Наемник не успел проронить и слова или что-либо предпринять, как меч старого война вошел в его горло и, переливаясь алым блеском, вышел с обратной стороны.

Кружившие рядом всадники даже не заметили гибели своего товарища, двое из них ударив ногами своих коней, было, ринулись в погоню, но в ту же секунду повалились на землю, сопровождаемые болезненным криком лошадей. Ноги обеих были подрублены, с диким ржанием они пытались подняться и снова падали, все сильнее втаптывая своих быв-

ших наездников в твердую землю.

Последний из четверки выругался, выхватил свой меч и ринулся на соперника. Его лошадь последовала примеру предыдущих и в скором времени жалобно простонав, упала с распоротом брюхом. Ловко соскочив с погибающего животного, наемник, продолжал наступление, его глаза горели, меч жалил быстрыми, резкими ударами, все дальше оттесняя оборонявшегося. Отбив очередной удар Халэн повалился на землю, метя плечом в колени противника, опьянев от ярости и безумия кровавого танца, нападавший так и не заметил уловки, его меч прочертил линию там, где мгновением ранее была шея врага. Не удержавшись на ногах от сильного удара, он начал падать, его рука еще продолжала слабо дергаться, силясь нанести удар, в то время как из спины торчали два окровавленных клинка.

Все четверо были мертвы, но в их остекленевших глазах все еще блестел огонь битвы, а вот жизнь их покидала, оставляя лишь молчаливо взирать на судьбы оставшихся в этом мире.

Измощенный, окровавленный старый воин вылез из-под мертвого тела, поднявшись, он приготовился встретить приближавшийся отряд.

Слезы застилали глаза, из-за страха дрожали руки, ей с трудом удавалось держаться на несущемся животном. Обняв верблюда и утопив лицо в его длинной пушистой шерсти,

она рыдала.

– Тише, разве можно так нестись, ты чуть не скинул свою хозяйку, – совсем близко раздался бархатный голос, поразивший девушку и вернувший ее к реальности.

Тайя отцепившись от верблюда, попыталась оглядеться. Животное больше не мчалось, в этом не было сомнений, и со всех сторон слышались голоса. Из-за слез, картинка расплывалась, вокруг нее кружили очертания людей, один из них находился прямо перед ней. Протерев глаза, девушка попыталась понять, что же произошло. По всей видимости, она ускочила далеко от того места, где на них напали, и чуть не врезалась в караван. Рядом стояла вереница верблюдов нагруженных всевозможной утварью, между ними ходили люди, несколько вооруженных всадников патрулировали округу. На нее смотрел кареглазый мужчина, одной рукой он держал поводья, другой, успокаивал животное, глядя его по шее.

– Помогите! – опомнившись, прокричала она, схватившись за руку мужчины, став указывать назад, – на нас напали... там дядя... они его убьют...

– Тише дорогая, кто на вас напал? – бархатный голос успокаивал и вселял надежду.

– Там... они... кровь... – только и могла всхлипывать девушка.

Отставал лишь последний. Самый слабый, блеклый, он никак не хотел разгораться и всеми силами противился призыву собратьев. Зародившись глубоко в землях Айленда, он был самым молодым, гордым и непослушным. Он чувствовал тягу, слышал зов, и даже не ведая того, несясь напрямик в эпицентр.

Огромные серые монолитные обелиски окружали полного мужчину, облаченного в дорогие шелка. В это мрачное, холодное помещение никогда не проникали солнечные лучи, здесь не было окон, а стены и потолок утопали во тьме. Единственный свет здесь исходил от факела, размещенного на невысоком постаменте. Его скудного пламени едва хватало на то, чтобы осветить самого человека и очертания камней.

– Судя по вашему прошлому докладу и информации, известной нам по собственным источникам, магистрат теряет авторитет и контроль на Мидлендом, а сам Великий Магистр отсутствует, – толстяк говорил надменно, но все же в его речи чувствовался страх, перед окружавшим его мертвым камням.

– Люди шепчут, что лорды бунтуют, возможен заговор против ордена, – донесся голос со стороны одного из обелисков, и его сразу прервал другой.

– Даже ослабленный предательством вассалов орден все еще имеет многочисленное войско в наших землях и ни од-

ну экспедицию на Кальдере. Вы рискуете, если решили объявить ему войну, – второй голос был низок и по ощущению принадлежал гиганту.

– Мы представляли вам доклад в прошлом месяце о возможном положении скрытой тюрьмы или исследовательского центра, принадлежащего ордену, к югу от города Маанхерт. Его вы, кажется, проигнорировали, а теперь заявляетесь с просьбой о покушении? – проскрежетал новый голос, возможно принадлежащий дряхлому старику.

– Вы не так меня поняли, – начал оправдываться стоявший в центре мужчина. – Мы просим вас подтвердить или опровергнуть исчезновение магистра Льюса и по возможности подстегнуть недовольство лордов.

– Подобные действия не останутся без внимания магистрата, – вновь в разговор вклинился бас.

– Мы будем все отрицать, как и всегда, – быстро отпарировал толстяк.

– Играете с огнем, Хезар, – задумчиво произнес старец. – Но, если орден начнет войну, безмолвные вам не помогут.

– Хорошо, совет будет ждать нового отчета, – удовлетворенный полученным мужчиной по кругу поклонился обелискам, и подхватив факел, скрылся в полумраке.

Улицы Ниализа были как всегда многолюдны. Народ шнырял туда-сюда, кто-то продавал, кто-то покупал, кого-то покупали. Столица Торговой Картели была самым живым

и населенным городом из всего Айленда. Здесь располагались и совет купцов картели, что фактически и управлял всеми городами, и формальный форт Безмолвных – наемников, по желанию, выполнявших роль армии и стражей Картели. Здесь же и в неприметной землянке располагался алтарь Тишины – организации исполнявшей роль разведки и вечных наблюдателей. Власть в Картели менялась чуть ли не каждый день. Купцы приходили и уходили, разорялись и обогащались, и в конце концов временами случайно умирали, отчего совет менялся довольно часто, как и сами его решения, чему к слову и способствовали, как Тишина, так и сами Безмолвные.

Барет – мужчина лет сорока, плотного телосложения, за всю свою жизнь успел натворить многое. В детстве он воровал, в юности убивал, сейчас же он жил с виду тихой, мирной жизнью. Ища в юности пропитание, он вступил в ряды Безмолвных, и был направлен в Фасхим, дабы присоединится к местной Песочной Гвардии. Конечно, работа была не из приятных, но зато сколько возможностей открывало для юного бывшего вора. Тут тебе и власть над мелкими купцами и деньги и связи. Хочешь воровать, но зачем, ведь можно обирать население, причем регулярно и без какого-либо риска. Наскучит воровать, так обязательно найдешь в городке три, а то и десять различных купцов, не поделивших рынок и умолявших тебя убить злополучного конкурента за любую плату.

К счастью или, к сожалению, но Барет убивать не любил и все свои пять лет службы в гвардии провел тихо, лишь изредка вмешиваясь в конфликты населения. В результате подобная жизнь не принесла ни дохода, ни славы, ни известности, в итоге он был никем, одним из миллиона других, не приметный, одинокий и никому не нужный. Никому, разве что Тишине.

Как-то к нему подошел малыш, лет восьми, весь ободраный и худой, типичный ребенок, выросший в Картели. Он позвал могучего стража на рынок, где, по его словам, грабили его мать. По очевидному совпадению до рынка они так и не дошли. Память о дне или неделе, когда он стал частью Тишины, для Барета всегда была расплывчата. Очнулся он уже в другом конце пустыни, с сидевшей над ним бабкой, смачивавшей его лоб. Фасхим остался в далеком прошлом, как его прежняя жизнь. Его первым заданием было войти в совет Картели, а чуть позже умереть. Справился он не слишком хорошо, но руководство Тишины осталось довольно. Сейчас же уже спустя пятнадцать лет, он был незаменимым человеком, и практически единственным агентом, который искагал Великую Долину вдоль и поперек. Он знал множество тайных троп и пещер в лесах, все скрытые входы и выходы в крепости лордов, всех продажных стражей, и гвардейцев. Словом, Тишина не особо долго размышляла о кандидатуре, способной выполнить новое задание.

– Налей-ка мне тоже, – плюхнувшись на большую дере-

вянную скамью, прокричал он стоявшему поодаль мужчине.

– О! Велет, видать денжат раздобыл, раз вновь появился. Давненько тебя не было видно, – к наемнику подсел худощавый тип с ехидной улыбкой лисы. – Тут дельце одно есть, подсобишь? – чуть ли не шепотом произнес он, склонившись над кружкой.

– Снова грабить караваны? К чему тебе это, шел бы в гвардию.

– Люблю свободу. Ну, что скажешь? Куш то не маленький.

– Новости не слышал разве? Молва ходит, что не ладное что-то твориться у кочевников. Собираются в стаю, словно дикие собаки. Не ровен час, как нападут на нас.

– Народ любит сплетни, делу это не помешает. Давай, соглашайся, Велет, вспомним старые времена.

– Ты лучше мне скажи, знаешь ли купцов, что торгуют снедью из Мидленда? Травы там, грибы.

– Зачем тебе это? Вино, персики, да девчонка под рукой, что тебе еще то надо.

– Так знаешь или нет?

– Ну, купец Глисер Арар Ту Шах тут недавно ягодами торговал, явно, что ненашенские они. Халэн сэ Шахис аль Досур, но о нем ты знаешь.

– Где Глисера найти знаешь?

– Да, там же где и всех остальных, на базаре спроси. Эй ты куда? – выкрикнул лис, провожая мужчину недобрым взглядом. – Да и хрен с тобой, недоумок, – сплюнув на стол, где

мгновение назад сидел его так называемый друг, огрызнулся разбойник. – Хоть эль не допил, и то какая-то польза от тебя.

Народ не переставал суетиться, наполняя улицы. В толпе было тяжело передвигаться, но Барет целенаправленно двигался вперед. Его интересовали нищие, а если точнее, то дети – вечно снующие маленькие мышата. Они были в курсе всего, могли достать любую информацию, когда-то и он был таким, перебиваясь скудным заработком любопытных личностей. Вот и сейчас он довольно быстро нашел группу ребятишек, приютившихся на окраине огромного базара. Они засохшую грязь и грустно осматривали округу.

– Ждут сигнала, – подумал он, внимательно оглядев базарную площадь, и точно вскоре он заметил мальчишку лет пяти, протискивавшегося сквозь ноги покупателей и носильщиков, а вскоре и еще одного. Подростки могли в любой момент начать свою ежедневную игру за выживание, в попытках урвать у невнимательных купцов их товар, а у покупателей деньги.

– Привет, – присев на корточки перед одним из ребятишек, он добродушно улыбнулся.

– Чего тебе надо? Иди куда шел, – тут же вмешался парень по старше, схватив в охапку и оттолкнув младшего.

– Мне нужен купец Глисер, что не так давно торговал здесь. Найдете мне его или скажете, где искать – получите золото, – услышав приятную фразу ребята быстро встрепе-

нулись, старший стал что-то быстро нашептывать своим подопечным, и поддав несколько подзатыльников вновь развернулся к будущему нанимателю.

– Оставайся здесь, мы сами найдем тебя, – коротко отчеканил парнишка и вскоре скрылся с последним из своей команды.

Теперь оставалось только ждать. Тишина уже далеко не в первый раз сотрудничала с местной шпаной. Голодные дети были готовы практически на все что им приказывали, а вот на ник как правило никто особо внимания не обращал.

Еже до полудня прогуливаясь между торговых рядов Баррет почувствовал не смелое подергивания. Тот самый пятилетний мальчишка, с которым он и начал разговор стоял у его ног и осторожно теребил его за штанину.

– На базаре его нет, мы все обыскали, – пропищал мышонок, – но вчера вечером его видели в харчевне “Горячий Тунец”. Говорят, он распродал свой товар и собирался отправится за новым.

– Молодец, – ободряюще улыбнувшись, он взлохматил и без того спутанные волосы мальчугана. – А это, то что вам причитается, достав заранее приготовленный мешочек со звонкими монетами он положил его на маленькую ладошку малыша.

“Горячий Тунец” это могло серьезно осложнить планы. Ему уже не в первый раз приходилось проникать в Ансельм, но стража менялась каждые полгода, а вместе с ней пропа-

дали и связи. Названная харчевня располагалась на отшибе города и служила скорее перевалочным пунктом для наемников, нежели для купцов, последние предпочитали места по роскошней такие как дом “Ночной Звезды” или харчевню “Опаленный Тигр”.

Проплыв в потоке людей, он покинул центральную часть города, углубившись в более бедные и темные его участки. Вывеска харчевни, выцветшая и облупившаяся, встречала гостей. Внутри было мрачно и сыро, в нос ударял запах алкоголя, а уши глохли от бесконечно брани посетителей и неумелой игры местного барда.

– Что налить? – Барета встретил дородный мужчина со грязными сальными волосами.

– Мне нужен Глисер, говорят, его видели здесь вчера.

– Кто говорит такое?

– Ты правда хочешь это знать? Он мне должен и должен неприлично большую сумму, а теперь пытается скрыться. Хочешь поспособствовать его затее? – времени было мало и терять его совсем не хотелось, поэтому в ход пошли самые радикальные меры.

– Нет, нет, я же просто стараюсь поддержать беседу... – тут же испуганно начал тараторить хозяин.

– Я жду ответа, а мой нож жертвы и как мне кажется для тебя будет лучше если мое желание исполнится раньше, чем моего ножа.

– Ты не посмеешь, в моем доме, на глазах у всех... – муж-

чина с испугом наблюдал, как рука его собеседника медленно обхватывает рукоять кинжала, – Он здесь у меня, готовиться к отъезду и просил, чтобы его не отвлекали, – не выдержал толстяк.

– Где?

– Там, за прилавком, – мужчина указал на дверь в другом конце помещения.

Резко оттолкнув дрожащего, как осиновый лис толстяка Барет направился к указанной двери. Сегодня ему повезло, купец был в шаговой доступности и того лучше сидел один в небольшой комнатке, а за дверью пировал народ.

Войдя внутрь, и закрыв за собой дверь наемник заметил человека, медленно разбиравшего золотые монеты.

– Кто ты? Что тебе надо, – резко выпрямившись и достав изогнутый кинжал выкрикнул купец, – давай подходи если осмелишься, я и не таких рубал, много вас охочих за чужим добром.

– Ты серьезно? Ты хоть раз то им сражался или только для красоты носишь?

– А ты проверь! А? Боишься? Или проваливай отсюда!

Барет даже с каким-то детским озорством смотрел, как перед ним танцует купец, изображая из себя умелого воина. Он взмахивал мечом, вставал в позы, демонстрируя свой богатый боевой опыт и без конца подначивал соперника, сам при этом не пытаясь атаковать. Барету хватило всего лишь легкого рывка чтобы одним ударом выбить меч из руки хва-

стуна, а легкой оплеухой он повалил и его самого на кровать к заработанным монетам.

– Хороший клинок... Был когда-то. Ты бы его хотя бы точил временами, – схватив за тупое лезвие он протянул оружие распластавшемуся на кровати мужчине. – Давай по-хорошему, мне твои деньги не нужны, как и сам ты, впрочем.

– Так зачем ты тогда пришел?

– Ты продавал ягоды, продукт дорогой и редкий для наших краев. А значит у тебя есть связи в Ансельме, иначе бы ты не получил товары из долины.

– Так дело ты мое хочешь отобрать? – вновь взревел купец.

– Да утомись ты уже. Мне нужно покинуть Айленд. Кто твой человек в крепости?

– Айленд значит покинуть, а зачем? – в купце проснулась любопытство и его маленькие глазки хитро загорелись.

– Я ведь предложил тебе по-хорошему. Мне ведь ничего не стоит, сейчас сломать тебе ноги, выхватить кинжал и медленно срезать с тебя кожу, пока ты не согласишься ответить на мои вопросы, – любопытство мужчины тут же сменилось страхом, его лицо побледнело, а на лбу выступил пот.

– Морган, я знаю только имя, Морган! – выкрикнул он, – он дежурит по вечерам и с утра у северной башни. Его там многие знают, он часто проносит контрабанду, на этом и зарабатывает.

– Опиши его.

– Что описывать то, гвардеец гвардейцем, как и все другие. Волосы каштановые...

– Что еще?

– Да не знаю я! Не баба он чтоб рассматривал я его, жует он еще все время что-то.

– Ну вот и прекрасно, – вновь улыбнулся Барет. – Приятно было пообщаться, и я очень, надеюсь, что ты был предельно искренен, а наш с тобой разговор сотрется из твоей памяти, так как рано или поздно все мы замолкаем. Тишина грядет, – услышав приветствие, лозунг – все, чем является Тишина для населения Айленда купец чуть было не потерял сознание, его ноги тряслись, лицо потеряло остатки красок жизни. – Приятного путешествия, – на прощание выкрикнул Барет, закрывая дверь комнатухи за собой.

Теперь он был на шаг ближе. Купец вряд ли лгал и оставалось только найти этого Моргана, но в любом случае трудности только начинались. Запугать купца дело не хитрое, одного намека об организации членом которой он являлся, зачастую хватало чтобы заставить любого предать все во что он верил и чем дорожил ранее, с гвардейцами же такое не пройдет. Они народ упрямый и алчный по большей своей части, их конечно же можно убить и сделать это будет не сложнее чем с бродягой в закоулках Ниализа, но что это даст?

Оседлав коня и вновь попрощавшись с родными стенами, он двинулся на восток. В отличии от большинства парнишек ему повезло родиться в Ниализе. Он рос и воспитывался на

этих улицах, он знал о них все, но пятнадцать лет вылазок за пределы Айленда изменили многое, жаркий, солнечный город уже давно перестал быть домом. В долине ему всегда было уютней, так словно бы он жил в ней с рождения, леса, каменные крепости, реки – все казалось таким знакомым и родным, а песочные стены его родного города с каждым годом становились все более чуждыми и отталкивающими.

К утру, он уже приближался к Фенрезу – самому восточному городу Картели. Война между Долиной и Картелью уже тянулась многие годы, боевых столкновений в ней практически никогда не случалось, но при этом обе стороны делали все возможное, чтобы навредить друг другу. Саботаж, тайные убийства, шпионаж процветали по обе стороны, но, к слову, это никогда не мешало двум соседям тайно торговать друг с другом. Естественно, на любые товары, будь то вкуснейшие деликатесы или дорогие украшения, был введен запрет, но зачастую на рынках Долины, а особенно в Солас Море всегда было можно найти большой выбор шелков, а в домах зажиточных купцов всегда присутствовали янтарь и свежая речная рыба.

Торговой Картели принадлежали разные города и что естественно с разным достатком. В зависимости от статуса купца и его доходов развивался и соответствующий город, отчего существовали как огромные много квартальные поселения с собственной гвардией и дорогими домами, так и полунищие захолустья с землянками и наемниками, присы-

лаемые безмолвными. Фенрез же нельзя было отнести ни к одну из описанных типов, его и городом то было сложно назвать. Образовался он скорее, как перевалочный пункт для контрабанды из долины и уже значительно позже оброс землянками и подобием стены, отделявшим его от степной пустыни.

Народ здесь жил премерзкий, говоря откровенно, часть из них были заезжими купцами. Что прибывали сюда за товаром от продажных гвардейцев из крепости, но остальная, подавляющая часть, была обычными разбойниками, промышлявшими грабежами. Спрашивать у столь колоритного населения о Моргане было, по меньшей мере, глупо так что, оставалось понадеяться на удачу и отправиться к небольшому оазису вблизи крепости. Там в окружении нескольких деревьев, в тени, он и провел остаток дня.

Караульные неспешно патрулировали стену, периодически подменяя друг друга, но, если верить словам купца, что с потрохами сдал своего поставщика, среди них Моргана быть не должно, и действительно на закате у северной башни появился новый гвардеец. Волос в темноте, да и с такого расстояния, к сожалению, было не разглядеть, но время подходило, да и медлить больше было нельзя, пришлось рискнуть. Пожелав себе удачи и дождавшись, когда мужчина останется на стене один, агент Тишины вышел из своего укрытия.

– Законами ордена Ирдром вам запрещено приближаться к крепости! – громко выкрикнул гвардеец, заметив незна-

комца под стеной.

– Дело есть, спустись – обсудим, – стараясь выглядеть непринужденно, ответил на угрозу Барет.

– Дело у него есть, ага, нашел идиота. Ты на купца то не похож. Горло мне перережешь и все конец бедняге Моргану.

– А проку то какого? Я тебя первый раз вижу, с чего ты мне сдался то.

– А ну кто знает, может заказали тебе меня!

– Не переоценивай свою тушку. Спускайся давай!

– Вот с этого бойни и начинаются. Ты верного стража на стене прирежешь, сам проберешься к воротам, да откроешь, а там и все ваше войско внутрь пойдет. Вали-ка ты отсюда!

– Эт какие я ворота открою? Те, у которых подъемный механизм у вас в казарме? Тот что стерегут денно и ночью четверо караульных, не считая все казармы, где отдыхают дене-веки? Не валяй дурака. Спускайся! Был бы я разведчиком, так пока мы с тобой болтаем, тебя бы уже давно сняли, на стену бы я не один полез, а с кошкой и целым отрядом. Дело у меня к тебе есть говорю, спускайся или я действительно пошел! – Барет решил пойти ва-банк, в надежде, что жадность возьмет верх над гвардейцем, и уже было развернулся, изображая, что собирается уходить как, его окликнули.

– Ладно, шас, только держи руки на виду, – порывшись где-то за зубцом гвардеец вытащил сверток, и закрепив его, сбросил вниз.

“Да, видать, он это на поток поставил” – думал про себя

воин, наблюдая как гвардеец спускается по веревочной лестнице вниз.

– Ну, говори, что за дело у тебя?

– Мне бы через стену пройти, надоела жизнь в пустыне, хочу к травке и лесам.

– О как! В цитадель проникнуть хочешь, это не грибочки принести, такое дело дорого встанет.

– Сумма не проблема, – продемонстрировав тугой кошель, набитый золотом, наемник спрятал его обратно.

– На кой мне деньги Картели? Тут дело ведь другое, я тебе услугу, а ты уж будь добр мне.

Такого опытный агент не ожидал, как правило, гвардейцы соблазнялись золотом и впоследствии его обменивали на более полезные вещи у тех же купцов что к ним приходили, некоторые, конечно, были менее сговорчивые, но и там, как правило, удавалось сговориться на каких-нибудь вещах.

– И что ты хочешь в обмен?

– Давай не будем притворяться. Знаешь ты много, чего знать то тебе не положено и выглядишь ты отнюдь не как заправский торговец. Я бы сказал, что ты скорее вор или наемник, но тут что-то чувствую я все гораздо сложнее, – гвардеец лукаво улыбнулся. – Ты нечто больше чем просто обычный убийца, ты Тишина.

– С огнем играешь, называя их имя.

– А что будешь отрицать? Убивай давай, вот он я, спустился. Будь, у тебя другой способ проникнуть в крепость,

ты бы здесь сейчас не стоял.

– Чего тебе нужно?

– Вот, правильно, давай перейдем к самому интересному. Тут паренек есть, недавно к нам направлен был. Весь такой правильный и чистый, аж тошно, да и к тому же к нему девка одна прицепилась. Я к ней понимаешь уже полгода хожу, вроде и любезен был и подарки дарить пытался, а эта тварь все ни в какую. И вот посмотрите, тут не прошло и недели, как они вместе, не порядок это. Все, по совести, должно быть. Ты ему исчезнуть поможешь, а я ей утешение принесу. И все довольны, идет?

– Кто этот человек, – мрачно осведомился Барет, наблюдая за улыбкой своего собеседника.

– Да ты утра подожди, он как раз ко мне придет. Проверять... Я знак тебе дам, чтоб ты понял. Как он исчезнет, так и ты вместе с ним. А я ведь и подумать не мог, что на меня сама Тишина работать будет, свезло же!

– Распрощавшись с гвардейцем, Барет направился обратно в свой уютный оазис. Осталось ждать утра, и того бедолагу, что встал у него на пути. Убивать ему приходилось не в первой. На его душе лежали, как постыдные смерти юности, где нищета и голод толкали на радикальные меры, так и мертвецы, чьи жизнь забрала жизни многих других.

Дождавшись красного восхода и чуть ли не прыгающего на стене от радости гвардейца, указывавшего на своего сменщика, он тяжело встал. Тело словно бы препятствовало каж-

дому его шагу. Выхватив из-за пояса кинжал, он прицелился в грудь своей жертвы, но вдруг интуитивно пошел вперед. Он не понимал, что он собирался сделать, когда вновь оказался на том же месте под стеной.

– Именем магистрата вам запрещено приближаться! Я вправе открыть ог... – востроенувшись, прокричал воин.

– Сегодня ты умрешь, – всего три слова, вся суть его заказа.

– Что ты сказал? Ты угрожаешь?

– Я предлагаю сделку, – вдруг сам от себя не ожидая, выпалил Барет.

– Ты в своем уме, убирайся отсюда, – подняв лук и прицелившись в незнакомца под стеной, выпалил страж.

– Мне нужно на ту сторону, и я знаю, как мне туда попасть, препятствием служит всего лишь твоя жизнь.

– Я последний раз повторяю, угрозы в адрес гвардейца караются заключением и смертью, убирайся или я стреляю...

Тихий свист, затем хруст и лязг метала, оборвали слова гвардейца. Метко брошенный кинжал, взмыл к стене, точно срубив наконечник стрелы и отскочив от крепостного зубца, спикировал к подножию стены.

– Это не угроза, а заказ, – спокойным тоном, произнес он, наблюдая за ошеломленным мужчиной. – Уйду я, придет другой, и ты умрешь. Спускайся, если бы я хотел тебя убить, то кинжал бы уже торчал из твоей груди.

Мужчина опустил свой лук, на мгновение, задумавшись,

он рванул бегом в башню и вскоре показался снаружи. Он шел быстро и уверенно, направляясь прямо на Барета.

– Ты вышел из крепости? И тебя так легко выпустили?

– Кто меня заказал? – глаза гвардейца горели, он крепко вцепился в запястье своего бывшего убийцы.

– Мне нужно пройти через стену.

– Это невозможно.

– Тогда ты не оставляешь мне выбора.

– Ты должен назвать имя.

– Что оно тебе даст?

– Будет суд, он не должен остаться безнаказанным.

– Очнись! Сейчас я убью тебя, и никому ты это имя не передашь.

– Я проведу тебя внутрь, и ты дашь показания на трибунале, дальше, если сможешь выбраться из крепости в город, я не буду мешать.

– Трибунал? Это смешно.

– Ты попадешь в крепость.

Резко развернувшись, парень быстрым шагом направился к крепостным воротам.

– Следуй за мной, – полуобернувшись, командовал он. – Живо.

Крепостная решетка, на удивление, была поднята. Такой ее Барет еще никогда не видел. Как правило, внутрь он пробирался, вскарабкиваясь на стену при содействии своего проводника или через слуховые проходы, спрятанные по-

одаль. Однажды его даже провели по древним катакомбам под самым гордом, но человек, что помог ему тогда, ныне отсутствовал в силу своей рисованной профессии, а сам он никогда бы не смог разобраться в этом спутанном лабиринте.

– Капитан!

– Капитан!

Проходя, мимо гвардейцев, охранявшие ворота, парень лишь сдержано кивал, а те в свою очередь вставали по стойке смирно, отдавая честь.

Теперь стало ясно, как этот молодой парень так легко вышел из крепости, по всей видимости, он был чьим-то знатным сыном, который в чем-то крупно провинился, раз оказался здесь. “Дааа, теперь многое становилось понятно,” – думал он про себя, пока следовал за капитаном стражи, углубляясь в крепость.

Стоило только захлопнуть дверь кабинета, после вошедшего в нее наемника, как парень чуть ли не набросился на Барета.

– Имя! Назови мне имя! Быстро!

– И что будет дальше? Ты вызовешь лорда Ансельма и начнется суд? У меня не так много времени, да и, честно говоря, не стремлюсь я на столь публичных слушаньях побывать.

– Для этого лорд не обязателен. Я командир этой крепости, а она формально принадлежит ордену и у меня есть все права на проведение военного трибунала. Назови мне имя!

– Морган.

– Ах, подлая тварь, поскуда злопамятная, – лицо парня побагровело, а кулаки сжались, так что стали видны белые костяшки пальцев. – Быстро! За мной! – скомандовал он видимо привычным голосом. – Арнольд! Быстро спускайся во двор и бегом к северной башне. Предупреди там Стафорда и перекройте с ним спуск со стены. Рой и Кроу следуйте за мной, – приказал он стоявшим на посту гвардейцам.

Спустившись на этаж ниже, они оказались в столь знакомой наемнику казарме. Здесь отсыпались стражи ночью, а те что в нее дежурили соответственно днем. Отыскать Моргана не составило труда. Злощастный заказчик спал сном младенца на грязной койке у стены.

– Доброе утро, – собрав накопленную ярость, парень со всей силы ударил спящего по лицу.

Проснувшись, он понял все довольно быстро. Нависавшие над ним гвардейцы, готовые по первому же приказу скрутить его, живой капитан и сам убийца – все стояли прямо перед его кроватью.

– Ах, ты ж сучий потрох, – схватившись за голову и изображая раскаянье, Морган замер на мгновение, но тут же резко вскочил, и, оттолкнув одного из гвардейцев, выбежал в первую попавшуюся дверь.

– Хватать его не планируешь?

– Да куда он сбежит? Этот проход ведет на стену и единственный спуск, не считая казармы, пролегает через север-

ную башню, а там его уже ждут. Рой, Кроу, приведите мне его, не обязательно целым, но желательно живым.

Проследовав за двумя гвардейцами, они вышли на стену. Здесь было все видно, как на ладони. Убегающий и постоянно оглядывавшийся Морган, два мужчины, не торопясь шедших за ним, а вдалеке фигуры гвардейцы ожидавших у подножия лестницы. Он был в ловушке, но пока этого еще не понимал. Но вдруг его бег замедлился, ноги стали заплетаться.

– Пророк Всемилоственный, и это наши воины? Он ведь уже выдохся, – даже с некой горечью произнес капитан.

Несостоявшийся заказчик же уже совсем выбился из сил и даже посланные в след за ним гвардейцы теперь уже просто стояли, наблюдая, за загнанной, задыхавшейся крысой. Морган оперся рукой о крепостной зубец, продолжая оглядываться на стоявших мужчин уже не только со стороны казармы, но и поднимавшихся по северной лестнице. Он схватился за голову, мотал ею из стороны в сторону, шатаясь, побрел к краю стены...

– Держите е... – словно не замечая обрыва, перевалился за край зубца, и рухнул вниз.

– Нет! – тут же выкрикнул капитан. – Суицидник проклятый! Быстро вниз всем, он должен предстать перед судом.

– Капитан, я боюсь, в этом больше нет необходимости, – произнес стоявший рядом гвардеец, взглянув в силуэт, лежавший на земле.

– Пророк... – только и смог выдохнуть капитан.

– Фьерс, нападайте на их лагерь с запада, и сразу же отходите к лесу. Постарайтесь, как можно больше увлечь за собой людей, нам нужно раздробить его войско. В сорока милях отсюда вас уже ждет Аргон с двумя отрядами лучников, он занял позиции и уже перекрыл дорогу... – командовал, чей-то голос, разбудивший Марка.

Аббат, чуть привстав огляделся, он лежал в палатке, его левое плечо и грудь безумно болели, а голова готова была расколоться на части. Из небольшого проема между тканями открывался вид на клочок поля, усеянного мертвыми телами, вокруг которых в спешке сновали вооруженные люди.

Воины пристально осматривали каждое тело, услышав стоны или заметив любые признаки жизни, они тут же хватали выжившего и уносили за пределы видимости. Молодой парень, облаченный в блестящую на солнце броню, стоял в самом эпицентре этого праздника смерти и выкрикивал приказы, видимо, управляя царившей суматохой.

– Слава Темным богам! Ты очнулся, – обернувшись к палатке, прокричал он и быстрым шагом направился ко входу внутрь.

Но вошел он уже не один, сразу за ним зашел, и юноша примерно его лет, невероятно высокий и худой – молчаливый Джейк, всплыло в голове аббата его имя. Пока Джейк

занял свое место около своеобразного входа и выхода из палатки, второй парень приблизился к старику. Его тяжелый взгляд пронзил Марка, лицо юноши было грязным от дорожной пыли, за спутанными волосами уже давно не ухаживали, и они нечесаными патлами спадали к плечам. Усталость и походные условия наложили отпечаток на лицо юного воина, отчего он казался значительно старше своего возраста.

Мысли старика путались в голове, этот парень был ему так знаком, его голос, черты лица, походка – все было настолько узнаваемо, но воспоминания ускользали из памяти, словно верткая речная рыбешка. Имя Джейка как-то сразу всплыло из глубин памяти, но как звали второго... Что-то мешало вспомнить. Чьи-то слова, выкрики, события, картины, все словно кружилось вокруг него в безумном хороводе, но боль никак не давала сосредоточиться на деталях.

Ладонью аббат прикрыл глаза, яркий свет из проема, ведущего на поле, ослеплял его и отдавался жгучей болью в голове. На какой-то миг он снова оказался в кромешной темноте, наедине с болью, лишь тихое потрескивание огня слышалось откуда-то издалека.

– Марк, Мааарк... – в его измученное болью сознание кто-то упорно ломился. Как же не хотелось открывать глаза, снова видеть яркий свет, снова слышать чьи-то голоса и крики, наблюдать за испуганно снующей толпой. Здесь, в его собственном темном мирке он мог отдохнуть, забыть о боли

и проблемах, но голос не унимался, становясь все громче и ближе с каждым новым призывом. – МАРК!!! – в одночасье он окружил его со всех сторон, и прогремел, словно раскат грома.

– Да, да. Я все слышу, – аббат, наконец, заставил себя открыть глаза, осторожно привстав, опираясь на стену. Стену? Он огляделся, полумрак щадил его сонные слабые глаза. В центре пещеры догорали угли, от которых исходила эфемерная оранжевая дымка. Память медленно возвращалась. – Сон, это был всего лишь сон, – бубнил он, разминая ноющие мышцы.

– Ты что-то сказал? – голос, как и раньше, отражался от стен причудливым эхом.

– Не обращай внимания. Сколько я проспал?

– Довольно долго, пол дня, наверное, не меньше. Дождь прекратился и твой *Рэн*, уже *мчит*ся за тобой на какой-то дряхлой телеге. Тебе стоит поторопиться, если не хочешь, чтобы он видел, как многоуважаемый всеми аббат вылезает из кустов.

– Если не хочешь, чтобы он поселился в твоей пещере, ты хотел сказать, – передразнил его Марк.

– Голова сильно болит? – уже заботливей поинтересовался невидимый собеседник.

– Бывало и хуже. За удовольствие надо платить, – потянувшись и оглядев напоследок пещеру, старик двинулся к туннелю на поверхность. – Встретимся, как получу новые

сведения из Тиретхолла, надеюсь, в следующий раз я не промокну по пути, и кое-кто встретит меня, проявив больше уважения, а не как в этот раз, – быстро преодолев длинный, узкий путь наружу, и выбравшись из сырых кустов ежевики, Марк сразу же увидел знакомую повозку.

Рэн уже видимо начинал беспокоиться, он без конца вертелся на козлах, высматривая аббата в густых зарослях, но боялся подходить ближе, лошадь тем временем лакомилась свежей травой, орошенной прошедшим дождем.

– Аббат Марк, вот вы где, – молодой человек мигом спрыгнул с телеги и, схватив какой-то безразмерный плащ, лежавший рядом с ним, ринулся навстречу монаху. – Вот укройтесь, в телеге у меня еще кувшин с теплым вином и пряностями, а в таверне Элис уже готовит похлебку. Этим утром мы поймали вот такого карпа, – юноша попытался одной рукой поправить сползающий с Марка плащ, другой показать размеры своего улова.

– Рэн. Все в порядке. Я нашел место, где переждал дождь. Потрогай сам, – старик протянул руку, давая ощупать свои рукава. Рэн всегда был активен и что характерно громок, Марка всегда поражала его неутомимость, но сейчас его пульсирующей голове нужна была тишина и покой.

– Да, действительно, – уже как-то рассеяно и все с более нарастающей опаской пробормотал парень.

Тем временем на улице уже свечерело, из аббатства Марк выходил рано утром, но набежавшие тучи и дождь окрасили

весь день в похожие друг на друга серые тона. Добравшись до повозки, аббат сбросил плащ, и взобрался, с поддержкой Рэна, на телегу. Сам же парень, вернувшись на козлы, дернул за поводья, и телега медленно развернувшись, направилась в обратный путь.

– Вскоре после того как вы ушли, приехал брат Абель. Элис сказала ему, что вы в лесу, и он отправился в аббатство, – собравшись с духом, наконец, заговорить Рэн.

– Хорошо, в этот раз он что-то рано вернулся. Ничего не говорил?

Брат Абель был мужчиной средних лет, в юности у него была своя ферма в землях Ансельма, но из-за постоянных набегов кочевников ее разграбили, а сам он чудом остался жив. Отчаявшись и потеряв надежду на спокойную жизнь, он пробовал себя в качестве наемника, а позже и писца у младших лордов, но в конечном итоге оказался перед воротами Солас Мора. Какое-то время он служил там помощником мажордома, но позже был переведен в Родсбери, где стал помогать Марку, и представлял аббатство на ежегодном сборе магистров.

– Практически ничего, он только перекусил и сразу же собирался.

У таверны их уже встречала хозяйка, видимо заметив приближение повозки.

– Вы как раз вовремя, я только что закончила готовить, все с пылу, с жару. Заходите скорей, сейчас мы вас накормим

и высушим, а завтра Рэн отвезет вас домой. – Элис мигом подхватила кувшин вина, обернутого толстым слоем ткани, плащ, лежавший по соседству, и скрылась в помещении таверны.

Марк было хотел направиться напрямиком в аббатство, дабы как можно скорее переговорить с Абелем, именно на ежегодных заседаниях утверждались финансы, получаемые каждым представительством ордена. Тем более что Великий Магистр уже не первый год грозил урезать финансирование в пользу экспедиции. Уже пятый год орден вел исследования на Кальдере – первом континенте людей, считавшемся, долгое время, заброшенным. Временами Верховный Магистр требовал прислать запасы провизии или людей для продвижения ордена вглубь древнего материка.

Но, по всей видимости, поездку в аббатство в любом случае пришлось бы отложить до завтра, так как его уже вряд ли бы отпустили, ночью голодного и сырого, по крайней мере, такого мнения о состоянии аббата придерживалась сама Элис.

– Проходите, проходите, – девушка бегала по залу, расставляя тарелки и кружки по столу. – Аббат Марк, вам сюда, – она указал на стул прямо возле очага, – Вам нужно согреться и обсохнуть.

Марк хотел, было уверить хозяйку, что он переждал ливень и его не сытно, но все же накормили, но не успевал вставить и слово. Элис принесла несколько горячих кастрюль и

длинных блюд, перечисляя каждое.

– Бараньи котлеты с жареным картофелем, – она выкладывала в центр тарелки шипящие мясные колобки и окружала их золотистыми кругляшками картошки. – Копченая макрель с анчоусами, – соседняя тарелка была полностью отдана рыбе, а девушка тем временем уже подносила что-то новое. Вслед за макрелью на столе появилась огромная сковорода, с блестящим ярко-желтый толстым блином. – Омлет, – гордо возвестила она, и украсила блюдо, небрежно разбросав пучки петрушки по всему золотистому полю. – Устрицы в беконе, – перечисление блюд все продолжалось, у Марка создалось впечатление, что девушка начала готовить сразу, как только он ушел, обилие, и разнообразие блюд просто поражало. Наконец, в качестве яркой точки она водрузила глубокую чашу, доверху набитую грушами и апельсинами. – А теперь марш есть, – вытирая руки о фартук, скомандовала она, – все посетители уже спят, так что доедать за вас это некому.

– Дорогая – это слишком, – оглядев стол, с истерической улыбкой заключил Рэн.

– Много болтаете, могли бы уже котлеты попробовать, кстати, аббат Маркус, Рэн передал вам, что сегодня прибыл брат Абель. Ничего не случилось? Он, как правило, возвращается на недели две позже.

– Надеюсь, что нет, – монах усаживался за стол, выбирая с чего бы начать это вечернее пиршество. – Я с ним не об-

щался с момента его отъезда, и писем не приходило из Солас Мора. Как он выглядел? Не беспокоило его что-нибудь, внимание не обращали? Может быть, о чем-то упоминал?

– Да вроде бы и нет, много шутил. Правда, выглядел уставшим. Все-таки путь не близкий и наша дорога, особенно на первых милях после поворота с тракта, совсем заросла и стала трудно проходимой.

– Надо будет послать туда ребят Антонио, а то так про нас совсем забудут, – с улыбкой произнес аббат, остановив свой выбор на устрицах.

– Он говорил еще о Тиретхолле.

– Вулкан? – Марк отрезал кусочек омлета, собирая со всех блюд понемногу.

– Да, о вулкане, о письме от лорда Аргера и еще о раненном мальчике.

– Раненном мальчике? – отвлекшись от своей тарелки, он внимательно посмотрел на Элис, – что за мальчик?

– Абель сказал, что лорд Аргер прислал письмо, его зачитывал сам Великий Магистр Льюс, на заседании. Ночью, под самыми городскими стенами на какого-то мальчика напал человек. Лорд Аргер писал, что тот его чуть не сжег заживо, но стража подросла вовремя и теперь ребенок под надзором мастера Арвуда. Это же, каким надо быть чудовищем, чтобы сжигать невинное дитя? Я еще понимаю простое убийство, защити его Пророк конечно от такого, но в лесах водится немало банд, которые без малейших колебаний пе-

пережуют глотку ради пары медяков, но творить такое...

– Нападавший задержан?

– Этого Абель не сказал, он тут пробыл не долго, перекусил и тотчас уехал. Я предлагала ему остаться, передохнуть, тем более что сейчас так много комнат пустует, да и вы на обратном пути все равно бы нас не пропустили, но он отказался.

Ужин закончился уже глубокой ночью и, поблагодарив хозяйку, Марк направился в выделенную для него комнату. Стол опустел лишь на треть, и все пришли к заключению, что завтра утром голодать им не придется.

Первый этаж таверны был полностью отдан под зал и кухню, на втором же располагались маленькие, но довольно уютные комнатки. Небольшая кровать, тумбочка, стол и кресло – вот и весь интерьер практически каждой из них.

Стоило Марку раздеться и залезть под тяжелое, пуховое одеяло, как он тут же погрузился в сон.

Открыл глаза он уже где-то в поле, волосы трепали порывы ветра, его лошадь, выбиваясь из сил, мчалась вперед. Постепенно сознание, словно бы отходя от долго сна, начинало пробуждаться. Впереди и позади него, словно призраки, сначала еле видимые, но с каждым мгновением все более отчетливо различимые, скакали воины. В тишину вдруг ворвались голоса десятков людей, внезапное помутнение спало, и

он понял, что едет в колонне всадников, вместе с осознание вернулась и боль.

– Тебе нужно передохнуть, – парень, командовавший отрядом, чьего имени он так и не мог вспомнить ехал рядом. – Надо разбить лагерь, – осмотрев приятеля, заключил он.

В этот раз Марк даже не видел его лица. К блестящей броне добавился шлем, напоминавший ястребиную голову. От узких прорезей для глаз к подбородку шлем сужался, принимая форму клюва, а из самой макушки вырывался яркой струей поток длинных синих перьев.

– Нет! Я пока еще могу держаться в седле, единственное, что нам действительно сейчас необходимо, так это как можно скорее добраться до Рейского леса, там я и передохну.

– Тогда я приставлю к тебе людей, ты в сознании то еле еле удерживаешься и постоянно норовишь выпасть из седла, хорошо я подоспел, иначе бы ты уже валялся под копытами, – в ответ аббат только лишь и смог, что слабо кивнуть.

Он снова, то проваливался куда-то все глубже в темноту, измученный и изможденный, то приходил в себя и судорожно вцеплялся в поводья, прижимаясь к лошади. Мысли кружились вокруг него, набрасываясь яркими вспышками. Ему мерещились картины сражений, словно ожившие миражи, маячившие перед глазами.

Вот он мчится на коне, разрубая врагов, длинным окровавленным мечем, его люди ликуют. Человеческие крики и лязг сталкивающихся мечей аккомпанируют этой чудовищ-

ной картине.

Но вот он уже лежит на земле, вокруг мечутся очертание обезумевших лошадей и воинов, плечо горит, словно бы к нему прижали раскаленный прут, он пробует приподняться, но резкая боль сталкивает его обратно в грязь. Вслепую нащупав оперение стрелы или стрел... да, двух стрел, торчавших одна из плеча, а вторая из груди, чуть ниже трепыхавшегося, словно маленькая пташка, сердца. Его слабые, дрожащие окровавленные пальцы осторожно сжимают древко, но боль невыносима даже от простого прикосновения, о попытке выдернуть стелу можно даже не думать.

– Сэр, – вновь возвращая к реальности, прозвучал голос всадника, подхватившего сползавшего из седла Марка. – Как вы? Слышите меня? Позвать лорда Ансельма?

– Нет, – слабо прохрипел Марк, – как далеко мы от Рейского леса?

– Еще немного сэр, – ответил всадник, помогая ему вернуться в седло.

Время тянулось долгими, мучительными отрезками. Вроде бы он терял сознание еще несколько раз, или вообще провел всю дорогу на грани обморока, теперь уже трудно быть в чем-то уверенным. Единственное что он знал точно, они, наконец-то, прибыли в лес. Одни всадники спешившись, возводили палатки, другие разжигали костры. Несколько крепких рук сняли его с седла, и еле шевеля ногами, с поддержкой двух крупных воинов он брел или если быть точнее, его

несли к большой темно-зеленой палатке.

– Аббат Марк. Доброе утро! – звонкий, безумно знакомый голос доносился из нее. – Я подогрела остатки вчерашнего омлета и приготовила карри с говядиной и жаркое из кролика, – чем ближе они подходили к палатке, тем темнее становилось, словно бы время шло ускоренным темпом, и с каждым его шагом приближалась ночь. Вскоре он уже не различал и очертаний палатки, не видел даже собственных ног, тьма охватила все, лишь звонкий голос не унимаясь, продолжал что-то говорить. Марк зажмурил глаза и снова открыл, но его все так же окружала одна лишь тьма и голос, пронесившийся рядом. Он зажмурил глаза снова, голос что-то пробурчал о духоте и мраке, и яркий свет ударил утренними красками, осветив небольшую комнатку таверны.

Протерев глаза, он увидел Элис, борющуюся с зацепившейся за что-то шторой. Ощупав свой левый бок, он с облегчением обнаружил отсутствие некогда так четко ощущаемых стрел.

– Ну, наконец-то! Ну, вы и соня, скажу я вам! – хозяйка таверны отряхнула фартук и направилась к двери. – Скорей просыпайтесь, стол уже накрыт и ждет вас.

– Элис уже утро? – прокричал Марк удаляющейся девушке.

– Полдень дорогой наш аббат, полдень, – донеслось уже из коридора.

Быстро надев балахон и умывшись прохладной водой из стоявшей на столике небольшой чаши, видимо ее принесла Элис, так как вчера ее точно там не было, Марк спустился в зал. Здесь было шумно, народ обсуждал насущные дела, кто-то пил, выкрикивая разнообразные тосты, кто-то ел, пытаясь при этом поддерживать беседу, повсюду был слышен смех и даже нечленораздельное подобие песни. Как не странно, что бы ни происходило в зале, на втором этаже всегда висела абсолютная тишина, кроме тех случаев, когда подвыпившие жильцы не начинали распевать песни прямо на пути к своим апартаментам.

Спустившегося аббата мигом подхватила пара рук и посадила за стол, где уже шкварчали утренние яства.

Позавтракав и поблагодарив хозяйку, он засобирался в дорогу. Элис тут же сказала Рэну, что бы тот запрягал лошадь и отвез аббата, от чего, поблагодарив еще раз, Марк отказался, ссылаясь на то, что до аббатства не так далеко и ему отнюдь не повредит легкая прогулка после такого обильного завтра и долгого, утомительно сна.

Сухая, глинистая земля больше не разъезжалась под ногами, как это было вчера и под яркими лучами солнца и пение птиц, аббат вскоре достиг родных стен.

Пол дня, как он мог столько проспать. Обитель уже давно пробудилась, по обыкновению все были на ногах уже с первыми лучами солнца, во дворе один из монахов рубил дрова, брат Антонио с группой других замазывали глиной тре-

щины в одной из башен, на небольших грядках, в западной части аббатства несколько ребятишек, воспитываемых орде- ном, собирали урожай.

Приветствуя всех, с кем встречался, он пересек двор и за- шел под древнюю арку, ведущую внутрь. Аббатство, по сути, было крепостью, и, как и в большинстве крепостей и замков времен войны с Аргхзуром первым куда попадал вошедший, был большой зал, слева от него располагались кельи или ком- наты владельцев, по правую сторону, малый зал и обширные комнаты, предназначавшиеся для кухни, оружейной и дру- гих мест, требующих большого пространства и крепких стен.

По правую сторону находился и кабинет с личными апар- таментом аббата, в небольшой комнатке перед самим каби- нетом сидел Клеос – молодой монах, помогавший аббату с письмами и документами.

– Аббат Маркус. Добрый день, – мальчик вытянулся, слов- но воин перед своим командиром, – разжечь камин? Или мо- жет что-то принести из кухни, брат Марик, приготовил вос- хитительное тушеное мясо, вы должно быть устали с дороги.

– Благодарю Клеос, я переночевал и позавтракал в сверч- ке, – пройдя в кабинет, он с удовольствием упал в кресло. Как же приятно вернуться домой.

Как и большинство помещений южного крыла, кабинет Марка был огромен. Все стены кабинета были уставлены стеллажами книг. В центре кабинета стоял массивный ду- бовый стол, на небольшой полке встроенной в столешницу

находились учетные книги, над рабочим местом возвышалась под невысоким углом подставка, оббитая темно-красным бархатом.

– Аббат, вчера утром, сразу как вы ушли, прилетел ворон из Тиретхолла, – Клеос протянул туго свернутый свиток с темно-красной печатью, изображавшей ворона, – А эти два принес брат Абель, – помощник протянул еще два листка пергамента, исписанных мелким подчерком.

– Хорошо, найди мне его и попроси зайти.

– Хорошо аббат, – мальчик развернулся и быстрыми шагами покинул кабинет.

Пока Клеос искал Абеля, Марк успел переодеться, снять грязный балахон, тем более что в нем было безумно жарко, температура со вчерашнего дня резко подскочила вверх, отчего даже в большом зале – самом прохладном помещении во всем аббатстве перестали разжигать камин.

Пройдя в спальню, располагавшуюся прямо за кабинетом, он переоделся в бархатный темно-красный камзол, все с теми же вышитыми золотыми ястребами по рукавам, и в багровые бриджи.

– Аббат. Брат Абель, – донеслись из кабинета слова Клеоса.

– Присаживайся, – произнес Марк, быстрым шагом войдя в кабинет и усевшись за стол. – Я еще не успел прочитать привезенные тобой отчеты. Ничего не случилось? В последнее время все чаще стали приходиться тревожные вести.

– Благодарю вас аббат, – монах сел напротив. – В Солас Море все как всегда спокойно, монотонно, скучно... Называйте, как хотите, – произнес Абель с легким презрением. – Этот надутый морщинистый стручок, трясущийся лишь над своими драгоценными золотыми очками...

– Абель, прошу, не стоит так отзываться о Великом Магистре, я понимаю он тебе не нравится...

– Не нравится? Если Льюс и избран, хотя в нашем случае это всего лишь формальность, то это скупое, жадное и бесчувственное существо пф... это еще не значит, что я не могу высказывать о нем свое мнение или орден и это теперь запрещает?

– Абель, прошу... ближе к делу.

– Ну хорошо. Великий Магистр, – с наигранным почтением произнес монах, – все печется о своей *экспедиции*. Той же ночью, сразу как я прибыл и намеревался передохнуть, он созвал совет. Зачитал бумаги о ежегодном отчислении золота аббатству, монастырям, церквушкам, отделениям и... – Абель небрежно махнул рукой, мысленно продолжая перечисление. – Короче, мы даже их не обсуждали, что наверно даже нам на руку, суммы отчислений остались без изменений. Потом... Кстати да. Потом он зачитал письмо из Тиретхолла, но с этим чуть позже. Остальное время он уделил аргументации своей экспедиции, доказывая нам всю ее *важность* и *необходимость* для ордена, зачитывал отчеты и результаты проведенных исследований, в конечном итоге все

свел к требованию выслать припасов и новых людей. Я... передавал... – брат Абель пристально оглядел стол и схватил два листка пергамента, принесенные Клеосом. – Вот, тут список всего, в основном пшеница, хлеб, да овощи, – он протянул листки настоятелю.

– Хорошо, с этим проблем не будет, год нынче выдался урожайным, – Марк отыскал несколько чистых листков под подставкой и принялся что-то писать. – Абель продолжай, я сразу все запишу и этим вечером мы тебя отправим с припасами обратно, или лучше завтра, что бы ты успел отдохнуть?

– Нет, раньше уеду, раньше вернусь из этого мерзкого городишки. Что насчет людей?

– Людей... Я принесу извинения, пошлем взамен полугодовые отчисления. За два года, что экспедиция на Кальдере ведет исследования, там уже погибло несколько сот человек в стычках с аборигенами и вольными людьми. Нет, отправить туда, кого бы то ни было все равно, что отправить на плаху.

– Хорошо, но думаю, Великий Магистр этому не обрадуется...

– Его недовольство – это не повод отсылать людей на смерть.

– Согласен, но появилось еще одна интересная деталь. Я нашел крайне любопытную информацию о западной войне, – монах извлек ветхий старый свиток и протянул его перед собой. – Видимо у Великого Магистра есть свои собственные

тайны, даже от вас настоятель.

Марк, развернув ветхий пергамент внимательно вчитался в несколько коротких докладов.

– Абель. Об этом никто не должен знать. Магистрат упустил эти доклады, но если он о них узнает...

– Эээм... Да. Я все понимаю. Теперь что касается событий в Тиретхолле. Льюс зачитал два документа присланных лордом Аргером. Одно о пробудившемся вулкане и суматохе населения, видевшего культиста, об этом он писал и вам, еще до моего отъезда. И второе. Я не знаю, когда оно пришло. Магистр не удосужился даже сообщить дату, лишь мельком зачитал. Мне даже показалось что не все целиком и, скомкав лист, выбросил в пылающий камин. Единственное, что я понял так это – на какого-то мальчика, возможно даже на юного Аргера, напал человек. Народ начинает бунтовать, утверждая, что орден забыл о простых людях.

– Посмотри, у меня где-то здесь тоже должен быть сверток из Тиретхолла. Клеос сказал, что птица прилетела в мое отсутствие. – Марк оторвался от записей, осматривая стол.

– Вот, – заметив небольшой свиток, Абель протянул его аббату.

– Прочти, если тебя не затруднит.

Разломив печать и раскрутив плотно свернутый небольшой свиток пергамента, Абель начал читать.

«Почтенный Аббат Маркус Лейдерит, пишу вам дабы из-

вестить, этой ночью стража принесла мальчика лет пятнадцати. Мастер Арвуд говорит, что парень в очень тяжёлом состоянии, на его теле множество ожогов, на шее виден глубокий порез, сломан нос и вероятно выколот глаз. Мастер сделает все возможное для его выздоровления, но раны очень опасные. Что касается нападавших или нападавшего, стража говорит, что за мальчиком гнался один человек по описанию походивший на того, о котором я писал ранее. Завтра же утром я планирую опросить всех очевидцев, которые могли что-то видеть или слышать и если мальчик, исцели и защити его Пророк, выживет и сможет что-то сказать, мы опросим и его самого. При любых новых обстоятельствах я сразу же Вам сообщу.

*Лорд Тиретхолла и подвластных ему земель,
Натаниэль Аргер»*

– Эти события могут быть как-то связаны со старым орденом? – закончив читать, спросил Абель.

– Не думаю, он давно уничтожен, но жителям Тиретхолла от этого не легче. Натан так и не написал, смогли они схватить нападавшего или все-таки нет. Так что скорей всего этот человек все еще на свободе, иначе бы у нас было больше сведений. Так, – Марк отложил перо и посмотрел на монаха. – Вот список всего, что мы можем послать, отнеси его на склад, извинения за отсутствие людей для экспедиции я сегодня же пошлю с голубем, что бы тебе лишний раз не встречаться с

Льюсом. И еще, будешь у конюшни, передай брату Антонию, что бы он как закончит с башней, отправил своих людей к Тракту Молчаливых, пусть приведут дорогу в порядок.

– Дорогу, да, это хорошо. Надо хотя бы камнями ее усыпать, скоро она совсем зарастет. Я попробую как-то убедить совет магистров Солас Мора выделить нам людей, в конце концов, это их обязанность следить за Трактом, – брат Абель забрал пергамент, поклонился и вышел, оставив Марка наедине с собой.

Оставшийся день он провел над учетными книгами, отправил послание Великому Магистру и просьбу к лорду Аргеру собрать как можно больше сведений о появлявшемся человеке.

Вечерело, солнце клонилось к закату, раскрашивая небо в красные, оранжевые и золотистые тона, а вместе с ним над книгами все сильнее склонялся и Марк.

– Не спать, – говорил он себе. – И так до полудня провалялся, – но все равно продолжал клевать носом над древней Книгой Времен.

Осторожный стук в дверь выдернул Марка из дремы, тихо скрипнув, она отворилась.

– Аббат Маркус, прошу прощения, – на пороге показался сонный Клеос. Вы еще не спите?

– Нет, нет. Я еще работаю, что-то случилось?

– Тут пришел человек и требует встречи с вами и именно

сейчас.

– Хорошо. Я его приму, а ты пока найди Джаэлса, пусть он подготовит комнату, я думаю, наш гость останется у нас переночевать, – парень отвесил короткий поклон и вышел.

Через несколько мгновений вернувшись, он вел за собой юношу лет двадцати.

– Проходите. Вы голодны? В такое время не часто меня посещают гости, – обратился настоятель к незнакомцу.

– Оу... Нет, благодарю вас *аббат*, – я и сам принес вам перекусить.

– Аббат Маркус, я могу идти? Я передал Джаэлсу о прибытии гостя, он сказал, что займется приготовлениями комнаты и будет ждать, когда вы освободитесь, – осторожно подал голос, чуть ли не засыпавший на месте, Клеос.

– Ступай. Уже поздно. Я сам всем займусь, – помощник снова отвесил короткий поклон и вышел, притворив за собой дверь.

– Я крайне благодарен за оказанное гостеприимство и за найденное в столь поздний час время для нашей встречи, но, думаю, я вас покину сразу после нашей беседы, – юноша присел на ручку кресла, напротив Марка. Его лицо освещала ехидная улыбка.

За окном давно стемнело и обширную площадь кабинета освещали лишь несколько догорающих свечей на столе аббата. В столь тусклом свете гость выглядел жутковато, молочно-белая кожа и светлые, практически седые волосы прида-

вали ему вид ожившего мертвеца. Но не мертвенно-бледный цвет лица, не странный, не типичный покроем темно-синего камзола так привлекал взгляд Марка, сколько светло-голубые глаза незнакомца.

Там, где у всех людей, с которыми доводилось встречаться аббату, был зрачок, у незнакомца словно бы плавала крохотная льдинка с неровными краями, отчего его глаза казались бледными, а взгляд обдавал холодом.

– Клеос вас не представил. Как мне к вам обращаться?

– Боюсь это моя ошибка. Я пришел слишком поздно, и ваш слуга уже крепко спал, его разбудили только для того, чтобы он проводил меня. Немудрено, что мальчик так рассеян. Я Эрик, – парень продолжал улыбаться, казалось, наблюдая за реакцией старика.

– Эрик, сейчас действительно, как вы правильно заметили, очень поздно и откровенно говоря, у меня был крайне тяжелый день. Давайте вы переночуете и завтра, с самого утра, мы с вами обговорим все интересующие вас вопросы, – стараясь сохранять вежливость и официальный тон, сонно пробурчал Марк.

– Аббат, взгляните на небо, – юноша подошел к окну и распахнул тяжелые, непроницаемые шторы, пропуская в кабинет лунное сияние, – какая сегодня прекрасная ночь, мир дышит, благоухает, живет своей тайной, темной жизнью, скрываясь от взглядов людей. Ночь – это время силы, время власти, время побед. Ночь всегда приносит плоды тем,

кто решает использовать ее дары. Я думаю, это будет верхом неуважения проваливаться все это прекрасное время в темной, тесной, душной каморке, – парень обернулся к Марку, не переставая улыбаться своей жуткой, хищной улыбкой. В свете луны он выглядел куда бледнее, хотя, казалось бы, бледнее уже некуда. – Но вы не беспокойтесь, я еще зайду к вам утром и еще не раз на днях. Будем считать нашу сегодняшнюю встречу визитом вежливости. Да, и кстати я совсем забыл, – в руках Эрика вдруг оказался небольшой холщовый мешочек. – Ты не доел медовые лепешки.

6

Впервые за долгое время Тиретхолл вновь ощетинился усиленной боевой охраной. За массивными дубовыми воротами главного зала снова пристально наблюдала городская стража, на стенах и у каждого входа в древнюю крепость стояли по три-четыре вооруженных человека. Во дворе, перед самым замком, толпились горожане. Несколько отрядов стражей сновали между орущих толп, расталкивая собравшихся и освобождая дорогу к залу.

– Что происходит? – прокричал один крестьянин, присоединившийся к беснующейся толпе.

– Прибыл какой-то высокородный монах из Солас Мора, – ответил стоявший рядом человек.

– Да не высокородный он, в ордене неважно кем ты был

до посвящения, и какого ты рода. Важна вера и благочестивое служение делу Пророка, – донеслось откуда-то из орущей массы людей.

– Ну конечно! Вот отправлю я сынка напрямиком в павшую крепость, а ему Великий Магистр сразу и сан даст и земли вручит в распоряжение. Мол, пользуйся дорогой, все тебе отдам, что пожелаешь, – спор разгорался все жарче и в ход уже шли оскорбления и кулаки.

– Ну, еще бы, твоего тупоголового громилу и в стражей то не взяли. В павшей крепости если ему место и найдется, так только в подземелье и в кандалах, да и тебе тоже! Красную мантию еще надо заслужить деяниями праведными и охраной долины от тех же кочевников, а не деньгами или знатным родом, понял, ты придурок!

– Что ты сказал...

Перебранка продолжалась, смешиваясь с криками других крестьян, возмущенных грубостью гвардейцев. Но стоило, только появится кроваво-красному всаднику, медленно шествующему по дороге в окружении целого отряда стражей, как народ мигом замолчал и с трепетом наблюдал за его приближением.

Монах был облачен в роскошную багровую мантию с золотыми ястребами, вышитыми на рукавах. Красный капюшон свисал за спиной, открывая вниманию коротко подстриженные жесткие темные волосы, подбородок и шея скрывались за короткой, узкой бородкой.

Монах управлял медленной походкой своего коня и надменно наблюдал за восхищенными взглядами собравшихся горожан, прошедевствовав через опущенный мост, он скрылся во внутренних конюшнях крепости, где его уже ожидал сэр Эклстер.

– Светлого вам дня, лорд Аргер уже ждет вас в главном зале, – обратился он к спешившемуся человеку.

В ответ тот ни проронил ни единого слова. Словно бы не замечая рыцаря, он напрямик направился к распахнутым воротам.

По главному залу разносился гулким эхом мерный стук шагов монаха, приближавшегося к группе сидящих людей. За главным столом, в центре сидел сам лорд Аргер, по левую руку от него располагались мажордом Сеилэн и глава местного отделения ордена, епископ Таймон. По правую руку от лорда, протиснувшись, занял свое место сэр Эклстер.

– Я очень благодарен, что Великий Магистр Льюс уделил внимание моему письму и выделил вас для ... – лорд Аргер пытался выразить максимальное уважение угрюмому посланнику, но был прерван не успев закончить свое приветствие.

– Здесь все необходимые указания Великого Магистра, которые вы обязаны исполнить, – монах протянул сверток пергамента с печатью ордена.

– Сеилэн, пожалуйста, зачитайте, что так необходимо нашему гостю для скорейшего расследования происшедшего, –

с еле скрываемым гневом, процедил лорд.

Старик дрожащими руками взял сверток, раскашлялся, осторожно сломал печать, и медленно, развернув лист пергамента, начал читать:

«Именем Великого Пророка Мартина, его светлым пламенем, вырванным из когтей павшего бога и дарованного жителям Великой Долины, дабы оберегать и защищать слабых и больных.

Я, семнадцатый Великий Магистр ордена Ирдром, повелитель Солас Мора и всех прилегающих земель, глава Совета Пяти, отправляю своего представителя – архиепископа Касиуса, десницу и око мое, дабы он мог вершить суд от моего имени и во благо всех жителей долины.

Дабы он мог найти и покарать преступника, архиепископ Касиус наделяется властью равной власти Великого Магистра на всей территории Тиретхолла и смежных земель, охраняемых и защищаемых орденом, пока человек совершивший преступление против ордена или жителей долины не будет предан священному суду.

*Владыка Солас Мора и Великий Магистр ордена Ирдром
Магистр Льюс»*

– Благодарю. Сэр Эклстер я прошу вас, обеспечьте беспрепятственный доступ посланнику Великого Магистра,

дабы он как можно скорее смог задержать нападавшего и вернуться назад в Солас Мор с докладом.

– Да, лорд Аргер, – Хью привстал из-за стола, поклонился лорду и обратился к монаху. – Прошу, следуйте за мной, я отведу вас к стражникам, которые были очевидцами происшедшего.

Архиепископ, молча, смерил взглядом рыцаря, и не став дожидаться пока тот обойдет стол, направился к выходу из главного зала.

– Хью, – полушепотом окликнул рыцаря, лорд Аргер. – Сразу как он закончит опрашивать стражей и гвардейцев, если, конечно, вообще снизойдет до подобных действий, собери их здесь. И еще, найди и приведи Кэйла, и Роджера тоже.

– Моего Роджера? Но зачем?

– У меня есть для него поручение.

– Он с честью выполнит все, что вы прикажете, – переполняемый гордостью за сына, глава гвардейцев еще раз коротко поклонился и быстрым шагом направился догонять уходящего монаха.

Паляще солнце обдавало жаром, окружая тысячами незримо полыхавших костров каждого, кто выходил на улицу. Это лето стало одним из самых жарких на памяти Кэя. В последнее время в крепости было не спокойно, люди при-

бывали целыми толпами, и вереницы, просящих тянулись по всему двору.

Фермеры жаловались на засуху и погибший урожай, горожане на нехватку провизии и жуткий смрад нечистот, окутавший все улицы. На дворе уставшие, голодные люди то и дело начинали драки, а жаркие лучи солнца прибавляли работы, и без того уставшему от без конца прибывающих жертв потасовок, мастеру Арвуду. Люди с синяками, порезами, головными болями, обмороками, солнечными ударами уже составляли новую вереницу, ничуть не меньше, чем та, что ожидала приема лорда, и с каждым часом положение становилось все хуже. Каждый хотел видеть лорда первым, каждый считал, что его проблема важнее всех остальных, и всем им были нужны деньги. Уже к полудню, у мастера Арвуда закончились отвары и примочки, и он был вынужден удалиться в свою башню, дабы изготовить новые, оставив за место себя, бедолагу Лойда, который метался от одного пострадавшего к другому, стараясь хоть как-то заменить своего наставника.

– Что-то сегодня они какие-то тихие, – прокричал Тим. Мальчишки бежали по крепостной стене, и сильные порывы ветра заглушали их голоса.

– Это все из-за него, – Кэй остановился и показал на городские ворота вдалеке.

Маленькая красная фигура, окруженная стражей, медленно приближалась к крепости.

– Кто это? Тот аббат, о котором говорил твой отец? – по-

лучив короткую передышку, Тим присел на зубец стены. – Давай передохнем, я не могу больше бежать.

– Что значит, не могу? Мы всего-то ничего пробежали, а ты уже еле дышишь. – Кэй облокотился на зубец рядом с другом, наблюдая за приближением красной фигуры. – Ладно, десять минут и бежим. Я обещал Виллу, что навещу его утром.

Тем временем фигура уже добралась до двора, спешила и вместе с сэром Эклстером проследовала в главный зал.

– Побежали, недалеко осталось, – мальчики проследили, как захлопнулись ворота главного зала, и приготовились бежать дальше.

– Может, тоже спустимся в главный зал и пройдем там? – жалобно простонал Тим.

– Нас не пустят. Отец разговаривает с этим, – юный лорд кивнул головой в сторону стражей, стоявших у врат главного зала.

– Но ты же лорд, – Тим тяжело вздохнул, вытерев пот со лба.

– Даже если я прикажу, и мы войдем в зал, там будет отец, а я не хочу лишний раз его злить, особенно после нашей вчерашней вылазки. Тут уже совсем не далеко осталось, пробежим до башни, пройдем малый зал и будем на месте. Давай! Соберись Тим!

– Ладно, – мальчишки преодолели стену, и уже приблизившись к башне мастера Арвуда, услышали гневные крики,

исходящие откуда-то изнутри.

– Я здесь по поручению Великого Магистра Льюса. Попытки помешать мне, приравняются к неподчинению самому Магистру. Ты хоть понимаешь, что тебе за это будет. Убирайся с дороги! – человек в красной мантии нависал над мастером Арвудом, который загораживал собой проход в коридор, ведущий к комнатам больных.

– Я еще раз повторяю, мальчик в тяжелом состоянии. Дайте ему время оправиться, а потом уже допрашивайте. Ему сейчас необходим сон и покой, – мастер вцепился в уступы старой скрипучей двери, не давая себя оттолкнуть, и продолжал убеждать архиепископа уйти.

На крики прибежали и стражи, не успевшие покинуть главный зал вслед за лордом Аргером, который удалился в малый, где продолжил прием горожан и фермеров.

– Стража! Ну, наконец-то! Уберите этого придурка с моей дороги! – рявкнул архиепископ застывшим в нерешительности гвардейцам. – Вам приказано выполнять все, что я потребую, не забывайте! – монах свирепел с каждым следующим моментом, бездействия окружающих.

Стража с опаской подошли к мастеру Арвуду, боясь, что все-таки они делают что-то не так, и осторожно схватив его под руки стали выталкивать к главному залу.

– Отпустите его, – взбешенный Кэй с яростью смотрел на монаха и двух стражей, выволакивающих беспомощно повисшего на их руках старика.

– Увести! – надменно рывкнув архиепископ, бросив грозный взгляд, нетерпящий каких-либо споров, на остановившихся в растерянности воинов. – Я приказал немедленно увести! Что вам не ясно? – монах уже оттолкнул дверь, собираясь войти в коридор, который пару мгновений назад загораживал мастер.

– Ты кто вообще такой? Здесь может приказывать только мой отец, – мальчик проворно юркнул под рукавом монаха, перегородив ему дальнейший путь.

– Аааа... Маленький лорденьш, – по лицу архиепископа пробежала холодная улыбка. – Пшел с дороги! – его рука взметнулась в воздух и с громким шлепком ударила Кэя, повалив мальчика на холодный каменный пол.

Архиепископ, не обращая внимание на рухнувшего ребенка, перешагнув через лежащего без движения тело и уже начал подходить к единственной закрытой двери, ведущей в комнату Вилла, как вдруг поперхнулся и словно рыба, выброшенная на берег стал жадно глотать воздух. Не удержавшись на ногах, он упал на колени.

Повалившегося монаха то ли в приступе ярости, то ли в зверином испуге что есть сил колотил по спине Тим.

Сразу как мальчики стали свидетелями перепалки мастера Арвуда с архиепископом, Тим был напуган не меньше Кэя и в ужасе прижимался к стене башни, наблюдая за происходящим. Но как только его друг не издав ни единого звука, повалился на пол, он рванул к архиепископу и, вложив все

свои силы, ударил его в спину, угодив, по всей видимости, прямым по легким.

Наконец, пришедший в себя и отдышавшийся от внезапной атаки, мужчина, поднялся и с размаху ударил Тима в живот. Выхватил небольшой кинжал и, схватив мальчика за волосы, он запрокинул его голову, подставляя горло скулящего ребенка под холодное лезвие кинжала.

В то же мгновение монаха оттолкнул один из стражей, а мастер Арвуд кинулся поднимать лежавшего без сознания ребенка.

Взбешенный архиепископ, потеряв свою добычу, сначала попытался оттолкнуть налетевшего гвардейца, но осознав всю тщетность этих действий, он одной рукой вцепился в горло нападавшего, второй несколько раз ударил кинжалом в живот, плечо и грудь стража.

Отбросив ослабшее тело воина, монах вновь схватил стоявшего в ужасе Тима, швырнув его к противоположной стене коридора, он стал наступать на мастера Арвуда, державшего на руках юного лорда. Успев раскрыть плечо мастера быстрым яростным ударом, он отшатнулся от удара второго стража, пришедшегося ему прямо в нос.

– Вас всех повесят! – завизжал архиепископ, прикрывая окровавленный, распухший нос.

– Вы должны пройти со мной. **НЕМЕДЛЕННО!!!** – гвардеец, наконец, обнажил меч и угрожающе навел его на монаха, готовый в любой момент нанести удар. – **БРОСЬ КИН-**

ЖАЛ УБЛЮДОК!!!

– Да пошел ты! Бездна вас всех забери! – все так же прикрывая нос, архиепископ выскочил в проход, по которому прибежали мальчишки.

Мастер Арвуд, забежал в ближайшую комнату и осторожно положив Кэя на кровать, стрелой вылетел обратно, бросившись в проход за убежавшими мужчинами.

– Оставь его! Скорее сюда, помоги мне, – крикнул он стражу, гнавшемся за архиепископом.

Вернувшись в коридор, мастер Арвуд подскочил к бледному гвардейцу, сползшему в лужу собственной крови. Руки мастера забегали по телу юноши, пытаясь нащупать пульс и зажать кровоточащие раны.

– Тим ты как? – Арвуд обернулся к закашлявшемуся мальчику. У самого мастера дрожала левая рука, а из длинной рваной раны на плече сочилась кровь.

– Вс... кх... кхе... кх... все... в порядке, – все еще не восстановивший дыхание, Тим медленно поднимался на ноги, опираясь на стену.

– Хорошо, помогите мне, – произнес мастер, оглядев, Тима и вернувшегося стража. Резкими, быстрыми движениями, преодолевая боль, он оторвал свой разодранный рукав и попытался зажать им раны на теле полусидящего воина. – Надо промыть ранения и срочно его перевязать, он уже потерял слишком много крови. Как его звать?

– Дарнел, – отозвался второй стражник.

– Дарнел. Ты меня слышишь? – с трудом мастер с поддержкой гвардейца и Тима подхватили уже полулежащего воина и осторожно потащили к свободной комнате.

– Я вед... ег... сп...с? Ма...ч...к в пря...ке? – слабым, еле слышным голосом шептал юноша.

– Да. Живой и не вредим, почти. А как ты заехал этому уроду, он аж отлетел! – с дрожащей улыбкой, пытался подбодрить напарника гвардеец.

– Держись Дарнел, на войне бывало и хуже. Ничего, ты молодой, справишься, – изнывая от собственной боли в плече, убеждал воина мастер.

Уложив стража на стол в одной из комнат, мастер Арвуд приступил к осмотру пострадавшего, быстро стаскивая с него окровавленную одежду.

– Тим тебе не следует это видеть, беги, сообщи сэру Эклстеру о том, что здесь произошло. Этот архиепископ все еще может быть опасен и приведи ко мне Лойда. Мне понадобится его помощь.

– Да мастер. А что с Кэйем?

– Не волнуйся, он в порядке. Удар был сильный, но он просто потерял сознания. Беги скорей за Лойдом.

Хромая Тим вышел из комнаты и, стараясь, как можно быстрее поковылял к главному залу. Спотыкаясь о разбитые склянки, и перевернутые столы он, наконец, добрался до зала. Каждый следующий шаг отдавался резкой болью в ноге, подавляя стоны и слезы мальчик, опирался на все, до чего

мог дотянуться. Доковыляв до главных врат, он навалился всем своим весом на одну из массивных створ.

Со скрипом тугие ворота распахнулись, пропуская в зал солнечный свет и шум толпы со двора. Не удержавшись на ногах, Тим вывалился на пыльную мостовую двора. Медленно поднявшись, он вцепился в створку врат, и только благодаря ей все еще мог стоять на ногах.

Шумный люд не обращал на него никакого внимания, а сэр Эклстер ходил где-то вдалеке, раздавая приказы. Тим попытался позвать, но голос его не слушался и еле слышно хрипел.

– Ну, наконец-то я вас нашел. Где второй шалопай? – к счастью Хью довольно быстро заметил стоявшего мальчика и вскоре уже стоял перед ним. – Что с тобой? Неужели опять подрались? – по лицу сэра Эклстера бегала озорная улыбка.

– Там... Кэй... с кинжалом... он на нас... – прохрипел Тим и повалился на главу стражей.

– Кинжалом?! Каким кинжалом?! – с лица рыцаря мигом слетела улыбка, уступив место мрачному ужасу мыслей, пролетающих в его голове. – Где Кэйл?! – Хью подхватил Тима на руки и прижал к себе.

– У мастера Арвуда, – прошептал мальчик. Боль в ноге пульсировала, словно каждую секунду по ней приходился все новый удар огромного молота.

Полубегом Хью преодолел главный зал и влетел в хаос, творившийся в башне мастера Арвуда, заметив лужу крови

в коридоре и след, уползавший в одну из комнат, у него помутнело в глазах от ужаса представшей перед ним картины.

– Хью? – из комнаты с кровавым следом выглянул мастер Арвуд. – Что с Тимом, он же сказал, что все в порядке?

Онемевший рыцарь стоял полный ужаса.

– Отнеси Тима в комнату к Виллу, я к нему сейчас подойду, – мастер Арвуд вышел в коридор. Вся его одежда была в крови, левый рукав был оторван, из длинной раны от плеча до локтя все еще бежала кровь. Мастер, пощупал пульс мальчика и бегло осмотрел распухшую ногу. – Некогда объяснить. Отнеси Тима и приведи ко мне Лойда.

Тим очнулся уже глубоким вечером, солнце садилось и комната, в которой он лежал, погружаясь в полумрак. На соседней кровати лежал кто-то еще, глаза Тима не могли сфокусироваться, а вернувшиеся боль в ноге только сильнее дезориентировала.

– Ты Вилл? – наконец, приходя в себя, предположил мальчик.

– Да, – раздался тихий, осторожный голос с соседней кровати.

– Я Тим, друг Кэя. Мы утром шли к тебе.

– Я слышал крики, а потом принесли тебя. Мастер Арвуд долго с тобой возился, и сам был весь в крови. Это культист пришел за мной? Да?

– Неееее. Тебя хотел допросить один монах, а Кэй не дал

ему, и я тоже, – гордо заявил Тим. – Этот монах как ударил Кэя, я сразу к не... – Кэй, промелькнуло в сознании ребенка. Точно, он же рухнул на пол. – А Кэй заходил?

– Нет. Только мастер Арвуд заходил, но это было еще днем. А это точно не культист?

– Конечно, нет, я же тебе говорю. Да и как он сюда забредет он же не... – мальчик вспомнил, об истории, которую сочинил его друг, – его же зарубили стражники, той ночью. Я пойду, проведу Кэя. – он поднялся и попытался встать с кровати, но боль с новой силой прорезала ногу, и Тим повалился обратно.

Дверь тихо скрипнула и в проеме показалась голова Лойда.

– Проснулись? Парень тебе нельзя вставать, мастер Арвуд запретил. Хочешь, позову отца, он уже не первый раз приходит, все спрашивает, как ты? – обратился он ребенку.

– Нет... – замялся мальчик, – пока не надо. Как Кэй?

– Лорд Кэйл? Нормально, правда хромает немного.

– Можно мне к нему?

– Нет. Я же сказал, мастер Арвуд запретил тебе вставать. Тем более лорд Кэйл сейчас в малом зале, на совете, вместе с мастером Арвудом. Так позвать отца?

– Хорошо, – удрученно согласился Тим, укладываясь обратно в кровать.

Малый зал был переполнен людьми. После случившегося никто не изъявил желания вернуться в главный, и теперь, стражники и совет занимали все пространство обширной комнаты. За столом сидели лорд и леди Аргер, мастер Арвуд с перевязанной рукой стоял у окна и смотрел куда-то вдаль. Сэр Эклстер ходил по залу, бросая гневные взгляды на своих подчиненных. Мажордом Сеилэн, как всегда, перебирал какие-то бумаги, а Кэй с грустным видом сидел на длинной скамье у одной из стен в окружении все той же стражи.

– Как это вообще могло случиться? В собственной крепости лорд не защищен от убийцы! И я тоже хорош, потерял этого ублюдка! – Хью наматывал уже десятый круг, все сильнее сжимая кулаки и готовясь, напасть на какого-то невидимого врага. – Один норовит поджечь людей прямо у городских стен, другого к нам на помощь посылает сам орден. Так тот и того хуже, в собственном доме чуть не убит юный лорд. И кем? Прибыл, видите ли, расследовать. Если бы не Дарнел, одному Пророку известно, чем бы все это могло закончиться. Его родне уже сообщили?

– Еще нет, но это и не потребуется. Три месяца назад у него погибла сестра. Отравилась какими-то ягодами, – тихим и печальным голосом произнес страж, помогавший мастеру Арвуду с напарником, – она была последней из его родни.

– Может это и к лучшему, – закрыв лицо руками и протек-

рев глаза, словно бы смывая грязь, прилипшую к лицу, Хью сел за стол. – Пророк всемилостивый, да за что же нам все эти напасти. Как только мы его поймаем, я лично вздерну эту тварь!

– Его будут судить Хьюго, – тихим, но властным голосом перебил воина лорд Аргер. – Займись, пожалуйста, похоронами парня, можешь использовать все необходимые средства.

– Конечно, его не должны забыть и пусть в городе все знают о том, кто его убил и за что!

– Спасибо. Архиепископом мы займемся позже, тем более что он, скорее всего уже на пути в Солас Мор. Сейчас нам все еще нужно собрать как можно больше информации для аббата Марка.

– Снова для ордена. Все для ордена! Хорошо же он нам отплатил за гостеприимство и поддержку его безумной экспедиции.

– Хью, я все понимаю, как тяжело тебе терять своих па...

– На присяге каждого, я, лично я, обещал их родне что каждый вернее... Да бездна забери этого ублюдка, мы не на войне, мы даже не в лесах, где охотятся банды “Весельчака” или “Висельника”. В крепости, заколот кинжалом!

– Хью, он ответит за свое преступление. Я обещаю. Соберись, ты мне нужен сейчас. Поджигатель все еще не пойман, и он представляет не меньшую угрозу, если даже не более опасен. А Марк мой старый друг, и не связывай его с

этим происшествием, – мягко произнес Натаниэль, успокаивая своего старого боевого товарища. – Кэйл, – лорд Аргер перевел взгляд на сына, сидевшего между угрюмых стражей и гвардейцев.

– Да отец.

– Внимательно все слушай и запоминай, завтра утром ты отправляешь в Лордсхен, в аббатство Родсбери. Если аббату Марку будет что-то не ясно в документах, которые ты пове-
зешь, ты должен будешь ему пояснить.

– Натан! – леди Аргер, тихая, скромная женщина, никогда, до этого момента, не принимавшая участия в советах с ужасом посмотрела на мужа. – Он же еще совсем ребенок.

– Эйдрин, здесь не безопасно. Сначала это нападение на мальчика, теперь нашего сына чуть не убили под собственной крышей. Завтра утром Кэйл в сопровождении младшего Эклстера, отправляется в аббатство Родсбери. На этом все! Что нам известно о ночи нападения?

– Кхе.. кх... – раскашлялся скрюченный мажордом, – позволите? – Лорд Аргер перевел взгляд на старика и коротко кивнул. – Я лично ездил в...

– С Кэйлом поедет один Роджер? – прервала старого мажордома разгневанная леди Аргер.

– Да.

– Ты с ума сошел Натан! В крепости, в окружении стражи нашему сыну не безопасно, а отправлять его в дорогу с одним единственным воином, ты считаешь нормальным?

– Леди Аргер я не спущ... – рядом с Кэйем привстал юноша, но при виде холодного взгляда Эйдрина Аргер, мигом замолчал и присел обратно.

Не ловкое молчание нарушил сам лорд.

– На “Тракте Молчаливых” Кэйл будет в безопасности, а в аббатстве и подавно...

– В аббатстве... Один монах его сегодня уже чуть не убил!

– Эйдрин! – теперь уже повысив голос, встал из-за стола лорд Аргер и гневно посмотрел на супругу. – Кэйл завтра, с первыми лучами солнца отправляется в аббатство и тебе это не изменить! Тракт хорошо охраняется, а как только мы поймем поджигателя, мы вместе поедem в Лордсхен, если к тому времени Кэйл все еще будет у Марка... – в ответ леди Аргер лишь бросила ледяной взгляд на мужа, резко встав из-за стола и развернувшись, хлопнула дверью, удалившись из малого зала. – Прошу прощение за эту сцену, – Натаниэль вернулся на свое место и вновь обратился к мажордому, – Сеилэн прошу, продолжайте.

– А... Да... Я лично ездил в деревню мальчика, Вилла, и нашел ту самую мельницу, в которой, по его словам, он жил. Здание практически полностью разрушено, а местами обвалилось в подвал. Сами селяне говорят, что около двух недель назад произошел пожар, а к моменту, когда мельницу и стоящий рядом амбар, наконец, удалось потушить, о выживших уже не могло быть и речи. Селяне сочли погибшей всю семью, включая и малыша Вилла...

– Сколько тел было найдено? – прервал мажордома лорд Аргер.

– Тело нашли только одно, самого мельника, но они особо и не искали. В народе до сих пор ходят суеверия о сгоревших домах, и особо желания разгрести завалы не у кого не возникло. Тело мельника похоронили на деревенском кладбище.

– Понятно. Мальчиком я займусь сам, когда он поправится. Хью пошлите туда своих людей, пусть разгребут завалы и похоронят мать, – сэр Эклстер ответил лишь коротким печальным взглядом. – Сеилэн, все, что будет произнесено дальше, я прошу вас подробно записать. Нам необходимо передать Марку максимально полную картину происшедшего.

– Да, да, конечно. А вот здесь я записал все, что мне сказали в деревне про пожар и семью мельника, – дрожащей рукой мажордом протянул небольшой лист, вырванный из Книги Времен, исписанный мелким, витиеватым почерком.

– Лорд Аргер... – осторожно выступив вперед, начал один из стражников.

– Да?

– Мы с... – страж стал нервно оглядываться, ища кого-то в толпе таких же как он, – Артом, – наконец найдя, он указал на вышедшего к нему парня.

– Прекрати нервничать, что ты хочешь сказать? Говори все четко и ясно, – суровый голос лорда, словно бы разрывал воздух, вгоняя в ужас и без того перепуганных людей.

– Дда... Мы с Артом патрулировали внешний периметр крепости. Клянусь Пророком, было тихо и спокойно, ничего не видно и не слышно, – лорд внимательно следил немигающим взглядом за сбивчивой речью гвардейца.

– Стоп. Ты рассказываешь о ночи, когда было совершено нападение?

– Да, лорд Аргер, – гвардеец сглотнул, боясь еще больше разозлить лорда.

– Хорошо. Сеилэн? Вы готовы записывать?

– Да, да, – скрипучим голосом повторил старик.

– Мы с Артом проходили мимо ворот. Потом Сэм, подзвав нас через поднимающуюся решетку, крикнул нам, чтобы мы бежали к лесу...

– Ну, мы и помчались. Я тогда сразу подумал, что, наверно, опять фермеры какого-нибудь вора поймали, у нас это нередкость, – перебил говорившего напарник. – Отбежав от ворот мы, сразу же, заметили тех двоих. Ну, мы и кинулись к ним.

– Да, первым бежал мальчик, он нас сразу увидел. За ним гнался этот, – наконец осмелев, продолжал первый гвардеец.

– Ну, мы к ним подбежали, а тот как кинет факел...

– Да не факел это был!

– Говорю тебе факел, прямо-таки огнем он швырялся, а я тогда потомственный лорд... – пара увлеклась спором, не замечая напряженных взглядов, окружавших их.

– Тот это кто? – скрипучий голос мажордома, прервал пе-

ребранку воинов.

– Культист, – хором ответили оба.

– Хорошо, хорошо. Как он выглядел?

– Ну, грязный такой, в рваной одежде, обычный нищий, что толпами слоняются по Корстейту и... и маска...

– Да, да, маска, – тотчас напарника подхватил второй, – деревянная такая.

– И, и жуткая.

– На ней лицо еще было вырезано, но, но отверстий для глаз не было.

– Хорошо. Где все это время был мальчик?

– На земле лежал. Этот подонок его поджег, и, и парень тотчас на землю упал. Я, конечно, к нему сразу кинулся, стал землей забрасывать, он бедолага кричит и вертится, а Арт на культиста бросился.

– Дааа, ну, я значит, к нему подбегаю, а он в меня палкой метит. Я, конечно, его сразу так, – Арт изобразил, взмах невидимым мечем, – выбил ее из рук то, и на него.

– Палкой? – мажордом снова перебил стража, – вы про палку не упоминали.

– А я и сам не знаю, откуда она у него. Может, поднял откуда-то с земли или, или мы ее не заметили сначала. Ночь же была.

– Хорошо, что дальше было?

– Ну, надо отдать ему должное, пряткий ублюдок, я во-круг него мечем, значит, махаю, а задеть не могу, – по залу

прошел тихий смешок среди остальных стражей. – И вот что главное, уворачиваться то он уворачивался, но сам не напал и сбежать не пытался, покуда ворота не поднялись. Как те скрипнули он сразу бежать...

– Вы пытались его поймать? – прогремел голос лорда.

– Да, да, да! Попытался, конечно, сразу же, как он рванул, но где тут угонишься, он так мчался, будто за ним сама бездна гналась. В итоге он скрылся в лесу, а я к парню подбежал, мы его донесли до ворот, а там передали Сэму.

– Это все что вы помните?

– Вроде да, – оба гвардейца переглянулись между собой.

– Возвращайтесь на свои посты, – повинуюсь приказу лорда, все подчиненные Хью покинули малый зал, оставив после себя гудящую тишину. – Что скажете?

Сэр Эклстер вышел из-за стола и снова принялся ходить по залу.

– Мое мнение не изменилось. Да, он опасен, но не более чем обычный бандит, рыщущий в лесу. И уж тем более не какой-то там мифический культист. По мне так главной опасностью пока является этот архиепископ. Когда Великий Магистр узнает о случившемся, а он узнает, и я думаю, узнает он не совсем то, что было в действительности, мои парням несдобровать, а я их так просто не отдам. Тем более что одного я уже потерял из-за этого...

– Хью, по поводу архиепископа мы поговорим позже, и я обещаю, что не отдам магистрату ни единого стража. Завтра

же утром я разошлю воронов с требованием созвать Совет Пяти, и там буду требовать суда над архиепископом Касиусом. Мастер Арвуд, в каком состоянии мальчик?

– Все еще в тяжелом, но довольно быстро идет на поправку. Бедный ребенок, оказывается, он провел две недели, слоняясь по лесу, совсем один. Это великое чудо, за которое стоит благодарить Пророка, что мальчик вообще остался жив. Вполне вероятно, что все те раны и порезы дело рук не только одержимого. Мальчик мог попасть в руки местных банд, а потом его бросили израненного, решив, что он и так не жилец. И ослабший, голодный, весь в крови, он снова попал в руки этого ненормального, который убил его семью. Я не спущу с него глаз, пока он не поправится, а как поправится, буду просить вас оставить его при мне, учеником. Мальчик достаточно настрадался.

– Конечно мастер, если он изъявит желание остаться, я не имею ничего против. Но, а с его допросов видимо придется повременить. Кэйл подожди, – Кэй устало поднялся и подошел к отцу. – Сейчас иди спать, миссис Дьюрер соберет все твои вещи, и завтра на рассвете вы с Роджером отправляетесь в дорогу.

– Хорошо отец.

– Лорд Кэйл, – стук в дверь и тонкий, озорной голос Мари разбудил Кэя. – Лорд Кэйл, просыпайтесь. Роджер уже нагружает лошадей.

– Да. Я уже проснулся. Сейчас выйду, – протирая слипавшиеся глаза, Кэй медленно поднялся с кровати.

За окном еще висела предрассветная мгла. Сонной походкой мальчик добрал до небольшой чаши, стоявшей на столе, и резко окунул в нее голову. Ничего так не могло пробудить сонное сознание, как кристально чистая прохладная вода и утренний ветерок, обдувавший мокрые волосы. Умывшись и вытерев полотенцем лицо, он натянул свой походный камзол с темными кожаными бриджами и выскочил во двор крепости, где уже вовсю шли сборы.

– Роджер, – обратился он к высокому молодому парню.

Роджер Эклстер был родным сыном Хью и считался одним из самых лучших стражей. В свои двадцать два он уже руководил отрядом внешнего патруля и не раз участвовал в незначительных стычках с местными бандами разбойников. Высокий светловолосый парень, всегда жизнерадостный и неунывающий стал отличным командиром для своего отряда. Роджер был одет в обычную броню стражей Тиретхолла и под руководством отца, нагружал двух жеребцов, заранее приготовленными миссис Дьюрер вещами.

– Да, лорд Аргер.

– Кэй, – поправил, своего провожатая мальчик. Я должен попрощаться с Тимом и Виллом.

– Хорошо лорд Аргер...

– Кэй! – с нажимом повторил он.

– Кэй... Я буду вас... тебя... вас ждать здесь.

Пробежав по двору и вечно пустому главному залу, Кэй снова оказался в башне мастера над травами. Сам мастер уже не спал и возился с какими-то вонючими смесями, Лойд ползал по каменному полу, натирая его мокрой тряпкой.

Разбитых склянок и колб больше не было. Столы были водружены на привычное место, но бледные следы крови все еще напоминали о случившемся здесь.

– Мастер, – обратился Кэй к пропитывающему длинные полоски ткани старику.

– О! Юный лорд Аргер. Как себя чувствуете? Надеюсь, ничего не случилось или вы пришли проведать своих друзей?

– Да, а они не спят?

– Ооо нет, нет и нет... Плохая была идея поселить их в одной комнате. Эти сорванцы всю ночь не спали, болтают не переставая, а ведь им нужен покой. Обоим.

– Спасибо мастер, – Кэй прошел по коридору, в котором совсем недавно на него напал монах, и еще не доходя до дверей комнат, где лежали друзья, услышал веселый смех ребят.

Внутри лежа на противоположных друг от друга кроватях, смеясь, дети что-то бурно обсуждали, словно бы ничего не случилось.

– Кэээээээй!!! – Тим осторожно, опираясь на стену, поднялся с кровати и, прыгая на одной ноге, подскочил к другу. – Как ты? Здорово мы отделали вчера этого? – Тим широко улыбался, а Вилл, похоже, привыкнув и расслабившись, задорно махал рукой.

– Я-то в порядке, а вот что с твоей ногой?

– Ничего страшного, мастер Арвуд говорит, что пару дней отлежусь, и буду бегать лучше прежнего. Я Виллу рассказывал про крепость и как мы на крышу лазили, когда он поправится, мы ведь сводим его туда, с нее виден весь город и даже деревня?

– Да, конечно... Я так-то пришел попрощаться... Но я не на долго. Мы с Роджером быстро вернемся.

– Как прощаться? Куда? – мальчик мигом погрузнел и, допрыгав до своей кровати сел на край.

– В Лордсхен.

– Это далеко?

– Неделя, если быстро поскачем. Мне нужно уже идти, – Кэй посмотрел на друга. – Как вернусь, чтобы оба были на ногах, втроем-то мы уж точно вытащим этого гадкого Рагра!

Ребята обменялись улыбками, и Кэй бегом преодолев все коридоры и залы, выскочил во двор. Сэр Эклстер уже помогал сыну крепить последние мешки к жеребцам, лорд Аргер что-то выкрикивал слугам и перешучивался с Хью.

– Кэйл, – к сыну подлетела леди Эйдрин, и тотчас принялась поправлять сбившийся камзол и растрепанные волосы, – будь осторожен в дороге. Не спорь с сэром Роджером и выполняй все, что он скажет, а как доберетесь до аббатства обязательно пошли мне голубя, что с тобой все в порядке.

– Обязательно, – с улыбкой заверил ее сын.

Обнявшись с отцом и долго пытаюсь вырваться из объятий

матери, Кэй, наконец, освободился и вскарабкался на своего коня.

Пара быстро преодолела городские улицы и, набрав скорость после городских ворот, слилась с линией горизонта.

7

Тайя сидела в просторном шатре в окружении целой горы подушек, раскаленный на солнце песок, под ее ногами, накрыли десятками пушистых шкур. Внутри было тепло и уютно, но девушка все равно никак не могла унять дрожь.

Тем временем, снаружи уже сгущались вечерние сумерки, и лучи заходящего солнца окрашивали всю округу в багровые цвета.

На против шатра, подогнув ноги, спали верблюды, вооруженные люди, громко перебивая друг друга, на неизвестном девушке языке, привязывали своих лошадей к небольшим колышкам, вбитым в песок, и разводили костры. Рядом с самым большим темно-лиловым шатром, где и находилась девушка, уже разрастался городок таких же пестрых укрытий.

Уносясь от разбойников, Тайя натолкнулась на караван, а если быть точнее, то чуть не вышибла из седла самого шейха Ахмада аль Зариса и только благодаря стремительным действиям самого мужчины, который догнал и успокоил обезумевшего верблюда, она осталась цела и невредима.

Ахмад аль Зарис был высокий широкоплечий мужчина с

карими глазами, на вид ему было лет тридцать с небольшим. Как и у большинства южан, его кожа была смуглой, а на лице присутствовала короткая темная борода. Носил шейх широкие, золотистого цвета, шаровары и белую легкую накидку.

Догнав и выслушав девушку, он сам возглавил отряд всадников, и следуя полученным указаниям, направился к месту нападения разбойников.

Многих из напавших на него людей Халэн убил, его окружало по меньшей мере пять тел, но видимо в какой-то момент превосходящая численность врагов сыграла свою роль, и он пропустил несколько фатальных ударов.

К моменту, когда шейх в сопровождении и целого отряда вооруженных до зубов воинов заметили разбойников и лежащего на песке человека, старый воин уже лишился правой руки, а четверо окружавших его мужчин глумились над поверженным соперником.

Увлеченные своей жертвой, они совсем не обратили внимания на приближавшихся всадников, лишь один приветственно вскинул руку, видимо перепутав мчавшихся к ним людей с очередным подкреплением.

Осознание своей ошибки пришло к ним слишком поздно. Разбойники даже не успели выхватить оружие, а один из них так и продолжал что-то шептать Халэну в ухо, добавляя после каждой фразы удар кулаком.

Очередная фраза стала для него последней, стрела шейха точно попав в его горло послужила концом этой жесткой рас-

правы. Увидев гибель своего приятеля и ярко-алую струйку крови, бойко вырвавшуюся на свободу из подкосившегося тела, трое оставшихся разбойников что-то сбивчиво закричали, но налетевший отряд всадников не дал им и шанса на пленение или трусливый побег.

Сначала раненного отвезли в шатер, в котором сейчас сидела Тайя. Шейх прислал к нему своего личного алхимика, который долго осматривал, зашивал, прикладывал припарки с какими-то отвратительного цвета смесями. В конечном итоге алхимик заключил, что он сделал все что мог и если раненый переживет грядущую ночь, то в скором времени должен пойти на поправку.

После осмотра и перевязки его отвезли во вторую колонну, а девушка весь оставшийся день и неумолимо приближавшийся вечер просидела в шатре.

Как ей объяснил шейх, караван разделялся на два отряда – колонны. Первая, малочисленная, возглавляемая самим шейхом ехала впереди и служила чем-то вроде разведки для второй.

Эта колонна не везла товаров и в ней практически не было груженых верблюдов, кроме одной небольшой вереницы состоявшей из шести животных, перевозивших воду, пищу и свернутые шатры. Всадники могли расходиться на многие мили вокруг, и рядом с верблюдами зачастую оставался всего лишь один единственный погонщик. Заметив отряды кочевников, они вводили их от второй колонны как можно

дальше, и вступали в схватку, только если превышали числом или не могли оторваться от преследователей.

Во второй колонне перевозились товары. Она двигалась медленно, но уже не опасаясь нападений.

“Где-то там сейчас Халэн. Очнулся ли он. Искал ли он ее”. Тайя никак не могла выбросить из головы мысли о дяде. Больше всего на свете она хотела быть рядом с ним, хоть шейх и старался окружить ее всяческой заботой. Поселив в своем собственном шатре, притащив всевозможных фруктов и вина, он всячески пытался успокоить девушку, а вечером обещал принести жаренное на углях мясо.

– Не бойся моя дорогая, здесь ты в безопасности, – в который раз произнес он, заходя в шатер. – Попробуй, – шейх подхватил широкое блюдо с фруктами и протянул девушке, – тебе надо поесть и поспать. Скоро будет готова похлебка из кабанины и лука или тебе принести просто мяса?

– Спасибо, но я пока ничего не хочу.

– Тайя, дорогая моя. Постарайся успокоиться. Сейчас я уйду и вернусь уже глубокой ночью, или даже под самое утро. Несколько моих людей видели группу кочевников. Всего пять-шесть всадников. Отдохни, а сразу как я вернусь, я отвезу тебя во вторую колонну, навестить дядю. А, что скажешь?

– Я хочу к нему сейчас, – жалобно простонала девушка и по ее щекам потекли слезы.

– Моя дорогая. Они все еще в пути. Мы движемся быст-

ро и преодолев несколько лиг разбиваем лагерь, и мои воины начинают патрулировать местность. Вторая же колонна движется медленно, но зато в безопасности. Они догонят нас только ночью, а сейчас она слишком далеко от нас, чтобы я мог позволить тебе в одиночку искать повозку алхимика. И тем более твой дядя в очень тяжелом состоянии. Ты же сама слышала слова Эллириона, он может не пережить эту ночь. Прости меня, за прямоту, но я не хочу, чтобы ты видела его таким. Потерпи до завтра и если Темным Богам будет угодно, то утром вы уже будете вместе.

– Хорошо, благодарю вас, – всхлипывая ответила Тайя, наконец, смирившись с тем что к дяде ей сегодня не попасть. – А куда направляется караван? Мне нужно написать письмо родителям и Наириму, сыну дяди Халэна, он ждет нас в Фасхиме, и когда мы там не появимся, он может решить, что мы погибли.

– Дорогая моя, сейчас мне нужно идти, мои люди уже ждут меня, и чем дольше я остаюсь здесь, тем отряд кочевников все ближе к нам. Постарайся отдохнуть и обязательно поешь. Это мой шатер и сюда никто не посмеет войти, в этом можешь быть уверена, а утром я отвечу на все твои вопросы, – шейх улыбнулся теплой, нежной улыбкой и скрылся в проеме, ведущем наружу.

Тайя даже не заметила, как заснула, когда мужчина ушел. Она уткнулась в подушки и разрыдалась. “А что если дядя не очнется, что если он умрет этой ночью, один, и даже не узна-

ет, что их спасли”. Девушку обуял невыразимый страх перед будущим. Ужасные картины искалеченного дяди, мчавшихся на них разбойников, их беззубые улыбки и смех обжигали грудь, словно где-то глубоко внутри разгорался пожар.

Утром ее разбудил тихий, осторожный голос шейха

– Просыпайся моя дорогая, – с ласковой улыбкой произнес он. – Пора навестить больного. Эллирион сообщил, что он хоть и без сознания, но жив и его раны выглядят гораздо лучше.

– Гораздо лучше? – испуганно повторила девушка.

– Он идет на поправку, моя дорогая, – бархатным голосом добавил шейх.

– Да! Конечно! – в тот же миг девушка вскочила на ноги. Весь вчерашний страх улетучился, и ее переполняли эмоции. Дядя жив и идет на поправку. Что могло быть лучше.

Выйдя из шатра, Ахмад, повел ее куда-то вглубь лагеря, где их уже ожидала пара лошадей. Молочно-белая молодая кобыла видимо предназначалась для Таши, сам шейх сел на все того же черного рысака, на котором он ехал и при первой их встрече.

– А мой верблюд? – осторожно спросила она, направив свою лошадь вслед за темным мерином шейха.

– Я велел отвести его во вторую колонну, думаю, эта прекрасная кобыла куда больше подходит для столь очаровательной девушки, – все с той же ласковой улыбкой ответил

Ахмад, – но если пожелаешь я верну его по первому твоему требованию.

– Нет, нет, благодарю. Она очень красива. Мы ведь направляемся на север, к морю?

– Да, моя дорогая. Ты так юна, но уже умеешь ориентироваться по звездам?

– Нет. Просто, когда мы бежали из Палены...

– Вы бежали из этого чудесного города?

– Дядя сказал, что на него надвигалась целая армия кочевников, и мы в спешке покинули город.

– Печальные вести. Значит, город скорей всего уже разрушен, а я ведь не раз в нем бывал. Великолепный приморский городок, чудесные пейзажи, доброжелательные горожане. Моим разведчикам уже приходилось замечать армию, от которой вы бежали. Ничего подобного я и представить себе не мог. Племена кочевников вечно грызутся друг с другом, а сейчас объединились и это определенно не сулит никому ничего хорошего, можешь мне поверить.

– И все-таки вы идете на север, к морю?

– Да, моя дорогая, все именно так.

– Когда мы доберемся до моря, вы не могли бы посадить нас на ближайший корабль до Сеилитэна. Мой отец обязательно возместит все ваши расходы.

– Прости, моя дорогая, но мы не будем заходить в город. Наша цель намного дальше.

– Но как... Как же я... Мне нужно вернуться к родителям,

а дяде Халэну будет лучше под присмотром нашей знахарки.

– Моя дорогая, в этих землях сейчас не безопасно и нам надо торопиться. Я очень хотел бы, но не могу тебе помочь. Вы с дядей можете отделиться от нас около моря и по прибрежной полосе выйти к одному из городов, но ты не умеешь сражаться, а твой дядя в ужасном состоянии. Даже если вы, каким-то чудом избежите отрядов разбойников, кружащих возле городов, и все-таки доберетесь до ближайшего порта, это будет всего лишь началом. Капитанов еще нужно уговорить взять вас с собой, а с раненым человеком передвигаться тяжело, даже на лошадях, ему необходим уход, моя дорогая. И даже если ты сможешь договориться с капитаном, то и это будет еще не все, калека и юная, прекрасная девушка, да еще и с золотом – лакомый кусочек для любого разбойника. В лучшем случае вас могут ограбить, в худшем все может кончиться куда страшней.

– Но у меня нет выбора, нам надо попытаться. Нам нужно скорее вернуться домой, в безопасность и дяде действительно необходим уход.

– Моя дорогая, я не хочу тебя пугать, но в столь дорогом для меня и любимом Айленде происходит нечто странное и опасное. Кочевники, что прогнали вас из чудесной Палены теперь всюду. Всего пару месяцев назад их видели и у Сеилитэна, а эти два города одни из самых крупных, я боюсь даже представить, что происходит в городах по меньше. Зачем тебе так рисковать? Практически в одиночку пускаясь в са-

моубийственное путешествие, я предлагаю следующее. Мой алхимик позаботится о твоём дяде, ему не впервой врачевать тяжело раненных бойцов и можешь поверить мне, лучше Эллириона с этим мало кто сможет справиться. А ты можешь проследовать со мной. Скоро у меня будет свой собственный замок и как только мы в него прибудем, я лично отвезу тебя и твоего дядю домой. Что скажешь?

– Не знаю... – неуверенно произнесла девушка. – А как далеко твой... ваш замок?

– Мы прибудем в него, я думаю, через пару недель, и к тому времени твой дядя уже сможет крепко держать свои мечи, и кто знает, может он решит присоединиться ко мне. Я был бы очень польщён если бы такой умелый воин согласился сопровождать меня в моих путешествиях. Дня через четыре мы уже будем у моря, там нас встретит мой старый знакомый, и мы погрузимся на его корабли. Потом нам останется пересечь красное море, и мы прибудем на Кальдери...

– Кальдери? – с ужасом повторила Тайя. – Но там же нет власти Торговой Картели, там опасно...

– Теперь трудно сказать, где вообще безопасно. Здесь, где в любой момент на тебя может хлынуть поток кочевников или там, в огромной каменной крепости, где тебя и племена местных аборигенов разделяют толстые гранитные стены. Само местное население развито куда меньше, чем те же кочевники, и откровенно говоря, они побаиваются крепостей, а орден прячется в своей обители и боится лишний раз по-

казать нос наружу. Но самое важное, там есть свобода, ты сам свой повелитель. Нет непомерных налогов, нет вездесущих торгашей, диктующих свои условия. Все что ты заработал, вырастил или создал, принадлежит только тебе, а не какой-то кучке зажавшихся богачей.

– Но если вы собираетесь отплывать, не лучше ли это сделать в городе. Там безопаснее, можно пополнить запасы пищи и пресной воды.

– Ты умная девочка, моя дорогая, но с каждым днем в этих землях становится все опасней. Ты сама видела, что кочевники осмелели до того, что стали нападать на города. Здесь больше нет безопасных мест, и кто может гарантировать, что следующий город, который подвергнется их нападению, не будет тот, в котором решим остановиться мы.

– Мне надо подумать над всем этим.

– С нетерпением буду ждать твоего ответа, а вот и шатер Эллириона.

Вторая колонна уже собиралась в дорогу, повсюду ходили люди, поднимая верблюдов и собирая шатры, но во всей этой кутерьме ярко выделялся небесно-голубой шатер, стоявший недвижно, словно, рухнувший на землю кусочек неба.

Около шатра шейх спешился и помог спуститься своей юно попутчице, а после вбил в расчищенную от песка землю небольшие колышки и привязал к ним поводья лошадей.

В самом шатре царила приятная прохлада, в одном углу копошился алхимик, который осматривал дядю, в другом уг-

ду лежал сам Халэн, укрытый теплой меховой шкурой. Его грудь медленно то поднималась, то опускалась, обрубок правой руки был замотан чистыми полосками ткани, при каждом вздохе из горла вырывался слабый хрип.

– Эллирион как себя чувствует наш боец, – шепотом спросил вошедший шейх.

Алхимик был не высокий, худощавый, немного сторбленный человек. С его тонкого носа вечно сползали маленькие очки в аккуратной золотой оправе, а из лица, казалось бы, вытянули всю влагу, сморщенное и изрезанное множеством морщин оно словно бы принадлежало какому-то древнему старцу, хотя Эллириону не было и сорока. Носил алхимик старый, потрепанный темно-болотный, почти совсем черный, балахон.

– Идет на поправку Ахмад-рах, кровь быстро остановилась, и сегодня раны уже начинают понемногу заживать. Вы вовремя доставили его ко мне, и я успел обработать их, еще до того, как успели появиться какие-то неблагоприятные последствия. Гниения тоже удалось избежать, но он потерял много крови и очень слаб, я думаю на восстановление сил может уйти несколько дней, – алхимик оторвался от изготовления какой-то смеси на своем столике и внимательно посмотрел на девушку. – Вы та самая Тайя? Он вас звал.

– Звал... – с вновь накотившимися слезами повторила девушка слова мужчины и села рядом с дядей.

– Ну что ты, – заботливо произнес он, – прости, если на-

пугал. Это нормально. Его тело еще не восстановилось, а разум в забвенье, я и не такое повидал, но могу обещать, что уже через пару дней, он сможет ехать рядом с тобой. Но все-таки я настаиваю, чтобы он остался под моим присмотром пока я не сочту, что его раны окончательно зажили. Пожалуйста, убедите его в этом, когда он очнется, а то вам всем лишь бы в бой и будь что будет.

– Хорошо, я обязательно поговорю с ним, а когда он очнется?

– Я думаю, что совсем скоро. Он уже приходил в себя несколько раз, но не на долго и вновь терял сознание. Ваш дядя сильный человек. Навестите его завтра утром.

– Боги, помогите ему, – девушка осторожно положила свою руку на вздымающуюся грудь мужчины.

– Боги ему не помогут, девочка, как не помогали и раньше, – вернувшись к столику, с разного рода смесями произнес алхимик.

– Они всегда нам помогают и оберегают от несчастий, – тут же решительно, перебив алхимика, ответила Тайя.

– Где были боги, когда на ваш город напали кочевники? Кого они защищали и оберегали, когда вооруженная толпа врывалась в дома мирных жителей, уводила их в рабство, убивала. Этот мир принадлежит нам – людям, только на нас лежит ответственность за собственную жизнь, и только мы оберегаем своих близких и родных. Поэтому каждому нужны знания. Как защищаться, как врачевать, как заботиться и

как выживать. Богов не существует, людям лишь нужна надежда на то, что в этом мире есть некто могущественный, справедливый, всевидящий. Незримый лорд, который всегда наградит за свершенное благое дело и покарает за содеянные грехи, но его нет – лишь только мы с руками, готовыми прийти на помощь и головой, способной это понять.

– Боги привели нас к вам! – сердито отпарировала девушка. – А я всегда считала, что алхимики делают яды и другие отвратительные вещи, а не занимаются врачеванием, – с презрением произнесла она, глядя, спящего дядю по щеке.

– Это так, – тут же отозвался Эллирион. – Гильдия алхимик принадлежит и полностью зависит от картели, а значит, чтобы существовать она должны приносить доход. На травах и примочках, конечно, можно заработать, но это не сравнимо с доходами от ядов, огненных смесей, и многого другого. Картели нужны деньги, а не здоровые люди. Да сами воины идя в бой, как правило, не думают о том, что к вечеру они потеряют руку или ногу. Воины вообще стараются не думать о возможных ранениях или смерти, им с детства говорят, что боевой настрой одна из самых важных частей подготовки юного воина. И в итоге, когда они приходят к нам они просят яды для мечей или огненные смеси, чтобы поджечь врагов. Им нужно оружие, и они готовы за него платить. Как часто они говорят с надменной улыбкой: “В бою лучше иметь второй клинок за пазухой, чем тряпку, чтобы прикрыть рану.” Глупцы, по мне так это огромная ошибка

и беда всех Безымянных и Безликих. И уже многие хорошие воины погибли на моих глазах, из-за своей гордыни и дурацких привычек...

– Тайя, – тихо окликнул девушку шейх. – Нам нужно идти, первая колонна должна к вечеру прибыть к оазису Желаний.

– Да, конечно, – Тайя в последний раз провела рукой по лицу дяди и, встав, направилась за шейхом.

– Не грусти, моя дорогая. Сразу же, как мы прибудем к оазису мы тотчас навестим его снова.

Шейх отвязал лошадей и помог ей забраться в седло.

– Он не похож на алхимика. Я встречалась с ними раньше. Они навещали отца, – произнесла девушка, стараясь держать свою лошадь рядом с конем шейха.

– О да, моя дорогая. Познания алхимиков сосредоточены на уничтожении врагов, а не на лечение пострадавших, в этом ты совершенно права. Но наш Эллирион настоящее сокровище, помимо работы на картель он так же успел прослужить несколько лет учеником у одно мастера над травами в Долине, а еще ранее он какое-то время жил в племени аборигенов, так что можешь на него положиться. Свое дело он знает хорошо, да что там хорошо, он лучший алхимик, мастер и жрец на всех континентах.

– В Долине? У аборигенов? – обеспокоено повторила Тайя. Чем больше она узнавала о караване, тем больше рос и укреплялся в ней страх перед будущим. Они направлялись на Кальдеру – наверное, самое опасное место в мире, о ко-

тором она знала, да и к тому же в их рядах был хоть и бывший, но служитель ордена из Долины – враг и предатель, занимавшийся здоровьем отряда.

– Я доверяю Эллириону как самому себе. Он столько людей, с которыми я уже было простился, поставил на ноги, да и самого меня не раз латал. Он хороший человек, и я всякий раз удивляюсь, как он связался с такими как м... Он добрый человек и обязательно поможет твоему дяде. Не волнуйся.

Обратный путь оказался ей гораздо длиннее. Добравшись до лагеря, она заметила молодого парня, сидящего на верблюде, его руки были связаны, а глаза закрыты темной полоской ткани. Парень еле держался в седле, и только благодаря веревкам, крепко опутывавшим его руки, до сих пор не упал на раскаленный песок.

– Кто это? – спросила она спешившегося шейха, указывая на пленного.

– Кочевник, – небрежно ответил Ахмад. – Помнишь, я вчера говорил, что к нам несется их отряд.

– Да, ночью.

– Он последний, кто остался в живых. Я решил допросить его, но мы с тобой отправились к твоему дяде, и сейчас у нас уже не остается на него времени. Так что доберемся до оазиса, и уже там он нам все расскажет.

За какие-то считанные мгновения, под руководством шейха лагерь был окончательно разобран, и вернувшись в седло, он скомандовал выдвигаться.

Несколько конных отрядов отделились сразу же и умчались в разные стороны от основной колонны, спустя некоторое время вслед за ними отделились еще два, а вскоре и еще три. К полудню основную колонну составляли вереница верблюдов, четыре всадника, шейх и саму Тайю.

Чем дальше продвигалась колонна, тем зеленее становилась округа, ближе к вечеру стали появляться небольшие заросли кустарников, а вдалеке проявилось огромное зеленое море, охватившее весь горизонт.

– Видишь вдалеке пышные заросли? – спросил подъехавший к ней шейх.

– Вижу, мы едем туда?

– Да, моя дорогая. Это оазис Желаний, огромный тропический лес, в центре которого кристально чистое озеро.

– Я никогда о нем не слышала.

– Не удивительно, только торговцы и погонщики караванов бывают в этих местах, да и то не часто.

– А почему он называется оазисом Желаний, а не скажем озерный лес?

– Почему? Ну, а что еще может желать уставший и измученный путник в дороге. Пресной воды, фруктов чтобы восстановить силы и тенек где он мог бы укрыться от палящего солнца. Хотя, знаешь, мне больше нравится название озерный лес. По-моему, это ему больше подходит, – с улыбкой подытожил шейх.

К вечерним сумеркам отряд, наконец, добрался до огром-

ного лесного массива. Потихоньку возвращались и покинувшие колонну днем конные отряды. Вскоре на берегу озера был разбит лагерь.

– Ахмад-рах, пленный кочевник пытался сбежать, он сбил с ног Тарда и попытался скрыться в пустыне, – к шейху подбежал встревоженный воин в жутком цветастом камзоле.

– Где он сейчас? – твердым, требовательным голосом спросил шейх.

– Вон там, – парень указал на скопление воинов на берегу озера.

– Не смейте его трогать! – прокричал Ахмад и быстрым шагом направился к толпе своих подчиненных.

Сначала Тайя хотела направиться назад в шатер и перекусить. Мало-помалу к ней возвращалась бодрость духа, и она начала приходить в себя после ужасных событий вчерашнего дня. Но любопытство все-таки пересилило ее, и девушка крадучись подошла к сгрудившимся воинам.

– Ты ему выбил зубы! – прогремел шейх, бросив яростный взгляд на стоявшего рядом воина.

– Но он оттолкнул меня и пытался убе...

– Как далеко он мог убежать, со связанными руками и ослабевший от голода? Его бы нагнал первый всадник, высланный в погоню, а теперь он еле может шевелить языком. Ты чем думал? Мне нужно знать о передвижении их армии, а не еще один труп, – вдруг шейх заметил стоявшую рядом девушку. – Моя дорогая, возвращайся в шатер, тебе не сле-

дует видеть подобное.

– Но он же так молод. Он совсем не похож на тех, что я видела, когда мы убегали из Палены, – произнесла она, в окружении ехидных улыбок людей шейха.

– Да, моя дорогая. Не все из них кривозубые старики на дохлых клячах, есть и молодые сильные воины как, впрочем, и в любой другой армии, – Ахмад отвел девушку от лежавшего на песке кочевника.

– Вы его убьете?

– Моя дорогая ты должна понимать. В этой пустыне нас окружают враги, и если этот юноша доберется до своих, они не пощадят ни тебя ни меня. Отдохни и поспи пока, а утром мы снова навестим твоего дядю, – шейх раздвинул полы шатра, пропуская ее перед собой. – Уже совсем скоро мы доберемся до моря, и там ты будешь в полной безопасности, отдыхай.

Остаток вечера прошел тихо и спокойно, снаружи шатра слышались смех и разговоры воинов, потрескивание десятков костров, шум прибрежных вод огромного озера.

Вскоре после прибытия колонны к оазису, в шатер к Тайе зашел коренастый, сутулый воин из личного отряда шейха. Осторожно переступая с ноги на ногу, он боялся лишний раз посмотреть в сторону девушки.

– Я зажарил бородавочника, – просипел он и протянул деревянную тарелку с огромным куском жирного мяса. – Ах-

мад-рах приказал принести вам еще вина, чтобы вы могли утолить жажду, – воин отдал тарелку вместе с длинной теплой бутылкой и уже было раздвинул полы шатра, намереваясь выйти, как застыл на месте.

– А можно мне воды, – звонкий голос Тайи словно бы пригвоздил воина.

– Я принесу мех, – мужчина даже не обернулся и быстро вышел наружу.

Через некоторое время он вернулся снова, неся в руках, словно новорожденного ребенка, большой кожаный бурдюк. Все так же, оставаясь в стороне от девушки, он положил рядом с ней свой груз и тотчас выскочил из шатра.

Поев, она решила прогуляться. Выйдя из шатра, и пройдя мимо сидящих у костров мужчин, она вышла на берег озера.

Тихая водная гладь отражала безмятежное звездное небо, казалось, словно бы озеро было всего лишь маленькой каплей того океана, что простирался над головой. Стоило только нырнуть, и можно было дотянуться до любой звезды и даже до призрачного лунного месяца.

– А я было потерял тебя, – ее мысли прервал голос, присевшего рядом с ней шейха.

– В шатре скучно. Когда я жила дома, да и когда мы с дядей приехали в Палену, я часто рисовала море, – с грустью, смотря куда-то вглубь озера, ответила девушка.

– Хочешь, я прикажу Эллириону сделать тебе краски, а холсты мы где-нибудь да найдем, – полушепотом произнес

шейх и осторожно обнял Тайю за плечи.

– И я смогу рисовать?

– Конечно, сможешь, моя дорогая. Только пару следующих дней мы еще проведем в дороге, но вечер и все дни на корабле будут полностью в твоём распоряжении.

– Это было бы замечательно, – она прижалась, к сидевшему рядом шейху, и сон в то же мгновение принял в свои объятия уставшее, измученное дитя.

8

В камине, кабинета капитана потрескивал огонь. В кресле, закрыв глаза и облокотившись на спинку, сидел Барет, потирая виски. Двое гвардейцев переминались с ноги на ногу у двери. Сам капитан, скрестив руки на груди, молча, смотрел куда-то вдаль, стоя у распахнутого окна.

– Что мне указать в докладе? – спросил он, при этом, обращаясь больше к себе чем к окружавшим его людям.

– Погиб, при нарушении устава... – предложил гвардеец.

– Контрабандист, – перебив напарника, ответил второй.

Смерив недобрым взглядом, капитан сделал жест в сторону подчиненных, приказывая им покинуть помещение.

– Ты арестован, – присев на край стола, со вздохом произнес он.

– У нас был договор, – наемника стала уже порядком утомлять, сложившаяся ситуация. Он уже отчасти жалел, что

не принял первоначальную сделку.

– У меня не остается выбора, ты должен пон...

Стук, а затем скрип двери прервал главу крепости, не дав ему закончить. В проеме появилась голова одного из недавно выгнанных гвардейцев. Мужчина объявил о посетителе, кивком головы, призывая капитана посмотреть в окно.

Во дворе слезал с коня магистр в окружении двух, хорошо экипированных рыцаря.

– Он пришел с юга, – объяснил гвардеец, – сказал, что хочет видеть местного, недавно попавшего в крепость.

– Бездна его забери, – выругался капитан. – Веди его сюда, – обратился он к гвардейцу. – Ну, теперь уже точно выбора у меня не остается.

Вскоре лязг лат возвестил о приближении посетителей. Магистра окружали два высоких человека закованных в молочно белые латы, поверх которых была накинута легкая темная мантия.

Протянув руку капитану, он с дружелюбной улыбкой поприветствовал его. Капитан, судя по всему, узнав человека, немного расслабился и уже не казался столь напуганным и растерянным.

– Магистр Лонни, очень рад тебя видеть. Я бы хотел объяснить.

Монах поднял руку, прерывая капитана. Сев за стол, он снял капюшон, оглядев столпившийся в небольшой комнатке народ. Он был молод, очень молод, особенно для свое-

го статуса. Его темные волосы стояли торчком, а в глазах еще играл огонек молодости. Бросив короткий взгляд на своих защитников, и приведшего его в кабинет гвардейца, он взмахнул рукой, прося уйти всех кроме Барета и самого капитана. Осмотрев еще раз оставшихся, он довольно улыбнулся.

– Кристофер, все хорошо, – начал он, успокаивающим тоном. – Так, что у вас здесь случилось?

Капитан, отчитался обо всем. Барет не мог поверить и с ужасом наблюдал за происходящим. В данный момент глава крепости, фактически, сдавал его ордену со всеми потрохами. В таких больших неприятностях ему еще быть не приходилось. Но сидеть, сложа руки, он был не намерен. Монаха сопровождало, два воина, хорошо вооруженных, но всего два. Отсюда до Солас Мора дня два пути, а то есть у него будет минимум две ночи на побег. Звучало не очень, но вселяло хоть какую-то надежду.

Тем временем Кристофер заканчивал свой доклад. Услышанный рассказ никак не повлиял на монаха, он все так же беззаботно улыбался, и казалось, был больше увлечен исследованием стола капитана. Чего не скажешь о самом капитане, он дрожал, запинаясь, тараторил, словно пятилетний ребенок, отчитывавшийся перед взрослыми. Он то прекрасно понимал, за что он оказался так далеко от дома, и что ему грозило впереди за нарушение целого скопа всевозможных правил.

– Я тебя понял, – подытожил магистр. – Давай поступим так. Сейчас я побеседую с ним лично, а позже заберу его с собой. Что указать тебе в докладе я скажу чуть позже. Думаю, мы найдем выход, так чтобы вина за случившееся легла на одном Моргане, – все тем же тихим, умиротворяющим тоном, продолжал монах. – А сейчас, я был бы благодарен тебе, если ты оставишь нас наедине.

Капитан, находившийся, видимо, в полной прострации, молча вышел. Его шаркающие шаги и окрики гвардейцев еще какое-то время раздавались по ту сторону двери, но вскоре затихли и они.

Монах молчал, обыскивая карманы своей мантии. По его лицу тяжело было предположить, что он планировал делать дальше. Судя по всему, в Солас Мор он не собирался, либо соврал, руководствуясь своими интересами.

– Возможно, у меня есть, что вам предложить, – решил-ся Барет. В конце концов, чем отличались напыщенные магистры от тех же гвардейцев, как Морган. У всех была своя цена, оставалось ее только найти. – Магистр Лонни...

Монах вновь поднял руку, прерывая собеседника. Он не смотрел на него, даже не отвлекся от своих поисков и лишь когда, наконец, выудил искомый предмет, начал разговор.

– Эд, пожалуйста, зайди, – негромко выкрикнул он, и вслед за его голосом в помещение зашел один из его стражей. – Проследи, чтобы никто не приближался к двери и желательно даже не слышал разговора, исходящего отсюда.

Страж коротко кивнул, и лязгая латами, покинул помещение.

– Зови меня Нэйк, – вновь обратился он к сидевшему напротив человеку, и положив на стол маленькую деревянную эмблему, добавил, – Тишина грядет...

– ... и все когда-то замолкает, – закончил Барет. – И в чем же, тогда моя задача, если ты и самостоятельно можешь доложить о местоположении Льюса?

– Я не совсем тот, за кого ты меня принимаешь. С Тишиной у меня, скорее договоренность. Они получают необходимые им сведения, а мне нужен умелый человек в помощь.

– Хорошо, и чего же в таком случае ты от меня хочешь?

– Пока мы направляемся в Тиретхолл. Лорду Аргеру угрожает опасность, и ты должен ее предотвратить, об остальном узнаешь позже.

9

Марк сидел за своим столом, обдумывая текст праздничного обращения. Завтра его родному аббатству исполнится уже 724 год и по этому случаю, как и во все прошлые годовщины, монахи устраивали грандиозный пир.

Аббат сидел с закрытыми глазами, ища подходящие слова и обороты. Периодически он, будто бы пробуждаясь от беспокойного сна, открывал глаза, хватался за перо и что-то вычеркивал и дописывал в лежащем перед ним пергаменте.

Тем временем снаружи уже давно стемнело, и лишь догорающая свеча охватывала слабым мерцающим светом небольшой клочок кабинета с дубовым столом. Монах из последних сил заставлял себя дописать свою праздничную речь. По правде говоря, он мог это сделать и завтра, но продолжал оттягивать момент, когда ему придется отправиться в спальню. В последние дни ему никак не удавалось выспаться. Каждый раз засыпая, он погружался в воспоминания, и вновь переживал худшие моменты своей жизни, а пробуждаясь на утро, чувствовал себя невероятно уставшим и вымотанным.

Уже после первой ночи в аббатстве, Марк пришел к выводу, что его сны как-то связаны с Эриком, как теперь именовал себя его старый друг, о чем он в тот же день и попытался ему сообщить. Сам Эрик объяснял их появление несколько иначе, он винил во всем обычное переутомление и обилие тревожных новостей в последние дни.

С момента его эффектного прибытия, и именно эффектного, другие слова на ум аббату не приходили, прошло уже два дня. Эрик умудрился перепугать всех, с кем успел повстречаться и даже тех, кто о нем был только наслышан. Вопреки своим же заверениям, он все-таки остался в аббатстве гостем, но при этом предпочел остановиться не в приготовленной специально для него комнате, а оккупировав библиотеку. Где собственно эти два дня и провел, не выходя ни днем, ни ночью.

Жизнь Марка медленно налаживалась, входила в привычный ритм с знакомым распорядком дня. Писем от Натаниэля больше не приходило, что вынуждало к томительному ожиданию новостей, о допрошенных лордам очевидцев.

Отложив перо, и растерев слипавшиеся от переутомления глаза аббат, наконец, решил, что больше обманывать себя он уже просто не в состоянии. Встав, распрямив спину и потянувшись, он ловким, привычным движением погасил свечу, и погрузившись в приятный полумрак, побрел к дверям своей спальни.

С каждым шагом его все сильнее обуревал страх, предстоявшего сна, снова эти болезненные воспоминания, раздравшие его душу на части, снова эти кошмарные моменты его жизни, о которых он был бы так рад забыть. Разум брыкался, сопротивляясь каждому движению, наотрез отказываясь лечь на заслуженный отдых, но и на сопротивление оставалось все меньше сил. Закрыв глаза, его охватила сладкая волна спокойствия, по телу пробежала удовлетворенная дрожь и укрывшись толстым одеялом он вмиг уснул, уносясь в потоке сновидений.

Наконец, после стольких мучительных кошмаров и без конца мучавших его призраков прошлого, он мог отдохнуть и расслабиться

Пробудился он от прохладного ветерка и яркого солнечного света. Где-то совсем рядом пели птицы утренние трели

и мир сбрасывал с себя оковы ночи.

Марк потянулся, ощутив в своем теле неожиданную бодрость и силу, отбросив легкое, рваное одеяло, он встал и осмотрелся.

На этот раз он оказался в пещере, напротив стоял небольшой походный столик с развернутой картой.

– Доброе утро, – в пещеру зашел, а если точнее вбежал, юноша, заботившийся о нем все это не легкое время.

– Доб...

– Лорд Ансельм, Хиденс передает, что они заметили всадников, а про Фьерса так ничего и не известно, – следом за лордом в пещеру вбежал запыхавшийся воин и, тяжело дыша, прислонился к каменному своду пещеры.

– Да! Знаю я уже все это, ждите указаний! – прокричал парень и быстрым шагом направился к стоящему столику.

Лорд Ансельм. Титул стоявшего в паре шагов юноши вновь нанес болезненный удар по памяти аббата. Лорд Ансельм. Почему с таким трудом его сознание пробивалось к самым обычным вещам. Просто имя, имя его друга, которого он знал, чуть ли не с самого рождения. С рождения! С очередной детали слетела пелена, но так и не приблизила к чему-то важному, что так оберегал его разум.

– Иди скорей сюда! Темные боги, защитите всех нас! Бездна их всех поглотит, мы в ловушке, – парень обернулся к Марку, уставившись на него в ожидании каких-то слов или действий.

Что-то сковывало разум, словно бы стоявшая огромная невидимая стена, которая препятствовала всему, даже потоку сознания. Каждое движение, каждый шаг, слово, мысль требовали от Марка невероятный усилий. Мир остановился, короткое мгновение растянулось на века, все замерло в ожидание.

– Да, прости. Я наверно до сих пор не оправился от ранения, – аббат собрал все свои силы, и сделал один единственный шаг навстречу юноше. На мгновение все вокруг озарилось яркой вспышкой и тут же погасло. Дышать сразу стало свободней, а тело будто бы стало легче и подвижней.

– Боги. Я всех нас погубил. Зачем я повел войско в лес. Они скоро нас догонят. День, может быть два и все будет кончено! Но, напоследок мы заберем с собой как можно больше этих святых уродцев. Этых треклятых тварей, с мечами и факелами, несущих добродетели и спасение для всего живого! Ха! – парень, словно безумный, то поддавался приступам паники и отчаянья, то горячо желал смерти врагам.

– Хьеэр, соберись, ты уже не ребенок и от твоего решения зависит судьба целой армии, – Хьеэр, боги, как он мог забыть этого белобрысого мальчугана. Своего соседа, паренька с которым впервые ловил рыбу, впервые напился в хлам и впервые поднял меч, защищая их деревню. Боги, а теперь этот мальчик, совсем еще ребенок, ведет армию, и если он не соберется, их всех действительно ожидает смерть.

– Хотел бы, но что мне делать? Мы можем снова отсту-

пить, как отступаем уже неделю. Но куда мы идем, на что рассчитываем? С каждым днем нас все меньше! Кто-то отстает, кто-то умирает от ран, кто-то просто бежит! Да пусть в бездну отправится эта тварь со всей своей армией! Этот проклятый, бесконечный лес! Он нас всех убьет... Ты только посмотри на карты, – парень развернулся к столику, нависая над выцветшими пергаменатами. – Тут повсюду лес и одним богам известно, где он кончается.

– Отступай на север, там нас все еще помнят, и ты сможешь набрать новых людей, сможешь обороняться.

– Обороняться? Мы уходили победителями, гнали этих святош, а теперь сами возвращаемся как побитые псы...

– Хьеэр, сейчас главное сохранить людей, остаться в живых. Позже мы соберемся с силами и нанесем новый удар.

– А он тем временем будет продолжать жечь людей?

– Хьеэр! Я останусь здесь с небольшой группой. Мы их задержим, а ты уводи остальных.

– Ты свихнулся? Фьерс уже пытался их задержать, и где он теперь? Они и тебя убьют!

– Воины ждут тебя, уводи кого сможешь.

Парень, казалось, за несколько мгновений постарел на десятки лет. Согнувшись, с опущенными плечами, он, медленно шаркая ногами вышел из пещеры.

Вскоре бросив последний взгляд на зияющую дыру каменного прохода и лицо своего друга, вышедшего его проводить, юноша, отдал приказ отступить, уводя отряды побитых сол-

дат глубже в чашу леса.

С Марком осталось не больше пятидесяти мужчин, большинство из которых были стариками из его разоренной деревни. По последним сообщениям войско врага уже приближалось. Десятки тысяч вооруженных, бодрых, сытых и верящих в свою правоту людей, шли вперед с единственной целью – уничтожить.

Осмотрев свой небольшой угрюмый отряд, он думал лишь о том, на сколько они смогут задержать эту неудержимую силу, прежде чем сделают свой последний вздох.

Сон, как всегда, прервался неожиданно для его владельца, медленно растворившись в реальности.

Марк, в который раз с облегчением обнаружил, что находится в своей кровати, в своем кабинете и в своем аббатстве. Уже которое утро он просыпался со смешанными чувствами. Каждый раз, ощущая облегчение от осознания, что это был всего лишь сон. Каждый раз мучимый разьедавшей его злобой на судьбу за то, что та заставляет его переживать то, о чем он многие годы старался забыть.

Одевшись, аббат усталой походкой направился в кабинет, намереваясь все-таки закончить праздничное обращение. К его удивлению, в кабинете его уже ожидал Клеос, тихо сидя на одном из кресел, около двери.

– Аббат Маркус. Доброе утро, – парень, молниеносно встал и вытянулся.

– Что-то случилось? Почему ты меня не разбудил?

– Простите... просто тут такое дело, – запинаясь, начал монах, – ваш гость, Эрик...

– Да.

– Он уже третий день не выходит из библиотеки, и... я сказал брату Марику отправить ему еду. Он ведь ни разу не спускался в зал... чтобы поесть... с того самого вечера, как прибыл. Я начал беспокоиться все ли с ним в порядке, но раз вы приказали не отвлекать его, то входить к нему я не осмелился.

– Хорошо, и что? Ему передали завтрак?

– Нет, – монах выскочил из кабинета и вернулся, неся перед собой поднос с завтраком.

По сравнению с тем обилием еды, которое каждый раз подавалось в зал, даже на завтрак, поднос Клеоса выглядел скудновато. На деревянной тарелке лежал небольшой кусочек холодного пирога с мясом и пара ломтиков хлеба. Запивать все предполагалось пивом.

– Поварята боятся к нему приближаться, трое ребят бегом вернулись назад и на отрез отказались возвращаться.

– Что за глупости? Он странный человек, это ты мог заметить и при первой встрече, но пугаться-то его не стоит.

– Я так же подумал, и тогда решил отнести поднос сам...

– Ну, продолжай, он и тебя напугал?

– Там... Он... сидел и читал...

– И что в этом такого?

– Простите аббат, вы не могли бы сами отнести ему? – юноша с надеждой протянул поднос.

– Хорошо, поставь его на стол, но я все равно не понимаю, что там может быть такого ужасного.

– Спасибо, спасибо, – Клеос чуть ли не бегом помчался к столу. Поставив поднос, и извинившись еще раза три, он вылетел из кабинета, опасаясь, как бы настоятель не передумал.

Осмотрев довольно простое, если не сказать бедное угощение, приготовленное братом Мариком для гостя и отломив небольшой кусочек пирога, Марк решил дописать обращение, пока у его головы еще оставался настрой на работу, а уже после отнести этот злополучный завтрак. Тем более что он не был до конца уверен в том, что самому Эрику вообще необходимо было хоть чем-то питаться. И, наконец, после всех выполненных дел он мог бы заскочить на кухню и сам.

Усевшись за свой стол и отыскав вчерашние свертки пергамента, он развернул их. Аккуратно макнув перо в чернила, он замер, начав обдумывать финальные строки. Вспоминая все самое хорошее, что произошло за этот год, Марк вывел пару строк о теплой зиме и богатом урожае летом, о трудах брата Антонио и его команды по реконструкции аббатства, заранее поблагодарил брата Марика за приготовленный пир и в завершение пожелал всем хорошего вечера.

Закончив писать и отложив перо, он еще разок пробежал глазами по написанному обращению, и оставшись довольным, направился напрямик к беспокойному гостю.

Все утро, пока Марк писал, его тянуло спуститься в библиотеку, посмотреть на то, что же такого там мог сотворить его старый знакомый. Испуганных поварят он еще мог понять, но Клеоса, который сам, лично, встречал Эрика тем вечером – нет. Наконец, преодолев два лестничных пролета и спустившись во двор, где уже днем царил дух веселья, он повернул к толстой, немного кривоватой башенке, в самом дальнем конце двора.

– Ну, и что ты тут натв... – настоятель так и не смог закончить свою заранее отрепетированную речь, замерев в дверном проеме.

Той ночью, когда Эрик только прибыл, и вечером на следующий день, когда его навещал Марк в последний раз, было темно и, казалось, что впечатления сильнее чем в первые мгновения его прибытия, он произвести не мог. Сейчас же в ярко освещенной библиотеке перед ним предстал оживший кошмар. В окружении стопок древнейших фолиантов и десятков раскрытых и, разбросанных по всему полу книг сидело нечто лишь отдаленно напомилавшее человека.

Худой, с кожей цвета мела и седыми всклокоченными волосами труп водил тощим, иссушенным пальцем по очередной странице, вчитываясь в строки.

– Ты очень во время, я как раз хотел с тобой поговорить, – знакомый голос вывел Марка из ступора.

– Ты вообще видел себя? Что это такое? – аббат даже не заметил, как присел на стоявшую рядом стопку книг. Его

мозг усиленно пытался соотнести представшую перед ним картину со звуком доносившегося голоса.

Труп с каким-то хрустом отложил книгу, которую только что читал и с невероятной бодростью подскочил. Быстро пробежав по залу, он собрал несколько томов и множество листочков, исписанных и изрисованных разными символами.

– Я приведу себя в порядок, не беспокойся, – ответил он на молчаливый взор друга.

Аккуратно разложив на столе все собранные им записки и книги, Эрик задумался, внимательно все осмотрел и, наконец, развернувшись, произнес.

– Я должен сам опросить всех свидетелей и осмотреть замок.

– Хорошо, я сейчас же напишу Натаниэлю, что от моего имени прибудет человек. Только ты бу... – с нескрываемым воодушевлением произнес Марк и поднявшись на ноги собрался исполнить свой замысел.

– Нет, – резко прервал его Эрик, – ты поедешь со мной.

– Не, не, не. Нет. Даже не думай. Хватит с тебя и моего письма, а там отправляйся куда хочешь, допрашивай кого пожелаешь. Разбирайся во всем этом деле.

– Марк, письма будет недостаточно. Мне нужно проверить тюрьму...

– Я приложу свою печать, тебе как представителю магистрата будут открыты все двери.

– Прекрати! Ты же сам понимаешь, что это не так. Может быть мне и будут рады в самом Тиретхолле, благодаря твоей дружбе с лордом, но про местный храм такого явно не скажешь. Они в любом случае будут проверять письмо, и запрашивать разрешение у Льюса.

– Не вижу никаких проблем. Письмо настоящее, а Льюсу и дела нет до того, что происходит здесь, его мысли уже давно на Кальдере

– Проверка займет время Марк! Прекрати уже. Если с ним нашли связь или того хуже, он вырвался, мы уже проиграли ему несколько десятков дней.

– Кто-то совсем недавно, с насмешкой говорил, что его возвращение невозможно. Тем более он все еще в тюрьме.

– Откуда ты это може...

– Когда ты хочешь отправляться?

– Сейчас. Немедленно. Мы и так потеряли слишком много времени.

Марк печально осмотрел разложенные книги, карты и листочки, собранные Эриком. Медленно, шаркая ногами, он подошел к дверям библиотеки и ненадолго замер.

– Мы отправимся сразу после пира. Будь готов, – и не дождавшись ответа вышел.

Снова в путь, а он глупец, думал, что та прогулка до пещеры была самым жестоким испытанием. Все только началось. До Тиретхолла путь занимал почти неделю, если держаться тракта, но Эрик скорей всего будет гнать лошадей и

днем, и ночью. Может быть это и к лучшему, хотя бы он избавится от этих отвратительных кошмаров.

Марк добрался до своего кабинета, не обращая внимания на детский смех во дворе, суесящихся монахов, украшавших коридоры и залы, стук посуды из кухонь, где проходила настоящая кулинарная битва. Он тихо прошаркал в свой кабинет и сел за стол, мысленно прощаясь со всем, что ему дорого.

За ним зашел и Клеос, что-то пробормотав, спрашивая о состоянии гостя и самого аббата. Марк что-то ответил, то ли “все в порядке”, то ли “не отвлекай”. Не видящим взглядом он уставился на соседнюю от стола стену и просидел так бог знает сколько времени.

Когда он очнулся на небе все так же светило солнце, пели птицы, а во дворе слышались детские голоса. Избавившись от накатившейся на него тоски, он перешел к решительным действиям.

Нашел свой древний холщовый мешок, в котором когда-то носил вещи. Побросал в него чистые листки пергамента, чернильницу, печать магистра, пару камзолов, бриджи, плащ и балахон. Разгреб свой сундук, попутно набрасывая все новую одежду и обувь в мешок, но добравшись до дна остановился. Только сейчас Марк ощутил всю тяжесть прошедших лет, воспоминания детства, юности и зрелости нахлынули бурным потоком.

Сколько лет он не видел свой меч. Красная кожа ножен

и рукояти с изображением открытого ока. Отец выжег его на коже, а позже выгравировал на самом клинке в память о матери Марка. Отец был наемником и в отличие от отцов его друзей практически не бывал дома, сражаясь где-то в чужих землях за местного лорда, в награду получая пищу и землю для своей семьи.

На двадцатый день рождения Марка, отец вручил ему свой меч, утверждая, что любовь и забота его матери, хранившиеся в этом клинке не раз спасала его от верной смерти.

Возможно, в чем-то он был и прав, в тот же день купив себе новый меч у местного кузнеца он отбыл в очередное сражение, из которого так больше и не вернулся.

Марк медленно извлек клинок из ножен, пробуя его вес и длину. Давно забытые ощущения, боевой раж, холод клинка и лязг стали, казалось, это было так давно, может быть даже с кем-то другим.

Закончив собирать вещи, он положил на кровать свою верную кольчугу, походный плащ и меч.

Солнце медленно клонилось к горизонту, и в аббатство начали стекаться люди из деревни. В главном зале уже во всю расставляли посуду и несли угощения. В центре зала, словно боевой командир, монахами управляла Элис.

Утренний скудный завтрак более чем компенсировался немислимым разнообразием и количеством угощений на пиру. По всей видимости все утро, день, а возможно предшествующую ночь брат Марик со своими поварами готовили

все выносимые к столам кушанья. Возможно, это и объясняло настолько непримечательный завтрак, у поваров просто не хватило времени на что-то иное.

Первым делом монахи, под руководством Элис, начали выносить угощения, считавшиеся основными. Дюжину тыквенных пирогов, в виде золотистых розочек, начиненных как не странно маленькими ломтиками яблок и пару огромных кастрюль с мясной похлебкой. Четверо монахов, по два с каждой стороны огромного подноса, вынесли тушеную баранину, сочные большие куски мяса были обильно политы соусом с множеством приправ.

Следом за основными следовали переходные блюда, неуклонно приближавшие гостей к десерту. Каплун с черносливом, изюмом и мускатным орехом, студень из телячьих ножек и заварной крем.

И финальное творение мысли брата Марика – десерт. Огромный пирог, копировавший до мельчайших деталей само аббатство, клубничное суфле, в окружении свежей клубники, бэзе и искусно приготовленные фрукты из марципана.

Таковыми выглядели столы для рассаживающихся гостей, но бедолаги и не догадывались о грандиозном замысле чудо-повара. Заставленные столы были всего лишь первой из трех смен блюд, а в это время на кухнях свободное место было в огромном дефиците, новые тарелки, кастрюли и подносы стояли на столах, полу, друг на друге, словом, занимали каждый свободный дюйм.

Впереди долгого вечера гостей еще ожидали пирог с заливным зайцем, и цыплята со свиными языками. Маленькие пирожки из телятины и запеченная говядина. Пирамида из раков и макрель приготовленная на огне. Маковые кексы, мармелад, джем, горячий шоколад и еще многое другое. Работа на кухне не утихала даже когда последний свободный дюйм пал под натиском угощений.

Разнообразие напитков было не хуже, от разного года и вкуса ягодных настоек, вин, пива и не пользовавшегося успехом морса.

Марк осторожно, боясь, задень суесящихся поварят и монахов, прошел к своему столу и сев, стал наблюдать за столь знакомыми и родными людьми.

Вскоре зал начал заполняться гостями, угощения уже стояли на столах, окруженные облачками пара, Элис встречала всех у входа и руководила посадкой.

Малый и центральный столы с левой стороны уже были заполнены монахами и деревенскими жителями. За центральный правый только стали усаживаться гости, а вот за малым, с той же стороны, творилось что-то непонятное. Толпа молодых девушек сгрудилась у края стола, угрожая разрушить порядок, наведенный Элис.

К образовавшемуся затору уже приближалась сама хозяйка, которая за несколько мгновений рассадила всю собравшуюся толпу. Рассаженные девушки, а малый правый стол теперь принадлежал только им, даже сидя на своих местах,

не отводили глаз от края стола.

На самом углу, вжавшись в стул, сидел прекрасный юный парень, волосы его торчали золотыми завитушками и на лице играл румянец.

– Вот вроде бы и все, – Марка отвлек севший рядом брат Абель.

– Абель! – мигом опомнился аббат. – Я совсем о тебе забыл. Нам нужно срочно поговорить.

– Хорошо, – блаженно произнес Абель, отпивая несколько глотков пива. – Здесь или выйдем?

– Здесь, времени обсудить все с глазу на глаз уже нет. Как я мог о тебе забыть.

– Да что случилось?

– После пира, сразу же, как он закончиться, мы с Эриком отбываем в Тиретхолл. Делами аббатства займешься ты...

– Я?! Аббат Маркус вы с...

– Не перебивай и слушай внимательно. Всеми насущными делами займешься ты. По всем вопросам пиши лорду Аргеру, он мне передаст. Найди кого-нибудь и отправь в Солас Мор с припасами. Все понял?

– Да, – угрюмо произнес монах, и залпом допил остатки пива.

Зал стал понемногу затихать и все взгляды устремились на старого аббата. Встав, и вооружившись бокалом вина он начал зачитывать свое ежегодное праздничное обращение. Упомянув деревню и аббатство, деревенских жителей, их

трудолюбие и доброту. Поблагодарив пророка за хороший урожай, брата Марика и Элис за столь вкусный и богатый пир, брата Антонио за масштабную реконструкцию аббатства, деревенских домов и дороги около тракта. Марк высоко поднял бокал, и пожелав всем урожайного, мирного года, призвал угощаться.

Сразу после пожеланий аббата зал взорвался веселыми криками, обоюдными поздравлениями и смехом.

– Прошу прощения, что затягиваю свою речь, но у меня есть еще одно небольшое объявление, – услышав голос аббата, продирающийся сквозь весь этот шум, зал вновь затих. – Спасибо, дорогие мои. После пира я должен буду не на долго покинуть аббатство. Во все время моего отсутствия меня заменит брат Абель, – Марк положил руку на плече сидящего рядом монаха. – Вы все его хорошо знаете, а теперь прошу, продолжайте, – настоятель вновь занял свое место.

Какое-то время в зале висела тишина, люди перешептывались и грустно вздыхали, но вскоре детский смех снял висевшее напряжение и воздух снова заполнился шумом и гамом звянувшей посуды и разговоров.

За окнами аббатства уже давно стемнело, столы опустели, а гости понемногу стали расходиться.

– Ну куда вы на ночь глядя, – по пятам за Марком следовали Элис и брат Абель.

– Поспите, отдохните, а завтра мы приготовим вам еду в

дорогу, – поддерживая Элис произнес брат Марик, руководивший сбором грязной посуды.

– Я уже собрался в дорогу, спасибо, а перекусить мы всегда сможем в тавернах, близь тракта, – настоятель в сопровождении собравшейся делегации провожающих вышел во двор, где его уже ждали две груженные, холщовыми мешками, лошади.

– Аббат, а если вы заблудитесь впотьмах, вы же уже не мальчик, простите, конечно, – все никак не унималась Элис.

– Приятная забота, – из-за лошадей вышел тот самый белокурый юнец, вызвавший такую шумиху среди девушек на пиру, – не беспокойтесь, я позабочусь о нем. И к глубочайшему моему сожалению, у нас совсем не остается лишнего времени, – мягко прервал он пытающуюся возразить девушку.

Взобравшись на коней, под печальные крики толпы, пара выехала со двора и взяла путь по направлению к деревне.

– И сложно тебе было сразу показаться в таком виде? – Марк все еще не мог прийти в себя после такого резкого преобразования друга.

– Зато, какое я впечатление произвел, – юнец расплылся в улыбке.

– Дааа. Я ведь к тебе зашел сегодня только потому, что ты умудрился перепугать всех, с кем имел честь встретиться.

– О да. Я помню твоего слугу... Кло, Кле...

– Клеоса.

– Не так важно. Как его затрясло, когда я к нему повернулся. Тебе надо было это видеть, его глаза в тот момент...

– Кстати о глазах, твои бы тоже следовало сменить. Не хватало еще, чтобы ты лишний раз привлекал к себе внимание, если все окажется правдой.

– Ну, чего не могу, того не могу. Глаза у нас черта семейная.

– Значит нужно что-то придумать.

– Возможно. Поговорим об этом в таверне, – отмахнувшись от пытающегося еще что-то сказать аббата, парень пустил свою лошадь рысцей.

Так недавний путь до пещеры Эрика казавшийся огромным, длинным путешествием, сейчас пронесся мимо вместе с той самой тропкой, уходящей в лес, а впереди еще ожидали дни и ночи в пути.

Первое время единственным ориентиром для аббата служил круп бегущей впереди лошади. Дорога петляла, то поднимаясь, то опускаясь, лишь, когда они выбрались к тракту из-за туч показалась луна. Перед двумя всадниками открылась широкая каменная дорога.

– Остановимся в “Сморчке”, – прокричал Эрик, и развернув свою лошадь, помчался к двум одиноким огням вдаль.

У таверны их встречал скрюченный старичок. Проскрежетав цену за комнату, он взял у Эрика золотую монету и увел за собой лошадей.

– Отдыхай, завтра на рассвете отправимся дальше, – Эрик перекинул через плечи четыре мешка с их вещами и направился в комнату.

– Ты же сам настаивал на немедленном отъезде, а сейчас мы ночуем в двух шагах от аббатства, – негодовал Марк.

– Ты ночуешь. Я пока осмотрю предстоящую дорогу. Не хотелось бы попасть в ловушку, или ты другого мнения? Тем более лорд Аргер мог уже выслать документы, и мне бы не хотелось с ними разминуться.

– Да, ты прав.

Оставшись в одиночестве, Марк осмотрел невзрачную тесную комнатку, ободранный пол и стены, покосившийся столик. Вспомнив ночь, проведенную в “Улыбающемся Сверчке”, он в который раз убедился тому, как хорошо название таверны отражает ее сущность.

Прямо за его окном суетился Эрик, разжигая костер. Марк проследил за знакомыми действиями друга, как тот потушил разведенный костер, замер над слабой струйкой дыма и уставился в тлеющие угли. Отойдя от окна и развернувшись к кровати, он с ужасом стал ожидать предстоящий сон.

В предрассветные часы Тим наблюдал, как быстро удалялась лошадь, увозившая его друга, и как две черных точки сливались с линией горизонта.

Все утро он просидел на окне, их с Виллом, комнаты. Его лучший, самый близкий друг, которого он знал всю свою сознательную жизнь уехал, и о времени его возвращения не было ничего известно. Мальчик спрашивал, когда вернется юный лорд и где, вообще, находится эта самая крепость Тиретхолл у заходившего их проведать мастера Арвуда, а позже и у сэра Эклстера.

Хью заходил к ним всего лишь раз и всего на пару мгновений, сделав несколько распоряжений, он тут же удалился. Сам рыцарь был молчалив и угрюм, он впервые расстался с сыном на столь длительный период, и на обрушившийся на него шквал вопросов, он только и смог тихо пробормотать: “не знаю”.

От утреннего задорного настроения, витавшего в комнате мальчиков, к полудню не осталось и следа. Лежавший в своей кровати, Вилл все еще старался как-то приободрить своего новоприобретенного друга, что-то без конца бурно рассказывая и шутя, но Тим так и продолжал грустно сидеть у окна, всматриваясь куда-то вдаль, где огненный диск багрового солнца уже полноправно занял свое место на небосводе.

– Мне как-то отец рассказывал о Тиретхолле. Он говорил там находится самая древняя крепость, она возвышается над всеми землями и с ее башен можно видеть всю округу на многие лиги вперед... – Вилл уже в который раз рассказывал о крепости, в надежде, что Тим все-таки обратит на него внимание, но мальчик все так же понура молчал.

Что касается Вилла, к огромной радости мастера над травами, он явно шел на поправку. Хотя Арвуд и строил из себя хмурого старика, ворча себе под нос при любом удобном случае и призывая мальчиков вести себя тише и больше отдыхать, старый мастер не мог не нарадоваться тому задорному смеху, что теперь вечно доносился из комнаты ребят.

Из затравленного ребенка, жавшегося к спинке кровати при приближении любого незнакомца, Вилл превратился в неисчерпаемый источник всевозможных историй и шуток. Теперь он уже без опаски принимал все те снадобья, что приносил мастер и без малейших колебаний давал сменить на себе повязки, умудряясь даже при этом перекидываться словами с другом.

В итоге его знакомство со сверстниками, и в особенности с Тимом, с которым он нашел общий язык, буквально с первых мгновений их общения, пошло только на пользу. И помогало даже ничуть не хуже, если не лучше, чем все попытки мастера вернуть ребенка к нормальной жизни.

– Ну, и как себя чувствуют наши сорванцы? – в окружении двух стражей в комнату зашел мастер Арвуд. После инцидента с архиепископом, лорд Аргер настоял, чтобы в башне постоянно присутствовали стражи из его личной охраны и теперь перед дверями комнаты и у двух входов в саму башню стояли как минимум по два человека.

– Лучше прежнего, мастер. Мне кажется, я уже могу выйти, хотя бы во двор. Тем более свежий воздух мне должен

пойти на пользу, – с улыбкой, бодро ответил Вилл.

– Нет, нет, нет. Тебе еще рано вставать, – мастер закрыл за собой дверь, оставив двух воинов снаружи. – Я могу попросить Хью, чтобы он приказал своим парням вынести тебя в сад. Подышишь свежем воздухом, Тим тебе все покажет. Да, Тим? – сидящей на окне мальчик лишь угрюмо кивнул в ответ.

– Это было бы великолепно, благодарю вас мастер, – Вилл интуитивно пытался поклониться после каждой фразы, обращаясь к старому мастеру. Въевшиеся с детства привычки заставляли его соблюдать определенный ряд правил при общении с ним, даже после того как сам мастер разрешил ему этого больше не делать.

– Вилл я хотел поговорить с тобой и... еще меня просил лорд Аргер задать тебе пару вопросов.

– Да, мастер, конечно.

– Хорошо. Для начала я хотел бы спросить, как тебе у нас живется? – Арвуд присел на краешек кровати ребенка.

– Я благодарен лорду Аргеру и вам за то, что вы спасли меня и так печетесь о моем здоровье, мастер.

– Хорошо, хорошо. Тогда не хотел бы ты здесь остаться, мне нужен ученик и я подумал, может ты согласишься помогать мне?

– Я? Но я же просто сын мельника, обычный крестьянин. Я не разбираюсь в травах и не умею обрабатывать раны.

– Конечно. Поэтому я и хочу тебя учить. Я же тоже не с

рождения умел готовить снадобья, зашивать раны, накладывать повязки и изготавливать припарки с примочками, – улыбнулся Арвуд и немного взлохматил волосы мальчугана. – Когда-то и я ходил по полю с отцом. Я разбрасывал зерна, а он вспахивал землю, как мне тогда казалось огромным плугом. У нас был свой бык и небольшой домик, здесь в Корстейте, но это было очень давно. Все когда-то с чего-то начинают, у всех были свои учителя. Знания и умения приходят с опытом, и свои познания я хочу передать тебе, как в свое время их передал мне мастер Дэминион.

– Если вы сочли меня подходящей кандидатурой, то я очень благодарен вам за подобный выбор и буду стараться не разочаровать вас. Тем более что возвращаться мне больше некуда, – грустным голосом закончил Вилл.

– Я очень рад, – с добродушной улыбкой ответил Арвуд. – Теперь, что касается вопросов лорда Аргера. Ему необходимо знать, все, что ты сможешь вспомнить о происшедшем с тобой дома и вплоть до...

– Мастер Арвуд, простите, мою ногу... Аргх... словно раздирают на части. Я не знаю, что происходит... мне... очень... больно... – Тим обхватил руками колени и весь сжался в дрожащий комок.

Через мгновение мастер был уже рядом, и пытался отодрать руки мальчика от перевязанной ноги. Как только он наклонился, думая, успокоить Тима, так сразу же услышал еле уловимый шепот.

– Пожалуйста, вынесите меня из комнаты, мне нужно вам сказать...

– Пророк всемилостивый, Тим, зачем ты залезал под повязки, это же может... – Мастер подхватил мальчика на руки и направился к двери.

– Она чесалась, безумно сильно чесалась, – продолжал в свою очередь жалобно скулить Тим.

– С ногой ведь все в порядке? – спросил мастер, как только они оказались в коридоре.

– Все нормально, я должен кое-что рассказать вам про Вилла...

– Подожди немного, сейчас я занесу тебя к себе. Что-то не так?

– Нет, просто мы его обманули.

Арвуд зашел в свою тесную комнатку, захлопнув ногой за собой дверь и посадил мальчика на стоявший в центре стол.

– Обманули? – переспросил он. – О чем ты?

– Мы сказали, что гвардейцы, выбежавшие к нему в ту ночь, изрубили культиста, а не дали ему сбежать. Он был напуган, и это Кэй все первым придумал, а потом предупредил меня и... ну, я сказал ему тоже самое.

– Понятно, – с задумчивым видом мастер словно окаменел, погрузившись куда-то в свои мысли. – Ну что ж, придется продолжать ваш обман, будем надеяться, что он простит нас, когда все узнает. Так, – мастер ожил и хлопнул себя по бокам. – И что же мне тогда ему сказать, – Старец принялся

ходить по комнате, но вскоре снова подхватив Тима на руки, направился к выходу. – Ладненько, что-нибудь да придумаем, – произнес он, подцепляя ногой дверь.

Через несколько мгновений они уже были в комнате Вилла. Мастер осторожно положил изнывающего от боли ребенка на соседнюю кровать.

– Лежи спокойно, боль должна скоро пройти. И не ковыряйся под повязками больше, будет чесаться – терпи. Так ведь и до ампутации не далеко, – с серьезным видом продолжал Арвуд.

– Что с Тимом? Я ему тоже говорил, чтобы он терпел, если начнет чесаться, – обеспокоенный за друга, спросил Вилл.

– Слава Пророку, все в порядке, но не позволяй ему снова стягивать повязки и лезть туда руками.

– Конечно, мастер.

– Хорошо. Что я тебе говорил, до того, как мы с Тимом ушли.

– Вы сказали, что лорд Аргер хочет знать, что произошло в моем доме, – тихо произнес мальчик, потупив глаза.

– Да, точно, – мастер снова присел рядом с Виллом и осторожно погладил мальчика по голове, в надежде немного приободрить его. – Лорд Аргер хочет знать все подробности. Хоть страже и удалось убить напавшего на тебя человека, но нам все равно нужно узнать кто он и откуда. Лорд хочет знать, можешь ли ты уже рассказать о случившемся и ответить на его вопросы? Если нет, ничего страшного, расска-

жешь, когда будешь готов.

– Я могу, постараюсь все вспомнить, мастер.

– Хорошо, хорошо. Отдыхай.

Попрощавшись с сыном Натаниэль вернулся в свой кабинет, в одной из четырех башен крепости, и еще долго всматривался в тонкую линию горизонта, гадая, о чем сейчас думает Кэйл и не совершил ли он ошибки, отослав сына.

Эйдрин все также злилась на него, из-за чего ему пришлось провести эту ночь в своем, как оказалось, крайне жестком и тесном кресле. Нет, сидеть то в нем было довольно-таки удобно, мягкая обивка спинки и ручек словно и были созданы для того чтобы убаюкивать сидевшего и уносить в страну грез, но в действительно все оказалось совсем иначе. Полулежачее-полусидячее положение тела никак не давало заснуть. Вчера только покинув малый зал и уединившись в своем кабинете Натан еще пытался заснуть, но сон кружился где-то рядом, словно надоедливая муха, не желая осесть и успокоиться. Глаза слипались, руки и ноги словно бы наливались свинцом, тело уже давно было готово к отдыху. А вот сознание в свою очередь, словно, осторожный канатоходец продолжало балансировать между сном и реальностью, не давая ни отдыха, ни возможности на чем-либо сосредоточиться. И эта пытка растянулась на вечер и долгую ночь,

а короткие промежутки сна постоянно прерывались болезненными судорогами, пока первые лучи солнца не выгнали лорда во двор.

Вернувшись назад, Натан имел вполне определенный план своих действий. Осторожно переставив лежащие на столе бумаги, чернильницу и множество других совершенно бесполезных вещей, скопившихся за долгие годы его обитания в своем кабинете, он поистине с нечеловеческим упое-нием забрался на стол, покрытый темно-серым бархатом, и в тот же мигновение уснул.

Время пролетело незаметно. Солнце было уже давно высоко в небе и пылало ярким обжигающим пламенем.

Натаниэль проснулся от настойчивого стука в дверь.

– Лорд Аргер. Лорд Аргер. Вы должны срочно спуститься! – голос юноши, стоявшего за дверью, переходил в крик, и он все с нарастающей силой барабанил по двери. – Лорд Аргер! Лорд Ар...

– Что случилось? – сонный, растерянный лорд заставил себя встать и открыть дверь.

– Лорд Аргер, мы задержали архиепископа, но командующий его сейчас убьет, – отрапортовал парень, вытянувшись во весь рост.

– Что? Но... Как он здесь оказался? Почему? Веди меня быстро к нему!

В то же мгновение парень сорвался с места и уже скрылся,

спускаясь по лестнице. Натаниэлю пришлось чуть ли не бежать вслед за широкими и быстрыми шагами стража. Вскоре они уже были во дворе, где собралось по меньшей мере человек сорок. Здесь были как гвардейцы и стража замка, так и прислуга из крепости. Все они стояли большой сплоченной группой и за чем-то внимательно наблюдали.

– Хью, что ты творишь? – крик Натаниэля прогремел как раскат грома в ясную погоду, не на шутку перепугав собравшихся, но никак не отразившись на самом старом рыцаре.

Рыцарь продолжал наносить удары по фигуре в красном балахоне, целясь то в живот, то в грудь, то в лицо. Было трудно сказать в каком состоянии был сам архиепископ, его лицо скрывал капюшон, а багровая ткань балахона маскировала возможные следы крови.

Монах шатался, но продолжал удерживаться на ногах. При этом злобно верещал, попеременно угрожая, проклиная и оскорбляя всех и каждого, кто попадался ему на глаза.

Конец слепой ярости Хью положил приказ лорда Аргера схватить и оттащить командующего от уже повалившегося на землю человека, получившего очередной удар в живот. Четверо крепких парней пытались сдерживать вырывавшегося из их рук командира.

– Отведите вашего командующего в мой кабинет, а архиепископа запирайте в нижних залах и пришлите к нему мастера Арвуда. Обязательно с охраной.

– Есть, – хором произнесла четверка стражей и с трудом

уволокла сера Эклстера в крепость. Двое других, вышедших из толпы, стоявших вокруг людей, осторожно подхватили ползающего монаха и унесли вслед за первой четверкой.

“Что вообще происходит в последнее время...”. Натан усталой походкой пересек двор и направился к башне мастера. Крепость уже во всю кипела жизнью, повсюду сновали слуги, приветственно кланяясь при его приближении. Но он сам практически не обращал никакого внимания на окружающих. Сознание с неохотой пробуждалось, все цвета и звуки медленно становились как будто бы ярче и звонче, отдаваясь жгучей болью в голове, что еще больше вводило из себя бредущего лорда.

– Лорд Аргер, – с веселой улыбкой приветствовал зашедшего, мастер Арвуд. – Я только хотел подняться к вам...

– Надеюсь, ничего опять не случилось? Мне нужен хотя бы небольшой перерыв. Слишком много всего навалилось в последние пару дней.

– Нет. Новости хорошие. Я считаю, что Вилл идет на поправку, и я передал ему вашу просьбу. В виду того что состояние мальчика удовлетворительное и он сам не против ответить на все вопросы, я готов дать согласие на его допрос.

– Это хорошо, – Натан уставился невидящим взглядом в стену, позади мастера. – Я думаю, сейчас я этим и займусь. Чем скорее мы покончим с этим делом, тем лучше. Арвуд, изготвь мне пока снотворного, боюсь этой ночью оно мне очень понадобится. Да, и еще. Хью задержал архиепископа и

немного не сдержался, осмотри его, нам не нужно чтобы магистр ордена скончался раньше времени. Это может повлечь большие неприятности.

– Поймали? Я думал он уже на пол пути в Солас Мор. Неужели он и вправду настолько глуп, что рискнул после всего случившегося остаться здесь.

– Кто знает... Главное, чтобы он дожил до суда, дальше его жизнь продлиться не многим дольше.

– Я пошлю к нему Лойда, если он заметит какие-то серьезные повреждения, тогда я займусь им сам. Хью хорошо ему всыпал?

– Достаточно, мне хватило одного вида ползающего и шипящего святоши перед главным залом, а ведь это могли видеть горожане. Если это так, то можно быть уверенными, слухов будет немерено.

– Так ему и надо. Жаль его не прирезали на пути к нам какие-нибудь головорезы, кого надо так они не трогают.

– Где сейчас мальчики?

– Прямо по коридору, я присоединюсь к вам в скором времени, только заварю лаванды. Да, кстати. Вместе с Виллом в комнате Тим. Они очень сдружились, и я полагаю разлучать их пока не следует.

– Тим. Это сын кузнеца, с которым постоянно убегал Кэйл?

– Да, он самый. Благодаря ему и погибшему стражу, юный лорд не получил никаких травм.

– Хорошо. Я не имею ничего против этого мальчика. Кэйл был с детства непоседлив, и чтобы там не говорила Эйдрин, если уж кого и винить в их участвовавших побегах так уж скорей нашего негодника, или по крайней мере их обоих, а не одного сына ремесленника. Главное, чтобы мальчик не мешал мне задавать вопросы.

– Я сейчас вас догоню и прослежу, чтобы он не вмешивался.

Лорд Аргер прошел через коридор, следуя указаниям мастера, возившегося с лавандой. Осторожно постучав, он приоткрыл дверь, ведущую в комнату мальчиков.

– Добрый день, как вы себя чувствуете? – Натан не часто общался с детьми, а если точнее, то общался лишь с одним ребенком – со своим сыном, и то не часто, и как правило волновался он при этом не хуже самого мальчугана. Сейчас же войдя в комнату, он оробел ничуть не меньше самих мальчишек.

Зайдя внутрь, лорд сиротливо присел на краешек кровати, чувствуя себя крайне неудобно и беспокойно. Попытался улыбнуться, в надежде, что тишину первым прервет кто-то из ребят, но и те в свою очередь смотрели на вошедшего к ним мужчину с некоторой опаской. В особенности сам Тим, который прекрасно понимал, кто к ним зашел и боялся сказать или сделать что-то не подходящее.

Вилл же просто хлопал глазами, наблюдая за хмурым мужчиной, которого раньше никогда не видел. Мальчик не

мог выговорить и слова, от человека исходило что-то странное, Вилла охватывало ощущение, что при его входе вся мебель, стены и даже свет, все напряглось в ожидании.

– Тим посиди тихо, лорда Аргер хочет задать пару вопросов, – вбежавший в комнату мастер был, наверно, единственным живым объектом во всей комнате, он беспрерывно суетился. Закрыв дверь, окно, помог перебраться Тиму на его кровать, выбежал из комнаты и снова влетел, неся перед собой стул. – Присаживайтесь, – мастер указал мужчине на стул, который поставил перед кроватью мальчика. – Вилл, познакомься, это Лорд Натаниэль Аргер, властелин Тиретхолла и всех прилегающих земель. У него к тебе будет несколько вопросов, помнишь, я тебя уже говорил об этом сегодня утром? Пожалуйста, постарайся по больше вспомнить и ответить на все вопросы, что он задаст.

– Спасибо Арвуд, – Натан, наконец, вышел из охватившего его оцепенения и теперь уже обращался к собравшимся свои привычным властным басом. – Вилл... Я могу к тебе так обращаться?

– Да, милорд, – все еще взволнованно произнес мальчик. Он ждал лорда с самого утра, как его предупредил мастер Арвуд. Он представлял его и высоким, и косматым, и маленьким, и толстым, словом, мальчик внутренне готовился к визиту, но от этого встреча не стала менее волнительной.

– Хорошо. Вилл. Ты жил в деревне Паверли, в семье местного мельника, так?

– Да, милорд.

– Хорошо. Ты помнишь, что произошло в тот день, когда ты убежал из дома?

– Да, милорд, – мальчик бросал испуганные взгляды то на мастера, то на Тима, в надежде, что кто-то из них подскажет что нужно делать и говорить.

На миг повисло молчание.

– Продолжай, – мягким голосом подбодрил ребенка мастер Арвуд.

– Весь день мы с отцом провели в поле, он командовал рабочими, а я бегал домой за водой и по другим его поручениям. С поля мы уходили уже под самый вечер, небо начинало краснеть и солнце заходило. Все началось ночью. Отец заметил в поле тень, он тогда сказал: “Опять соседские дети балуются, пойду припугну”. Взял палку, которую я когда-то притащил из леса и вышел. Его не было довольно долго, но мы постоянно слышали его голос, он что-то гневно кричал. Потом все стихло, и мы с мамой подумали, что отец возвращается, но когда он показался в дверях, он был весь красный и тяжело дышал. “Закрой все окна”, – прокричал он, и влетев в дом с силой захлопнул за собой дверь. Потом мы с отцом подвигали к двери стол и закидывали его паленьями из подвала. Он боялся, что кто-то зайдет внутрь, а мы просто не понимали, что происходит. Мама пыталась спросить, кто был в поле, но отец что-то сбивчиво пробормотал и продолжил баррикадировать окна.

Вскоре мне показалось, что все успокоилось, отец сидел в центре комнаты, пытаясь отдышаться, снаружи было все тихо кроме шелеста листьев и травы, обдуваемых ветром.

Мы с мамой тоже стали успокаиваться, но отец продолжал с ужасом вертеть головой из стороны в сторону, словно бы следил за чем-то невидимым, носившимся по комнате.

Тогда-то и я понял, что так его испугало. Шелест, причиной которого я считал ветер, постоянно перемещался, он словно бы кружил вокруг дома, ища вход. Вскоре шелест стал походить на тихий шепот. У меня не получалось разобрать слов, но к тому моменту страх охватил и маму. По нашей комнатке, казалось бы, лениво перемещались ледяные порывы, хотя на улице даже ночью было довольно жарко. Сначала меня пробил легкий озноб, потом дрожь, мне было страшно, нам всем было страшно. В царившем полумраке я смотрел то на маму, то на отца, но затем... Затем, видимо, не найдя входа шепот стих, и вскоре я почувал запах дыма, в след за запахом появились и сами темные черные клубы. Он хочет сжечь нас за живого, понял я, тоже видимо понял и отец, собравшись с духом, он встал, крепко сжал в руке палку, которую не выпускал из рук с момента как пошел прогонять мальчишек и сказал: “Я сейчас открою дверь. Молли, Вилл бегите к старосте, скажите ему, чтобы он собирал всю деревню и бежал сюда, но не в коем случае не останавливайтесь и не возвращайтесь одни”.

Мы отодвинули стол, дышать становилось все тяжелей.

Когда отец, открыл дверь вместе со свежим воздухом, во-
рвался и он. Он отг...

– Вилл, – прервал мальчика лорда Аргер, ты можешь опи-
сать, как выглядел этот человек?

– Да, вроде бы. Он стоял в дверях, высокий и худой. На
лице была маска, из темного дерева, изображавшее лицо ка-
кого-то старика. Она состояла практически из одних прямых
линий, я наверно мог бы ее нарисовать. На нем практически
не было одежды, только оборванные холщовые бриджи. Все
тело было изрисовано.

– Что значит изрисовано?

– Там были разные завитки и надписи.

– Надписи? Ты можешь вспомнить, что именно было на
нем написано.

– Нет, милорд, простите. Я не умею читать.

– Не умеешь? Хорошо. А ты видел когда-нибудь книги,
может быть у отца? Знаешь, как выглядят буквы?

– Да, милорд.

– Постарайся вспомнить, были ли похожи между собой
надписи в книгах, и те что ты видел на человеке. Сами бук-
вы, вид записей? Или на нем были слова на каком-то другом
языке, не похожем на тот что в книгах?

– Я не помню, милорд, простите.

– Хорошо. А какого цвета были волосы, помнишь?

– Рыжего, совершенно точно, рыжего, они были не корот-
кие, но и не длинные и торчали в разные стороны.

– Хорошо, продолжай. Что было дальше, вы открыли дверь.

– Да, отец открыл дверь, а он стоял на пороге. Он оттолкнул отца, огонь уже начинал охватывать дверные косяки, но его он словно бы не жег. Он держался прямо за горящую доску. Отец поднялся, и разбежавшись с силой ударил к-к-культ-тиста плечом. Они вывалились во двор вдвоем, и отец крикнул нам бежать. Я выбежал, за мной была мама, что было дальше, я помню не так хорошо.

Я не успел далеко убежать, меня настиг свет, яркий, словно вспышка молнии. Потом был крик, вроде бы кричала мама, или отец. Я поднялся, вокруг было темно, слишком темно, когда я выбежал я мог видеть поле, мог видеть дом старосты вдалеке, а после вспышки я еле различал очертание своих рук. Я долго брел, не знаю куда, я спотыкался и падал, снова поднимался и шел.

Потом я устал и после очередного падения я пытался ползти. Я помню, что временами тряслась земля, мне приходилось вцепляться в торчавшие корни, чтобы меня не сносило в сторону. Я засыпал и просыпался в темноте и тишине, я снова шел и снова полз куда-то вперед. Не знаю, сколько прошло времени, я не различал дни и ночи, сил почти уже не оставалось и невероятно хотелось есть. Воду я брал из ручья, я несколько раз наталкивался на него, но не видел, почти не видел, слышал лишь слабое журчание и еле уловимые очертания. Это продолжалось бесконечно долго, пока

я не услышал шелест, тот самый, что кружил около нашего дома. Так страшно мне никогда еще не было. Я бежал, спотыкался, падал, раздирал ноги и руки в кровь, и поднимаясь снова бежал, но он все приближался. Шелест становился все громче, потом он превратился в шепот, и я увидел свет. Та же самая яркая вспышка, что прогнала из моего мира цвета и свет, вернула все назад, я снова увидел его. Он шел медленно и осторожно, словно соседская кошка, вымеряя каждое свое движение. Потом в его руке вспыхнуло пламя, его рука горела, сама рука, а ему, казалось, было все равно. Его лицо, его маска, лишь сухо смотрела на меня немигающим взглядом вырезанных на деревяшке глаз. Потом мы бежали, он был быстр, но я оказался быстрее.

Последнее что я помню – мы выбежали из леса, земля была ровной, и я смог оторваться от него, но потом меня словно хлестнули по спине. Боль обожгла все тело, я упал и стал кататься по земле, пытаюсь увернуться от новых ударов.

– После этого ты проснулся здесь? – тихим голосом спросил лорд.

– Да, милорд.

– Хорошо, ты многое вспомнил. Я вернусь позже, если появятся еще вопросы, – Натан встал и уже собирался выйти, как его остановил вопрос мальчика.

– Ваша стража его зарубила? Он ведь правда больше не вернется? – Арвуд с ужасом вспомнил, что так и не предупредил лорда о незначительном обмане.

– Не волнуйся, он не вернется. Мертвые не возвращаются, к счастью это, или к сожалению, – все тем же тихим и спокойным голосом ответил Натаниэль и вышел из комнаты.

Его клонило в сон, а усталость сковывала как десятки тяжелых цепей, затруднявших ходьбу и даже поток мыслей. Рассказ мальчика только добавил проблем, словно что-то темное, черное, нависало над всеми ними. Лорд Аргер поднялся по винтовой лестнице, зашел в свой кабинет, мимоходом закрыв за собой дверь и провалившись в кресло, за своим столом, уставился на сидящего перед ним Хью.

– И что на тебя нашло? – Натан попытался отвлечься от услышанной истории. – Я же просил тебя не трогать его, над ним будет суд и если он до него не доживет, вот тогда твоим парням действительно будет туго, – усталым, хриплым голосом обратился он к другу, растирая лицо в надежде, наконец, взбодриться.

– Прости. Как только мы к нему подошли, он сразу же начал угрожать, замахал тем самым кинжалом, да ты и сам слышал, он наверно и Арвуду будет грозить смертью, когда тот придет его осматривать.

– Арвуд к нему не придет, он послал Лойда. Где вы хоть его нашли?

– Нашли? Если бы... Он сам пришел. Как ни в чем не бывало направился в крепость. Его сначала кто-то из моих заметил, приказал проследовать за собой, предъявил обвинение в убийстве стража, все как полагается. Тогда и я уже

подошел, и остальные стражи стали окружать, все, кто был во дворе. Вот он и заявил, что страж сам виноват, что никто не смеет стоять на пути ордена. Я ему напомнил еще и про юного лорда Кэйла, а там... Конец всего ты видел сам.

– Ясно, будем ждать вестей от Лойда, надеюсь, ты его не убил. Лойд кстати не заходил?

– Нет, по крайней мере все то время что я здесь сижу, его не было.

– А я был у мальчика, Вилла. Допросил его, – друзья переглянулись, каждому был нужен отдых и каждый это хорошо понимал, но положение дел продолжало стремительно ухудшаться.

– Все плохо? – наконец спросил Хью. – Лучше ничего не говори если так.

– Я не знаю. Не могу сосредоточиться, знаешь, я уже начинаю подумывать не отправиться ли мне в след за Кэйлом, поговорить с Марком лично, отдохнуть, подальше от всего этого кошмара.

– Так поезжай, и Эйдрин только рада будет, я думаю. Месяц то мы как-нибудь протянем без лорда, – Хью, постарался улыбнуться, но и улыбка получилась какой-то подавленной. – Тем более что на Совет Пяти соберут всех магистров в том числе и твоего Марка.

– Брось, я не оставляю тебя одного. Вон и народ неспокоен из-за этой проклятой засухи. Да что же происходит то в конце концов! – Натаниэль что есть сил ударил кулаками по

столу, но быстро осознав свой поступок, бросил виноватый взгляд на друга.

– Я наверно, пойду. Проверю посты и к “*этому*” заскочу, – лорда Аргер грозно посмотрел на Хью и тот сразу же добавил. – Только проверю как там Лойд и сразу направлю его к тебе.

– Если с “*этим*” все в порядке, отправь лучше Лойда назад к Арвуду. Я не хочу пока никого видеть, – рыцарь ответил коротким поклоном и тяжелой походкой вышел в коридор башни.

Весь оставшийся день Натан провел в кабинете. Делать что-либо не было сил, а сон все никак не приходил, он не раз подумывал спуститься к Арвуду, забрать снотворное, о котором просил, но постоянно откладывал. Сначала на до вечера, потом еще на немного и еще, пока ночные сумерки не охватили небо, и мир не стал понемногу затихать.

Как отметил для себя Натан, за весь день не было ни одного горожанина или фермера. Все последние дни они с самого утра толпились перед воротами главного зала, но сегодня было на редкость тихо. Вчерашнее ли происшествие так напугало горожан или Хью распорядился никого не пускать, сейчас было не так важно, но он был благодарен судьбе, что его никто не беспокоил.

К вечеру он все-таки заставил себя сесть и начать писать Марку письмо.

«Аббат Маркус, я допросил пострадавшего мальчика, и говоря откровенно очень обеспокоен его историей. Его рассказ заинтересовал даже меня, хотя я не верю во всякие культы и павших богов. Он вспомнил множество деталей, и я склонен полагать, что он их не выдумал. Сейчас я постараюсь максимально подробно передать наш с ним раз...»

Натан прекратил писать и прислушался. Кто-то поднялся по лестнице, направляясь к нему. “Хоть бы не Лойд”, – взмолился он, плохих новостей на сегодня было уже достаточно.

Шаги остановились за дверью и послышался короткий стук.

– Да, – пробасил он, собрав остатки сил и придавая своему голосу силу и власть.

Дверь медленно отворилась и вслед за ней, в комнату вошел человек в красном балахоне. Монах прошел в кабинет и медленно прикрыл за собой дверь. Подойдя вплотную к столу, он снял капюшон и ледяным взглядом смерил пораженного лорда.

– Доброе утро, моя дорогая, – Тайя проснулась в шатре. Сквозь отверстие в куполе уже пробивались лучи восходящего солнца, снаружи слышались мужские голоса, впер-

мешку с конским ржанием. – Ты вчера задремала, и я тебя перенес внутрь, все-таки ночь еще слишком прохладна для сна под открытым небом, – шейх ласково улыбнулся, и поворошив пышные ткани, заполнявшие практически все пространство шатра, вытащил позолоченную чашу, наполненную спелыми пузатыми фруктами. – Позавтракай, котенок, и собирайся в путь, – с застенчивостью мальчишки, он протянул чашу и, встав, направился к выходу.

– Спасибо, вы так обо мне заботитесь.

– Зови меня Ахмад, пожалуйста, – девушка ненадолго замолчала, обдумывая предложения шейха, но быстро собравшись с мыслями продолжила.

– Как себя чувствует дядя Халэн?

– Прости, милая моя, я не виделся с Эллирионом, с нашего с тобой к нему визита. Но не беспокойся, я думаю твой дядя идет на поправку, если бы что-то случилось, мне бы обязательно это передали.

– Можно я проведу его сейчас, пока вторая колонна еще близко и сразу же вернусь.

– Прости, котенок. У нас не так много времени. Наш путь почти окончен, вечером мы уже встретимся с моим другом. И я обещаю тебе, сразу как мы будем на месте, ты сможешь навестить Хе... Халэна, – шейх снова ласково улыбнулся, в надежде, что юная особа простит его забывчивость. – Завтракай, дорогая, совсем скоро мы сядем на корабль, и ты сможешь быть со свои дядей и днем, и ночью или, может

быть... не важно, завтракай, – еще раз улыбнувшись, шейх поспешил покинуть шатер.

Вскоре лагерь был собран и отряд всадников вновь разделившись, растянулся на несколько миль. Большую часть пути они преодолели вчетвером, не считая вереницы верблюдов и погонщика.

Все время в дороге шейх провел в окружении своей свиты, двух самых близких для него людей, помогавших ему управлять многочисленным войском. Сама Тайя наблюдала, как быстро и резко менялась окружающая ее природа. С каждой лигой, приближавшей их к морю, пески все сильнее сдавали свои позиции, уступая место сначала редким кустарникам, а позже и целым оазисам, пышущим жизнью. Ближе к вечеру, когда к ним уже начали возвращаться всадники, отделившиеся утром, пески окончательно проиграли бой за территорию. Земля стала значительно тверже и куда не глянь, из нее торчали одинокие кустики и зеленые островки трав.

Апофеозом длинного путешествия стал огромный тропический холм, на вершине которого гордо красовались несколько пальм. Всему отряду пришлось спешиться и забираться на холм уже своим ходом, попутно таща за собой, упирающихся лошадей.

С вершины открывался прекрасный вид. От его подножия и до самого берега моря, простирающегося далеко за горизонт, разросся пышный, пестрый, цветастый лагерь шатров.

Морской бриз ударил приятной влажной прохладой, измученных жарой путников.

Только сейчас девушка поняла, как сильно она соскучилась по этой бурной, непредсказуемой стихии. То озеро в оазисе, сколько бы прекрасным оно не было, являлось всего лишь тихой, недвижимой тенью этой бескрайней водяной пустыни.

У берега стояла дюжина галер со спущенными парусами, а из лагеря навстречу к ним уже спешили люди.

– Вот мы и на месте, – к ней подошел шейх, сияя улыбкой, – волнующий запах неведомого, соскучилась по морю, наверно? Спускайся пока в лагерь, сейчас поставят мой шатер, а я вскоре приду и приведу с собой хозяина всего этого богатства.

– Хорошо, – кивнула девушка.

Шейх со своей свитой и парой всадников скрылся где-то в глубине лагеря, Тайю же окликнул воин, приставленный к ней. Говорил он немного, и как правила, все попытки беседы сводились к тому, что мужчина начал что-то бурчать себе в бороду. Звали его, как она поняла, то ли Абхарт, то ли Эпарт, но за время путешествия этот грубый, хмурый и необщительный человек стал для нее практически родным. Выглядел Абхарт даже по сравнению с другими воинами шейха не опрятным, да и на вид он был значительно старше Ахмада. Шейх присылал его всегда, когда не мог прийти сам и мужчина при всей своей неуклюжести, выбивался из сил,

стараясь исполнять любые желания подопечной, и вопреки своему характеру казаться максимально приятным и любезным.

Проследовав, мимо пестрых шатров они остановились у дальнего конца лагеря, максимально приблизившись к прибрежной линии. Вода плескалась всего в паре ярдов, но не угрожала затопить установленный шатер даже во время прилива.

Абхарт пыхтя и опять бормоча себе что-то под нос, приступил к установке шатра.

– Боги! Какая сладкая девочка, вы только поглядите на нее, – от пестрого лагеря отделилась небольшая группа людей во главе с невероятных размеров толстяком.

Толстяк был не просто упитан, он походил на огромный водянистый пузырь. Медленно перекатываясь с одной ноги на другую, он приближался.

Одет был пузырь в голубого цвета необъятную мантию, по всей видимости из шелка. Местами ткань прилипала к его потной коже, местами развевалась на ветру, превращая его в огромное пышное облако.

Пузырь медленно подплыл к девушке, его толстые, короткие руки покоились на выпирающем животе, запястья украшали золотые браслеты, а на каждом пальце красовалось по кольцу с драгоценным камнем. Такого количества украшений ей не приходилось видеть даже у матери, хотя их семью, вряд ли, можно было отнести к бедным.

Она приветливо улыбнулась, предположив, что приближавшийся пузырь и есть хозяин лагеря. Девушка пыталась произвести приятное впечатление на толстяка, боясь нечаянно подвести шейха.

– Какие спелые и упругие, – подплывший пузырь первым делом ничуть не стесняясь провел своей влажной ладонью по груди девушки, сначала легонько сдавив ее, а затем беззастенчиво потянулся к бедрам. В тот же миг Тайя, даже не отдавая отчета своим действиям, отпрыгнула, увернувшись от тянувшихся к ней рук.

Мысли закружились в ее голове. Шок вытеснил все, и возмущение от наглости толстяка, и страх, и отвращение.

– Да брось ты играть недотрогу, – пузырь вновь приблизился, – тебе же не впервой...

– Вы бы ее лучше не трогали, Ахмад-рах будет не доволен, – раздался грубый, сипящий голос Абхарта. Приставленный к девушке воин, возившийся до этого с шатром, встал и теперь смотрел прямо на толстяка.

– Ты еще мне будешь указывать, – оскалился пузырь, – сладкая, ты и его успела ублажить? – толстяк пискляво хихикнул. – Или... Неужели ты та самая игрушка Ахмада? – влажное от пота лицо жирдяя расплылось в мерзкой улыбке. – Будь покладистой, и может быть я, позволю тебе остаться рядом со мной. Я ведь по богаче буду твоего нынешнего хозяина, подумай хорошенько.

– ЗАТКНИ ПАСТЬ! – между Тайей и пузырем, словно по

волшебству, возник шейх. Его лицо горело пламенем, а глаза сверкали ненавистью. Взбешенный поведением своего компаньона, он весь дрожал, преграждая путь упитанным рукам пузыря.

– Ахмад что ты, душка, мы так мило беседовали с тв...

– Я сказал тебе заткнись! – угрожающе, еле сдерживая себя, прошипел шейх, и развернувшись, произнес с максимальной нежностью, на которую сейчас был способен: – Прости меня, моя дорогая. Нам пришлось поторопить вторую колонну и Эллирион должно быть уже приближается к нам. Встреть его, и навести пока дядю, а я тут все улажу. Хорошо? – шейх глянул на Абхарта и жестом приказал поскорей увести ее отсюда.

– Хорошо, – растеряно согласилась девушка, уволакиваемая, приставленным к ней воином.

– Вот и умничка, моя дорогая, – Ахмад нежно поцеловал подопечную в лоб и вновь развернулся к пузырю.

Уже на холме Абхарт привел лошадь Тайи, помог ей взобраться в седло и запрыгнув на своего мерина, поскакал по направлению к темным клубам пыли на горизонте.

Первыми появились остатки всадников первой колонны, которые опережали вторую меньше чем на милю. Поравнявшись с Абхартом и Тайей, они поприветствовали их коротким взмахом руки, и помчались дальше, к лагерю толстяка.

Этой ночью вторая колонна не спала, их гнали двое суток

практически не давая времени на отдых, чтобы успеть к отправлению галер. Изможденные верблюды беспомощно падали, поджав ноги.

Абхарт отвел девушку к уже стоявшему шатру Эллириона, откуда, к огромной радости девушки, слышался голос Халэна.

– ... мей приближаться ко мне!

– Успокойтесь, если бы я хотел вам навредить, то сделал бы это гораздо раньше.

– Будь твоя воля, я бы вообще не очнулся. Не приближайся, я сказал!

Войдя в шатер она сразу заметила стоявшего с очередным компрессом Эллириона и полусидящего дядю, который угрожал алхимику какой-то палкой.

– Деточка, как же я рад вас видеть, – алхимик тут же бросился, к вошедшей в шатер, девушке.

– Не приближайся, – Халэн метнул свою палку в бегущего человека, но промахнулся буквально на пару шагов, прорвав дыру в стене шатра.

– Дядя. Тише. Все в порядке.

– Тайя немедленно отойди от него! Быстро, спрячься за меня.

– Все в порядке дядя. Это Эллирион. Он тебя еле выходил, он обрабатывал твои раны и заботился все это время. Он не причинит тебе зла. Все в порядке, – мужчина затих, и подозрительно уставился на старика, сжимавшего влажный

компресс.

– Алхимики не лечат, – пробурчал он.

– Тайя, прошу, вы обещали. Скажите своему дяде, чтобы он позволил мне сменить компрессы и перевязать его, а еще лучше, если он выпьет отвара мяты и поспит еще немного, – Эллирион с опаской наблюдал за единственной рукой Халэна.

– Поспит! Этого тебе и надо, да?

– Может мне выйти? Оставить вас наедине? – Эллирион затравленно посмотрел на девушку.

– Дядя, успокойся. Мы в караване шейха Ахмада аль Зариса. Он со своими людьми убил всех разбойников, напавших на нас, и приютил меня. Мы уже третий день путешествуем с ними, а Эллирион делает все, что в его силах, чтобы ты как можно скорее поправился. Каких-то пару дней назад ты был на пороге смерти, а сейчас уже швыряешься в людей палкой. Веди себя смирно и завтра – после завтра уже сможешь бегать ничуть не хуже, чем раньше, – она старалась казаться взрослой, подражая манерам матери.

– Боги, – дядя в ужасе переводил взгляд с племянницы на алхимика и обратно. – Так она ничего не знает?

– Ради ее и вашего блага, может вы отложите этот разговор, – перебил Халэна алхимик, в ответ, получив лишь злобный взгляд в свой адрес.

– Тайя этот шейх не спасал нас от разбойников.

– Спасал, – настаивала девушка. – Я сама его привела. Ты

тогда уже был без сознания и, и... – по ее щекам потекли слезы, – и поэтому ничего не помнишь. Он убил их всех, а потом тебя принесли всего в крови, – девушка вконец разрыдалась.

– Тайя...

– Халэн послуша...

– Заткнись! Милая маленькая девочка, человек, которого ты считаешь нашим спасителем и есть глава тех разбойников, что напали на нас. Они передвигаются небольшими группами, а ты, убегая, видимо угодила в самый центр. Тайя, милая, это не караван, они торгуют рабами.

– Послушайте меня! – вновь в разговор вмешался Эллирион, но на это раз он говорил твердо и решительно. Выглянув на миг из шатра, он встал напротив выхода и посмотрел прямо в глаза своему бывшему больному. – Халэн, я не буду защищать Ахмада-раха и убеждать вас какой он хороший. Это не так, но сейчас он влюблен в вашу племянницу. Воспринимайте это как хотите, но пока вы были без сознания, все эти дни он заботился о ней, и как я могу заметить, по лучше вас. Вдумайтесь, скрывать подобное тайну целых три дня в подобных условиях, когда вашу племянницу не ограничивали в свободе, не так-то просто и для этого должно быть причины.

– Не надо отличать большим умом, чтобы озвучить эт...

– Проявите благоразумие, – с нажимом произнес алхимик, – за эти четыре дня он кормил и защищал вашу пле-

мянницу. И если вы сейчас обдумываете возможность побега, то могу вас заверить – о нем не может быть и речи. Вы слишком слабы и безоружны, а отправлять девушку в одиночку, на произвол судьбы, назад в пустыню, вершина безрассудства. Самый мудрый шаг, который вы можете сейчас предпринять – это оставить все как есть. Захотите бежать, когда окрепнете? У вас еще будет шанс, но сейчас это равносильно самоубийству! Подумайте хотя бы о племяннице. Вы погубите и ее и себя

Халэн ненадолго замолчал, обдумывая услышанное.

– Какой резон мне доверять тебе? При первой же возможности ты можешь сообщить этому ублюдку, о том, что нам все известно, и ее запрут, а от меня, наконец, избавятся.

– Я знаю Ахмада-раха уже давно, и что бы вы о нем не думали, я по-своему его люблю. Если бы он хотел взять ее силой, она была бы уже давно в кандалах, а вы бы так и не покинули пустыню, – не отрывая взгляда от глаз Халэна, стальным голосом, ответил алхимик.

– И как же он собирался все это объяснять? – боль жгла девушку изнутри.

– Наверно, на это вопрос я смогу дать ответ, – мягко произнес Эллирион. – Это последний “караван”, который ведет Ахмад. В качестве платы ему полагается крепость на Кальдере, где он собирался остаться.

– Меня не волнует, что он собирался делать! Работоторговля запрещена у всех цивилизованных народов, даже орден

признал ее отвратительным пережитком прошлого.

– Дитя, я полагаю, он надеялся, что вы так об этом и не узнаете. И еще. В защиту Ахмада, я хотел бы сказать, что рабы далеко не такие бедные и несчастные люди. Большинство из них – кочевники, да наемники, готовые убивать хоть детей, хоть стариков, если им хорошо приплатить. Как вы уже правильно сказали в Айленде, как собственно и в Мидленде, работорговля запрещена, все рабы добываются в битвах.

– В битвах... С караванами торговцев или как ты объяснишь присутствие здесь стольких женщин, а? – с презрением прошипел Халэн.

– К сожалению, не без этого, но часть уже была рабами до их пленения Ахмадом. Их отбирали у кочевников, – пояснил Эллирион на вопросительный взгляд девушки. – Но сейчас вопрос не в этом. Тайя вы не должны говорить Ахмаду о том, что вам все известно.

– Это мне решать!

– Безопаснее всего будет оставить все как есть, а дальше может быть... судьба изменчива, и вы передумаете бежать.

Девушка выбежала из шатра так и не дослушав слов алхимика и запрыгнув на свою лошадь направилась как можно дальше от этого места. Обскакав лагерь несколько раз, она, наконец, увидела всю, скрываемую от нее, картину. Сотни худых, ослабших от мучительной дороги людей, сидели или лежали небольшими группками на земле. Здесь были и вполне крепкие мужчины, и совсем маленькие дети, которым от

силы было пять – шесть лет. Были и женщины, и старухи, по всей видимости шейх не гнушался брать даже калек, лагерь был переполнен людьми и все смотрели с надеждой на юную девушку, мчавшуюся поодаль на белой кобыле.

Чем дольше она наблюдала за измученными людьми, тем больше в ней росла решимость все бросить и ускакать как можно дальше отсюда. В ее душе уже клокотала ярость за подлый обман, устроенный Ахмадом, за его причастность к ранению Халэна, за работорговлю, и даже за явные домогательства его жирного друга.

После очередного круга вдоль клеток и лежавших на земле людей, она развернула лошадь и помчалась в лагерь первой колонны, желая вывернуть шейха на изнанку. Подъезжая холму, который служил теперь неким разделителем между лагерями, скрывавший неприятную правду, она заметила Абхарта, ждавшего ее.

Приставленный воин как всегда встретил ее угрюмым взглядом и, подхватив поводья лошади, сообщил, что шейх просил привести ее сразу как она вернется.

– Я тоже хочу его видеть, – горячо выпалила девушка, последовав за воином.

Пара вышла к невероятно большому шатру в центре лагеря. Из отверстия в куполе шел густой дым, а внутри слышался смех и звон посуды. У входа как снаружи, так и внутри стояли вооруженные люди. Внутри, располагался огромный, под стать самому шатру, круглый стол, уставленный всевоз-

можными кушаньями.

Обилие еды и количество ярких, пестрых красок, первого лагеря, сильно контрастировало со вторым, темным и изможденным.

За столом сидели Ахмад со своей свитой, толстяк, видимо тоже со своими приближенными, и самые сильные воины из обеих армий.

– Тайя, дорогая, – заметив девушку Ахмад тут же подскокил со своего места и с добрейшей улыбкой направился к ней. – Мы тебя уже заждались, как себя чувствует твой дядя? – он осторожно подхватил руку, вошедшей девушки, и повел к своему месту.

– О прекраснейший цветок в этой безжизненной, жестокой пустыни, – когда пара приблизилась к месту, где мгновение назад пировал Ахмад, толстяк медленно, пошатываясь встал и, схватив, руку девушки в свои округлые ладошки, начал забрасывать ее любезностями: – Сможете ли вы меня простить? Все эти грубые вояки, снующие постоянно рядом со мной, заставили меня совсем позабыть о правилах хорошего тона, но давайте начнем все сначала, – толстяк тараторил без умолку, не давая и шанса прервать его. – Я Азуль ша Лири, господин Заариса, цветка Кальдеры, но он не идет ни в какое сравнение с вами. Я очень хочу загладить свою вину. Прошу, присаживайтесь, угощайтесь.

– Ахмад, ты должен мне кое-что объяснить, – требовательным голосом заявила Тайя, когда толстяк, наконец, за-

тих и выпустил из своих потных рук, руки девушки. Польщенный звуком своего имени, шейх не на долго замер.

– Конечно, дорогая. Все что пожелаешь. Пойдем в наш шатер.

– Ахмад, не уводи от меня этот чудесный юный бутон, – снова вмешался толстяк. – Я до сих пор стыжусь своего поведения. Простите меня. В качестве извинения я хочу поднять бокал за это очаровательное создание, – пузырь встал, подхватил бокал с вином, тоже сделали и все воины, сидевшие за столом.

– Тайя, дорогая. Всего один бокал за самую прекрасную девушку во всех землях и народах, и я весь твой, – он отпустил ее руку и тоже присоединился к поднявшим бокал людям.

Пузырь начал хвалебную речь, без умолку перечисляя достоинства девушки, которую видел второй раз в жизни. Закончил же он свою речь, призывом осушить бокалы за: “прекрасный цветок, выросший на краю этой ужасной бездны”.

Осушив бокалы, воины вернулись к своему обсуждению, как это было и до прихода Тайи, пузырь тоже сел, принявшись ковыряться ножом в жареном цыпленке.

– Пойдем, дорогая, – Ахмад снова подхватил руку спутницы и направился с ней к выходу. – Так как себя чувствует тв... кхе... Прости. Твой... кхе кхе... дя... – остановившись он закашлялся и согнувшись пытался ударить себя по спине. Стоявшие у входа охранники тут же поспешили на помощь,

но кашель становился все громче и вскоре шейх повалился на колени.

Ренон, один из двух воинов, входивших в свиту Ахмада, вскочил первым со своего места и, подбежав к повелителю, обхватил его руками. Рывками, прижимая его к себе, он старался помочь своему господину. Пузырь тем временем метался по всему шатру и истошно визжал, призывая окружающих: “сделать хоть что-нибудь”. Сбежавшееся воины и пировавший люд окружали все сильнее задыхавшегося Ахмада. Тем временем его кашель уже перешел в хлюпающие, сипящие звуки, а вскоре и совсем затих.

Баренд, второй приближенный из свиты шейха, подхватил девушку под локоть и вывел наружу.

– Тебе следует пока посидеть в шатре, – пробасил он и отвел ее в лиловый шатер.

Время тянулась невероятно медленно, а новостей все не было. Приставленный Барендом ко входу в шатер воин не обращал ни малейшего внимания на вопросы, а позже и крики девушки. Вся ярость, которую она чувствовала к Ахмаду, все те слова, что вертелись в ее голове сменились на тревогу и нарастающий ужас.

Вывел из шатра ее снова Баренд, на этот раз пробасив, что ей следует идти за ним.

Мужчина вел ее обратно к шатру, но теперь перед входом был сооружен небольшой помост, на котором уже стояли пузырь и Ренон. Заняв свое место рядом с ними Таша замерла,

на них смотрел весь лагерь, несколько сотен пар глаз окружали маленький помост и четырех человек, ожидая объяснений.

Первым слово взял Ренон.

– К огромному моему сожалению, я должен сообщить печальные вести. Ахмад-рах погиб, – по собравшейся толпе пробежал угрожающий гул. – Хочу сразу заверить вас, что все обязательства и дальнейшие расходы нашего путешествия любезно согласился взять на себя господин Азульша Лири, – Ренон указал рукой на стоявшего рядом с ним затравленного, испуганного и опечаленного пузыря. – Теперь я хочу передать слово ему.

– Храбрые воины, я очень скорблю по потере своего верного друга, – прохныкал толстяк, – которого я знал многие годы. Ахмад был храбрым и сильным воином, мудрым лидером и умелым торговцем. Он участвовал в боях наравне со всеми вами, и выходил победителем из каждой битвы, но боги сочли его путь оконченным и забрали его. Виной его гибели стала злополучная персиковая косточка. Мы приложили все возможные усилия, стараясь ему помочь. Ваш храбрый командир, Ренон, – пузырь положил руку на плечо стоявшего рядом воина, – бросился к Ахмаду и старался помочь ему, но все его усилия были тщетны. Этим вечером мы почтим память нашего доброго друга и мудрого повелителя, а завтра с первыми лучами солнца отправимся в путь. Каждому из вас я обещаю двойное жалование по завершении путе-

шествия и взамен прошу только об одном, поднимите бокал вина в память великого Ахмада аль Зариса.

В лагере повисла тишина. Молчали воины, уткнувшись взглядами в землю, молчала и четверка, стоявшая на помосте.

Когда собравшееся толпа стала медленно разбредаться, возвращаясь к привычным делам, четверка вернулась в большой шатер, где совсем недавно царил смех и веселье.

Ахмад лежал на столе, его руки были сложены на груди, а глаза закрыты.

Баренд сразу же удалился, объяснив это тем, что не может находиться рядом с мертвым повелителем, Ренон встал у входа.

– Что ж, – промычал пузырь, надкусывая персик, – печально, печально, Ахмад был и вправду хорош в бою, но вот в торговле ничего не смыслил. Жадность – это порок Ахмади, ужасный порок, а боги тааак их не выносят, – произнес толстяк, всматриваясь в мертвое лицо компаньона. – Но давай к делу сладенькая моя, *“цветочек пустыни”*, – хихикнул он.

– Он обещал отвезти меня домой на своем корабле, – дрожащим голосом произнесла девушка.

– Ну, на своем это он загнул, – Азуль вытер липкие пальцы о кафтан Ахмада и взял новый персик. – Зато на моем ты точно покатаешься, но вот где это вопрос. Поплывешь ты на корабле со мной, в безопасности с вкусными винами и фрук-

тами или будешь голодать вместе с рабами? А? И знаешь еще что, там ведь народ то разный, знаешь ли... Словом, там ты вмиг потеряешь свою *“чистоту”* где-нибудь в трюме, а, что скажешь?

– Я хочу с вами, – все таким же слабым, надломленным голосом ответила Тайя.

– Вот и умничка, слаааденькая, но раз я тебя защищаю и кормлю, то и ты должна сделать мне одно маааленькое одолжение, – пузырь доел второй персик и снова вытер пальцы о кафтан Ахмада.

Медленно, вразвалочку он подполз ближе, вновь коснулся ее груди, обошел, провел рукой по бедру. Наконец, встав прямо перед девушкой, он одной рукой схватил ее за горло, другую запустил в уже потрепанные путешествием шаровары.

Попытка толстяка не нашла взаимности у девушки и была грубо прервана резким и точным ударом в живот. Пискнув он отшатнулся.

– Прекрати, Ахмад с тобой цацкался, но я не буду! Хочешь быть выдрана воняющими кочевниками в трюме, твое право, – Азуль предпринял еще одну попытку подойти, но два новых удара остудили его пыл, при этом еще сильнее разозлив. – Ренон! – пророкотал багровый от ярости мужчина.

– Да, господин.

– У Ахмада были клетки?

– Да господин, там держали буйных.

– Замечательно, оттащи туда эту тварь и прикажи не спускать с нее глаз. Но если я на ней увижу хоть одну царапину, тебя, лично тебя я брошу к рабам, и тогда моли Темных Богов, чтобы они даровали тебе возможность доплыть до Кальдеры целым. Понял?!

– Да, господин, а что делать с теми, кто сейчас сидит в клетках, они могут устроить неразбериху, если их выпустить.

– Убей, – отмахнулся пузырь и, взяв, очередной персик, вернулся к недоеденному цыпленку.

12

Барет свободно шел по длинному коридору. Старые знакомства и пара звонких монет помогла ему разобраться с гвардейцами, что должны были охранять это помещение. А одного особо рьяно выполнявшего свой долг воина, оглушил Эд. В итоге в темницы было, на редкость, тихо и спокойно.

За прошедшие дни, он довольно много узнал об нанявшем его магистре и его свите, но в тоже время, казалось, что это было лишь малой частью всей правды.

Эд, Гейл – свита, и охрана магистра были, мягко говоря, довольно странными. Гейл, зачастую, был всегда подле Нэйка, и пообщаться с ним особо не удавалось. Эд же, а точнее Эдвард Кирит служил напарником и боевой единицей для

Барета. От него он и узнал подробности их прошлого. Первым и, наверное, самым ужасающим фактом для наемника стало, что его напарник мертв.

Не, конечно, он ходил, говорил и производил впечатление абсолютно нормального человека, ровно до той поры пока не снимал свой молочно белый шлем. Под ним скрывалось лицо, словно, обсыпанное мелом или мукой. Он был молод, волосы пестрели ярко рыжим огнем, но кожа была сухой и, казалось, искусственно натянутой. В ней не было румянца жизни, лишь холод и мертвенная чистота. Зрачки так же отсутствовали. На их месте был дым, завитки которого, клубились, извиваясь в глазных яблоках. В остальном же, юноша не отличался от любого другого, он был приветлив, общителен и жизнерадостен.

От него он узнал о долгом пути всей тройки. За прошедшие недели они без конца перемещались по материку. С самой северной границы, мчались глубоко в земли Айленда, оттуда, развернувшись вновь в глубь Великой Долины.

Нэйк был странен, и временами производил впечатление не совсем здорового человека. Его настроение могло измениться за считанные мгновения. Временами он разговаривал сам с собой, ходя кругами, кого-то, обвиняя или требуя ответов.

Сейчас же он отдал приказ, освободить монаха, заточенного в темнице Тиретхолла, чем как раз и занимался наемник. Отворив массивную дверь, ведущую к строгим аскетич-

ным камерам, Барет вошел внутрь.

В одной из них действительно, подогнув ноги под себя, сидел человек в грязно коричнево-красном балахоне. Не спеша, подойдя к решетки, наемник достал связку ключей и медленно отпер дверь.

– И что теперь? Казните меня? – прошипел человек, утирая грязное с подсохшей кровью лицо.

– На выход, и уматывай отсюда. На улице ночь, северная калитка открыта и не охраняется. Ты ведь понимаешь где север? – наемник лениво распахнул дверь камеры и, облокотившись, на стену, стал наблюдать, как, дрожа и спотыкаясь, монах поплелся на выход.

Он не сводил глаз со своего освободителя, ожидая ловушки. Не хотя, пятась, он отходил в сторону, приближаясь к выходу, и только скрывшись в проходе, помчался со всех ног.

Дело сделано. Вообще Барет плохо понимал свою роль и необходимость. Все всегда шло гладко, словно, так оно должно быть.

Следуя за монахом, он вышел в ночной двор. Здесь было тихо, ночной ветер обдувал приятной прохладой. Эд уже ждал его на другом конце.

– Я вижу, все прошло гладко? – произнес он, вместо приветствия.

– Да, как и всегда.

– Возвращаемся в лагерь?

– Думаю да, Нэйк что то запаздывает, но я думаю он спра-

виться и без нашей помощи.

Импровизированный лагерь был разобран на границы леса, недалеко от Корстейта. Здесь тихо потрескивал костер, обгладывая сухие ветки, словно, голодный пес кости. Четыре лошади, привязанные к стволу небольшого деревца, мирно спали.

В пище и сне охрана Нэйка не нуждалась и, как правило, они просто ждали возвращения своего лидера. Так было и сейчас, Гейл угрюмо подбрасывал в костер новые ветки.

Пара молча прошла мимо костра и разделилась – Эд направился к своему немертвому приятелю, а Барет лег спать, облокотившись на ствол дерева.

Его сон прервался где-то около полуночи, крепость – огромная темная махина вдалеке ожила. Она вся гудела, по стенам носились люди, огни факелов загорались в окнах и лестничных проемах.

В лагере появился Нэйк, парень был сердит. Не обращая внимания на окружающих, он прошел мимо, с силой пнув, подвернувшийся под ногу камень.

– Это все неправильно! Мы ничего не меняем! – кричал он, обращаясь к невидимому собеседнику.

– Ты обманул меня, этого не должно было произойти! Ты обещал предотвратить... – голос юноши надломился, перей-

дя в плач. Он упал на землю, обхватив себя руками, безмолвно тихо рыдая.

Барет хотел подойти, может быть чем-то помочь, но Эд остановил его, преграждая дорогу. В тишине было что-то еще. В гуле, исходившем, из замка он сразу не заметил тихий шелест травы, но сейчас он нарастал, и в нем все отчетливей слышались еле уловимые шепотки.

– Я обещал тебе все вернуть, а не исправить... – шелест, словно, тихий полушепотом кружил рядом. – Соберись... Мы в начале пути... В конце ты получишь все что пожелаешь... а сейчас исполняй договор.

Голос обращался к Нэйку, в этом не было сомнений. Он был невидимой белесой дымкой, порхавшей в футе над землей. Юноша же скрутившись калачиком, не отвечал, он дрожал, обнимая колени.

– Не надо, – холодно произнес Эд, в очередной раз, одергивая наемника. – Оставь его, это тяжело, но он справится. Он еще молод и не видит всей картины из-за привязанности к мелочам.

К утру, парень успокоился. Он был не похож на себя. На сером лице читалось отчаянье. Он почти не ел и молчал. Лишь к полудня он, осторожно коснувшись плеча наемника, попросил следовать за ним.

Оставшись наедине Нэйк, неожиданно крепко обнял мужчину, тихо поблагодарив его. Он уткнулся головой в грудь мужчины и долго не отпускал его.

Плохо понимая, что делать в подобной ситуации Барет неумело попытался погладить спутанные космы мальчугана. Сейчас перед ним стоял не яркий, улыбчивый магистр, кем он показался на первой встрече, а уставший, измученный ребенок.

Нэйк, как и всегда, дал четкие указания. Он говорил долго, объясняя каждый день, каждую деталь, казалось, у него было все просчитана наперед. Он знал или, по крайней мере, догадывался о многом, и сейчас старался передать это в максимально сжатые сроки. Затем, коротко попрощавшись, он развернулся и скрылся в лесу.

В опустевшем лагере Барета ждала одиноко стоявшая лошадь с мешком провизии, прицепленным к седлу.

13

К счастью, или к сожалению, но Марк так и не смог уснуть. Рассвет он застал в компании догорающей свечи, изучая ветхие книги и пожелтевшие от времени свитки, собранные Эриком в дорогу.

– Уже проснулся? – бодрой походкой в комнату влетел сам хозяин документов, запрыгнув на и без того покосив-

шийся старый столик, он жизнерадостно осмотрел обшарпанные, местами подгнившие стены комнатки.

– Не смог уснуть, – пробормотал Марк, дочитывая летопись аббатства времен войны с Аргхзуrom.

– Это ты зря. Следующая остановка будет не раньше ночи. Кстати, я придумал, как нам решить проблему привлекательности моих глаз.

– Привлекательности? Ненормальности, странности, как угодно, но не привлекательности уж точно.

– Слушай, – Эрик извлек из кармана тонкую темную полоску кожи, – повяжем мне ее на глаза, а всем скажем, что я слепой. Проблема решена, – с улыбкой подвел итог юноша.

– Идея, конечно, хорошая, но, по-моему, некоторые люди могут удивиться, видя, как незрячий юноша вчитывается в текст очередной книги. Или ты меня решил заставить возиться со всеми документами?

– Какой же ты все-таки зануда, и с каждым годом это проявляется все сильнее. Ладно, придумаем потом что-нибудь, а сейчас пошли поедим.

Заказанный завтрак уже ждал их на столе. После проведенной ночи в обветшалой, сырой и холодной комнате, Марк не смел, надеяться и на незамысловатую похлебку с отрубями, но положение дел с предлагаемой едой оказалось не столь плачевным.

На столе в облачках пара стояли две тарелки с овсяной кашей, между ними на деревянной доске покоились несколь-

ко небрежно нарезанных ломтиков хлеба с сардинами. Два глиняных кувшина с молоком и жидким медом в окружении очередных наспех порезанных кусков хлеба завершали предлагаемые угощения.

Проголодавшийся за бессонную ночь аббат тут же накинулся на овсянку, а Эрик, так и не найдя во что предполагалось разлить предлагаемы напитки, ушел искать хозяина таверны.

Вернулся он, неся с собой две пары кружек.

– А эти две кому? – не отрываясь от овсянки, спросил Марк.

– Все нам, – юноша поставил у каждой тарелки по кружки с пивом и две других с какой-то горячей черной жидкостью. – Мне сказали, что этот напиток прибавляет сил. Надеюсь, не отравимся, – с улыбкой произнес парень и приступил к еде.

Закончив завтрак, забрав лошадей и свои немногочисленные вещи, Эрик вновь погнал их в дорогу. Но в этот раз он никуда не торопился, а напротив медленно, не спеша, вел своего коня вперед.

– Почему именно Эрик? – поравнявшись с конем друга, Марк задал давно мучавший его вопрос.

– Это имя мне дали при рождении.

– Откуда тогда...

– Прозвище, закрепившееся за долгие годы. Отец говорил, что оно что-то значит на языке аттэльт. Вроде бы рас-

свет или... нет, рассвет звучит как-то по-другому, но все равно похоже. В общем, я не помню.

– Льюис тоже в последнее время заинтересовался этими племенами. Хотя не понятно, что ему могло понадобиться от этого, на сколько я знаю, мирного и не особо развитого народа.

– Марк... Не они ему нужны... Ваш “*величайший магистр*” лезет туда, куда не следовало бы совать нос и обычному человеку. Рано или поздно он найдет то, что ищет и тогда... боюсь у этой истории финал будет не из счастливых.

– Не просветишь?

– Нейк Зааль, наверно древнейшее из его имен. Если переводить дословно с языка аттэльт – черный кролик, а тысячу лет назад вы звали его создателем. Теперь же глубоко похоронив эти воспоминания в своей памяти вы вспоминаете это имя лишь как ругательство или какую-то страшилку, но что хуже всего вы перестали считать его кем-то живым, кем-то опасным, в конечном счете, обозвав его какой-то абстрактной бездной. Кстати всегда интересовало почему?

– Да потому что это полнейшая чушь! Не может создать все кто-то один, продумать и осуществить такое грандиозное творение, как мир населенный миллиардами живых существ всех видов, форм и размеров. Это все домыслы и сказки древних неразвитых народов. Мир образовался из первородной материи, это очевидно любому, кто посмотрит на окружающую нас природу с точки зрения разума. Если все

раздробить до мельчайших частиц, то в итоге – что мельчайший кусочек меня, что кусочек того же камня, будут совершенно идентичны. И в добавок если бы он в действительности существовал, то как ты тогда объяснишь войну с Архгуром, само существование подобного бога... – Эрик молчаливо следил, как его старый друг страстно перечисляет аргументы в пользу своей теории, – ...то есть, если верить тебе, он позволяет существовать таким как ты и творить все что вам вздумается? Не взирая на последствия?

– Меня поражает твоя уверенность, а ведь вы до сих пор не смогли сравнить эти твои “*мельчайшие кусочки*”. Люди вы удивительны! Вы поклоняетесь знаниям, но отрицаете возможность существования создателя. Либо наоборот просите сил и поддержки у мнимого божества и душисте любое проявление разума, но самое парадоксальное во всем этом то, что ни в одном из случаев у вас нет никаких доказательств вашей правоты.

– Постой. На моей стороне есть хоть какие-то факты, в твоей версии лишь слова и призыв принимать их на веру. Я слишком многое пережил, чтобы слепо доверять словам очередного пророка.

– Ну и первородную частицу ты мне не предъявишь. Твои теории не многим отличаются от “*домыслов и сказок древних неразвитых народов*” пока ты не предъявишь ее. Ладно, может в чем-то ты и прав. Все выглядит слишком идеально, слишком чисто, но ведь на то он и бог. Я никогда с ним не

встречался, если вдруг у тебя промелькнула такая мысль, но и не доверять словам отца у меня тоже нет никаких оснований. Он хорошо понимал, о чем говорил тогда. Я это видел в его глазах, чувствовал его страх, его злость, словно что-то темное и могущественное нависало над ним. Можешь переубедить меня всю дорог, но в том, что Зааль существует, и встреча с ним не сулит ничего хорошего, я более чем уверен.

– Вот и отлично. Посмотрим к чему придет Льюс.

Чем дальше на север они продвигались, тем менее оживленным становился тракт. К полудню они проехали последний кордон стражей Лордсхена, охранявших дорогу.

Четких границ между владениями не существовало и переходные зоны, простиравшиеся на десять, а то и двадцать миль, были фактически не обитаемы. Здесь не строили таверн и постоянных дворов для проходящих торговцев. Задержись путник в межграницной зоне, ему бы пришлось ночевать прямо под открытым небом.

Еще издали Марк заметил странный холм посреди тракта и, окликнув Эрика, указал на него. Чем ближе они подъезжали, тем отчетливей в холме угадывался силуэт мертвой лошади. Туша была относительно свежей, разложение еще не успело обглодать ткани животного, но запах выдавал творившийся внутри кошмар.

Эрик спешил и навис над мертвым животным.

– Горло переее... – конец фразы был скорее хрипом. С торчащей из горла стрелой юноша повалился прямо на

недвижный холм.

– Тихо, тихо, – из леса, окружавшего тракт вышли трое оборванцев. Двое из которых были вооружены короткими мечами, покрытыми множеством зазубрин, а третий держал заряженный арбалет.

– Лучше сиди смиренно, – пригрозил оборванец с арбалетом, пока его дружки осматривали лежащее тело.

– Ладно, этим еще успеем заняться, – от тела поверженно-го юноши отошел один из оборванцев и направился к Марку. – Проезжал тут недавно такой же как ты, так шуму понаделал малый, будь здоров, – оборванец ехидно улыбался, не воспринимая Марка как угрозу. – Уууу! А что это у нас тут? Меч, да и еще какой. Любите вы побрякушки поцветастей, а вот пользоваться ими совсем не умеете. Давай! Слезай и бросай его на землю.

Повиновавшись приказу, Марк медленно спустился на землю, отцепил ножны и бросил перед улыбающимся разбойником.

– Вот и славненько, *ваша преосветейшество*, вы же не будете против, если мы с друзьями позаимствуем у вас этих прекрасных коней?

– Этот точно не будет, – прошипел парень, осматривавший свою жертву, и сплюнул на землю. – Какого... – слова застряли в его горле. Дрожа от страха, он вцепился в схватившую его руку. Широко открытые глаза были готовы выпрыгнуть из глазниц, из-за рта вырывалось несвязное мыча-

ние вперемешку с хрипом.

Очнувшийся от неожиданного нападения Эрик сразу же вцепился в горло сидящего рядом разбойника. Его холодные белые глаза горели в то время как на уже побагровевшем лице разбойника стекленели. Одной рукой парень сжимал горло нависавшего над ним мужчины, второй наносил удары охотничьим кинжалом.

Воспользовавшись шоком, охватившим оборванцев, Марк ударил коленом ближайшего к нему разбойника в живот. Закашлявшись тот согнулся и одной рукой оперся о лошадь, восстанавливая дыхание. В тот же миг Марк схватил голову оборванца и что есть силы ударил ей по железным креплениям поводьев. Тело разбойника с окровавленной головой сползло к ногам лошади, но радость победы длилась не долго.

Видя, как на его глазах оживший мертвец, с простреленным горлом, убил только что сидевшего над ним человека, а следом жалкий старик в два удара прикончил второго, оборванец занервничал. Не целясь, он выпустил одну стрелу прямо в грудь аббата. От сильнейшего удара и боли у Марка перебило дыхание, потемнело в глазах и, потеряв, ориентацию старик рухнул рядом со своей жертвой.

Вскочивший Эрик двумя шагами-прыжками подлетел к стрелявшему. Пока бедолага дрожащими руками пытался перезарядить арбалет, в его левый бок вонзился сокрушительный удар. Огромный зазубренный меч, просвистев пере-

ломил несколько ребер и фактически разрубил пополам последнего из неудачливой тройки. Уронив арбалет, тело рухнуло сначала на колени, а потом медленно, склоняясь вперед, распростерлось на земле, насадившись на окровавленный клинок по рукоять.

– Марк! Марк! Ты меня слышишь? Скажи что-нибудь! – парень уже был у лежащего на земле аббата. Быстрыми, резкими движениями он ощупывал грудь, пытаясь найти рану от стрелы.

– Я... кхе... Я в норме. Все в порядке, – все еще не до конца прейдя в себя старик осторожно приподнялся на локтях. – А ты еще смеялся надо мной! Зачем меч берешь? Зачем кольчугу одеваешь? Лежал бы я сейчас вместе с ними.

– Как ты меня напугал. Теряю я сноровку, какая-то кучка недоносков смогла застать меня врасплох, – юноша сел напротив Марка и облегченно выдохнул. Нащупав, до сих пор торчавшую стрелу, он переломил древко и вытащив обломки отбросил их в ближайшие кусты. – Уроды! Теперь и рану придется маскировать. Кстати, а хорошо ты этого повалил, – Эрик бросил взгляд тело разбойника с окровавленной головой, – будешь ли еще ныть, заявляя о своей старости и никчемности.

– Это хорошо, что ты вспомнил о никчемности. Кто всю ночь дорогу исследовал? Кто должен был заметить явную засаду?

– Я искал следы Аргхзура и посланников высматривал.

Мне и в голову не приходило, что какие-то скоты могут так близко подойти к тракту. Тут же кордоны Тиретхолла должны ходить, как они осмелились напасть, не понимаю.

– Теперь будь внимательней. Я бы хотел еще вернуться назад. Самое странное, что они осмелились на засаду. Обычное нападение – это еще куда не шло. Быстро ограбили – быстро сбежали, но сидеть в засаде, ждать путников, втроем – на что они рассчитывали. Чтобы они делали, если б на их засаду набрел вооруженный отряд.

– Сбежали бы наверно. Ты как? Сможешь дальше ехать? Я думаю лучше по скорей убраться отсюда, может они были не одни.

– А что со всем этим будем делать? – Марк обвел рукой тела в растекшихся лужах крови.

– Сообщим первому попавшемуся кордону, а сейчас быстрее, уходим.

Всю следующую дорогу Эрик гнал свою лошадь во весь апорт и еще до наступления сумерек они уже были в придорожной таверне. Здесь же пировал и кордон, в чьи обязанности входил патруль этого участка тракта. Сообщив о засаде и трех трупах, Марк отправился в снятую комнату, Эрик же вновь удалился к кромке леса, где развел костер и навис над потухающими углями.

Какое-то время аббат наблюдал за действиями друга, но в тишине и покое комнаты все сильнее напоминала о себе бессонная ночь. Поймав себя на мысли об уютной мягкой по-

стели, он занервничал и вдруг вспомнил о небольшом кульке пергамента, переданного ему братом Мариком перед отпущением.

Спустившись на первый этаж, он попросил у хозяйки таверны кружку горячей воды.

– Кружку? Одну? – переспросила та с удивлением. Вполне вероятно она думала, что Марк решил умыться или сделать что-то вроде того, а вместимость кружки ей казался слишком малой.

Как бы то ни было, вскоре женщина принесла, что ее просили в комнату. Отыскав сверток, аббат развернул его, пытаясь вспомнить, что точно говорил о нем брат Марик. Маленькие сушеные стручки размером меньше одного дюйма высыпались ему на ладонь. Ему сказали, что это называлось “чай” или как-то так и они обладали тонизирующим свойством. Марк зачерпнул пригоршню стручков, бросил в кружку и размешал, собравшись наблюдать, что произойдет дальше.

Произошло же ровным счетом ничего, совершенно. Стручки кружились в вихре, созданным ложкой не порождая ни цвета, ни запаха.

Оставалось только ждать. Марик говорил, что это средство помогает сосредоточиться, согнать сон, и действительно, все, что делал Марк было похоже на изготовление какого-то снадобья, завариваемого мастерами над травами.

По всей видимости это брату Марику привез Абель, ку-

пив их где-то в Солас Море. Стручки были явно откуда-то с юга, аббат не припоминал что бы когда-либо раньше видел их. Вообще орден и Торговая Картель, официально воюющие между собой, очень неплохо сотрудничали. Абель как-то сказал, что сам Льюис ведет переписку с советом купцов, управляющим Картелем.

Тем временем жидкость в кружке уже потемнела, а стручки осели на дно. Зажмурившись, аббат сделал глоток. Горький, неприятный привкус пробежал по языку, окончательно убедив Марка, что перед ним какое-то снадобье. Собравшись с силами и допив до конца, он вернулся к окну.

Около леса все еще дымил костер, разожженный Эриком, но самого его нигде не было видно.

– Добрый вечер, – в комнату к двум постояльцам вошла хозяйка таверны, неся две миски горячей каши.

– Благодарю Марта, вы очень любезны, – добродушно поблагодарил ее седовласый мужчина, читая большой белый пергамент, с небольшой линией сгиба по центру. – Поставьте на стол, пожалуйста. Марта у меня есть к вам еще одна просьба. Через несколько дней, вам необходимо будет покинуть таверну, оставив все дела...

– Кхм, – прокашляв, прервал говорившего маленький мальчик лет шести, сидевший до этого в оконном проеме и

наблюдая за огоньком костра, рядом с лесом.

– Как покинуть? Я столько сил вложила в этот дом...

– Марта, боюсь это необходимо...

– Кхм, – уже громче, прокашлял мальчик.

– Простите, мой друг видимо хочет со мной поговорить, отложим обсуждение этого вопроса на более подходящий случай, – извинился мужчина.

– Хорошо мистер Сейт, но я могу вас уже сейчас заверить, что не намерена покидать таверну.

– Мы это обсудим позже, если вы не против.

– Как хотите, – нахмурившись, женщина еще раз окинула комнату и своих жильцов возмущенным взглядом, и тут же вышла.

– Гэвин, ты чем-то недоволен? – спросил он у мальчика.

– Ты, кажется, обещал не вмешиваться, но уже не в первый раз упорно лезешь, – прыгнув с окна, мальчик подошел к столу и взял одну из мисок.

– Я говорил тебе, что нельзя вмешиваться в привычный порядок вещей. Я всего лишь заполняю пустоты, – поправил мальчика мужчина.

– Ты противоречишь сам себе.

– Ты еще слишком мал и многого не знаешь...

– Вот только не строй из себя великого мудреца. Раз я такой маленький мог бы и не брать меня с собой. Если бы ты не помог ему, всего этого бы не случилось. А сейчас что ты пытаешься? Исправить собственные ошибки?

- Если бы я не помог ему, то в лучшем случае появилась бы еще одна... Ладно, давай не будем об этом.
- Ой, вот не оправдывайся и не уходи от темы...
- Кушай, у нас с тобой еще есть несколько важных дел.

Тем временем Эрик с уже повязанной поверх глаз кожаной лентой и, какой-то найденной им тряпкой, вокруг шеи, бродил вдоль тракта. Солнце клонилось к закату и на тропинки, ведущей к таверне, как и на ее стенах, загорались факелы.

Юноша остановился в самом центре дороги, глубоко вздохнул, и заведя руки за спину стал ждать приближение двух фигур.

Впереди на лошадях скакали два человека в темных нарядах, сливавших их со сгущающимися сумерками. Один из них был еще совсем ребенком, второй не многим старше. Пара казалась двумя сбежавшими детьми, отправившимися на поиски приключений.

Когда всадники остановились в нескольких футах от него, Эрик широко улыбнулся и низко поклонившись, произнес напыщенным громким голосом:

– Господа. Как же я благодарен Пророку, что его волей мы с вами встретились. Я Эрик, скромный слуга магистра Маркуса Лейдерита, главы аббатства Родсбери. Прошу про-

ходите в таверну, он уже давно вас ожидает, – так и не распрямившись, ладонью он указал на тропинку, ведущую к таверне, тем самым приглашая путников.

– Почему мы должны доверять тебе? – произнес старший из ребят, извлекая длинный, острый меч из ножен.

– Потому что одиноко стоящий слепец посреди одной из самых охраняемых дорог семи владычеств не в состоянии угрожать двум вооруженным, хорошо сложенным господам, я полагаю *сэр*.

– Хорошо... Но только попробуй что-нибудь вытворить, и ты сразу же почувствуешь холод моего клинка у своего горла, понял? – все еще не отводя меча от незнакомца, произнес всадник.

– Конечно, вы очень благоразумны, *сэр*, – словно бы потеряв всякий интерес к собеседникам, Эрик непринужденно свернул к тропинке и направился к, освещенному факелами, зданию.

Проследив за удивительно ровным, быстрым и уверенным движением слепца, всадники не без опаски двинулись следом. Отдав своих коней мальчишке, видимо исполнявшему обязанности конюха, они зашли в таверну. Сброд сидевший внутри немного успокоил их обоих. Крестьяне и заезжие торговцы, либо распевали в пьяном бреду песни, либо уже дрыхли прямо на полу и вряд ли могли представить серьезную угрозу.

Слепец не обманул сказав, что давно ожидал их прибы-

тия. Он заранее расплатился с малышом-конюхом, арендовал комнату и заказал ужин на двух персон. Подобная предусмотрительность незнакомца лишь настораживала.

– Ваша комната, если смотреть от лестницы, четвертая справа. Аббат Маркус пока что отдыхает, но я все равно прошу вас как можно скорей предстать перед ним. Его комната прямо напротив вашей. Ужин для вас уже готов, я распоряжусь, чтобы его подали прямо в комнату, а сам вернусь к его светлости.

Поднявшись на второй этаж пара отсчитала четвертую дверь, отперла ее ключом, врученным слепцом, и войдя внутрь быстро заперла обратно.

– Кэй, оставайся здесь. Открывай только мне и никому больше. Все это выглядит очень подозрительно. Я пойду к этому аббату, посмотрю за того ли он себя выдает. Если что-то пойдет не так, попытайся выбраться через окно, – старший из ребят подошел к окну и выглянул наружу. – Прямо под нами крыша конюшни, это поможет тебе бежать, если вдруг кто-то попытается вломиться в комнату силой, но с другой стороны по ней не составит труда и взобраться любому, кто этого захочет. Будь внимательным. Я опасаюсь ловушки. Так, хорошо. Пора во всем этом разобраться. Кричи если что.

Старший вышел в коридор и, убедившись, что никого другого в коридоре нет, постучал в соседнюю дверь.

– Да, – по ту сторону раздался тихий, чуть хрипящий го-

лос, придавший юноше уверенности.

– Я Роджер Эклстер, могу я поговорить с аббатом Маркусом? – юноша зашел в комнату и плотно прикрыл за собой дверь.

– Да... Да! Конечно, – Марк чуть было не подпрыгнул на кровати, устыженный своим неподобающим видом. Быстро отложив летопись, он вскочил с кровати и поправил сползший камзол, из-под которого торчала кольчуга. – Прошу прощения, что мы встречаемся в подобной обстановке, а не в самом аббатстве. Я не ожидал вас так скоро увидеть.

– Не ожидали? Но ваш слуга, по всей видимости, уже давно был готов нас встретить и все подготовил, – Роджер сильнее встревожился, твердо сжимая рукоять меча, готовясь в любой момент отразить нападение.

– Слуга? – непонимающе переспросил Марк.

– Да... Он назвался Эриком, – напряжение все возрастало, прочерчивая глубокую борозду на границе с паникой. Юноша с трудом заставлял себя оставаться невозмутимым, хотя единственное, о чем уже кричал его мозг, было как можно быстрее убираться отсюда.

– А Эрик. Он не мой слуга. Скорее друг, мы путешествуем вместе. Я правильно понимаю, что вас послал Натаниэль с документами? Вы ведь сэру Эклстеру...

– Сын, – закончил Роджер. – Но боюсь, я не могу вам отдать документы. Лорд приказал их доставить в аббатство Родсбери и отдать лично в руки аббата. И прошу прощения,

учитывая ваш возраст, знания и опыт, но я все же не могу до конца быть уверенным в вашей личности.

– Я все понимаю. Ничего страшного, – Марк кинулся к одному из мешков и принялся в нем копать, – сейчас, подожди немного, пожалуйста.

Все еще опасаясь ловушки Роджер левой рукой два раза повернул торчавший из замочной скважины ключ и, вынув его убрал в карман. Правой обнажил меч, готовясь к нападению.

Наконец найдя искомые вещи, старик осторожно протянул их вооруженному человеку.

– Что это? – опасаясь приблизиться, спросил Роджер.

– Это печать магистра, – аббат осторожно подошел к кровати и положил на ее край алую стальную сферу, – и кольцо Натаниэля, – небольшое черное колечко с летящим вороном легло рядом с печатью. – Я не представляю для вас опасности юноша. Прошу уберите меч, если на, то пошло вы меня и голыми руками одолеете. У меня еще есть при себе письма лорда Аргера, – Марк снова начал рыться в мешке и извлек несколько скрученных пергаментов с печатью Тиретхолла.

– Прошу прощения за свое поведение Ваше Преосвятейшество. Но эта встреча произошла столь неожиданно, что я не на шутку занервничал. В мои планы входило как можно быстрее доставить документы и лорда Кэйла до аббатства, простите еще раз, – юноша убрал меч и виновато положил на краешек кровати ключ от входной двери. – Все документы

в комнате, которую для нас приготовил ваш друг. Я еще раз прошу прощения за мое недоверие, но я был очень удивлен и встревожен, когда нас встретил человек на дороге и заявил, что давно ждет нас. Тем более что о нашем отъезде было известно очень малому кругу лиц.

– Я все понимаю, мальчик мой. На нас с Эриком этим днем напали трое разбойников прямо на тракте. Осторожность никогда не повредит...

– Что? Но... это...

– Наглый и глупый поступок с их стороны. Только благодаря моему доброму другу я все еще жив.

– А можно вопрос? – убрав печать и кольцо, Марк отпер дверь и, пара вышла в коридор.

– Да, куда нам?

– Прямо, мы соседи, – Роджер постучал в противоположную от комнаты из которой они вышли дверь и попросил открыть. – Как Эрик так хорошо ориентируется? Я хочу сказать, я видел за свою жизнь множество слепых, но никто из них не был так свободен и уверен в своих движениях.

– Боги... Это все его чудачества, постарайся не обращать на них внимания.

– Хорошо, как скажете. Аббат Маркус – лорд Кэйл Аргер, – Роджер провел рукой от Марка до испуганного мальчика в центре комнаты, представляя их друг другу.

– Кэйл? Малыш Кэй? Зачем Натан послал своего сына в такую даль, ты же еще совсем кроха, – Марк присел на кра-

ешек кровати, всматриваясь в лицо мальчика.

– Я не ребенок! Отец поручил мне важное задание, я должен передать аббату вверенные мне документы и ответить на все вопросы, если они у него возникнут, – отчеканил мальчик.

– Хорошо, я очень благодарен вам юный лорд Аргер за оказанную мне честь вашим визитом, – с доброй улыбкой произнес монах. – Давайте, я думаю, спустимся вниз и все хорошенько поедим, а завтра на свежую голову уже займемся делами, а, что скажете?

– Звучит великолепно, – просиял Кэй.

– Сэр Эрик сказал, что распорядился о том, чтобы ужин принесли в нашу комнату.

– И где же этот *сэр* со своим ужином? Думаю, гораздо веселее будет перекусить всем вместе, – Марк поднялся и направился к коридору.

– Хорошо, – наконец произнес Роджер, не выдержав просящего взгляда подопечного. Вся тройка спустилась на первый этаж, где уже самые стойкие из посетители терпели поражение в битве с хмелем.

Глубоко за полночь уставший, но довольный и сытый аббат возвратился в комнату. Эрик, прихватив с собой записи мажордома Сеилэна, вновь уединился у своего костерка, а юный Аргер и Роджер вернулись к себе.

Кэйл оказался полной копией своего отца. Марк впервые

встретил старшего Аргера, когда тому было чуть меньше чем сейчас его сыну. В глазах мальчика читался отцовский азарт, жажда приключений и бодрость духа.

Заперев дверь, даже не раздевшись он, повалился на кровать и тут же заснул.

Сейчас перед Марком стояла сложнейшая задача, ему предстояло в кратчайшие сроки разработать единственно верный план и в нем ни должно было быть ни единой ошибки. Нависая над старыми, выцветшими картами он искал место для засады.

Их первой задачей было привлечь к себе внимание, второй – продержаться максимально долго, дав Хьеэру увести изможденное войско. Но они находились в центре огромного, бескрайнего леса и единственным форпостом была гора.

Выйдя наружу и, осмотревшись, он заметил узкую каменную тропинку, уходящую еще выше к очередной выпирающей скале.

Приготовления начались незамедлительно, лагерь был перемещен выше. Часть воинов осматривала гору, ища камни всевозможных размеров и найдя их, волокла наверх. У краев скалы, ставшей теперь решающим полем битвы, камни водружались друг на друга, образуя высокие каменные пирамиды. За ними предполагалось укрываться от стрел, в обстреле которыми не было сомнений, а также груды камней было легко столкнуть на головы врагов, если те вздумают

пойти на штурм.

Другая часть воинов собирала сухие ветки, сооружая костер в центре нового лагеря, дым которого и должен был привлечь внимание врага.

Ближе к вечеру большая часть работы была окончена. Костер ожидал лишь искры, каменные насыпи окружали скалу, словно, зубья чудовищной пасти, а уставшие люди во главе с Марком заваливали и разрушали единственный путь, ведущий к ним наверх.

На удивление ночь была ясной и прохладной. Тишину и спокойствие нарушили крики одного из воинов, он бегал между спящими людьми, тормоша и поднимая их.

В тени леса, окружавшего гору, начали вспыхивать одинокие огоньки. Костры разгорались то там, то здесь, в отблесках пламени стали мелькать силуэты людей.

– Кажись, началось, – раздался чей-то сонный, уставший голос.

Вслед за пламенем костров в небо взмыли десятки маленьких огоньков и градом обрушились на скалу.

Бой только начался, но отряд Марка уже понес первые потери. Трое близких, знакомых ему с детства людей погибли так, и не успев скрыться от летящих стрел. Дальше положение дел лишь стремительно ухудшалось.

План, сначала казавшийся идеальным превратился в абсурдную и бессмысленную затею. Весь остаток ночи прошел

под знаменем страха и боли. Обстрел не прекращался ни на одно мгновение, не давая и надежды на передышку.

Щиты, под которыми прятались люди вспыхивали от двух-трех попаданий. Огонь постоянно приходилось стряхивать и молиться, что в этот момент не будешь сражен очередным пылающим снарядом. Половину дня они потратили на сооружение огромного костра, в надежде привлечь к себе внимание, а искрой, начавшей пожар, стали вражеские стрелы.

Обстрел прекратился лишь с рассветом. Возблагодарив богов за отсутствие новых жертв, уставшие, напуганные люди попытались собраться вместе и обдумать дальнейшие действия.

От их костра остались лишь угольки, на скале повсюду валялись разломанные, расщепленные, обгоревшие стрелы. Весь утес был усеян золой и пеплом.

Теперь, в лучах солнца была прекрасно видна окружившая их армия: тысячи вооруженных людей, расставленные палатки, кострища.

Сотни огненно-красных знамен развевались на всем поле боя. На багровом полотне аккуратно было вышито солнце, поднимавшееся над горизонтом. Вместо острых лучей от золотого полукруга вздымались яркие язычки пламени. Прямо над ними возвышалась алая дуга, в точности повторявшая очертания половинки солнца. Под дугой располагались три широко раскрытых глаза, а над – четыре, но на этот раз за-

крытых.

Затишье после обстрела продолжалось не долго. Огромная, неудержимая армия оскалилась мечами и пошла в атаку. Лязг стали о камни, скрежет лат, хруст веток ознаменовал начало новой атаки. Пехота медленно, осторожно карабкалась все выше по заваленной тропинке.

Лучники хоть и прекратили обстрел, но все еще продолжали выцеливать жертв на скале, метко выпуская стрелы на любое движение.

Когда грохот стали уже совсем приблизился к вершине, наконец, завязался бой. Люди Марка выглядывали из-за своих каменных укрытий, отправляя стрелы во врагов. Одна за другой каменные пирамиды рассыпались множеством валунов, обрушиваясь на головы топтавшихся в узком проходе людей.

Карабкающаяся пехота понесла значительные потери. Зажатые в тесном проходе, всей толпой они были не поворотливы, а подбитые стрелами люди лишь усугубляли положение.

Когда же с вершины на них полетели камни, строй врага дрогнул. В панике воины, расталкивая друг друга пытались спуститься с горы, но спешка и охвативший страх привели лишь к новым жертвам. Часть воинов погибло от стрел, часть придавило камнями, часть растоптали свои же друзья, несущиеся вниз, часть пыталась перемахнуть через края тропинки и, сорвавшись, разбивались насмерть.

Их потери были не меньше. Пока пехота, лязгая сталью и крича в панике разбегалась, стрелки исправно выполняли свою работу. Каменные зубья их крепости обрушались на головы врагов, лишая отряд Марка надежной защиты и стрелы все чаще находили своих жертв.

К концу первой атаки аббат не досчитался двадцати семи человек, еще не было и полудня, а его отряд уже сократился более чем в два раза. Выжившие, прислонившись к оставшимся каменным грудам, тяжело дышали. Сил не хватало даже на переговоры, следующая атака обещала стать последней.

Но новой атаки все не было. Враг мог бы снова обрушить на них град стрел и в конец вымотать людей, но не предпринимал этого. Его армию что-то отвлекало.

Лучники продолжали стрелять. Залп за залпом, стрелы летели, но совсем не в сторону горы. Что-то наступало с севера и это что-то беспокоило армию гораздо больше чем жалкий отряд, ютившийся на скалистом утесе.

– Быть того не может! Да что он творит?! – седой старец, сидевший рядом с Марком ударил кулаком по каменному валуну.

Тяжело поднявшись, аббат выглянул из-за их каменного укрытия, в надежде увидеть, что так рассердило старика. От открывшегося вида у него подкосились ноги.

Маленькая группа всадников с не менее малочисленной пехотой во главе с Хьеэром пыталась прорваться к горе. В

сравнении с тем огненным морем, простиравшимся под ними, войско Хьеэра было не более чем надоедливой мухой.

Жалкая попытка прорыва вскоре потерпела крах, крошечное войско сначала оттеснили к лесу, а позже и совсем загнали под густые заросли. Как и с отрядом Марка, огненное войско могло одним ударом уничтожить Хьеэра, но почему-то продолжало медлить, заняв оборонительную позицию. Выставив вперед щиты, они не подпускали их и на шаг ближе к горе.

– А это еще кто?

– Незнакомые стяги.

Горный отряд внезапно воодушевился. Прятавшиеся кто где мог люди теперь осторожно подползали к краю скалы и наблюдали как к горе прорывается неизвестный отряд.

С севере из леса вырвались всадники. Малочисленная группа из чуть более двадцати воинов. Одеты в молочно-белые латы, закрывавшие их тела с ног до головы, они уверенно прорубались вперед. Мечи рассекали врагов на право и налево, кони топтали не успевших отскочить. Белый вихрь оставил за собой кроваво-красную черту мертвых, изуродованных тел, наконец, остановившись прямо у подножия горы.

– Ну, все теперь то их и сомнут, – прошептал старик рядом с Марком.

Действительно, опомнившись после столь наглого нападения, войска сжимались вокруг всадников, окружая их плот-

ным, непроходимым кольцом. Пара десятков воинов против сотен.

В этот раз лучники выжидали, слишком велик был риск попасть по своим. Белые всадники не торопясь спешили, в седле остался лишь один. Держа абсолютно белое знамя, без каких-либо эмблем, он вертел головой, осматривая окружавшую его толпу.

Первыми ход сделали белые рыцари. После короткого затишья, всадник указал знаменем на врагов, что послужило сигналом к атаке. Рыцари пошли в наступление, наотмашь нанося удары.

Бой не мог продолжаться долго, силы, очевидно, были не равны, но вскоре после начала сражения огненная армия неожиданно дрогнула и перешла в отступление. Люди бросали оружие и разбегались словно мыши.

Первые мгновения Марк не мог понять, в чем причины такого небывалого упадка боевого духа, но паника, словно заразная болезнь, начала охватывать и его отряд.

Заикаясь, один из храбрых, смелых мужчин, переживших ночь, рисковавший жизнью во время штурма, теперь трясся и указывал на поле битвы.

Первым дар речи обрел все тот же старик, сидевший рядом:

– Что с его лошады? У нее же весь правый бок искромсан, а она стоит, как ни в чем не бывало.

– Ты лучше на того посмотри, – раздался другой голос.

– Его же только что повалили и прямо на моих глазах вонзили меч в горло и грудь, а он их раскидал и идет дальше. С него вон уже нагрудные пластины спали, там же живого места нет. Боги! Да что здесь происходит, – мужчина закрыл голову руками и весь сжался в комок.

Единственной недвижимой фигурой за все время битвы был одинокий белый всадник, до сих пор остававшийся в седле. Пока войско врага разделившись, разбегалось в панике, он развернул своего коня и, воткнув штандарт знамени в землю, посмотрел прямо на скалу, где прятался отряд Марка.

Остатки вражеского войска еще добивались вернувшимися воинами и белыми рыцарями, а к всаднику уже спешил сам Хьеэр.

Рыцарь снял шлем, под которым оказалось лицо совсем юного парня, светлые волосы колыхались на ветру, улыбка озаряла лицо и ледяные, белые глаза смотрели прямо на Марка.

– Прошу прощения, что так запоздал, – прокричал белокурый юноша, махая рукой.

К вечеру от лагеря врага, окружавшего гору, остались лишь руины, земля хлюпала под ногами от обилия крови, повсюду валялись части окровавленных человеческих тел. За этот долгий и тяжелый день в отряде Марка погибло тридцать смелых, отважных воинов, около двухсот пали из вер-

нувшего, на помощь, войска Хъэра и ни одного белого всадника.

– Я полагаю, нам следует найти более привлекательное место для отдыха, – произнес белокурый юноша, встречая спустившегося с утеса аббата.

– Рад тебе представить лорда Зааша, если бы не он я, думаю, мы все были бы обречены на гибель, – представил юношу подбежавший Хъэер, парень, в ответ, лишь низко поклонился.

– Я очень сожалею, что прибыл так поздно. На севере, откуда я родом вас считают легендой, искусным воином, пророком новой эпохи. Для меня величайшая часть познакомиться с вами лично сэр Мартин Лейдерит.

14

Шелест бумаг, стуки, шаги. Шум нарастал, погружая окружение Марка во тьму. Фигуры людей, очертания деревьев и камней – все расплывалось, смешиваясь в причудливую палитру. Звуки пробуждавшейся природы и без конца сновавших рядом воинов растворялись, уступая свое место все усиливавшемуся грохоту.

Окончательно проснувшись и протерев глаза, старик не сразу понял, что происходит. Снаружи все еще сияла луна, освещающая тусклым светом его небольшие апартаменты. По полу всюду были разбросаны бумаги и древние свитки из их

багажа. Выпотрошенные походные мешки валялись бесформенной кучей в углу. И во всем это беспорядке, словно загнанный зверь, метался Эрик.

– Отправляемся? – еще не до конца проснувшись, প্রশেপтал Марк, еле унимая зевоту.

– Нет! – резко оборвал его юноша.

– Тогда, что ты так шумишь. Скоро рассвет?

– Нет! – на мгновение, остановившись парень, внимательно посмотрел на сонного аббата, но тут же развернувшись продолжил беготню по комнате. – Не отвлекай меня! Ты только сбиваешь!

Его руки заметно дрожали. Он хватался то за книги, то за какие-то клочки пергамента. Разворачивал свитки, но видимо не находя искомого в ярости отбрасывал их в сторону.

– Зааш, тише. Успокойся. Что прои... Зааш! Да что с тобой? – Марк успел схватить руку в очередной раз пронесшего мимо него парня и, вцепившись в запястье, попытался удержать его на месте.

– Он вырвался, – парень в отчаянье плюхнулся на кровать, закрыв лицо руками.

– Успокойся и объясни все по порядку.

– Что объяснять? Тюрьма пуста, а он на свободе! Как думаешь, кого он в первую очередь будет искать?

– Не паникуй. Я более чем уверен, что по крайней мере сейчас он все еще в своей темнице.

– Да откуда тебе-то знать? Несколько дней назад ты сам ко

мне прибежал, словно запуганный кролик, тыча этим дурацким письмом. Ты спрашивал меня в тот день: *“Мог ли он вырваться? Мог ли он вновь появиться?”*. Так вот теперь я могу заверить тебя с полной уверенностью! Да он мог и не просто мог, он это сделал! Он уже на свободе! Клетка опустела! Он придет за мной! Придет... – дрожь уже охватила все его тело. – Ты помнишь? Помнишь его культистов? Вы же сами переписали всю историю! Остались лишь крупички правды! Жалкие крупички... Вы же всех обманули! Заставили поверить, что ничего и не было. Крестьяне! Никчемные тупые людишки! Да как я мог быть так глуп! А это ребенок, отродье какого-то дрянного мельника, рассказал все, все, вплоть до мельчайших подробностей. Он не мог, не мог, не мог все это знать, это ни совпадение, ни фантазия, он его видел...

– Успокойся. Я тоже прочел рассказ мальчика. Этот культист действительно очень похож на прислужников Арха, но мальчик не смог описать ни одного орнамента на его теле. Там могло быть нарисовано все что угодно. Зааш информации слишком мало чтобы что-то утверждать наверняка и тем более паниковать. Даже в самом ужасном, чудовищном случае все эти события значат только то, что каким-то образом люди нашли с ним контакт, не более. Изнутри темница неразрушима, а открыть или пробить ее снаружи, даже обладая всеми необходимым знаниями, практически невозможно. Он никогда не вырвется из заточения...

– Прекрати! Что ты вообще о нем можешь знать? Он не

какой-то воришка-оборванец – он бог, хоть и павший, но бог! Провались он в бездну со всеми своими последователями, почему мы тогда не убили его, почему?!

Пытаясь успокоить юношу, аббат осторожно положил руку на его плечо. В нынешнем облике Зааш походил скорее на маленького запуганного ребенка, чем на того юного воина, представшего перед Мартином при их первой встрече. Его дрожь никак не унималась, сколько бы он не старался. Хлюпая носом, парень был готов разрыдаться.

– Тише. Полежи. Ты уже давно не спал. Не мудрено, что ты такой нервный. Отдохни.

– Да отвали ты от меня со своими жалкими утешениями! – Зааш в ярости оттолкнул руки аббата. – Ты словно ребенок, верящий в чудо. Раскрой уже глаза, его прислужники шляются по землям даже не пытаюсь скрываться. Он придет за мной! Придет! И захочет отомстить за семь сотен лет заключения!

– Возьми себя в руки. Арх все еще в заточении, он никогда не выберется из темницы. Сразу после визита в твою пещеру я все тщательно проверил...

– Да что ты мог проверить?

– Я перепроочел летописи и раз...

– Перечитал... Молодец. Марк ты... Да будь же все это проклято! – Зааш сорвался с места и подскочив к прикроватному столику, с силой оттолкнув его к противоположной стене, так что от удара послышался легкий хруст. Держа в ру-

ке первый попавшийся пергамент, он развернулся к ошеломленному старику. – Это ты читал? – юноша сжимал в кулаке потрепанный листок. – Прекрати уже повторять свои утешения! Ты ничего не знаешь и ничего не понимаешь! Сначала это проклятое извержение! И не говори мне, что это вполне нормально, ты должен прекрасно понимать, что с его тюрьмой что-то не так. Дальше, спустя пару дней до ужаса правдоподобный рассказ какого-то нищего оборванца с детальным описанием существа, о котором даже ваши хранители истории знают крайне мало. Но это все мелочи! Аааа... Да пусть эта тварь отправится прямо в бездну Зааля со всеми своими прислужниками! Теперь сам воздух вибрирует. Ты разве не чувствуешь? Он горит, пылает, скоро даже самый последний умалишенный этого мира будет знать о том, что он вернулся! Его тюрьма развалилась, рухнула, признай же это!

– Я не так стар, как ты и может быть мои знания лишь крупица в сравнении с твоими, но о его темнице я знаю лучше, чем кто-либо другой. Она неразрушима. Из нее можно лишь сбежать, но для этого еще потребуется как-то ее открыть и даже если кому-то удастся и это, то Арх никогда не покинет ее по собственной воле, – с нажимом на каждом слове произнес аббат.

– Не смей меня! Неразрушимая тюрьма?! Узник, не желающий свободы?! Твоя вера уже однажды чуть не погубила тебя, когда ты, наконец, начнешь учиться на своих ошибках!

ках...

– Может я и старый дурак, доверяющий людям, но я создал эту темницу! Я отправил в нее Арха! И я последний кто с ним говорил!

– Мы могли его убить в тот день! А теперь весь мир будет расплачиваться за твои *“благородные мотивы”*, а в первую очередь я! – парень выбежал из комнаты так же стремительно, как совсем недавно метался внутри.

Марк еще слышал, как юноша что-то выкрикнул встретившись с хозяйкой таверны. После непродолжительной перебранки на лестнице он выбежал на улицу и вскоре вновь сидел у своего потухшего костра у кромки леса.

Бледный диск луны медленно исчезал, уступая свое место восходящему солнцу. Начинался новый день и, по всей видимости, ничего хорошего от него ожидать уже не стоило.

У паники Зааша должны были быть основания и, это сильно тревожило старика. Про извержение вулкана и одинокого культиста он знал еще в своей пещере, но видимо сейчас что-то изменилось. Что-то серьезно напугало его.

Тюрьма Аргхзура должна была оградить этот мир нерушимой стеной от того чудовища против которого еще юношей восстал Марк. Он провел целый год обдумывая свой план.

Тот год стал затишьем в войне. В разных уголках Великой Долины еще только начинались строительства крепостей, позже ставшие столицами пяти владычеств. Мелкие и великие лорды спешили присягнуть на верности набиравав-

шей силу армии повстанцев и ее лидеру. Впервые собрался Совет Пяти.

К концу 809 года Марк был абсолютно уверен в надежности придуманной им затеи, оставалось лишь все подготовить и, заточив врага, положить конец войне.

Тем временем за окном Зааш быстрыми, резкими, угловатыми рывками, засыпал землей свой окончательно потухший костер. Наконец, закончив, он собрал все свои немногочисленные вещи и скрылся за деревьями, удалившись в лесную чашу.

Вскоре после его ухода в дверь Марка осторожно постучала и, не дождавшись приглашения, вошла хозяйка таверны. Держа в руках два небольших глиняных кувшина с горячей водой и молоком, она прошествовала по комнате, мельком глянув на покосившийся прикроватный столик, и добравшись до окна, поставила свою ношу на узенький подоконник.

– Как вы? – заботливо поинтересовалась она. – Он вас не ранил? Я сообщу все следующему же патрулю. Они его быстро поймают. Я уже предупредила лесорубов, что у нас останавливаются. Они его мигом схватят, если он вдруг осмелится вернуться. Умойтесь пока, я сейчас, сбегаю, принесу горячей похлебки. Вам нужны повязки? Я могу найти. Вроде кровь не идет... – женщина присела рядом с аббатом, внимательно осматривая его лицо в тусклом предрассветном свете.

– Все в порядке, – озадаченно произнес старик. – Мы наверно расшумелись, перебудили зд...

– Если б я только успела, я б ему задала. Внизу ведь чуть не поймала, так он пронесся мимо, еще и оттолкнул меня. Я сейчас. Принесу вам перекусить, – Марта быстро встала и выбежала из комнаты.

Марта – хозяйка постоялого двора, провозилась с Марком все утро. Женщина была уверена, что на бедного старика напал, а того хуже избил его собственный попутчик. Уже к утру о ночном происшествии говорили все постояльцы таверны. Кто-то сочувствовал, кто-то угрожал убить напавшего юношу, некоторые уже выдвинулись на его поиски.

Сколько бы Марк не пытался объяснить тем утром, что никто его не избивал и не пытался убить, ни Марта, ни разгоряченные жаждой справедливости люди ничего не хотели слышать.

– Аббат Маркус, доброе утро. Я могу к вам зайти? – в приоткрытую дверь заглянул Роджер.

– Да, да. Конечно. Проходи.

– Простите, если бы я только знал. Меня тоже разбудил грохот удара, но я подумал, что это опять кто-то, напившись, сверзья с лестницы или снова повздорили местные пьяницы. Если б я мог повернуть время вспять, я бы на месте прикончил эту тварь, что посмела поднять на вас руку, но я обещаю, как только мы прибудем в Тиретхолл я расскажу все отцу и лично возглавлю поиски этого негодяя, – с горящими

глазами закончил юноша.

По всей видимости, его привели сюда те же мотивы, что и совершенно незнакомых Марку людей, вставших на его защиту. Плюс юношу грызло чувство вины за свое бездействие.

– Роджер, мальчик мой, хоть ты меня послушай. Никто меня не бил. Эрик и пальцем ко мне не притрагивался, а на него уже объявили охоту.

– Но как же? Я же слышал этой ночью грохот удара, слышал вашу с ним перебранку, но не различив слов, так и не сообразил откуда идет шум, – его голос снова плавно затих, а взгляд опустился к полу. – И в таверне все об этом говорят. Внизу сейчас чуть ли не ополчение собирают.

– Боги. Мне срочно нужно найти Эрика.

– Я вас одного не пущу.

– Хорошо.

Быстро собравшись, Марк в сопровождении Роджера спустился на первый этаж и, проскользнув мимо собравшейся в зале толпы, выбрался наружу.

– Что-то серьезно они взялись за дело, – с опаской произнес аббат, быстрым шагом направляясь к лесу.

– Хозяйка таверны всех подняла рано утром и рассказала о том, что на вас напали. Сочувствующих оказалось немало.

– Так, – Марк остановился у присыпанного землей костра. – Здесь он был еще утром. Куда же ты мог направиться? Кстати где сейчас Кэй? – отвлекшись от осмотра присыпанного землей кострища, Марк резко обернулся к сопровождавшему его юноше.

– В комнате. Я велел ему запереться и не открывать никому кроме меня.

– Хорошо.

Пара начала забирать глубже в лес. Пока Роджер вертел головой, рассматривая на первый взгляд непроходимую чащу, Марк, согнувшись и чуть ли не ползком внимательно исследовал землю.

Сломанные крохотные веточки, примятая трава. Тропинка ярко бросалась в глаза, призывно уводя все дальше от таверны и людей. Чем дальше они следовали по причудливой тропе, тем она все сильнее расчищалась, а ветви деревьев, словно, специально расходились, пропуская путников вперед.

Марк шел прямо, уверенный в каждом своем шаге, его словно что-то тянуло вперед, Роджер же напротив постоянно сбивался с пути и все время норовил куда-то свернуть. Если бы не постоянные оглядки аббата, юноша уже давно бы сбился с тропы и затерялся где-то в лесной чаще.

Вскоре воздух стал наполняться едким запахом тлеющего костра, деревья вдалеке стали расплываться, а по земле потянулись тоненькие белые струйки дыма.

Зааша они нашли на небольшой полянке, он сидел в ее самом центре, рядом со старым, поросшим мхом резным камнем. Прямо перед ним располагался небольшой дымящийся костер, собранный из мелких веток, найденных, видимо, в округе. По краям поляны были аккуратно выложены схожие с центральным костром дымящиеся черные очаги. Все вместе костры образовывали некое подобие круга. Лицо Зааша нависало прямо над тлеющими угольками, глаза были плотно закрыты, а кожаная повязка теперь валялась рядом. Зрачки под веками беспрестанно дрожали, бегали и метались в разные стороны, словно бы парень в спешке что-то осматривал.

Мелодичное потрескивание костров прервал ужасный кашель. Согнувшись пополам Роджер еле удерживаясь на ногах, опираясь правой рукой на вековой ствол древней ели. Дышать было действительно практически невозможно, дым заполнял собой все. Руки, голова – тяжели, ноги – подкашивались, глаза – слезились от клубов густого дыма.

– Зааш, – голос Марка был тихим, еле уловимым шепотом.

В то же мгновение юноша открыл глаза и, быстро оглядев уже прислонившегося к дереву аббата с тихо сползавшим на землю Роджером, взмахнул рукой.

Струйки белесого и совсем черного дыма быстро расползлись, освободив небольшое пространство.

– Ты вовремя, – хлопнув в ладоши и с лучезарной улыб-

кой парень непринужденной походкой направился к приходящим в себя людям. – Прости за эту ночную истерику. Сейчас как никогда раньше важно сохранять хладнокровие. Я скрыл нас и теперь мы получили какое-то время на подготовку. Ух ты, да тут и юный Эклстер, как мило, – Зааш с довольной улыбкой посмотрел на испуганного воина, не отводившего взгляда от его глаз. – Ну, ничего, давайте, приходите в себя.

– Раз ты у нас в таком приподнятом настроении, то объясни, что на тебя нашло этой ночью, – все еще хриплым и слабым голосом прошептал Марк.

– Давай для начала о плохом, – все с той же счастливой улыбкой произнес парень, присев на корточки напротив Марка. – У нас тут намечается война. Извержение и культист одиночка вести довольно пугающие, это правда, но их можно трактовать по-разному. А вот его силу не с чем не перепутаешь и пытаться искать какие-то оправдания бессмысленно. Это словно еле уловимый запах, чуть видимый свет, заполняющий все в округе. Я его очень хорошо помню с тех самых времен, когда его войска маршировали по всем дорогам и лесам. И вот сейчас он здесь.

– Это какая-то ошибка.

– Мой милый, добрый, наивный старичок. Мир устроен несколько иначе, чем ты о нем фантазируешь.

– Зааш ты не понимаешь. Я всегда был уверен, что Арх заточен, и тогда в твоей пещере, и сейчас здесь. Я еще могу

признать свою неправоту по отношению к нему, но его освобождение не заметить было бы невозможно, как собственно и обратить, – наконец к отдышавшемуся аббату вернулась твердость голоса.

– Ну, значит, ты его упустил, – ласково, даже с тенью заботы ответил юноша, улыбнувшись еще шире.

– Зааш... – Марк закинул голову, собираясь с мыслями, – в те дни я целый год выверял план, создавая ловушку, тюрьму для него, пока вы с Хьеэром разносили все и вся. Я не хотел его убивать, хотел поймать, хотел узнать, почему бог, которому поклонялся мой отец и дед, отвернулся от нас. Почему веками дававший нам хлеб и воду, оборонявший и защищавший нас от непогоды и бедствий в одночасье стал сжигать людей, разорять деревни и требовать жертв. Я хотел получить ответы, хотел все исправить.

– Мой друг. Ты и исправил. Его диктатура закончилась, и вы обрели столь долгожданную свободу. Единственной твоей ошибкой стало его пленение. Необходимо было его уничтожить, пока еще была такая возможность. Прямо там, без всяких разговоров и жалости. Поверь даже с учетом всех тех ошибок, он заслуживал смерти. Он был повинен во многих смертях и до начала той войны.

– В этом и состоит вся суть проблемы, – с нескрываемой грустью произнес аббат. – Темница, наверно, единственное, чем я могу гордиться. Я создавал ее в надежде защитить наш мир от Арха, а в итоге все вышло совсем иначе. Именно тем-

ница уберегла его от гибели и защитила от ужасов нашего мира. Его от нас.

– Что? О чем ты вообще? – впервые за время их беседы с лица ухмыляющегося юноши слетела улыбка, уступив свое место гримасе ужаса и не понимая. Всего пару мгновений назад он был решителен и доволен собой. Он владел ситуацией и уже разрабатывал планы, но сейчас в один миг всего пара слов рушило все его представление о происходящем вокруг.

– Пока вы воевали на пару с Хьеэром, оттесняя войска Арха к его же собственной крепости, я с небольшим отрядом воссоздавал темницу. По моему плану он должен был остаться в Солас Море навечно, но череда побед видимо затмила ваш разум.

С самых первых дней осады все пошло не так. Массированные удары разрушили большую часть крепости. А вы ведь даже не хотели меня слушать. Вы разрушали все, что попало вам на глаза, но трудом невероятных усилий мне с группой преданных солдат все-таки удалось закончить строительство.

Оказавшись запертым в своем кабинете Арх не мог ни покинуть его, ни сменить облик и ускользнуть от нас. Его сила, разум намертво слились с телом. И тогда ты совершил самую огромную глупость! Зааш ты поставил весь мир на грань уничтожения! Я пришел к нему поговорить, получить ответы, но тебе нужна была кровь! Один единственный удар,

один твой взмах чуть не погубил всех нас! Тело Арха стремительно умирало, теряя кровь и силы, а колоссальная мощь металась внутри, ища выход.

Моя темница не была рассчитана на огромный вихрь неконтролируемой энергии. Как только бы погибло тело Архзура, его сила вырвавшись на свободу, уничтожила бы все с чем столкнулась на своем пути!

Усилиями самого Арха мы смогли замедлить этот процесс и в спешки перевезли умирающего бога к единственному месту, где высвободившуюся силу можно было хоть как-то контролировать. Всего за несколько дней, молясь всем Темным Богам, мы возвели некое подобие новой темницы и поместили в нее остатки его разума.

Тело нам пришлось бросить еще по дороге в Тиретхолл. Оно погибло в Солас Море, и с каждым днем у Арха уходило все больше сил на удержание его собственного могущества под контролем. Мы не могли рисковать, и от тела пришлось избавиться.

То, что сейчас находится близь вулкана лишь чистая энергия и эхо его разума. Как только он покинет пределы темницы те остатки, та тень когда-то великого разума развеется, так и не найдя тела, а сила, более не контролируемая ничем начнет уничтожать. Представь, что будет, если разом произойдут все возможные бедствия, эпицентром которых станет тот вулкан.

Арх прекрасно осведомлен о своей участи за пределами

темницы и по своей воле он ее не покинет. Темница все еще заперта, и он все еще внутри...

– Почему ты раньше об этом мне никогда не говорил? – Зааш, ошарашенный новостью, повалился на землю, уставившись невидящим взглядом куда-то за спину аббата.

– Я не мог тебя простить и вряд ли когда-либо смогу. Он был не виноват в той войне и уж тем более не должен был погибать. Мы вторглись в его крепость, мы уничтожили ее, убили тысячи невинных, вышедших на защиту от убийц и разбойников, кем мы по сути и являлись.

Я виноват во многом. Под моим знаменем собралась та армия, что наводила ужас на всю Долину. Следуя мои приказам, они вырезали десятки тысяч ополченцев всего лишь охранявших свои дома и семьи. Даже после захвата Солас Мора все еще можно было исправить. Он мог. Помочь людям отойти от ужасов войны, залечить их раны, дать пищу и кров. Но ты все перечеркнул. В тот день ты одним ударом убил больше чем за все время войны. Уничтожив Арха, ты вручил власть тем отбросам, которые без зазрения совести за эти семьсот лет убили бессчетное количество людей, раскололи мир пополам и отобрали все что когда-либо принадлежало свободному человеку.

– Значит, он мертв... – не обращая никакого внимания на обвинительный тон старика, юноша погрузился в свои мысли. – Это интересно. Если дядя мертв, то тогда чья же эта сила... Отец? Нет...

– Он мог бы воздействовать на людей, не покидая темницы С ним могли найти связь. Он вполне бы мог отда... – Марк попытался оторвать от раздумий, вскочившего и намазывающего круги напарника.

– Нет, – резко оборвал он старика. – Здесь что-то другое, что-то сильнее... Что-то рядом... И это не отец, его я не ни с кем не перепутаю. Аргхзур фактически мертв... Да что уж там, он мертв! То, что от него осталось более не имеет права на это имя. Мне нужно все обдумать.

– Я навещу тебя вечером, – аббат повернулся к до сих пор сидевшему на земле Роджеру и осторожно помог тому подняться.

Ведя под руку, словно, маленького ребенка, он вывел воина из леса.

– Но вы... Он... – в растерянности тот пытался что-то сказать, но, по всей видимости, его разум все еще пытался разобраться в услышанном разговоре.

Следующие два дня прошли на удивление спокойно, не считая того, что поиски Зааша переросли в крупномасштабную военную операцию, объединившую в своих рядах как крестьян из соседних селений, так и патруль Тиретхолла. Центром же собравшегося ополчения стала таверна, где уже два вечера подряд собирался довольно большой и разно-

шерстный совет из лидеров различных отрядов.

Было решено днем и ночью прочесывались леса, а патрулям было наказано досматривать каждого путника, встречавшегося на дороге. Ходили слухи, что даже сам лорд Аргер издал указ, в котором похвалил местных жителей за отвагу и сострадание к чужой беде.

Воодушевленный слухами народ поставил перед собой цель не только поймать обидчика престарелого аббата, но и разобраться с местными шайками разбойников, наводившими страх на многие селения и таверны в округе.

Но в поимку Зааша верилось с трудом. Парень, до сих пор опасавшийся мести Аргхзура или его последователей скрывался на полянке в глубине леса. А вспоминая вечно пытавшегося свернуть с явного следа Роджера, Марк прекрасно понимал, что кто бы то ни было никогда не сможет случайно или специально на него набрести.

Сам Роджер теперь старательно избегал встреч с аббатом, практически не покидая их с Кэйем комнаты.

К концу первого дня в дверь Марка робко постучал и зашел сам юный лорд.

– Аббат Маркус, разрешите?

– Да, да, конечно, проходи, – мальчик осторожно, словно бы боясь наступить на какие-то мелкие детали, разбросанные по полу, прошел в центр комнаты.

– Аббат Маркус, я не хочу вас оскорбить и надеюсь мои расспросы не покажутся допросом, – робко начал мальчик. –

Мы здесь уже довольно долго. Простите, что я лезу в ваши планы... Я просто хочу знать, как скоро мы снова выдвинемся в путь.

– Это моя вина, ты вправе возмущаться, – аббат улыбнулся, пытаясь приободрить покрасневшего мальчишку. – Тебе Роджер ничего не говорил?

– Нет. Он стал каким-то замкнутым. Мне, кажется, он скупает по своему отряду, все-таки после каждодневных патрулей и стычек с шайками разбойников его отправили нянчиться с ребенком. Думаю, вряд ли ему все это нравится, – мальчик окончательно погрузился.

– Тогда нам надо поторапливаться, – с наигранной решимостью произнес аббат, все еще пытаясь развеселить Кэя. – Мы с Эриком останемся здесь на пару дней, но я уверен, что уже завтра-послезавтра мы вновь отправимся в дорогу, а пока лучше отдыхай, набирайся сил, – парень кивнул и, развернувшись, направился к двери. – Кэйл, постой, у меня есть к тебе одна просьба, – мальчик остановился и так же молча приготовился слушать. – Я буду вынужден не на долго с вами расстаться. Раз уж мы так близко, я хочу навестить своих братьев в капелле “Вечерней Зари”, так что я прибуду в Тиретхолл на несколько дней позже вас. Все это время Эрик будет собирать информацию о культисте, и вот что я тебя попрошу. Как будущий лорд, пожалуйста, представь его отцу, и я был бы тебе очень признателен, если бы ты помог ему в расследовании этого запутанного дела.

Мальчик просиял прямо на глазах, польщенный, что к нему обращаются не как к маленькому ребенку, а как к будущему лорду. Вытянувшись, всячески подражая манерам отца, Кэй гордо произнес:

– Аббат Маркус я сделаю все возможное, чтобы сэру Эрику было удобно работать, а вам выделю охрану в дорогу. Я думаю, для сэра Эклстера будет честью охранять такую важную персону, а не нянчиться с ребенком, – последние слова Кэй произнес чуть ли не про себя.

– Я думаю не...

– И отец и Хью не раз мне говорили о шайках бандитов в лесах. Я не могу позволить, чтобы вы пострадали. Пойду сообщу Роджеру, – Кэй вылетел из комнаты так и не дождавшись каких-то слов в ответ.

Теперь все что оставалось Марку делать, так это ждать и надеяться, что Роджер сможет отговорить юного лорда от необдуманных решений и действий. Рухнув на кровать, он закрыл глаза, собираясь с мыслями, но тут же провалился в сон.

– Лорд Мартин, – в небольшой, полупустой кабинет, влетел юноша. Запыхавшись, он тяжело дышал и смотрел прямо на мужчину, ожидая, когда тот обратит на него внимание.

– Да, что-то случилось? – не отрывая глаз от разложенных на столе карт и разных бумаг, пробубнил он.

– Прибыл человек...

– От Хьеэра? Что-то по поводу атаки?

– Нет, лорд. Он не от сэра Ансельма, но он хочет видеть вас. Он просил передать, что у него есть важная информация, которая должна вас заинтересовать, касаясь падшего бога. Он представился как мистер Сэйт.

– Проводи его ко мне, – наконец, оторвавшись от своих бумаг, Марк внимательно посмотрел вестника. Сейчас, когда они были так близки к свержению бога, к нему приходит человек с “важной информацией”. Совпадение? Вряд ли. Либо это ловушка, а значит нужно быть готовым, либо на их сторону мог перейти действительно кто-то из приближенных бога.

Марк встал из-за стола, продолжая обдумывать мотивы этого мистера Сэйта. “А имя то какое странное,” – думал он про себя. “Хотя все это может оказаться дешевым обманом,” – прикрепив к поясу ножны, он стал ждать гостя.

Вошедший в след за юношей мужчина выглядел мягко говоря странно. Марк ожидал увидеть какого-то воина или культиста, сбежавшего из Солас Мора, но этот человек не был похож ни на того, ни на другого.

Он был значительно старше самого Марка, на вид ему можно было дать лет пятьдесят. Он был худощав и довольно высок. Седые волосы были зачесаны назад, худое узкое лицо уже успело подернуться первыми морщинами.

Его одежда вызывала не меньше вопросов, окончательно сбивая с мысли о его статусе. Короткий светлый камзол, заканчивающийся у пояса, был одет поверх другого без ру-

кавов такой же расцветки, которому в свою очередь предшествовала белоснежная рубашка, а шею оплетала полоска темной ткани, конец которой скрывался под жилеткой, уходя к животу.

– Добрый день, лорд Мартин, – учтиво обратился мужчина, как только они остались одни.

– Вы сказали моим людям, что у вас есть информация о падшем боге?

– Да, и я думаю для вас она может оказаться крайне полезной. Вы когда-нибудь слышали о племени Ульгиrow?

– Ульгиrow? Нет. Что это?

– Это народ Норгхстора, живущий в Мертвых землях...

– Так вы подчиняетесь Норгхстору?! – перебив говорящего, выкрикнул Марк, его рука уже тянулась к мечу.

– Я не никому не подчиняюсь, – не замечая крика, спокойно ответил человек. – Я предлагаю вам помощь. Эти племена уже давно ведут войну с Норгхом, многие годы. Их война длиться уже не первое столетие, и у нее есть результат.

– Мы загнали в угол падшего бога меньше чем за год и, захватив его, отправимся и в Мертвые земли...

– У Ульгиrow нет ваших сил, и они не стремятся навредить бывшему покровителю, они пытаются выжить. За эти годы их шаманы выработали способы сдерживания силы бога и защиты от его власти. Я прожил с ними довольно долго и, думаю их методы могут вам пригодиться.

– У вас есть какие-то предложения?

– Да, лорд Мартин. Я поделюсь с вами своими знаниями, но попрошу и об услуге. Аргхзур должен быть пленен, а не убит. Я помогу вам построить темницу, что заключит его в безопасности.

– Это возможно?

– Более чем, мой друг, если я смею вас так называть...

Сон прервался так же быстро, как и начался. Марк проснулся, ощущая, что в комнате он не один. В крошечной темноте ничего не было видно, зато отчетливо слышались звуки шагов. Притворяясь спящим одной рукой он нащупал рукоять меча и крепко схватив его, стал прислушиваться, пытаясь понять, где именно находится ночной гость.

Внезапно шаги затихли и, вспыхнул слабый огонек заженной свечи. Перед аббатом проявилось лицо Зааша. Трудно было сказать, как юноша умудрился проскочить никем не замеченный, тем более что внизу до сих пор длился очередной совет.

– Не хотел тебя будить, – с извиняющей улыбкой произнес он. – Я хотел забрать пару бумаг и да... Завтра утром отбываем. Меня не жди, я догоню тебя, – юноша бегло взглянул на пару листков пергамента в своих руках и, потушив дрожащий огонек свечи, растворился в ночном сумраке.

Так больше и не сумев толком уснуть, Марк спозаранку, сонный доковылял до дверей комнаты мальчишек. На стук в дверном проеме показался не менее сонный Роджер, уставившись из-под полу прикрытых век на стоявшего перед ним утреннего гостя.

– Роджер, доброе утро, извини, что так внезапно, но мы с Эриком уезжаем, – юноша лишь коротко кивнул и захлопнул дверь.

Собираться в дорогу пришлось в полном одиночестве. Расплатившись с хозяйкой постоялого двора за поломанный столик, купленные в дорогу припасы и за помощь в погрузке вещей на лошадь, Марк, прильнув к шее своего коня ожидал мальчишек.

Кэй чуть ли не валился с ног, без конца потирая слипавшиеся глаза, он бродил за своим телохранителем словно маленький щенок. Погрузив на коней походные мешки с вещами и прочими припасами, пара оседлала лошадей и все трое двинулись в путь.

С самого отбытия из таверны Роджер старался держать дистанцию от Марка, но при этом находясь прямо между ним и Кэйем делал все возможное чтобы те не в коем случае не сближались. За прошедшие два дня юноша успел хорошо все обдумать и, по всей видимости, счел Марка не меньшей угрозой, чем вооруженный отряд разбойников. Видимо, обе-

регая юного лорда, он так и не рассказ ему о том, что видел и слышал в лесу.

Мрачный, молчаливый конный отряд, возглавляемый аббатом, шел медленно, словно траурная процессия. Лишь поздним утром, когда солнце, наконец, отделившись от линии горизонта, повисло над их головами, тягучую тишину прервал Кэй. Наконец, вырвавшись из шумной и скучной таверны мальчик постоянно вертел головой и окликал то Роджера, то Марка, указывая, на как ему казалось, интересные места.

К полудню их, наконец, догнал Зааш. Прибытие юноши только сильнее взбудоражило Кэя, так как теперь мальчик смотрел не только на окружающие их просторы, но и периодически украдкой бросал любопытные взгляды на белые льдинки глаз компаньона аббата.

После целого дня пути ночевать пришлось прямо под открытым небом, немного свернув с тракта. После теплых и в меру мягких кроватей таверны на земле было спать холодно и жестко, но самый ближайший постоялый двор теперь ожидал их только в Корстейте.

Грохот оглушал. Всюду вокруг Марка лежали тела его воинов. Людей, которых он видел живыми и полными решимости идти в бой еще этим утром. Сейчас все они были мертвы. Некоторых подбили стрелы, других проткнули мечем, были и те, кто распрощался с жизнью под руинами погибавшего

города.

– Ты с ума сошел?! Что ты здесь делаешь?! – к словно замороженному Марку от простирившегося перед ним праздника смерти, боли и страданий подбежал Хьеэр. – Не смей входить в город! Ты должен остаться живым! Лишь ты побуждаешь их идти в бой, идти на смерть! Не рискуй своей жизнью понапрасну! – кричал Хьеэр, перекрикивая стоны раненых, топот, лязг стали вдалеке, крики и команды. – Уходи я ска... – крик воина заглушил свист и последующий за ним громогласный грохот пролетевших каменных снарядов, поваливших очередную башню.

Каменный дождь из обломков, обрушившийся на воевавших, унес жизни многих. Рассыпавшаяся башня погребла под собой целую улицу маленьких домиков, перекрыв пути отступления.

– Живо! Убирайся отсюда! Нас убивают собственные люди! – пригнувшись, Хьеэр помчался прочь, в то время как по небу пролетели еще несколько снарядов, пробив брешь в стене очередного квартала. – Нужно отступать! – продолжал, надрываясь кричать воин, надеясь, что его кто-то услышит во всеобщем хаосе.

Тревожный сон аббата прервал Роджер, заговоривший с ним впервые после возвращения из леса:

– Все хорошо, аббат Маркус, проснитесь, – на лице юноши читались эмоции полностью противоположные его словам. – Вам приснился кошмар, но это всего лишь сон, – убедившись, что Марк окончательно проснулся, телохранитель лорда отошел к дрожавшему не то от испуга, не то от холода Кэю.

– Все никак не отпускают воспоминания? – полушепотом осведомился, присевший рядом Зааш. – Как прибудешь в Тиретхолл, я осмотрю тебя, может чем и смогу помочь.

– Спасибо, – только и смог прошептать в ответ Марк.

После столь неожиданного пробуждения в ночных, жутковатых сумерках никто больше так и не уснул. Не дождавшись рассвета, сонные и уставшие они вновь решили выдвинуться в дорогу.

Дальнейший путь до перекрестка всадники проехали в мрачном молчании. Солнце лениво поднималось из-за горизонта, освещая, окружавший их лес и даже Кэй больше не вертелся, а понуро вел своего коня за лошадью Зааша.

Остановившись на пересечении тракта с тропой, ведущей к капелле “Вечерней Зари”, Марк попрощался с Кэйем, из-за чего мальчик чуть было не расплакался и, обратившись к Заашу, попросил того отвезти юного лорда к отцу целым и невредимым.

– Карапуза-то я доставлю, но вот кто мне то твою сохранность гарантирует, – с улыбкой ответил юноша, одновременно наблюдая как лицо Кэя багровеет от обиды и злости.

– Я не карапуз, я лорд! И ты на моих землях! Аббата Маркус будет под защитой Роджера до его прибытия в Тиретхолл, – обиженно произнес мальчик, стараясь придать своему голосу властность отца, но это у него все никак не получалось.

Уже под самый конец импровизированного прощания Роджер отвел Зааша в сторону и что-то прошептал ему с довольно грозным видом. Даже не дожидаясь ответа парень быстрой направился к своей лошади и, оседлав ее, подъехал к Марку.

– Ну что, чтобы через три дня ты был в Тиретхолле, не позже – произнес Зааш и, развернув своего коня, повел его дальше по тракту.

Оставив Марка и Роджера, Зааш набрал скорость и Кэю приходилось прилагать не мало усилий, чтобы не отставать от мчавшегося впереди коня. Внутри мальчика смешивались страх и невероятное любопытство, но обратиться к своему попутчику он не решался.

– Сэр Эрик! – переборов себя, прокричал Кэй.

Вдруг темная лошадь замедлила свой ход, и ее хозяин оказался прямо на против мальчика.

– Устал? Потерпи. Если совсем нет сил, садись ко мне. Нам нужно торопиться.

– Нет. Я просто хотел спросить.

– Хорошо. И что же так интересуется нашего будущего лорда? – на лице Зааша вновь появилась ласковая улыбка, сочувствующая ему еще на его полянке в лесу.

– Мне просто интересно... Не подумайте... У вас очень необычные гл...

– Подожди, – Зааш одной рукой схватил поводья лошади Кэя, другой остановил своего коня. – Нам нужно срочно свернуть с дороги, – быстро спешившись, он завел обеих лошадей под кроны деревьев и осторожно выглядывая из-за пышных зеленых ветвей, стал наблюдать за трактором.

– Что случилось? – прыгнув, на землю Кэй ползком подкрался к своему попутчику, пытаясь понять, что так его встревожило.

Долго ждать не пришлось, вскоре до слуха Кэя долетели слабые возгласы и лязг стали.

Вдалеке показались люди. Сначала небольшой отряд, мальчик даже решил, что это очередной кордон, вышедший, из Тиретхолла, но первый ряд колонны уже давно миновал их укрытие, а конца потока марширующих воинов до сих пор не было видно.

Сотни вооруженных людей проходили мимо них, шурша ногами и гремя железом.

– Кто это такие? Мне не знакомы эти знамена, – прошептал мальчик, всматриваясь в колыхающиеся на ветру алые стяги с вышитым на них восходящим солнцем.

– Нам придется изменить маршрутом, – дрожащим голо-

Дрожащий, беспокойный огонек освещал небольшой участок темной, влажной от крови земли. Окруженные со всех сторон непроглядным мраком, в нем ютились два человека.

Первый – бородатый, плотного телосложения мужчина был тепло одет. Явно нервничая, он ходил туда-сюда, то скрываясь в темноте, то вновь выходя на свет.

Второй – совершенно голый, с туго связанными за головой руками, лежал на земле, словно брошенная кукла. Все его тело походило на одну большую рану. На руках, ногах, плечах, спине – всюду, словно россыпь темных пятен, были срезаны небольшие участки кожи. Отсутствовало левое ухо и ногтевые фаланги большого и указательного пальцев правой руки. Зубы выбиты, а все пространство между темными кровавыми пятнами испещряли десятки порезов и множеством багровых кровоподтеков.

– Ну, сам посуди, зачем продолжать все эти мучения? Я же не остановлюсь, пока ты мне все не расскажешь, – бородач в очередной раз зашел в освещенный круг, остановившись прямо перед своей жертвой.

– Я не знаю... – еле слышно прохрипел тот в ответ.

– Слушай. Ты и так еле живой. Не расскажешь ты, так расскажут твои товарищи. Зачем себя мучить? Ради чего?

Ради кого? Жалкого преступника, узурпатора?

– Преступника... Я вижу перед собой только одного пре...

– Лучше не выводи меня из себя, – в голосе бородача промелькнула ярость, присев, он хотел было схватить мужчину за волосы, но в последний момент передумал. – Да я понимаю, я бы на твоём месте, наверное, тоже поносил всех, кого видел, но и ты должен меня понять. Положение дел просто обязывает меня поступать с тобой именно так, и все равно я хочу тебе помочь. Помолчи, – бородач грубо зажал рот, пытавшемуся что-то ответить человеку, – скажу тебе по секрету, один из вашей компании уже больше не с нами, это, во-первых. Во-вторых – наша основная цель не поимка твоего командира. Гонясь за вами, мы зашли слишком далеко от намеченного маршрута и сэру Шаласу это совсем не по нраву. У нас совсем не осталось времени. И если ты расскажешь, где сейчас укрывается твой командир, то сэр Шалас, я уверен, пощадит тебя. Что скажешь? – бородач, наконец, отвел свою мозолистую, грязную руку от лица мужчины, ожидая ответа.

– Сэр? Какой он сэр? Это отребье скоро сам будет висеть рядом со всеми вами.

– Ясно! Значит вернемся к допросу.

Поднявшись, мучитель вновь покинул небольшой освещенный круг и откуда-то из темноты послышался характерный лязг стали. Но все его приготовления были прерваны

громким скрипом открывшегося в потолке люка и ярким светом, залившим небольшую комнатку. Всего в нескольких шагах от догоравшей свечи располагалась лестница, и теперь по ней спускался человек.

– Бреньоф, оставь нас, – скомандовал он бородачу и тот поспешил выполнить приказ, скрывшись наверху.

Теперь проникавшие внутрь лучи солнца хорошо освещали это узенькое тесное помещение, и надобности в свечи больше не было. У стен стояли огромные закупоренные бочки, а в самом центре располагалась лестница. Там же, где всего пару мгновений назад возился Бреньоф, находился стол с множеством разных ножей и прочих приспособлений, которыми палач видимо уже не раз успел воспользоваться.

Спустившийся человек выглядел довольно богато хоть все-таки и носил скорее походный костюм, нежели одежды лорда или какого-нибудь купца. На его пальцах красовались несколько золотых перстней, а на поясе висел изогнутый короткий меч в дорогих, отделанных бархатом, ножнах. Длинные кудрявые волосы были стянуты в тугий пучок, а на лице играла беззаботная детская улыбка. Внимательно осмотрев окружавшую его обстановку он подопнул к себе небольшой бочонок и сел напротив лежащего мужчины.

– Замерз, сладкий? Ну, ты сам должен понимать, лучшего места, чем погреб в походных условиях не найти. Наверное, мне стоит представиться. Я сэр Шалас, второй главнокомандующий лорда Тиретхолла. Эй, ты меня слушаешь? – муж-

чина толкнул ногой израненного человека, привлекая к себе внимание.

– Я хорошо тебя знаю . . . Ты разбойник и убийца . . . Шалас “Висельник” тебе имя, а не сэр, – собравшись с силами прохрипел тот в ответ, за что получил удар каблуком в одну из чуть заживших ран.

– Сладкий, здесь ты, к сожалению, ошибаешься. Я представитель лорда Тиретхолла. А вот что касается тебя, то ты как раз самый настоящий разбойник и, что гораздо хуже, предатель и пособник узурпатора! Но так и быть, я дам тебе последний шанс. Скажи мне, где скрываются оставшиеся гвардейцы и твой командир, а я велю прекратить все эти некому не нужные пытки.

– Да пош . . . – от очередного удара мужчина чуть вновь не потерял сознание.

– Отлично! И после этого вы еще обвиняете меня в жестокости?! У тебя был выбор. Ладно . . . Жаль у меня сейчас нет времени на тебя, но будь его хоть чуточку по больше, милый, я бы с тобой позабавился, – разбойник, впиваясь ногтями, провел по бедру скрючившегося от боли и холода гвардейца. – Но даже сейчас я проявлю к тебе свою милость, – нависая над единственным оставшимся у мужчины ухом прошептал он. – Я мог бы тебя оставить прямо здесь, чтобы ты медленно подыхал, захлебываясь болью, мучимый холодом, но в отличии от всех ваших лживых рассказней обо мне, я очень благороден и мое сердце обливается кровью, как только я пред-

ставляю все те мучения, что тебе пришлось пережить. Так что, сладкий, я позволю тебе увидеться с оставшимися столь милыми, но к сожалению, не общительными друзьями. Они ждут тебя с самого утра, – разбойник не спеша, поднялся по лестнице, что-то прокричав свои людям, и вышел наружу.

Вскоре в погреб спустились два здоровых верзилы. Подхватив лежащего гвардейца под руки они подняли его по лестнице и выволокли следом.

Все пространство вокруг здания, где его содержали, было усеяно людьми. Некоторые просто слонялись, блуждая от одного костра к другому, другие сидели у еще пылавших или уже затухавших огней. Практически рядом с каждым таким скромным лагерем на ветру струились багрово-алые знамена с восходящим над горизонтом солнцем.

Подручные Шаласа протащив, словно никчемный тюк, бросили воина к ногам своего командира. Холодный ветер пробирал его до костей, раны вновь начали кровоточить и по всему телу пробегали болевые судороги. У гвардейца не хватало сил даже просто приподняться. Руки и ноги не слушались, оставалось лишь беспомощно лежать, слыша смех и улюлюканье толпы.

– Сладкий, что с тобой, совсем выдохся? Бреньоф ну что ты с ним сотворил, разве так можно. Помогите же ему подняться, жестокость – это так мерзко, – подошедшие верзилы вновь подхватили тело, так что теперь мужчина висел, слов-

но, тряпичная кукла в руках двух великанов. – Ну, куда же ты смотришь, – оказавшийся рядом разбойник, схватив за подбородок, развернул голову безвольной куклы к вековому дубу, растущему близ здания. – Сладкий, твои друзья воооон там, – Шалас улыбаясь, указывал на череду голых висевших на ветвях людей. – Сам посмотри. Все семеро. Ну и еще пара крестьяшек чтобы вам было не так скучно, жаль только хозяйка этого милого постоянного двора скрылась, бросив вас, а так бы конечно и ей нашлось место в столь приятной компании. А была бы поговорчивей, и представь, могла бы до сих пор работать в своей дрянной хибаре, – последнюю фразу Шалас сказал еле слышно и скорее для себя. – Ну, в общем, я думаю, тебе будет не так одиноко, по крайней мере я сделал для этого все что мог.

Верзилы пришли в движение. Приблизившись к дереву, они натянули на болтающуюся из стороны в сторону голову своей жертвы петлю.

– Шалас, он не стоит на ногах... – пробасил один из верзил, державших гвардейца.

– Как ты меня назвал?

– Ша... – великан только было открыл рот, как разбойник, выхватив свой изогнутый меч, по рукоять вогнал клинок в его грудь. – Я сэр Шалас! Теперь все усвоили?! Сэр! – прошипел он, осматривая подчиненных.

По толпе собравшихся воинов пробежали встревоженные выклики.

– Оттащите эту безмозглую тварь и помогите нашему гостю присоединиться к друзьям. Сладких снов, мой милый.

Оставшийся верзила одной рукой кое-как поддерживал тело воина, не давая тому рухнуть раньше времени. Другой, неуклюже затягивал на его шее петлю. Расчет состоял в том, что выжить в петле можно было лишь вытянувшись и стоя на кончиках пальцев, но со временем силы покидали жертву, заставляя ее опускаться. И чем ниже она опускалась, тем туже затягивалась петля. В итоге же удушье приходило медленно и мучительно.

Наконец, справившись со своей работой, верзила удрученно поставил воина на ноги, но все еще продолжал поддерживать его за связанные руки. Дождавшись команды он тихо отпустил свою ношу, и тело безвольно рухнуло вниз, даже не пытаясь сопротивляться.

– Хорошо, а теперь все быстро встали! Вы ничтожества, неспособные даже разговаривать, какую-то жалкую кучку гвардейцев. Нам нужно возвращаться, если не хотите разгневать Повелителя.

В то же мгновение лагерь, словно, подгоняемый ударами хлыста пришел в движение. Люди заметались, собирая вещи.

Вскоре колонна вооруженных людей медленно покидала разоренную таверну. Крестьяне, купцы, схваченный патруль и прочие неугодные разбойнику люди, висели на двух соседних с таверной деревьях.

Малый зал был практически пуст. За длинным, древним дубовым столом, пытаясь совладать со все возрастающим беспокойством, в одиночестве сидел Тим. Вскоре к нему должны были присоединиться новые командующие армии Тиретхолла и только что назначенный советник.

Все прошедшие дни с момента отъезда Кэя для мальчика пролетели одним большим жутким кошмаром, который все никак не хотел заканчиваться.

Казалось, это было так давно, тем утром, проводив друга в путь, Тим грустил, а все попытки Вилла хоть как-то разве-селить своего соседа терпели неудачу, но последующие со-бытия затмили собой все.

Вечером, в день отъезда Кэя, крепость заполнилась тре-вогой и молчаливым страхом. Новости до мальчишек дохо-дили довольно скудные, поэтому о происходящем в тот мо-мент они знали крайне мало, но поведение мастера Арвуда и дежуривших возле них стражей выдавало, что происходит что-то неладное.

Ночью, когда по обыкновению все в крепости уже давно спали, а мастер то и дело заглядывал к ним уговаривая, на-конец, успокоиться и разойтись по кроватям, за пределами их комнаты творился полный хаос. Стражи встревожено пе-решептывались, а мастер, как оказалось позже, вообще от-сутствовал в своей башне.

На утро следующего дня новость о ночном происшествии, наконец, достигла как мальчишек, так и горожан.

Причины нараставшей паники, охватившей крепость этой ночью, оказались действительно катастрофическими и в конечном итоге привели к не менее ужасным последствиям.

Поздно вечером сэр Эклстер, навещая лорда Аргера, обнаружил в его кабинете плененного епископа, что на несколько коротких мгновений вызвало шок у старого рыцаря. Монаху не просто удалось каким-то образом бежать из катакомб под крепостью, так еще хватило наглости явиться в кабинет лорда.

О дальнейших событиях единого мнения в народе не было.

Те слухи, что долетали до комнаты ребят гласили что, войдя в кабинет сэр Хью застал там епископа, нависавшего над телом умиравшего лорда. Монах держал в руках окровавленный меч, думая нанести очередной удар. Сэр Эклстер, конечно же, предпринял попытку задержать убийцу, но тот каким-то удивительным образом вновь смог ускользнуть как от самого рыцаря, так и от всех стражей крепости. Тяжело раненного лорда было решено перенести в его личные покои, где мастер Арвуд и провел всю ночь у его постели, но, к сожалению, Натаниэль Аргер так и не придя в сознание на утро скончался.

Той же версии придерживался, и сам сэр Эклстер, сообщая печальные новости горожанам.

Смерть лорда накалила и без того взрывоопасную обстановку в городе. Фермеры – из-за засухи потерявшие урожай, купцы – терпящие убытки, оголодавшие горожане – огромная масса собиравшееся каждое утро во дворе перед главным залом окончательно потеряла надежду на решение своих проблем.

Было объявлено, что до возвращения лорда Кэйла Аргера вся власть в городе возлагается на комендант-командующего крепостью Тиретхолл – сэра Хьюго Эклстера и первый день новой жизни прошел довольно спокойно. Народ, видимо, отходя от шока, не проявлял никакой активности, сам город, словно, замер в траурном молчании. Улицы опустели, а перед воротами главного зала повисла тревожная тишина. На следующий день жизнь стала медленно возвращаться в привычное русло.

С рассветом к крепости стали вновь стекаться толпы горожан, но на этот раз ожидая аудиенции комендант-командующего. Не считая незначительных перебранок со стражами и между собой, сопутствующих ежедневной веренице горожан, день прошел спокойно. Вечером состоялись похороны лорда в фамильном склепе близь крепости.

Утром третьего дня леди Эйдрин Аргер отказалась покидать свои покои, сославшись на плохое самочувствие, а отсутствие ее рядом с сэром Эклстером, при приеме горожан, породило новую волну сплетен и слухов. Но первые серьезные проблемы пришли на вторую половину дня. Недоволь-

ные решениями сэра Хью горожане и фермеры стали возмущаться. Отсутствие юного лорда лишь подливало масло в огонь. Впервые стали, открыто высказываться отличные от официального заявления, предположения о гибели лорда и причинах освобождения епископа. Ближе к вечеру уставшие, измученные ожиданием своей очереди в бесконечной давке люди все чаще скандалили и начинали драки меж собой. Очередная обычная потасовка стала поворотной в череде последовавших событий.

Сейчас, спустя дни уже трудно сказать, что именно произошло тем вечером, но результатом разгона очередной драки стало нападение на стражей Тиретхолла. Возможно сами стражи, измученные не менее самих ожидавших, применили излишнюю силу, либо эта была случайность, но именно этой одной единственной искры хватило для начала всепоглощающего пожара, охватившего сначала город, а позже и все владычество.

Небольшая драка разрасталась, вовлекая в себя все новых и новых людей. К ночи беспорядки удалось унять, но лишь благодаря массовым арестам и вводом отрядов стражей на улице города. В свою очередь ответ от горожан долго себя ждать не заставил.

Ранним утром четвертого дня в сопровождении вооруженной свиты крепость покинула леди Эйдрин, направившись, по совету сэра Хью, к своей сестре.

После вчерашних погромов на улицах, на удивление, бы-

ло спокойно, но как оказалось позже это было не чем иным как небольшим затишьем перед неумолимо надвигавшейся бурей. Уже с самого утра последовали стремительные и наглые нападения на патрулировавших город стражей, лишь чудом не задевшие отряд охранявший леди Аргер. Множество быстрых безжалостных нападений вскоре переросло в масштабное наступление, оттеснившие стражей в тщательно подготовленную ловушку на одной из улиц. В то же время пока основные силы гвардии либо отбивались от наступавших толп, либо спешили на помощь оказавшимся в оцеплении товарищам, небольшая группа повстанцев проникла в крепость и прорвавшись к темницам освободила заключенных, схваченных во вчерашних ночных беспорядках.

С этого момента началась открытая конфронтация между жителями города и остатками верных Хью людей. Теперь сэра Эклстера называли не иначе как узурпатором и с абсолютной уверенностью заявляли, что ради власть комендант-командующий либо самолично убил лорда, либо сговорившись с орденом, помог совершить покушение епископу. В подтверждение подобных слухов играл и тот факт, что никто не мог найти внятного объяснение тому каким образом епископ Касиус смог сбежать из катакомб и никем не замеченный пробраться в кабинет лорда. Как монах мог скрыться, застигнутый прямо над телом, если только подобное нападение не было тщательно спланировано и одобрено самим комендант-командующим.

Но многие лидеры повстанцев шли еще дальше, заявляя, что юный лорд никуда, по правде, не уезжал, а давно уже убит. А столь стремительную и грязную смерть его отца приписывали тому, что каким-то образом лорд Аргер узнал о заговоре и гибели сына и прежде чем успел что-либо предпринять, был заколот в своем собственном кабинете.

К концу четвертого дня число стражей заметно поредело. Оказавшись зажатыми между хлынувшим потоком освобожденных из крепости с одной стороны, и засадой с другой, гвардейцы понесли значительные потери и лишь немногим удалось вернуться в крепость.

К ночи сражения достигли моста и главных ворот замка. Отбиваясь от активного наступления, им пришлось поднять мост, тем самым оказавшись в осаде в собственном городе.

Пятый день прошел в подобии перестрелки. Большинство безоружных горожан старалась забросать, стоявших на стенах стражей, камнями. Те немногие, что успели обогреть трупы после вчерашних битв, теперь неумело выпускали найденные стрелы в направлении крепости. Но ни те, ни другие не могли причинить практически никакого вреда ни крепости, ни ее защитникам. Лишь раз по приказу сэра Хью стражи были вынуждены открыть ответный огонь и убить с десяток особо метких повстанцев, по всей видимости, являвшихся либо охотниками, либо уже просочившимися в город разбойниками.

Внезапно в середине дня атака на крепость сначала

ослабла, а чуть позже совсем прекратилась. Люди отступили не только от рва, но даже с улиц. По началу оборонявшиеся решили, что народ смирился с бессмысленностью атаки и решил взять их измором. Но вскоре причина столь резкой смены поведения повстанцев громко заявила о себе сама.

Узнав, что власть в городе колеблется, а войско Тиретхолла вынуждено укрываться в крепости, близь Корстейта объявились Шалас “Висельник” и Дрейк “Весельчак”. Какое-то время два главаря разбойников воевали друг с другом, но видимо в конечном итоге о чем-то договорившись, объединили свои силы и открыто вступили в город.

Насколько бы не велика была численность повстанцев их армия делилась на десятки, а то и сотни маленьких разоб-щенных групп со своими собственными лидерами. В каждую такую группу входили вчерашние фермеры и пекари, лесорубы и шахтеры, люди которые за всю свою жизнь никогда не держали в своих руках оружие.

В итоге армия повстанцев ничего не смогла противопоставить, хорошо вооруженным и закаленным в боях с патрулями и наемниками, бойцам объединенных банд.

На шестой день власть в городе окончательно перешла к двум вторгнувшимся разбойникам, и хотя местами все еще разгорались вялые протесты и небольшие восстания, они резко и жестоко пресекались. А о попытках вывести гарнизон стражей против бесчинствующих разбойников не могло быть и речи, так как объединенные силы Шаласа и Дрейка

значительно превышали остатки самих гвардейцев.

Ночь ознаменовалась предательством. До сих пор так и не известно кто, и руководствуясь какими целями, опустил мост, соединявший город с крепостью, но именно в ночь шестого дня Тиретхолл окончательно пал.

К счастью или, к сожалению, но ворвавшиеся разбойники нашли крепость полупустой. Сэр Хью, мастер Арвуд, и практически весь оставшийся гарнизон стражей просто исчез, оставив крепость на разграбление.

Голодные люди из числа горожан, и привычные к грабежу бандиты устремились прямо на склады и в покои лорда, практически не обратив никакого внимания на оставшихся в крепости мальчишек. При первой возможности Тима и Вилла забрала миссис Дьюрер в надежде укрыть детей от обезумевшей толпы.

Седьмой день город воспринял беспокойно. Сбросив с себя одного узурпатора люди посадили двух, но в разы опаснее предыдущего. Новое восстание назревало и в воздухе висел лишь один вопрос: как скоро кровавая волна вновь захлестнет город? Численность горожан все-таки превышала численность объединенной бандитской шайки, и если положение в ближайшее время не изменилось бы, то вскоре оба разбойника рисковали оказаться в том же самом положении, что и бежавший комендант.

Выход из сложившегося положения не заставил себя долго ждать. Собрав на главной площади как можно больше

горожан оба разбойника провозгласили следующее: новым владыкой до возвращения законного правителя назначается Тим, самый близкий друг юного лорда и чуть ли не приемный сын покойного Натаниэля Аргера.

А о том хочет ли мальчик возглавить целое владычество его даже не потрудились спросить. В пристройку миссис Дьюрер просто вломились несколько вооруженных разбойников и чуть ли не силой оттащили Тима в Большой зал. Уже там, на глазах сотен вооруженных воинов ему сообщили, что с этого момента и до возвращения Кэйла Аргера он возглавит Тиретхолл в качестве законного лорда.

Перед собравшейся толпой, прямо на площади, оба разбойника преклонили колени перед мальчиком, поклявшись служить и защищать своего нового господина, того же потребовав и от горожан. С этого момента так же создавалась новая армия, состоявшая из бывших разбойников и пожелавших в нее вступить горожан и крестьян, целью, которой становилась охрана земель Тиретхолла от гнева ордена и выяснение судьбы юного Аргера.

Тем самым разбойникам удалось успокоить значительную часть населения, пообещав возвращение порядка и мирной жизни. Оставшихся, особо ретивых, просто-напросто повесили или прилюдно закололи, обвинив в пособничестве либо узурпатору, либо в разжигании нового восстания.

Прошедшие погромы полностью уничтожили лавки купцов, как и их самих, а нападение на крепость окончательно-

но уравнила финансовое и классовое положение населения. Жители города и ближайших деревней превратились в скопище нищих, запуганных муравьев, готовых выполнять любой приказ, лишь бы защитить то немногое что им еще удалось сохранить.

На девятый день был запланирован совет, которого с волнением и ожидал Тим, сидя в малом зале.

– Господин, разрешите? – в дверях появился высокий человек в повязанном поверх головы темном платке, лишь отчасти скрывавшем не менее темные длинные волосы. Одной рукой он разглаживал короткие усы и треугольную бородку, попутно скрывая от мальчика хищную улыбку, другой держал несколько пожелтевших свитков. Его левое ухо было проколото тремя маленькими колечками, а одежду составляли черный бархатный камзол с серебряной узорчатой вышивкой на плечах, из гардероба покойного лорда, и потрепанные старые бриджи.

– Да, сэра Дрейк, проходите, – с трудом совладав с дрожью в голосе, произнес Тим.

– Больше никто не придет, мой господин. Сегодня только я составлю вам компанию, – разбойник подошел к столу и начал аккуратно разворачивать свитки, располагая их перед Тимом.

– Почему? А Вилл, мой отец?

Страх ребенка было легко понять. Он не имел ни малейшего представления о том, что от него требуется, что он

должен приказывать и говорить, будучи новым лордом. Но с другой стороны, что Шалас, что Дрейк всегда действовали по своему усмотрению и с неохотой, если не с открытой враждебностью, воспринимали любые попытки Тима как-то управлять городом и в частности своими приближенными. Из двух разбойников к Тиму всегда приходил лишь Дрейк, подсовывая разные бумаги и диктуя слова для различных речей и посланий, что же касается Шаласа, он был и вовсе не управляем.

Своим первым указом, и именно своим, Тим постарался окружить себя близкими и родными людьми. Борясь с неимоверным давлением довольно грозных уговоров Дрейка мальчик все же смог назначить своего друга комендант-командующим. Теперь Вилл был всегда рядом и оба разбойника формально находились в его подчинении.

Подобная инициатива разозлила доселе холодного и спокойного Дрейка, а Шаласа же и вовсе взбесила, сподвигнув разбойника, у всех на глазах, пригрозить: “повесить этого наглого сопляка на воротах треклятой крепости”. Но как бы то ни было указ был оглашен, а Шалас, под давлением Дрейка, был вынужден принести извинения за необдуманные слова.

В итоге в свиту Тима попал не только Вилл, но и отец, назначенный главным советником. Миссис Дьюрер перебралась в личные покои лорда, где теперь и ночевала, негласно охраняя Тима от возможного покушения.

– Мой господин, сэр Шалас и комендант-командующий Виллиам отправились в капеллу “Вечерней Зари” по приказу Повелителя. От них уже есть вести, и я вам обязательно их сегодня сообщу. Что касается вашего отца, он принимает пострадавших фермеров. И я вынужден принести свои искренние извинения, так как в этом от части есть и моя вина. Мои люди еще не приучились к новой жизни и немного набедокурили.

Даже при всей видимой покорности и учтивости Дрейк являлся гораздо опаснее истеричного Шаласа. “Весельчак” был всегда холоден и расчетлив, никогда не повышал голос и отличался невероятной жестокостью.

Оба главаря разбойников не первый год доставляли множество проблем, как жителям, так и гвардейцам Тиретхолла, но за все это время никто, ни разу не видел и не слышал, чтобы кто-то из них почитал Пророка или какого-либо древнего Темного Бога. Обосновавшись же в крепости они оба без конца твердили о каком-то незримом существе, выполняя все его приказы и при любом удобном случае напоминали своим людям что гневить Повелителя лучше не стоит.

В первый же день, после захвата крепости, в нее приволокли всех найденных портных и их подмастерьев, приказав сшить стяги и знамена. Два разбойника – долгое время являвшиеся непримиримыми врагами, вдруг в одночасье стали самыми близкими друзьями.

– Мой господин, я думаю, мы можем начать совещание? –

развернув перед Тимом карты всех пяти владычеств Долины, Дрейк стоял ожидая его позволения.

– Да, – в растерянности произнес мальчик.

– Хорошо. Вчера, пока ваш верный слуга занимался нуждами пострадавших горожан, сэр Шалас по приказу Повелителя был вынужден покинуть крепость, в дорогу был взят и комендант-командующий Виллиам. Прошу прощение, мой господин, что вы узнаете об этом только сейчас. Это моя вина. Но сегодня утром мы уже получили первые известия об их походе. Следуя к капелле “Вечерней Зари” отряд сэра Шаласа наткнулся на людей узурпатора и в ходе погони и состоявшегося сражения все предатели были пойманы и допрошены. К сожалению, преследуя повстанцев сэр Шалас отклонился от маршрута, остановившись в таверне “Домашний очаг”.

В ходе допроса предатели отказались выдать место положение узурпатора и были показательно повешены прямо перед таверной, дабы любой проезжающий путник мог узреть последствия неповиновения вам, мой господин. Но есть и приятные новости, как оказалось проклятый узурпатор уже начал собирать против вас людей, но был вовремя остановлен. Ворвавшись в придорожную таверну сэр Шалас обнаружил там целый штаб повстанцев. Многих перебили на месте, других повесили рядом с предателями. Так же сэр Шалас с прискорбием извещает, что ему не удалось захватить в плен хозяйку этого постоялого двора, так что если вы, мой госпо-

дин, не направите туда своего человека, то вскоре таверна прекратит свое существование.

– Она погибла? – осторожно перебив Дрейка спросил Тим.

– Нет, мой господин, ей удалось скрыться.

– А как ее звали?

– Марта, мой господин. И по всей видимости именно она в ответе за собиравшееся там войско, симпатизирующее узурпатору. К сожалению, на этом плохие новости не заканчиваются. Еще при жизни лорд Аргер созвал Совет Пяти, и он должен был собраться в Тиретхолле, но как только новость о гибели лорда и беспорядках распространилась по всей Долине совет был перенесен в крепость Рейвин, где и соберется через три дня. На него придут лорды всех оставшихся четырех владычеств и, конечно же, представители ордена Ирдром. Предполагаю, что тот самый епископ, убивший лорда Аргера, скорее всего уже прибыл в Солас Мор. Что означает что Великий Магистр теперь хорошо осведомлен о происшедшем здесь и, потерпев, неудачу в попытке смены власти, сделает все что бы уничтожить вас. Так же я более чем уверен, что на совете представители ордена будут настаивать, что именно вы спровоцировали погромы и спланировали покушение на законного лорда. Орден сделает все возможное, чтобы склонить оставшихся четырех владык на свою сторону и подтолкнет их пойти на вас войной.

– Тогда я должен поехать на Совет и рассказать правду

о смерти лорда Аргера. Рассказать, что мы ведем поиски Кэя... – мальчик, нервничая, теребил полы своего камзола, смотря прямо на грозного разбойника, стоявшего перед ним.

– Да, я рад что мы пришли к одинаковым выводам, мой господин, – Дрейк прервал сбивчивую речь Тима и приблизившись к мальчику навис над ним темной тучей, – Я полагаю, вы должны явиться на совет, но совсем не для того чтобы убеждать этих трусливых боровов. Для них вы убийца и узурпатор. Эти владыки, – с нескрываемым презрением произнес разбойник, – выполняют любой приказ, поступивший из Солас Мора. И если вы, мой господин, проявите хоть мимолетную слабость и неуверенность в своих словах или поступках, вас тотчас схватят и казнят прямо в Рейвине. Но не беспокойтесь, мы нанесем удар первыми.

По традиции прибывшие на совет лорды оставляют свою охрану перед воротами крепости. Этим мы и воспользуемся. В знак чистых помыслов вы прибудете в Рейвин с отрядом всего из десяти человек. Пока вы, в моем сопровождении, будете восседать на совет, наш небольшой отряд будет находиться у всех на виду и всячески привлекать к себе внимание. Тем временем в город тайно проникнут мои люди. Разделившись на две группы они будут выполнять следующее: первая – человек шесть облачатся в балахоны монахов, тем более что после показательной казни всех этих тварей их одежды у нас хватит на целую армию, и беспрепятственно проникнут на совет; вторая – сольется с отрядами и армия-

ми других лордов.

Как только мои люди, принятые за представителей ордена, проникнут в зал совета, мы начнем действовать. По моему приказу они обнажат кинжалы и избавят нас от зажавшихся лордов и их подпевал. Тем временем группа, слившаяся с охраной лордов начнет провоцировать их, подталкивая воинов войти в крепость...

– Ты предлагаешь убить...

– Мой господин, иного выхода нет. Если мы не нанесем удар первыми, в самом лучшем случае к нашим границам хлынут объединенные армии четырех владычеств и, даже не надейтесь, что вас будет кто-то слушать. В худшем же, как я уже сказал, вы не покинете крепость Рейвин живым. Для них вы убийца и узурпатор, и это я тоже уже упоминал. Полагаю, мне лучше заняться самому всей подготовкой. Завтра с утра мы отправляемся. Выспитесь, мой господин, – Дрейк низко поклонился и одним движением, смахнув все карты со стола, покинул малый зал.

Утром первым кого увидел Тим была миссис Дьюрер. Женщина шаркала по комнате, распахивая теплую одежду по двум увесистым мешкам.

– Тим, малыш, просыпайся. Черный за тобой уже присылал, он ждет тебя во дворе, – Черным миссис Дьюрер называла Дрейка, так как в гардеробе разбойника в основном преобладали темные, мрачные тона.

– Отец вернулся? – мальчик сонно растирал глаза руками, сидя в постели.

– Нет, – печально произнесла бывшая кастелянша, на мгновения перестав собирать вещи. – Ты не должен никуда ехать. Черный опасен. Опаснее многих. Вилла они тоже увезли. Твой отец пропал. Я не знаю, что у него на уме, но хорошо все это не кончится. Тим, в Долине не потерпят лорда-разбойника. За его голову назначена награда не только в Тиретхолле, но и в других владениях. Рано или поздно оставшиеся лорды придут за ним.

– За ним не придут. Дрейк опасен, да, может быть, но он служит мне и защищает наши земли. Он был разбойником, но все имеют право на второй шанс.

– Малыш, он тебя испо...

– Я не малыш! Прекратите уже относиться ко мне как к ребенку! Что отец, что ты... Я лорд и теперь я принимаю все решения, сам, какими бы тяжелыми они ни были!

Миссис Дьюрер помогла мальчику одеться и вынести вещи во двор, где их сразу же перехватили подручные Дрейка. По-матерински обняв ребенка, она не покидала двора пока отряд не выдвинулся в путь.

– Где мой отец? – поравнявшись с Дрейком, требовательно произнес Тим. – Я его не видел со вчерашнего дня.

– Мой господин, я понимаю вашу обеспокоенность, но мои люди делают все возможное дабы скорее его отыскать.

– Ты сказал, что он принимал фермеров. Он что, пропал?

– Да, мой господин. Все так и было, он общался с пострадавшими, но куда ваш достопочтимый отец направился после пока что неизвестно.

– Ты понимаешь, что ты несешь?! Как он мог пропасть? Найди его! Я хочу, чтобы к моему возвращению он был в крепости! – Тим еле сдерживал накатывавшие слезы.

– Я все понимаю, мой господин. В таком случае я вынужден ненадолго оставить вас, чтобы дать последние поручения перед нашим отъездом.

Погода выдалась холодной, туманной и дождливой. Жаркие дни, вызвавшие засуху, сменились на холодные и ветреные. За все время в пути на небе из-за туч так и не выглянуло солнце. Отряд, возглавляемый Дрейком двигался довольно быстро, остановившись лишь раз на короткий ночлег глубокой ночью.

Из Тиретхолла отряд вышел за три дня до начала совета, но разбойник настаивал, что им любой ценой было необходимо добраться до крепости Рейвин уже завтра вечером, а еще лучше днем.

Крепость Рейвин, единственный портовый город во всех пяти владычествах, отличалась мрачностью и серостью пейзажей, особенно сейчас, когда небо застилала одна большая белая пелена.

Пепельно-серые стены украшали десятки статуй и баре-

льефов, изображавшие летучих мышей. За долгие годы морской воздух успел изрядно подпортить когда-то красивые каменные изваяния, превратив их в бесформенные белые массы. Город создавал впечатление одного огромного полуразрушенного надгробия.

Все пространство перед городом занимали хаотично разбросанные палатки и кострища. В отличие от Тима остальные лорды привели с собой целые армии, которые теперь ютились у стен, ожидая возвращения владык.

Тем временем к ним уже спешили облаченные все в такие же пепельно-серые одежды воины из местной гвардии. Окружив отряд, они обнажили мечи, а на стене появился довольно упитанный низкорослый мужчина.

– Я удивлен, – пробасил он, – тебя разыскивают по всей Долине, а ты так в наглую смеешь заявляться. Ну что ж, Дрейк... как там тебя? Ладно, не важно, ты обвиняешься в нападениях на странствующих купцов, разграблении нескольких деревень, множестве убийств и приговариваешься к смерти. Схватите его, – под конец своей речи скомандовал толстяк.

Выслушав обвинения, разбойник спешил и в абсолютной тишине обнажив свой меч, бросил его к ногам пепельных рыцарей.

– Вы обвиняете меня в нарушении законов, которые не намерены исполнять сами, – спокойным, ровным голосом произнес он. – Я не собираюсь сопротивляться, но... Арест пер-

вого командующего армией Тиретхолла и, как я смею предположить, самого лорда, – Дрейк, развернувшись поклонился перед Тимом, указывая на него рукой, – повлечет за собой определенные последствия. Если мне не изменяет память, то на Совет Пяти принято приходить без оружия, что мы и сделали, чего не скажешь об остальных лордах.

– Этот щенок новый лорд? Даже если так, за убийство Натаниэля и самовольный захват власти этому мальчишке грозит смертная казнь. Но об этом позже, схватить обоих.

– Что ж, так чтят традиции великие лорды. Господа, – Дрейк развернулся к своему небольшому отряду, – боюсь нам придется сдаться. Но перед этим, – разбойник вновь обратился к толстяку на стене, – *лорд Вамос* имейте ввиду нравится вам это или нет, но народ Тиретхолла признал, как вы выразились, "*этого щенка*" своим лордом. Более того, он направил "*этого щенка*" на совет в надежде, что великие лорды помогут покарать убийцу Натаниэля Аргера.

– Но этот мальчишка... – ошарашенный спокойствием и самоуверенностью разбойника, сбивчиво пролепетал лорд.

– Этот "*мальчишка*" – лорд Тиретхолла! – за все время короткой беседы Дрейк впервые повысил голос.

– Хорошо. Раз так велит традиция этот ма... лорд будет допущен в город и на совет. Добро пожаловать, – гневно проорал владыка и, взмахнув рукой, повелевая открыть городские ворота, покинул стену.

– Обратной дороги больше нет. При таком скоплении на-

рода он не осмелился тебя схватить, нарушив древнюю традицию, но в крепости все будет иначе. Тебя не выпустят отсюда живым, – прошептал Дрейк, вернувшись в седло.

Оказавшись в городе, а позже и в крепости Тима в сопровождении лишь одного Дрейка проводили в тесную практически пустую комнату в дальнем, заброшенном крыле замка. Пока мальчик наслаждался выдавшейся возможностью перекусить припасами, что собрала в дорогу миссис Дьюрер, Дрейк, нервничая, ходил из угла в угол.

– Почему они засунули нас в это каменную клетку. Карим уже давно должен был войти в город, а совет начаться.

– Может настоящие монахи приехали раньше или стражи поняли, что твои люди всего лишь подделка? – Тим осторожно прервал раздумья разбойника.

– Нет. Балахоны этих святош из Зари и перстень-печать скотины Таймона должны убедить стражей. Они бы не посмели остановить носителя печати, а подлинных монахов ждет на тракте небольшой сюрприз. Сиди здесь, не высывайся, пока я за тобой не приду! Я должен поговорить с этой свиньей Вамосом.

Поймав первого попавшегося слугу, Дрейк чуть ли ни пинками заставил бедолагу отвести его в кабинет лорда.

– Чего тебе надо?! – прокричал взбешенный владыка, видя перед собой испуганного побитого парнишку и черного, не менее разъяренного, разбойника. – Я сейчас позову стра-

жей! Имей ввиду!

– Остальные лорды уже прибыли? – не обращая никакого внимания на возмущения лорда, Дрейк зашел в кабинет, попутно выпнув из него мальчишку-слугу.

– А тебе какое дело? – фыркнул немного успокоившийся владыка.

– Я хочу, чтобы совет состоялся сегодня же. У моего господина очень мало времени.

– Мне-то какая разница? Совет состоится завтра, либо после завтра, не раньше. Только-только прибыли монахи ордена. Хочет он...

– Слушай ты, – грозно прошептал разбойник, – всего пару дней назад по всему Тиретхоллу шли погромы. В городе царили хаос и смерть. Люди убивали ради крошки хлеба. Ценой невероятных усилий погромы удалось прекратить и обнищавшие горожане, и фермеры увидели надежду на порядок и спокойную жизнь в моем господине, в том самом мальчишке, которого ты посмел назвать убийцей. А теперь представь. Их новый лорд – надежда на закон и справедливость – пропал. И как думаешь, долго ли жалкая кучка вояк сможет поддерживать этот хрупкий порядок без того, кто его создал, того, кому поверили люди и сложили оружие? Но что гораздо интереснее, попробуй предположить, куда направиться вся эта голодная, озлобленная толпа? Где она будет искать новую жизнь, у кого попросит помощи? В лучшем случае улицы твоего города будут заполнены сотнями голодранцев, умоля-

ющих о сострадании, в худшем же они уйдут в леса и начнут добывать свою краюху хлеба силой. Так что быстро сообрази, что ты должен сейчас сделать и ответь мне, прибыли ли остальные лорды?

– Д-д-д-да, – заикаясь, пробормотал в конец побледневший владыка.

– Хорошо, – в таком случае я сообщу моему господину, что его ожидают на совете.

Вамос так и остался на месте, продолжая что-то бормотать, наблюдая за идущим прочь человеком.

Совет состоялся в главном зале. За длинным столом сидели все пять лордов со своими личными камердинерами и семь монахов в грязных балахонах. Городская стража, по двое у каждой из двух дверей, стояла снаружи, не пропуская никого внутрь.

– Достопочтимые господа, – произнес Дрейк, как только все участвующие стороны расселись по своим местам, – вы не будете против, если я скажу всего пару слов, которые, как мне кажется, так важны сейчас? – оглядев сидящих за толмой угрюмых лордов и темные непроницаемые капюшоны монахов, разбойник продолжил, – хорошо. Знаете, мой отец всю свою жизнь проработал в каменоломне. С утра и до самой поздней ночи. Работа его убивала. Когда его возраст был равен моему или вашему, как вам будет угодно, он уже выглядел как дряхлый старик. Наблюдая за ним, я решил, что сде-

лаю все, что смогу только бы не повторить его судьбу. По-
взрослев и вырвавшись из-под опеки матери я пошел к лорду
Аргеру. Я мечтал стать стражем, в крайнем случае гвардей-
цем, и судьба мне улыбнулась. Меня взяли в гвардию стра-
жей Тиретхолла, где я прослужил добрых восемь лет, пока
не повстречал одного наглого воришку. Не буду вдаваться в
подробности, скажу лишь, то обстоятельства сложились так,
что лорд был вынужден... – разбойник на мгновение замол-
чал, собираясь с мыслями, – меня выгнали из стражей с по-
зором. С того дня утекло много воды, но за все последующие
годы грабежей и разбоев я никогда не осмеливался напасть
на членов семьи или ценности моего бывшего господина. И
по сей день, я уважаю этого человека, как и память о нем.
А теперь пара слов о вас, достопочтимые лорды. Я пробовал
присоединится к гвардиям ваших владычеств, пробовал на-
чать жить заново как ремесленник, но всякий раз меня вы-
швыривали как...

– И долго мы еще должны выслушивать твое нытье? Лич-
но мне нет никакого дела до твоей жизни и твоих желаний,
планов. Единственное место, где тебе будет рады это город-
ская виселица, – наконец, устав слушать, проворчал сторб-
ленный худой старик, потирая свою редеющую седую бород-
ку.

– Лорд Вильгельм, поверьте, об этих мгновениях мечтает
любой живущий на земле, а вы их так раздраженно преры-
ваете, – переведя взгляд на старика с улыбкой ровным, спо-

койным голосом произнес разбойник.

– Лорд Вамос сообщил мне о том, кто твой патрон. И только из уважения к лорду Вамосу и древним традициям ты все еще имеешь право что-то говорить. Так что сядь, заткнись и не лезь в дела, о которых не смыслишь.

– Что ж если таково желание достопочтимого лорда...
КАРИМ!

В то же мгновение все семеро монахов вскочили со своих мест. Первый, подлетев к сидящему старику, вонзил кинжал в его спину, пригвоздив лорда к столу. Остальные поочередно убивали испуганных, растерянных владык и их помощников.

Все произошло довольно стремительно и практически без единого звука. Монахи в мгновение ока перебежали от жертвы к жертве. Кому-то зажимали рот, кому-то просто перерезали глотки.

После, четверо стянув с себя балахоны, с помощью удавок затащили в зал, стоявших у дверей, стражей. Задушив гвардейцев, они быстро переоделись в их одежду, а на мертвых воинов натянули балахоны монахов.

– Сэр Дрейк, все готово, – расправляя тесный мундир перед Тимом и переводившим дыхание Дрейком, стоял страж Рейвина.

– Да, Карим, благодарю. Позови людей, – переодетый страж выбежал из зала, а разбойник повернулся к Тиму.
– Печальное зрелище, не правда ли, мой господин? Но у нас

просто не было выбора, – Дрейк вытер окровавленный кинжал, полученный им от одного из лже-монахов, о дорогие одежды дряхлого лорда и присев, на краешек стола, напротив Тима, посмотрел ему в глаза. – Все прошло как нельзя лучше. Ты сделал все правильно. Сам посмотри, они ведь даже не осмелились досмотреть монахов. Если бы здесь были настоящие служители ордена, мы могли быть уже мертвы, – разбойник взмахнул рукой и трое уже переодевшихся в облачение стражей Рейвина разбойников набросились на тройку своих приятелей, которые все еще оставались в балахонах. – Но пойми, необходимо чтобы все выглядело действительно правдоподобно и этот зал не должен покинуть не один лорд, – с этими словами разбойник размахнулся и нанес удар.

16

– Шевелись, – грубо толкая руками, Тайю вели два вонючих, грязных наемника.

Остановившись перед массивной телегой с встроенной в нее тяжелой стальной клеткой, мужчины подозвали к себе местную охрану. Переговорив с подошедшим воинами, они выволокли, сидевших внутри трех с виду тощих, бродяг и зарубили их прямо на глазах у девушки.

– Добро пожаловать в твои новые апартаменты, давай, забирайся, – разбойник схватил Тайю за руку и буквально забросил ее в внутрь.

Даже не потрудившись убрать остатки тел трех мертвых рабов, наемники вновь заперли клетку и разошлись, оставив в охрану пленницы лишь одного воина.

– Я сверну тебе шею, ублюдок! – из палатки алхимика вырвался человек.

Хромая, преодолевая боль, Халэн ковылял в сторону повозки, бранясь и угрожая убить каждого, кто посмел прикоснуться к его племяннице. В его руке вновь оказалась палка, которой он совсем недавно пытался запустить в бедного Эллириона. Неуклюже размахивая ей, так слово в его руке был меч, искалеченный воин бесстрашно приближался к раздраженному таким поведением охраннику.

– Он болен, он не в себе, – между уже подлетевшим к повозке Халэном и не на шутку разъяренным наемником возник алхимик.

– Я не в себе?! Я и тебе сейчас шею сверну! – орал Халэн, размаивая палкой.

– Уйди с дороги! Пусть этот пес ответит за свои слова! – кричал в свою очередь на крохотного алхимика воин.

– Ты хочешь испортить товар? – все тем же требовательным тоном продолжал Эллирион, не отводя взгляда от охранника.

– Как ты меня назвал, скотина?! Товар?! Сейчас я тебе покажу товар! – Халэн вновь замахнулся, но лишь чудом не попал в во время отскочившего алхимика.

Воспользовавшись моментом и отсутствием препятствия

до зарвавшегося раба, наемник выхватил меч и перешел в атаку.

– Ты не понял, что я сказал?! – прокричал Эллирион, понимая, что крепкому воину хватит и одного точного удара, чтобы прикончить его практически беспомощного подопечного.

– Тут нечего портить. Да кому он нужен вообще, – наемник на мгновение остановился, уклонившись от очередного удара.

– Это решать не тебе. Раз его сюда привезли, раз мне поручили уход за ним, значит он нужен. Или ты считаешь, что твое мнение выше...

– Ладно, ладно, только убери от меня этого *больного*.

– Прекратите Халэн. Да послушай же ты! – уклоняясь от яростных ударов, Эллирион пытался как-то успокоить мужчину. Уловив короткий момент, алхимик обеими руками вцепился за конец пролетающую мимо его головы палки и, приблизившись максимально близко к красному, запыхавшемуся лицу своего пациента прошептал: – Что ты творишь? Ты еле на ногу держишься. Что ты решил сделать? Сдохнуть на глазах своей племянницы? У тебя нет никаких шансов одолеть и одного охранника, а если завяжется драка, сюда сбегутся десятки.

– Я не позволю держать ее в клетке словно какое-то животное! – прошипел бывший воин, из всех сил стараясь вырвать свое оружие из цепких пальцев алхимика.

– Идиот, силой ты ей сейчас не поможешь. В первую очередь нужно разобраться, что произошло и успокоить ее, а ты лезешь на меч! От твоего окровавленного трупа пользы никакой не будет. Иди обратно в шатер, я постараюсь выяснить что случилось. Меня к ней попустят, а дальше уже решим, что делать. Ты меня понял? – требовательно, не отводя взгляда от глаз Халэна, прошептал алхимик.

Мужчина медленно отпустил палку, оставив ее в руках алхимика и бросив грустный взгляд в сторону своей племянницы, поковылял обратно в шатер.

– Куда это ты собрался? – дорогу Эллириону преградил все тот же охранник.

– Я должен осмотреть ее.

– Таких указаний не было! Убирайся с моих глаз!

– Вы чуть ли не по земле волокли ее сюда, а в таких условиях даже маленькая царапина может убить это дитя. Я сейчас уйду, но если она не переживет эту ночь, я сообщу, что именно ты не дал мне осмотреть товар, – невозмутимо продолжал Эллирион, не смотря на стоящего перед ним взбешенного и демонстративно сжимавшего рукоять меча наемника.

– Иди, – охранник, словно, выплюнул разрешение. Отперев скрипучий замок клетки, он пропустил вперед маленького алхимика и, в молчаливой ярости хлопнув железной дверью, запер за ним.

– Что же ты натворила... – Эллирион усердно делал вид,

что пристально осматривает руки и ноги пленницы, искоса поглядывая на ее лицо. – Ахмад не злой человек, поверь мне. Я не знаю, что на него нашло, но уверен, что вскоре он пошлет за тобой и накажет этого наглеца, да и других, за столь грубое обращение с тобой.

– Спасибо, что удержали дядю, – прошептала девушка и из ее глаз медленно потекли крупные капли слез.

– Дорогая, не надо, – Эллирион провел своей шероховатой мозолистой рукой по щеке девушки, стирая влагу. – Прости его, просто не знаю, что на него нашло. Все будет хорошо, я обещаю те...

– Это не Ахмад, – девушка уткнулась лицом в плечо мужчины не в силах больше сдерживать слезы.

Как только девушка прижалась к плечу алхимика охранник, до этого стоявший в отдалении, не выдержал и стремительно направился к повозке с пленницей.

– Прекратите болтать! Ты осматривать ее пришел, так осматривай или я сейчас тебя отсюда выкину! – проорал он, сжигая взглядом мужчину и рыдающую девушку.

– Как я по-твоему должен узнать болит ли у нее что-то не разговаривая с ней?! Ты видишь, что с ней происходит? До чего вы ее довели? – резко, без какого-либо страха ответил алхимик.

– Видал я такое и не раз. Ты закончил? Выметайся!

– Она не в себе, ты не непрошибаемый идиот. Не мешай мне или я скажу, что виноват в этом ты.

– Только посмей старикашка и заставлю тебя жрать свои же собственные потроха! – охранник сплюнул и, смерив ненавидящим взглядом сидевшую в клетке пару, отошел на свое прежнее место.

– Не Ахмад? Он знает, где ты? – прошептал он, убедившись, что наемник их снова не слышит.

– Нет.

– Все тогда понятно, не волнуйся, я сейчас же отправлюсь в его лагерь. Он наверняка уже ищет тебя...

– Ахмад мертв. Он подавился костью у меня на глазах.

– Мертв... – шокированный новостью, повторил алхимик.

– Что теперь со мной будет?

– Приют любви...

– Что? – Эллирион молчал. Задумавшись, он крепко обнял девушку, осторожно поглаживая ее по голове.

– А что с Реноном и Барендом? – наконец, сиплым, слабым голосом прохрипел в конец постаревший алхимик.

– Пузырь пообещал им оплатить все долги Ахмада и еще добавить.

– Значит, он завладел всеми... – Эллирион порылся в карманах своей жилетки и извлек небольшую колбу с темной коричневатой-красной жидкостью. – Дорогая выпей это, – алхимик отстранил от себя девушку, протягивая ей колбочку.

– Что это? – Тайя все еще шмыгала носом и утирала слезы.

– Яд...

– Яд?! – от ужаса у нее округлились глаза, отпрянув от старика, она изо всех сил постаралась вырваться из его объятий.

– Послушай, я не желаю тебе зла. Я ухаживал за твоим дядей и поставил его на ноги, да так, что теперь сам жалею. Я не пытаюсь тебя убить, – Эллирион мягко успокаивал брыкающуюся девушку. – Тайя, пожалуйста. Если ты это выпьешь тебе будет плохо, но ты не умрешь. Поверь мне, прошу, – алхимик оглянулся в сторону, идущего к ним, охранника. – Мы привлекли слишком много внимания, прошептал он, – я оставляю ее тебе. Я не желаю тебе зла, поверь...

– Судя по всему она больше не нуждается в твоём "осмотре", – ехидно заметил подошедший наемник. – Выметайся давай.

Сунув колбу девушке в руки, алхимик встал и быстро вышел, уводя за собой и охранника.

Тайя, дрожа от холода, тревоги и страха, лежала на холодном подгнившем полу своей темницы. Солнце уже давно село, погрузив лагерь в мрачные сумерки. Холодный ветер колыхал язычки пламени далеких костров и разносил кричающий гогот наемников.

Все это время девушка думала о словах алхимика, о том, что ожидает ее на рассвете, что ожидает ее по прибытию на Кальдеру. Закрыв глаза, она глубоко вздохнула и, вырвав

пробку из склянки, полученной от Эллириона, одним глотком выпила все ее содержимое.

От горького вкуса ее передернуло, но на этом неприятные ощущения закончились. Эффект не торопился себя проявлять, но когда же яд, наконец, стал осваиваться и овладевать организмом, то первый удар пришелся на живот.

Накатившая пульсирующая боль разгоралась мучительным очагом где-то глубоко внутри, отзываясь в каждом кончике пальцев и не давая свободно дышать. Скрючившись, словно пытаясь сжаться в комок, девушка попыталась позвать на помощь, но вместо слов из горла вырвался болезненный крик.

– Эй, ты чего? – между прутьев возник охранник с опаской наблюдая за извивающейся пленницей.

За первым криком последовал и второй, вскоре потонувший в череде стонов и рыданий. В глаза ударила ослепляющая вспышка. Все вокруг казалось таким ярким и нечетким, вслед за ней все пространство стал заполнять нарастающий гул, оглушающий девушку.

Голову будто бы сжимали, а в каждый дюйм кожи впились крошечные иглы. Боль охватывала все новые и новые участки тела, распространяясь жгучими очагами. К горлу поступала рвота.

– Что с ней? Ты же ее осмотрел? – к настезь распахнутой клетке бежал все тот же наемник, но уже толкая перед собой Эллириона. Днем гордый и агрессивный воин сейчас по-

ходил на испуганного мальчишку, умоляющего сделать хоть что-нибудь.

– Быстро. Сообщи господину Азулю что с ней. Ее нужно перенести в более подходящее место... – Тайя услышала голос алхимика, каким-то приглушенным. Мужчина на мгновение показался прямо перед ней, и темная пелена все поглотила.

Вернувшийся охранник привел с собой четверку запыхавшихся наемников, видимо присланных Азулем. В спешке воины пригнали одну из телег, перевозившей провиант и прочий груз, откуда-то из глубин лагеря рабов. Выгрузив все ее содержимое, они набросали поверх подгнившего деревянного основания любые, найденные ими тряпки и одежды. Удостоверившись в надежности будущих носилок, на них перенесли, находящуюся в полуобмороке, девушку. Как только погрузка была закончена, а алхимик дал разрешение на транспортировку, процессия покинула лагерь рабов, направляясь к пологому холму на горизонте.

В короткие мгновения, когда темная пелена, застилавшая взор, спадала, Тайя видела сидящего рядом с ней Эллириона. Алхимик с тревогой наблюдал за состоянием девушки, не отпуская ее руки.

Боль медленно отступала, притупляясь, но охватывая все тело целиком. В ушах стоял гул, словно ее окружал рой мошкар, к горлу подступали рвотные позывы и то и дело она

теряла сознание.

Уже на холме повозку встречала группа воинов и встревоженный, сонный толстяк.

– ... отравили? – до нее донесся писклявый голос пузыря.

Эллирион что-то коротко ответил испуганному толстяку, но этот жуткий, никак не желавший смолкать гул застилал слова мужчины, а вновь нахлынувшая темная пелена окончательно поглотила окружавшую ее реальность.

Повозка вновь двинулась вперед, остановившись перед пустующим шатром Ахмада. Осторожно подхватив тело девушки, наемники перенесли ее внутрь и так же осторожно положили на груды подушек и мягких, воздушных одеял.

Проснулась Тайя не сразу. Первое что бросилось ей в глаза, было отсутствие чуть колыхавшихся от ветра стен шатра, сейчас их заменяли доски. Комнату, в которой она лежала, заливал яркий свет, воздух был чистый, свежий и на удивление прохладный.

Протерев сонные глаза, она несколько раз моргнула, привыкая к лучам утреннего солнца.

– Как ты себя чувствуешь, моя дорогая? – раздался где-то, совсем рядом, знакомый голос.

Девушка попыталась привстать, но в то же мгновение все вокруг закружилось, и чьи-то руки бережно помогли ей лечь обратно.

– Не вставай пока, он сказал, что тебе нужно больше

спать, – в лучах солнца показалось лицо Халэна. Дядя ласково улыбался и с нежностью гладил племянницу по голове.

Но кроме улыбки на его лице виднелись множество синяков, а губа была и вовсе разбита.

– Что случилось? Почему ты так избит? – к девушке еще не до конца вернулись силы, и вопрос прозвучал слабо, практически шепотом.

– Главное я теперь рядом. Тебя не тошнит? Он сказал, что тебя может затошнить, когда ты проснешься.

– Что случилось? – требовательней произнесла она, отстранив от себя руку дяди.

Халэн на мгновение опустив глаза, сдавленно произнес:

– После вчерашней потасовки, что ты видела, я вернулся в шатер и стал ждать, когда, *этот* вернется и скажет, почему тебя посадили в клетку. Когда он, наконец, вернулся, то сказал, что все очень плохо. Сказал, что я должен ждать, что у него есть план. И я стал ждать, но ждал я ночи. Я хотел прокрасться и оглушить этого ублюдка, так как в честном бою, как оказалось, шансов победить его у меня нет. Солнце только-только опустилось, лагерь еще бодрствовал. Было еще слишком рано, но вдруг мы услышали крик, твой крик. *Этот* сразу вылетел из шатра, а я за ним. От клетки к нам уже бежала та тварь, что затолкала тебя внутрь, и я было уже приготовился снова вступить с ним в бой, но он подхватил *этого* и чуть ли не толкая перед собой потащил к повозке. Пока я до них доковылял алхимик уже сидел рядом с то-

бой... Одним богам известно, как я за тебя испугался. Ты вся извивалась, стонала, твои глаза помутнели, а на губах выступила пена.

Этот крикнул наемнику, чтобы тот скакал в главный лагерь и рассказал обо всем своему командиру, и когда тот умчался он принялся меня успокаивать. Он сказал, что все хорошо, что все так и должно быть. Что он специально тебя отравил. Только так можно было напугать Азуля, заставить его держать тебя ближе к себе. Он запугал меня, что в противном случае тебя кинут в трюм ко всем прочим рабам и доживешь ли ты до высадки на Кальдеру еще большой вопрос. Может он, в чем-то и оказался прав, но как ты страдала. Девочка моя, какую ужасную боль тебе пришлось пережить.

Вскоре наемник вернулся, но не один. Все вместе они погрузили тебя на телегу и увезли. И что мне оставалось делать? Я поковылял следом за ними. Но далеко уйти у меня не получилось. Видимо приняв за беглеца, меня нагнали два всадника. Я пытался от них отбиваться, а они, по-моему, просто надо мной издевались. В конце концов, повалив на землю они стали меня избивать, а потом стянув петлей ноги, собрались привязать другой конец веревки к седлам своих лошадей. Этой ночью я мог бы умереть, но как бы не приятно это не было бы признавать, меня вновь спас этот треклятый алхимик.

Как он позже сказал, в лагерь рабов он направлялся как раз

за мной и, думаю, промедли он еще немного, то, наверно, пришлось бы ему вести второе тело. Как бы то ни было, он вытащил меня из лап этих гиен и привез к тебе.

Ты тогда уже спала, укрытая одеялом, в окружении пары десятков подушек. А я ни отходил от тебя ни на одно мгновение и не подпускал к тебе никого кроме *этого* и наемников, что перенесли тебя на корабль.

– Мы на корабле? – прошептала Тайя. – Я практически ничего не помню со вчерашнего вечера. Сейчас утро?

– Уже далеко за полдень. Ты проспала всю ночь и утро. Эй, ты, – Халэн поднялся с кровати и, прихрамывая, подошел к узкой скамейке, торчавшей из деревянной стены. Нависая над спящим алхимиком, он пару раз толкнул его рукой, побуждая проснуться.

Развернувшись, Эллирион сонно протирает глаза.

– С добрым утром, – мягко, широко зевая, проорчал алхимик, достав из кармана маленькие очки. – Как самочувствие?

– Голова кружится, тошнит. Такое чувство, что из меня вытащили все внутренности и наугад побросали обратно.

– Остаточные явления, – мужчина подошел поближе, внимательно осматривая девушку. – Если ты не подвержена морской болезни, то уже завтра будешь как новенькая, – закончив осмотр, заключил Эллирион.

– Морская болезнь? – встревоженно повторила та. – Это опасно? Что это? Я не хочу... Я выпью все, что угодно...

– резко привстав, она схватилась за голову, пытаясь унять головокружение. Рвотный порыв, наконец, взял свое и все немного, что еще оставалось в желудке после ужасной ночи оказалось на полу всего в футе от ног алхимика.

– Лежи, – быстро скомандовал он, укладывая девушку обратно в кровать. – Пойду, принесу какое-нибудь ведро. Не давай ей подниматься, – выбегая из каюты, прокричал алхимик, подскочившему к племяннице Халэну.

– Отдыхай, дорогая, – с отеческой заботой Халэн неуклюже стал вновь гладить волосы племянницы.

Лишь только на следующий день Эллирион позволил девушке подняться с кровати и покинуть каюту, при этом сосредоточив все свое внимание на Халэне. Без конца твердя, что тот еще не до конца поправился, а бессонная ночь не способствует выздоровлению и заживлению ран.

Оставив спорящих мужчин в каюте, Тайя отправилась на палубу. Огромная галера просто поражала своими масштабами. Богато украшенные бортики, палуба из красного дерева, натянутые ветром гигантские голубые паруса, корабль пузыря разительно отличался от невзрачных, мелких, местами побитых жалких кечей с рабами, следовавших по правому, левому бортам и небольшой колонной сзади.

Наемники сновали по палубе, то натягивая, то наоборот отвязывая фалы, шкоты, передвигали разные бочки и ящики, но при этом стараясь чуть ли не за десять футов обходить

девушку. Один, неся огромный ящик поздно заметив подошедшую Тайю чуть было не выпрыгнул за борт, но вовремя заметив путь отступления в спешки ретировался.

Они плыли уже четыре дня. Видимо Темные Боги благоволили пузырю. Все эти четыре дня погода была самой, что ни на есть, подходящей для морского путешествия. Днем на голубом небе проплывали облачка разных форм и размеров, а по ночам темный небосвод озарялся десятками сотен разной яркости звезд.

Халэн с Эллирионом практически не покидали каюты, без конца споря и что-то обсуждая. Наемники пузыря все так же избеги встречи с ней, а сам пузырь, как ехидно заметил Халэн, страдал от загадочной морской болезни.

Единственным другом Тайи, если это понятие вообще было применимо к подчиненным ее похитителя, стал старый моряк Форхес. Сурового вида мужчина был своенравен, а так как он был единственный, кто не пытался скрыться от нее, как трусливая мышь, она ни отходила от него ни на шаг, даже если у того было плохое настроение, а плохое настроение у него было всегда. Моряк был не особо разговорчив, а временами и откровенно груб.

– Привет, – девушка подкралась к мужчине, стоящему меж множества клеток с вечно ни на мгновение не затихавшими воронами.

– А, это ты, – даже не оборачиваясь, ответил Форхес.

– Я тебя искала.

– Я не в настроении сейчас говорить.

– Давно было интересно зачем на корабле держать ворон, тем более столько? Их тут двадцать... три, – Тайя решила зацепиться хоть за какую-то тему, пока моряк снова не начал ее прогонять.

– Двадцать семь их, – проскрежетал Форхес, – для навигации они.

– Навигации? – не отступала девушка.

– Отвали от меня, наконец. Я вроде бы ясно сказал, что не в настроении с тобой говорить.

– Ну Форхес, мне скучно, а ты единственный, кто от меня не убегает.

– Надо начать. Вон иди к хозяину. Он и погорит с тобой и кое-что другое, может, сделает... – не дождавшись ответной реплики, моряк повернулся к Тайе и посмотрел на поникшую девушку, грустно смотрящую куда-то за море. Видимо решив, что перегнул палку, он уже мягче добавил: – Мы их не кормим. Вот будем, предположительно, подплывать к земле – выпустим одного. Вороны падальщики, а значит охотиться не станут. Он взлетит, а жрать то хочется, что делать будет? – моряк вопросительно посмотрел на собеседницу.

– Не знаю, – пожала она плечами.

– Он будет землю искать, что ж еще. С птичьей высоты-то виднее будет. Найдет – полетит в ее сторону, а мы за ним. Не найдет – вернется к нам...

– А это что там? – девушка прервала объяснения наемника, указывая на крохотный корабль вдалеке, державший курс прямо на них.

– Что? – Форхес устремил взгляд в направлении руки своей собеседницы. – Черные воды... – прошипел он и, набрав, в легкие воздуха зычно прогремел: – ПИРАТЫ!!! – в то же мгновение движение на корабле прекратилось. Все пристально вгляделись в неуклонно приближавшийся корабль. Всеобщее остолбенение закончилось так же внезапно, как и началось. Наемники засновали по палубе, часть скрылась в трюме, кто-то искал оружие, другие созывали всех собраться для обороны.

– Да заткнитесь вы уже! – в дверях вечно закрытой каюты показался, раздраженный криками, пузырь.

Выглядел он действительно не важно. На сером, бледном лице не было и тени той улыбки, которую он так щедро раздавал на суше. Держась за голову, толстяк подошел к бортику и со странным булькающим звуком изверг все содержимое своего огромного брюха за борт. Чуть отдышавшись, он вскинул руку в знак приветствия приблизившемуся кораблю.

Пиратский корабль надменно оттеснил тщедушное суденышко, перевозившее рабов и, поравнявшись бортами с галерой пузыря в двадцати-тридцати футах левее, продолжил плавание.

– Продолжайте, это свои, – пробулькал толстяк и неуклю-

жей походкой вновь удалился в свою каюту.

– Не к добру это, водить дружбу с пиратами, – произнес Форхес, когда толстяк закрыл за собой дверь. – Черные воды, и свои? Давно ли картель стала прикрывать работорговцев. Странно все это.

– Может они не пираты. С чего ты вообще это взял? Очередные наемники.

– Много ты понимаешь...

– Так объясни! Что сразу огрызаться!

– У наемников своих кораблей нет, они продают мечи и себя, – начал Форхес. – А значит это либо корабль купца, либо пирата. Теперь сама смотри. Корабль явно не новый, это и отсюда видно. Парусина старая и местами уже прорвана, корпус обветшал – значит давно за ним не ухаживал хороший плотник. Корабль торговый, не военный. Видишь, какой толстенький? Это чтобы по больше груза в трюм входило. А раз он торговый, то почему один? Для всех купцов, плавающих в этих водах не секрет, что здесь водятся пираты и без охраны сюда никто не сунется...

– Они могут нанять воинов и посадить их на корабль. Зачем нанимать еще один. Ты сам сказал, что они продают себя, а не корабли, – перебила моряка Тайя.

– Тебя надо объяснять или раз ты такая умная, то пойдешь кого-нибудь другого донимать?

– Прости.

– Перевозить на одном корабле и наемников, и груз слиш-

ком затратное дело. Во-первых, это скажется на вместимости судна, а значит в плаванье придется брать меньше груза, во-вторых не все наемники чисты на руку и то что недавно было твоим может стать их. Так вот, одинокий потрепанный торговый корабль может означать лишь одно – пираты.

– А в Долине кораблей разве нет? Может...

– Как нет, есть, но они не заплывают в эти воды, а галеоны ордена легко отличить. Это красные боевые корабли с огненными парусами. А морская торговля, насколько я знаю, у них практически не развита. Имея один порт и пару-тройку спусков к морю меж гор особо не по плаваешь. Да и к тому же, вон посмотри на тот корабль, – Форхес указал на остроконечный черный шлюп, плывущий в отдалении от всех остальных. – Это Черная Бетти, а вон тот человек на корме, – моряк перевел палец на крохотную фигурку, стоявшую рядом со штурвалом, – Себастьяно или черная вода, как прозвали всю его семью. Он глава Черных вод, король пиратов и всего красного моря. О таких знакомых принято молчать.

На еще светлом небе вновь проступил призрачный силуэт лунного полумесяца. К стоявшей на корме, рядом с птичьими клетками, Тайе подошел Эллирион.

– Дорогая, пойдем. У нас с твоим дядей есть важный разговор к тебе, – прошептал алхимик, поправляя не желавшие спокойно сидеть на носу очки.

В каюте на кровати сидел угрюмый Халэн, потирая рукой

осунувшееся лицо.

– Садись, милая, – тихо произнес он, похлопав рядом с собой.

– Тайя, послушай меня внимательно, все что я сейчас скажу очень важно, – начал алхимик. – Природа нам благоволит и посылает сильный попутный ветер. Мы можем быть на Кальдере уже дня через три, если не раньше. Большая часть пути, по моим наблюдениям, уже позади. Как только мы высадимся на берег твоя судьба может пойти по одному и двух вариантов, – Эллирион внимательно посмотрел на девушку и убедившись, что та его слушает, продолжил. – Первый – тебя может взять к себе сам Азуль ша Лири и этого нам ни в коем случае нельзя допустить. Я не знаю, есть ли у него какой-то замок на Кальдере или он вечно странствует. Так что, ты должна сделать все возможное, чтобы он даже ни на одно мгновение не задумался оставить тебя при себе. Теперь что касается второго варианта – тебя, вполне вероятно, продадут в "Приют любви", – алхимик замолчал, прерванный ударом Халэна по деревянному основанию кровати. – Халэн, пожалуйста, – максимально мягко произнес он, обращаясь к мужчине. – Скажу тебе прямо, – алхимик вновь развернулся к Тайе, – это самый гнусный и отвратительный бордель, что когда-либо существовал. В нем никогда не испытывали нехватки в товаре. Людей поставляют как сами работоторговцы, так и местные наемники, воюющие с аборигенами. Скажу только то, что убийство раба или рабыни в процессе со-

вокупления, наверное, одно из самых безобидных развлечений, которым может похвастаться это заведение. За определенную сумму с телами, как они называют, кукол можно делать все что заблагорассудится. Но нам это даже на руку... Не бойся, – алхимик приблизился к Тайе, обхватив ее руки своими. – Все будет хорошо, главное делай все, что я тебе скажу. Так вот, такая вседозволенность нам даже на руку, хозяйка этого мерзкого заведения так же легко тебя продаст, как и пошлет на верную смерть к очередному клиенту. Первое что от тебя сейчас требуется – это стать совершенно невыносимой для Азуля. Хорошо? – девушка жалобно кивнула в ответ.

– Почему я должен тебе ее доверить? С чего я должен поверить, что оставив ее тебе...

– Оставить? – испуганно, с вновь накатывавшими слезами, прошептала девушка. – Дядя...

– Да, к сожалению. Сейчас я не смогу ему помочь. "Приют любви" купит только тебя, – алхимик еще крепче сжал маленькие дрожащие руки девушки. – Халэн, – повернулся он к мужчине, – тебе придется довериться мне. Твой план не выдерживает никакой критики. Даже сейчас, когда ты поправился, ты не уключ, признай это уже. И даже если вы сможете сбежать на суше от наемников Азуля, то куда вы пойдете? Вдвоем море не пересечь, да и на чем? Но что гораздо вероятнее вас разорвут дикие звери или перебьют местные, да что там, ты же даже не знаешь леса Кальдеры! Каждая

травинка и куст, потенциально ядовиты и опасны, а любая мошкара может быть переносчиком смертельно опасной болезни. Это по меньшей мере глупо, Халэн!

Теперь стало ясно, о чем все эти дни спорили оба мужчины, ища выход, возможность спастись. Дядя крепко прижимал к себе оставшейся рукой хрупкое тельце своей совсем юной племянницы, понимая, что вскоре он будет вынужден с ней расстаться и вполне возможно навсегда.

Оставшиеся дни оказались куда мрачнее всех предыдущих. Халэн не отходил от племянницы ни на шаг и все время молчал.

– Я могу остаться с пузырем и поставить ему условие, чтобы он не продавал тебя, – стоя рядом с бортиком, прошептала Тайя.

– Глупышка моя, – Халэн ласково гладил племянницу по голове. – Скажи Ваалиру, чтобы он не бросал моего негодника, а в нашем родовом особняке, в моей комнате, лежит письмо, на случай если со мной что-то случится. Там все, что ему нужно знать.

– Дядя... – Тайя крепко обняла Халэна, прижавшись к исхудавшему телу столь любимого и дорогого человека.

Корабли подплывали, казалось бы к бескрайнему берегу. Утром, появившееся вдалеке, земля еще казалась тонкой светлой линией на горизонте, но уже в полдень светлая ли-

ния покрылась густой зеленью лесов и до высадки оставались считанные мили.

Причалив к дикому, пустынному берегу, наемники в спешки принялись разгружать корабли и выводить рабов. Людей гнали понурой вереницей вместе с повозками товаров.

Вскоре из своей каюты выбрался и пузырь, к его лицу, наконец, вернулись краски, и мужчина был несказанно рад прибытию на твердую землю. После его команды большая часть наемников, занимавшихся выгрузкой товаров, перешла на главный корабль и принялась за вещи своего хозяина.

– Эту снова в клетку посадить? – услышала Тайя, подошедшего к пузырю воина. – У нас ведь больше нет их. Все уже снарядили в дорогу.

– Нет, нет! Конечно же нет, – пролепетал толстяк. – Надо учиться на своих ошибках. Столь прекрасное создание и в клетку. Нет, нет, нет. Так мы его просто на просто погубим. Найдите ей коня и присматривайте, чтобы никто не обидел.

Вскоре тот же воин, что разговаривал с пузырем пришел и к ней. Так и не дав толком проститься, наемник чуть ли не силой отвел девушку на берег и посадил на коня.

Ее окружала чужая земля, чужие люди. Дядя Халэн так и остался стоять на корабле, борясь с подступавшими следами. Он провожал удаляющийся силуэт своей прекрасной розы пустыни, совсем еще ребенка, вверенного ему братом, а Эллирион покинул их и того раньше. Алхимик ушел сразу

после прибытия кораблей на Кальдеру и обещал вернуться позже, но так больше и не появлялся.

Дорога, по которой следовал караван, все время петляла, скрывая спереди и сзади шедших людей. Тайя казалось странным, что к столь необитаемому, заброшенному берегу ведет такая широкая, исхоженная дорога. Видимо рассказы о замках и больших портах были такой же ложью, как и все остальные слова Ахмада. Могла ли она доверять Эллириону и почему так слепо доверился алхимику дядя. Халэн не отличался спокойствием и рассудительностью, но всякий раз его гнев и вспышки необдуманной активности алхимику удавалось унять, что не выходило даже у отца. Страх и осознание всего ужаса и безысходности своего положения захлестывало девушку.

Тем временем колонна наемников, окруженная целой армией старых морщинистых деревьев входила под их переплетенные ветви. Своеобразный туннель почти не пропускала солнечный свет, зато давал разгуляться довольно сильному и прохладному ветру. Прижимаясь к горячей спине лошади Тайя слышала тихий, хлюпающий хрип. Лошади ее надзирателей все так же продолжали медленно шествовать вперед, а вот их наездники вцепившись побелевшими рукам в толстые лианы обвитые вокруг их шей оставались на месте. Животные словно специально тянули своих наездников, тем самым помогая еще крепче затянуться петлям.

Вдруг в лесной тишине раздались удары. Мерный стук ба-

рабанов гулко отбивал ритм. Вслед за барабанами тишину заполнили крики, или скорее какая-то безумная песня, состоящая из улюлюканья и вскриков. А через мгновение к всеобщему гаму добавился и свист, вылетающих из ниоткуда стрел. Снаряды метко поражали вооруженных наемников, а те в свою очередь выхватывали мечи и, безумно озираясь, пятились на выход из темного туннеля.

Но с каждым мгновением безумная песня приближалась, становясь все громче и агрессивней. Из леса с яростью пантер вылетали люди с разукрашенными лицами в одних набедренных повязках. На ком-то из них отовсюду торчали разного цвета и размера перья, кто-то был одет в шкуры животных. Небольшой отряд аборигенов был не сравним с той армией, что охраняла караван, но на момент атаки в туннеле уже царил полный хаос. Аборигены неистово били в свои щиты, создавая еще больший шум. Их атаки состояли из быстрых набегов. Неожиданно налетая с одной стороны они пронзали наемников своими копьями или странного вида мечами и тут же вновь скрываясь в густых зарослях.

Безоружные рабы, получив призрачный шанс вырваться из заключения разбежались во все стороны. Распространявшееся паника медленно завладевала и лошадьми. Испуганные видом крови, шумом, криками животные спасались бегством, топча всех на своем пути.

Таяя в ужасе наблюдала за всем происходящим, закрывая глаза своему коню и молясь, чтобы он не последовал за сво-

ими сородичами.

В общей массе людей перед глазами девушки промелькнул пятнистый наряд одного из аборигенов и в то же мгновение перед ней очутилось сухое, жесткое лицо мужчины, не выражавшее ничего: ни страха, ни жалости, ни злости. На его глаза сползала морда ягуара, а у скул виднелись клыки, когда-то опасного хищника. Лицо воина словно бы смотрела прямо из пасти дикой кошки.

Его образ был перед Тайей всего миг, крохотную частичку вечности, предшествующую тишине, темноте и странно-му безмятежному покою.

17

Еще в полдень Роджер и Марк расстались с Заашем и Кэйем и все это время они, друг за другом, молча пробирались вперед по ухабистой неровной дороге. С момента их разделения на два отряда прошло уже довольно много времени, и за этот мучительный промежуток пути Марк хорошо почувствовал всю мрачность и легкие нотки страх своего спутника.

Роджер старался держаться от аббата на максимально возможном расстоянии, при этом, продолжая пристально следить за навязанным ему подопечным.

С самого первого мгновения после их отъезда из придорожной таверны Марк думал о своем поведении, о том дне,

когда повел за собой, все-таки, еще совсем юного, не привыкшего к подобному, воина, да что там воина, мальчишку. Он винил себя за мимолетную слабость, испуг и тревогу, ставшие причиной непоправимой ошибки. Поддавшись панике Зааша, он необдуманно привел с собой на ту несчастную поляну Роджера. Сколько за свою пока еще короткую жизнь он мог видеть? В скольких битвах он участвовал, сколько пережил холодов? Даже для самого опытного, повидавшего многое старца, одно только лицезрение Зааша, да даже само существование кого-то подобного, могло навсегда оставить отпечаток безумия и неподдельного ужаса на уме и сердце. Что же было говорить о нем – юноше, всего пару лет назад примерившего облачение гвардейца. Что сейчас происходило в его голове, о чем он думал всю дорогу, следуя за ожившим кошмаром?

Еще до развилки и разделения на отряды Марк пытался разговорить своего будущего провожатая. Он старался отвести воина в сторону, поговорить с ним, что-то рассказать или объяснить, возможно, успокоить, хотя бы просто поддержать, но всякий раз сталкивался с глухой, непреодолимой стеной отчуждения, воздвигнутой юношей, и каждая следующая попытка терпела крах в след за предыдущей.

– Так все-таки что все это значит? Кто вы? – его раздумья были прерваны самим парнем. Впервые за несколько дней, нарушившего свое молчание. Тот шанс, на короткий разговор о котором Марк столько раз просил Темных богов, на-

конец, появился и эту возможность упустить было нельзя.

– Я понимаю, ты в замешательстве, может быть даже испуган... – аббат столько раз прокручивал в голове варианты объяснений. Обдумывал как мягче или понятней объяснить ту или иную деталь, но Роджер прервал его даже не дав как следует начать.

– Не надо меня успокаивать. Мне нужны ответы! Все что я слышал в тот день на поляне, все то, что вы обсуждали – бред или безумие, зовите, как хотите. И бредом двух безумцев это бы и оставалось если бы не, то... то, что может... чем владеет этот... оно.

– Я Маркус Лейдерит – глава аббатства Родсбери, магистр...

– Маркус?

– Мартин, – сдавшись, со вздохом поправил себя аббат, – но это имя, как и его владелец уже давно мертвы.

– Как? Я не понимаю. Это как-то связано с Падшим богом? Он существует? Он заперт в тюрьме? – вопрос роились в голове Роджера, вырываясь безудержно и беспорядочно. – А Эрик? – юноша вновь вспомнил о виновнике того ужаса, произошедшего с ним на поляне. – А он? Он тоже культист?

Дослушав поток вопросов, Марк остановил своего коня и взгляделся в темнеющее небо.

– Роджер, я понимаю, у тебя сейчас много вопросов, но скоро совсем стемнеет. Я предлагаю нам ускориться и может быть мы прибудем в часовню еще не совсем глубокой ночью,

а там в спокойной обстановке я расскажу тебе все что ты захочешь знать.

– Хорошо, – парень вдруг без малейших колебаний согласился на предложение.

– Можно ответный вопрос? – Марк развернулся к догнавшему его спутнику.

– Да, Лорд Мартин.

– Никогда не зови меня так, – грубо выкрикнул аббат, но заметив тень испуга на лице Роджера тут же добавил мягким, спокойным голосом, – прости, для меня это не лучшие воспоминания и жизнь, о которой я бы очень хотел забыть, – парень лишь утвердительно кивнул в ответ, не сказав ни слова. – Ты ведь не доверял мне, а может и до сих пор не доверяешь. У тебя масса вопросов и думаю не меньше предположений...

– Я вам полностью доверяю Лорд... аббат Маркус, – тут же поправил себя юноша. – Простите, что прервал вас.

– Ты не доверял мне, но доверился Эрику и бросил своего лорда или...

– Нет! – в негодовании выкрикнул юный воин. – Я не могу сказать, что не доверял вам. Да, у меня были вопросы, да и сейчас есть, десятки вопросов. Я много думал о том, что произошло в тот день на поляне, и в конечном счете решил, что если бы вы хотели убить лорда Аргера, то возможностей у вас было уже предостаточно. А принимая во внимание тот факт, что с того дня я знаю о вас и Эрике гораздо больше и до

сих пор жив, то вашей целью никогда не являлся юный лорд. Как только Кэйл сообщил мне... приказал, сопровождать вас я нашел командующего патруля, что остановился в таверне, представился ему и рассказал кого сопровождаю. Они следовали за нами по пятам от самой таверны и до развилки, а после нашего разделения должны были догнать лорда Арге-ра и сопроводить в Тиретхолл.

– Нам лучше поспешить. Солнце уже совсем скоро сядет.

– Я не мог позволить вам скрыться, а отряд гвардейцев обеспечит Кэю охрану гораздо более надежную, чем мог бы я.

Часовня предстала перед ними уже в ночных сумерках. Темное шпалеобразное строение меж двух гор само напоминало гору.

Чем выше они поднимались, приближаясь к часовне, тем уже и непроходимей становилась дорога. Уже через сто футов после начала подъема единственный путь превратился в тесную, не способную пропускать больше одного путника за раз, скалистую тропу.

– Дальше мы не проедем, придется пробираться пешком, – спешившись и крепко схватив за поводья своего коня Марк осторожно стал продвигаться вперед, следя за, бредущей за ним, спотыкающейся лошастью.

Так же поступил и Роджер. До мрачного убежища оставалось совсем немного, но этот, последний этап пути, обещал

быть самым тяжелым.

– Я не вижу и огонька, – произнес Роджер, перебегая взглядом от стены к стене, от темного окна к окну массивного строения, – ни единого.

– Это же часовня, – Марк лишь на мгновение поднял голову и бросил короткий взгляд на вросшее в горную породу здание. – Патрулей на стенах тут держать не принято.

– И как они узнают о нашем приближении? А вдруг мы разбойники?

– У них ведь и главных врат как таковых нет, просто огромная, пустая, каменная арка перед входом, а сразу за ней будка привратника. В ней сидит монах, который нас и встретит по прибытию и надеюсь даст комнату прежде, чем начать будить епископа. А что касается разбойников, ты сам посмотри на дорогу. Сюда припасы то уже давно не привозят, монахи сами выращивают все, что им нужно, а ты говоришь разбойники. Каких трудов будет стоять подняться к капелле даже маленькому отряду, да и что они возьмут с монахов? Хлеба, да пару мешков овощей?

– Ладно, стены не охраняются, но здесь же вообще нет ни единого огонька. В такой крошечной темноте невозможно жить. Аббат Маркус здесь что-то не так, – не унимался парень.

– Не волнуйся. Кельи монахов, как правило не имеют окон, а все окна, что ты видишь отсюда выходят на лестницы, да коридоры. Зачем их освещать? Их и так луна освеща-

ет, а если уж совсем темно станет так можно и свечу с собой взять. Роджер – это не Тиретхолл. Здесь каждая свеча, каждый факел, любая даже самая обыденная для тебя вещь цениться на вес золота. Монахи ордена живут очень скромно, в этом я тебя, как глава аббатства могу заверить. Магистрат практически не выделяет золота своим подопечным и все, чем мы живем – это то немногое, что можем сами сделать или вырастить, а потом и обменять с проезжими купцами. И теперь ты сам должен понимать, что по такой тропе в часовню не каждый купец соберется пойти, что уж говорить об разбойничьем отряде.

Пройдя под каменной аркой, Марк передал поводья своего коня Роджеру и направился к невысокой узкой постройке чуть в отдалении.

Арка выводила путников на небольшой квадратный дворик. Прямо перед ним возвышалось худое заостренное здание самой часовни, левее дворика располагались кельи монахов – служители ордена жили в приземистом почти монолитном каменном строение. Оба здания соединялись невысокой каменной стеной с единственным проходом под очередной аркой, ведущей судя по видневшимся за ней растениям в монашеский сад.

– Доброй вам ночи, я маги... – Марк осекся увидев, что будка пуста.

Развернувшись аббат быстрым шагом направился обратно к Роджеру.

– Оставь лошадей в конюшне и осмотри кельи. Это вот то строение, – он указал на темный монолит, – а я пока поищу кого-нибудь в главном здании.

– Хорошо, – кивнул юноша и Марк, пройдя через двор, скрылся за углом часовни.

Привязав в стойлах лошадей Роджер обнажил меч и направился к мрачной обители монахов. Войдя внутрь, он сразу же оказался на узкой крутой лестнице, ведущей наверх. Подъем вывел в не менее узкий коридор, а вскоре как оказалось в сеть спутанных, многоуровневых туннелей. По одну сторону стен находились крохотные дверки, ведущие в сами кельи монахов, с другой шли окна, те самые что он видел еще при их с Марком приближении.

Осторожно толкнув кончиком меча первую попавшуюся дверь, Роджер вошел внутрь. Комнатка была пуста, Марк сказал, что монахи живут скромно, но такой нищеты юноша увидеть не ожидал. В углу тесной кельи лежал набитый соломой матрас, служивший по всей видимости кроватью, на этом убранство монашеской кельи заканчивалось.

Роджер осмотрел еще с десятков пустых комнат и побоявшись заблудиться решил возвращаться. Все кельи, да и сама обитель монахов больше походила на тюрьму. В темных, тесных комнатках, как и говорил аббат, не было окон. Наверно единственное, что отличало их от камер в подземной темнице того же Тиретхолла – было отсутствие решеток, заменявших двери. Как по собственной воле здесь вообще можно

было жить?

Вырвавшись на свежий, свободный, прохладный воздух, Роджер словно сорвал с себя гнетущие тени цепей, сковавшие его в первые мгновения после входа в лабиринт мрачных монашеских туннелей.

– Там никого нет. И везде так жив... – прокричал юноша завидев спешащего к нему Марка, но вдруг аббат резко развернулся и чуть ли бегом пролетел под аркой, ведущей в сад, скрывшись в темно-синих зарослях.

Не долго думая Роджер направился вслед за ним, встревоженный его поведением, но Марк уже успел затеряться среди бурно разросшейся природы.

Сад был довольно небольшой и, по всей видимости, за ним уже давно никто не ухаживал, не считая нескольких грядок прямо за аркой. Но углубившись в него всего на десять шагов Роджер оказался в совершенно диком заросшем лесу. Местами в нем еще угадывались очертания когда-то красивого, ухоженного сада, задуманного основателями часовни, но местами все настолько заросло, что о возможности пробраться дальше не могло быть и речи. Через брусчатку тропинки уже везде пробивались травинки, а кое-где она и во все заросла. Множество изваяний, возведенных по краям дорожки – скрылись в листве. Черты их лиц и очертания разнообразных животных уже давно стерлись и на посеревшем камне темно-зелеными пятнами разрастался мох.

Роджер пытался угадать в какую сторону мог направить-

ся аббат, но куда бы он ни глянул всюду местность казалось давно заброшенной и не выдавшей человека многие годы. В конце концов, Марк его нашел сам.

Аббат шел по одной из соседних с тропой Роджера дорожке.

– Что случилось? Я никого не нашел в кельях, – выпалил юноша, подбежав к печально бредущему старику.

– На часовню напали, все убиты, – усталым тихим голосом ответил аббат и медленно присел на покосившуюся каменную скамейку, еще не поглощенную лесом.

– Напали? Они еще могут быть рядом! Ждите меня здесь, я зажгу сигнальный огонь и тогда нам следует как можно скорее отсюда убираться. Подождем отца в лесу. Я же говорил, что здесь что-то не так, – протараторил парень и тут же сорвался с места.

– Роджер, это произошло давно... – пробормотал старик, уже стремительно убегающему юноше.

Скорее. Арка. Двор. Часовня. Вход.

Юноша влетел в здание, словно оголодавший хищник, гнавший добычу. Где-то на самой ее вершине был сигнальный огонь, увидев который гвардейцы Тиретхолла, отец, должны были понять, что монахам нужна помощь.

Он бывал здесь, еще ребенком, тогда это место не казалось таким мрачным. Отец показывал и небольшие грядки монахов и кафедральный зал, и, конечно же, сигнальный

огонь. Все что ему сейчас оставалось это вспомнить дорогу наверх.

Парень осматривал разгромленную комнатку предварявшую вход в зал и запутанные коридоры часовни. Здесь должен был сидеть помощник епископа, встречать людей, приведенных привратником, а сейчас... Сейчас разломанный пополам стол валялся у стены, книжная полка с журналами и отчетами была брошена на пол, а сами книги разорваны в клочья.

– Куда дальше? – Роджер бросал короткие нервные взгляды, словно ощупывая помещения изнутри.

Длинный коридор ведущий от комнатки помощника заканчивался крутой узкой лестницей.

– Нужно подниматься, как можно выше, – думал он про себя, стараясь быстрее пересечь коридор и на шаг приблизиться к башне, но вдруг остановился.

Его привлек слабый свет исходящий из одной из полуприкрытых боковых дверей. Пара шагов и по его горлу пробежала неприятная судорога, голову пронзила резкая боль, а в нос ударил ужасный тошнотворный запах – отвратительное зловоние обволакивало его словно невидимое облако. Подойдя к двери, локтем левой руки он зажал себе нос, а правой легонько толкнул ее от себя.

Кафедральный зал освещался одной лишь луной, пробивавшейся сквозь витражи. Скамьи, на которых сидели монахи во время службы, разломанные, разрубленные, частями

валялись по всему залу. В центре же вздымалась чуть вибрирующая гора. Лишь внимательно присмотревшись Роджер в ужасе стал различать руки и ноги, сваленных в груды голых тел.

Резко захлопнув дверь он устремился вверх по лестнице, потом по очередному коридору, вновь... Юноша просто бежал, как можно дальше, как можно выше от всего этого кошмара.

Лишь спустя три лестничных пролета он пришел в себя. Отдышался и попытался привести мысли в порядок.

– Зажечь огонь, зажечь огонь, – стучало у него в голове.

Блуждая по коридорам он бросался к каждому подъему, что мог приблизить его к цели. Наконец, наткнувшись на винтовую лестницу в очередном, похожем на все другие, коридоре, он машинально поблагодарил Пророка и устремился наверх к вершине центральной башни.

Сигнальный огонь располагался на самой высокой точке часовни. Отсюда была видна, и дорога по которой они прибыли, и одинокий старик – темная маленькая фигура, сидящая на скамейке, и очертание далекого и родного замка Тиретхолл.

– Зажечь огонь, зажечь, – полыхающее пламя уже стояло перед глазами Роджера, оставалось лишь воплотить мысли в реальность.

Сам пол сигнальной башни и являлся очагом для огромного костра, в нем была выдолблена чаша диаметром в

несколько футов и в ее центре уже лежали обугленные остатки дров и еле узнаваемые очертания частей скамеек.

– Так они звали на помощь. Но почему никто не пришел...

Роджер снова посмотрел на темную фигуру аббата, спокойно ожидавшего его возвращения, и сорвавшись с места вновь бегом ринулся вниз. Пролетев и все те коридоры, по которым он в отчаянье блуждал, и все те лестницы, к которым он бросался в надежде добраться до огня, он оказался во дворе, а вскоре и в саду, встав напротив аббата.

– Сигнальный огонь прогорел. Я не понимаю почему отец проигнорировал его. В любом случае нам надо уходить отсюда. Они могут быть рядом и могут вернуться, – юноша тяжело дышал, приходя в себя после забега.

– Ты видел кафедральный зал?

– Да.

– Они там уже давно. Сам епископ и еще несколько повешены в саду. Те, кто напал на часовню, покинули ее еще задолго до нашего отбытия из таверне. Это были не разбойники, с которыми ты привык сражаться, если ты об этом подумал. Не грабить они сюда приходили.

– Темница! – вдруг вспомнил Роджер.

– Закрота, но ее пытались открыть. Нужно поговорить с Архом и как можно скорее встретиться с Эриком в Тиретхолле, – аббат со вздохом встал. – Ты пойдешь со мной или подождешь здесь? – развернувшись он тяжело посмотрел на стоявшего в растерянности юношу.

– Да, конечно. Я не оставлю вас одного.

– Тогда не отставай.

– Аббат Маркус, а Эрик – это его настоящее имя? Кто он вообще такой? – следуя за Марком, Роджер старался не отставать от быстро идущего аббата.

Они пробирались куда-то все глубже в разросшийся лес. С первого взгляда показавшийся маленький запущенный сад на деле оказался целой дикой горной чащей, он уступал своим собратьям в Долине, тем же густым лесам, что окружали Тиретхолл, но для столь каменистой, непригодной для жизни местности – он был крайне удивителен.

– Зааш его имя, он сын Норгхстора, – коротко ответил Марк, пробираясь сквозь пышные ветви деревьев.

– Зааш? Сын Норгхстора... Никогда о нем не слышал. Еще в детстве, в семинарии, кстати обучать нас приходили монахи именно из часовни, нам много рассказывали о Пророке... о вас и о Падшем боге, но о Норгхсторе практически никогда не упоминали. Значит у него есть семья, там в Мертвых землях? Никогда бы не подумал, что он может жить как мы.

– О Зааше и в мое-то время мало кто знал, что уж говорить о тебе и других жителях. Если откровенно, мы с ним никогда не были особенно близки, и я ни разу не говорил с ним о его отце или матери, так что тут мы с тобой, наверное, равны. А магистрат разве организовывал семинарию в Тиретхолле? Это странно, – тропинка выводила их к за-

росшей каменной веранде, соединенной с горным склоном. Здесь растения уже пробивались отовсюду.

Марк принялся очищать веранду от пронзавших ее ветвей, некоторые из которых отрубал небольшим кинжалом. Руками он разрывал разросшиеся кусты вьюнков, оплетавшие колонны древнего строения.

– Не магистрат. Это лорд Аргер организовал. К нам просто приходили монахи и рассказывали истории, даже скорее сказки о войне с богом, учили писать и читать. Отец называл это семинарией, вот в моей голове и отложилось, – Роджер присел на покосившуюся каменную скамью, стараясь не мешать аббату.

– Сказки... Ты даже не представляешь насколько ты близок к правде. Сказками эти истории и считай, а лучше вообще забудь. – Марк закончил очищать веранду от зарослей со стороны каменной горного склона и обернувшись к юноше спросил: – Готов?

– Да, – Роджер в то же мгновение вскочил с места, – что я должен делать?

– Просто не отставай, – аббат, сощурившись, внимательно оглядел неровную, поросшую мхом часть горы, служившую стеной для веранды, и ощупав морщинистой рукой каменные выступы с тихим возгласом надавил на один из них. – Добро пожаловать в темницу бога, – устало произнес аббат, и без каких-либо усилий одной рукой, смяв горную породу, сорвал преграждавший путь каменный слой. На доли мгно-

вений в его сжатом кулаке развевалась, словно легчайший шелк, ткань, бывшая всего момент назад твердым горным массивом и тут же медленно растворяясь в воздухе она исчезла, а на ее месте в каменной стене осталась небольшая темная дыра.

– А куда она ведет... в смысле как выглядит темница? – спросил Роджер у уже сгорбившегося и намеревавшегося забраться в туннель аббата.

– Пещера, – прохрипел Марк в ответ и скрылся в темноте.

Спуск сразу же брал круто вниз и Роджеру приходилось опираться на каменные стенки туннеля, дабы кубарем не скатиться на идущего впереди аббата.

– Скоро мы из него выберемся? – с надеждой в голосе продолжал забрасывать вопросами парень, в очередной раз чуть не соскользнув вниз.

– Скоро, – пропыхтел Марк, – ты извини, что не предупредил тебя о неудобствах. У нас тогда было очень мало времени, так что продолбить в камне ступени никому как-то и в голову не пришло.

– Я представляю какая это была работа. Много наверно времени ушло чтобы вырыть туннель в такой породе.

– Двадцать пять дней, и еще пол дня на само заключение Арха...

– Двадцать пять? Это немислимо.

– В этом ты прав. Я помню до сих пор каждый из этих дней. Лучшие, храбрейшие воины практически без пере-

дышки работали днем и ночью сменяя друг друга.

– Прямо как узники.

– Практически. У нас был хороший стимул. Тогда уже было решено бросить тело Арха... Ты наверно не поймешь, о чем я.

– Он разве там не заперт?

– Заперт, но не совсем он. Его тело – все живое, что в нем было, все человеческое – находилось на грани смерти и медленно теряло остатки столь драгоценной жизни, а вот его сила ничуть не ослабевала и оставшись бесконтрольной грозила уничтожить все живое. Нам пришлось бросить его тело и взять фактически его душу, его разум, сознание – на тот момент все это выглядело как крохотный слабый огонек. К моменту, когда мы прибыли сюда огонек разгорелся до небольшого костерка. На десятый день огонь поглотил повозку, на которой мы его привезли, а с двадцать пятого дня пламя стало разрастаться настолько быстро, что уже к вечеру площадь, охваченная огнем увеличилась вдвое, помимо работы над туннелем теперь приходилось к тому же тушить бегущие по земле язычки пламени, иначе они могли добраться до деревьев и тогда пламя было бы уже не остановить. Дальше тянуть было уже просто нельзя и тогда осторожно, вооруженные копьями и облаченные в стальные латы, бойцы длинными древками стали пододвигать чашу с огнем к вырытому туннелю. И этот последний и, наверное, наиболее важный этап оказался самым сложным из всех. Воинам

приходилось постоянно меняться, а огонь тушить всеми возможными средствами... А вот кстати и выход, – Марк резко оборвал свой рассказ и с нескрываемой радостью стал выбираться из туннеля на слепящий свет.

Первым, что бросилось в глаза, выбравшемуся из туннеля, Роджеру стала трава. Самая обычная сочная зеленая трава с прозрачными горошинками росы. Юноша, присев, сначала внимательно осмотрел ее, потом осторожно вытянул руку и прикоснулся к влажным травинкам, пытаясь убедить себя в реальности увиденного, но чем больше его глаза привыкали к свету, тем меньше он понимал, где в действительности он оказался.

Туннель вывел их на лесную поляну, что никак не укладывалось в голове. Вокруг возвышались древние, высокие деревья и то там, то здесь вздрагивали их пышные ветви, пропуская меж зелени листьев яркие силуэты снующих по ним белок.

Последним, что окончательно спутало все мысли стало небо. Спускаясь в туннель Роджер ожидал увидеть все что угодно вплоть до жерла вулкана, но он не мог даже предположить, что выберется на свежий воздух, под палящее солнце и синие небо, в лес, наполненный жизнью.

– Что скажешь? – подошедший аббат добродушно улыбался, глядя на своего ошеломленного спутника.

– Это невозможно! Мы спускались ночью, и мы... мы спускались! Под землю, вглубь... – спутанные объяснения

парня прервал грохот, словно отколовшийся кусок скалы вызвал обвал. На короткое мгновение все затихло, но вскоре грохот повторился вновь, а за тем еще раз и еще раз.

В то же мгновение лицо Марка преобразилось, жизнерадостная улыбка сменилась тревогой. Аббат тут же сорвался с места и помчался напрямик через поляну к небольшой лесной просеке.

Боясь вновь потерять своего подопечного Роджер ринулся вдогонку, но подойдя к цветущий поляне юноша внезапно остановился. Только сейчас, за мгновение до того, как вступить на поляну он обратил внимание на растущие на ней цветы.

Они были необычайно красивы и на вид казались такими хрупкими. У самой земли тонкий стебель был совсем синим, чуть выше он набирался красок и отдавал темно-рыжим, а у крохотных листьев наливался пестрой, яркой, бросающейся в глаза оранжевой краской, как и сами листочки. На вершине же царствовал ярко-красный распустившийся бутон.

Только сейчас внимательно рассмотрев цветник, разросшийся на поляне юноша понял, что все эти прекрасные цветы были не чем иным, как аккуратно замаскированным огнем. Вся поляна была объята пламенем и сейчас не замечая ничего по ней бежал аббат.

Осторожно, боясь обжечься, юноша прикоснулся к трепыхавшемуся алому лепестку, но вместо жара или боли почувствовал лишь легкую влажную прохладу.

Собравшись с духом он сделал первый шаг и вступил на поляну и вскоре уже бежал вслед за Марком.

Лесная просека петляла и уходила куда-то глубоко в чащу, но спустя несколько поворотов Роджер, наконец, догнал аббата. Марк больше не бежал, а шел спокойной, уверенной походкой к стоящему впереди человеку.

Незнакомец стоял к ним в пол оборота, закрыв глаза и о чем-то задумавшись. Словно молчаливая статуя, он застыл перед грудой огромных валунов и по всей видимости был так увлечен мыслями об этом странном каменном нагромождении, что абсолютно не замечал приближения к себе двух непрошенных гостей.

"Это и есть Аргхзур? Падший бог..." – думал про себя парень. Следуя за аббатом, он ожидал увидеть чего-то большее от "Проклятия Долины" о котором так много рассказывали монахи, от великого чудовища и бога, но увидел всего лишь человека. Да он был выше и крепче Марка, но с другой стороны, будь здесь тот же Стен – отец Тима, так рядом с кузнецом бог не казался бы чем-то великим или опасным. Обычные, как и у многих сотен других людей короткие каштановые волосы чуть топорщились у лба, в тон к его волосам, лицо украшали усы и не менее коротка, но густая борода, закрывавшая подбородок и скулы, вплоть до самих ушей, образуя некое подобие гривы. Одет был он в легкие темного цвета штаны и белоснежную тунику до пояса. При всем желании он не вызывал страха или какого-то трепета, его внеш-

ний вид скорее проходил на простого рабочего коих много в том же Корстейте.

Вдруг его фигура пришла в движение. Правая рука, до этого сгребавшая морщинки на лбу, взмыла вверх и в тот же момент огромная каменная груда, словно бы ожив, стала медленно, друг за дружкой, подниматься в воздух. В след за правой в воздух взмыла и левая. Валуны, повинувшись движению рук бога, зависли в футах над землей. Плавный росчерк руки вправо и колоссальные по своему весу камни медленно поплыли словно толкаемые ветром корабли. Арх казалось бы дирижировал хором, кисти его рук танцевали, а следом все повторяли и каменные танцоры, пока вдруг все вновь не прекратилось и исполинские громадины не рухнули с грохотом на землю.

– Аргх, – не дойдя всего нескольких шагов до цели своего визита осторожно произнес Марк.

И Аргх застыл. Боясь лишний раз пошевелиться, он так и развернулся с поднятыми на уровне головы руками, и не веря своим глазам неотрывно уставился на аббата.

– Мартин! О Темные Боги! Этого не может быть, – Арх все в два шага преодолел расстояние, разделявшее его со стариком и крепко обнял его, да так что бедолага повис над землей, зажатый между двумя огромными ручищами. – Боги, как же я рад тебя видеть, – Аргх, наконец, расцепил свою хватку и опустил старика на землю. – Я же тебя теперь не выпущу отсюда. Зачем ты так со мной.

– Я тоже очень рад снова тебя видеть, – тихо пролепетал аббат, смущенный присутствием Роджера. – Прости, что так давно не навещал. Сам видишь каким я стал. Мне все тяжелей преодолевать столь длинный путь.

– Так ты и оставайся здесь, в часовне. В конце концов ты же магистр этого ордена, отдай управление аббатством кому по моложе и переезжай сюда. Ты можешь жить прямо здесь, у меня, в крайнем случае в Тиретхолле. Прекрасный город, – мужчина не отрывал взгляда от лица друга, словно боясь, что он исчезнет. В отличие от белых, холодных зрачков Зааша, у Арха были живые искрящиеся карие глаза, отдававшие мягким теплом, что еще больше уподобляло его человеку.

– Аргх я не один. Это Роджер, он меня сопровождает, и он знает о тебе ровно то, что знают сейчас все, – Марку пришлось чуть ли не силой развернуть друга к стоящему в стороне юноше.

– Приношу свои извинения. У меня редко бывают гости. Хотя сказать по правде у меня их не бывает вообще. За долгие годы одиночества манеры стираются из памяти. Я лорд Аргхзур, гроза Долины или ее проклятье, в точности уже не помню, – с добродушной улыбкой бог осторожно, словно боясь спугнуть любопытного зверька, подошел к Роджеру и протянул ему руку.

– Роджер Эклстер, командир первого отряда гвардейцев Тиретхолла, – юноша бросил испуганный взгляд в сторону Марка и только дождавшись его короткого кивка, принял по-

данное рукопожатие.

– Вот и замечательно, – Аргх притянул к себе парня, приобняв и хлопнув его по плечу, он повел его к аббату. – Голодны? Устали? Вы только скажите, что я для вас могу сделать.

– Ты не знаешь, что здесь произошло? – тяжелым, уставшим после утомительной дороги и надломленным от увиденного в часовне голосом спросил Марк.

– Прости. Я понимаю, я должен был вас заметить. Надеюсь ничего серьезно в дороге с вами не приключилось. Отдохните, я сейчас что-нибудь раздобуду нам на поздний ужин, а потом на свежую голову расскажите о вашем приключении, даю слово я сделаю все возможное, что в моих силах, – Аргх не замолкал не на мгновение. Он с улыбкой переводил взгляд с Марка на Роджера и обратно, казалось бы бог не замечал ни печального взора, устремленного на него, ни осторожные попытки аббата прервать его бесконечный монолог. – Мартин ты представить себе не можешь! Ужасный, я повторяю, ужасный год. Такая жуткая засуха охватила все земли. Я стараюсь хоть что-то предпринять, но чувствую, что не успеваю. Ладно, в Долину я запустил первые прохладные ветра с земель Норгха. Раньше срока, да, я понимаю, но другого выбора нет. Сейчас чуть похолодало и погода более или менее пришла в порядок. Я повременю с заморозками, пока новый урожай не созреет, но боги, Мартин, что твориться на юге! Там же буквально земли выжигаются, о выращива-

нии... да что там, просто землю вспахать невозможно! Так что я решил, – он впервые отвлекся от своих столь долгожданных гостей и развернувшись с гордостью указал на груду камней. – Да, пока это куча валунов, но я делаю родник. Я уже с несколько десятков их разбросал по южным землям, но этого пока мало. Да что с вами? – Аргх вновь обернулся к своим гостям. – Понял. Простите. Вам нужен отдых, а я на вас набрасываюсь...

– Аргх, – Марк не оставлял попыток перехватить разговор.

–... сейчас, что бы вам подать...

– Аргх, – мягко, но уже громче и требовательней повторил аббат.

–... знаешь, я наверно сейчас перенесу свои наработки подальше, чтобы не будить вас и сразу же принесу что-нибудь вку...

– Аргх все это не важно.

– Что? Да, сейчас, я только уберу их, – бог медленно, один за другим поднимал в воздух камни и направлял их куда-то в глубь леса, словно снаряжая армаду боевых кораблей.

– В часовне... Кто-то приходил за тобой... Они... – осознав, что бог до сих пор не знает о произошедшем за пределами его темницы Марк не знал с чего начать. Аббат осторожно опустился на землю, и закрыв глаза руками попытался собраться с мыслями.

– В часовне? Не проблема, что там? Крыша? Подвалы?

Все поправимо, не надо так убиваться, знаешь к старости ты, по-моему, стал излишне сентиме... – вдруг он замолчал, каменные валуны с громким треском рухнули где-то в лесу. Его зрачки бешено бегали, словно что-то в спешке осматривая, хотя он сам смотрел прямо перед собой, но по всей видимости перед его глазами стоял отнюдь не знакомый уже не первое столетие лес. – Как... Боги... За что? Кто? – его лицо исказил ужас, глаза заискрились от накативших слез, а руки сжались в кулаки. – Кто это сделал? Мартин! Они монахи! Они же даже к вашему проклятому ордену имели лишь косвенное отношение! За что?! Зачем?! У них же даже нечего было забрать... Мечь? Ненависть? Что это? Что за чудовищное безумие...

– Это я хотел спросить у тебя.

– Мартин, – с почти физическим страданием в голосе прошептал Арх. – Как я мог это упустить... Я же всех их знал... Некоторые жили здесь почти с самого рождения, а сейчас эта... груда... Их даже не погребли.

– Арх я не знаю кто эти люди, что посмели ворвались в часовню и предать всех мечу, но знаю, что целью их визита был ты...

– Я? Значит снова? – на мгновение он замолчал, что-то обдумывая. – Мартин... Но никто не может знать где я. Ты же сам говорил... Твой орден так постарался, замечая следы и подчищая свою историю, что скрыл ее даже от себя. Эта часовня построена тобой, как наблюдательный пункт за вхо-

дом в мою темницу, но ведь даже жившие здесь братья и понятия не имели что я рядом.

– Как бы то ни было, но убийцы были хорошо осведомлены о существовании здесь твоей тюрьмы и пытались ее вскрыть.

– Вскрыть? Да что происходит с этим миром! Я изо всех сил стараюсь спасти ваши жизни, даю воду и возможность вырастить хлеб, а вы готовы убивать тысячи ради... Ради чего? Зачем им я?

– Мне тоже тяжело это ви...

– Ты ничего не мог сделать, а я мог! Я был рядом! Но не помог! Снова бросил своих подопечных!

Марк перевел усталый взгляд на Роджера и обратился к юноше:

– Оставь нас наедине. Подожди меня на поляне, – аббат не сводил глаз со своего спутника пока тот раздраженно не развернулся и быстрым шагом не направился прочь. – Аргх о произошедшем в часовне я узнал только сегодня, целью моего визита изначально являлось письмо...

До парня еще долетали обрывки фраз аббата и гневные восклицания Аргхзура, но он уже не различал о чем они переговаривались. Его обижало недоверие аббата, после всего, что он уже узнал о нем, после увиденного ими в часовне, почему до сих пор он что-то скрывает от него? Зачем прогоняет...

Роджер молча брел по лесной просеке, словно уязвленный маленький мальчик, он медленно отдалялся от не затихав-

шего разговора, в то время, как голоса вдруг стали стремительно его догонять, нарастая и становясь громче.

–... Этого не может быть! Почему ты никогда об этом не говорил мне? – первым мимо юноши промчался аббат, а вслед за ним и Аргхзур.

Пара стремительно приближалась к уже пропавшему туннелю, через который сюда и попали Роджер с Марком.

– Ты слишком сильно паникуешь, Мартин, – успокаивающе произнес Аргх, пытаясь догнать бегущего впереди аббата. – Я же здесь и никуда не делся. Я прекрасно понимаю, что будет со мной и со всеми, кто населяет Долину если я покину это место...

– А если бы ты захотел отомстить? Или просто попробовать выйти! Как я мог допустить такую ошибку! – Марк упал на колени перед отвесной каменной стеной, где совсем недавно зияла черная дыра туннеля, ведущего в сад часовни.

– Наверное, ты уже тогда догадывался о том, кто я такой и не видел во мне опасности. Ты осознано или не совсем... осознанно, практически, не сделал никакого запора с моей стороны, – Арх нависал над, стоящим на коленях, аббатом.

– Боги! У меня просто не хватило времени! Ничего более. Да где же она, – Марк пристально осматривал каменную стену, пытаясь отыскать еле различимый символ.

– Не ищи. Ее здесь нет. С этой стороны проход могу открыть лишь только я.

Арх взмахнул рукой и ближайšie огненные цветы, с по-

лыхающей поляны, вытянулись в тоненьких змеек. Десятки пылающих струек направились к каменной стене, и добравшись до горной породы стали одна за другой заползать на ее поверхность, образуя огненную узорчатую арку. Как только узор замер и вспыхнул темным, голубоватым пламенем Арх легонько толкнул породу внутри арки. Словно легкая шелковая ткань серая стена смялась и растворилась в воздухе без единого звука, открыв вид на ночной сад часовни.

– Закрой, – прошептал с плохо скрываемым гневом Марк.

– Мартин, прошу, не сердись. Я открыл твои печати почти сразу же как пришел в себя, но, как видишь, никуда не сбежал и не собираюсь. Теперь, что касается родников и источников. Размещение таких объектов не требуют особого затрата сил и поэтому проходят незаметно, но до этой мысли у меня были и другие. Как только я осознал всю катастрофу, вызванную засухой, то понял, что нужно что-то срочно предпринять. И первая моя идея оказалась для меня непосильной в нынешнем моем состоянии. Я хотел развернуть реку, текущую на границе с Долиной, но для этого пришлось использовать все имеющиеся у меня силы. Скажу честно, сдвинул я ее не так чтобы и далеко, но такой выброс энергии чуть не вызвал извержение вулкана и, сопутствующее ему, землетрясение, поэтому от этой идеи и ее реализации пришлось отказаться. Я полагаю, что именно этот эпизод владыка Тиретхолла описал тебе в своем письме...

Все время объяснения Марк молчал. Закрыв глаза старик

опустил голову.

– Это была твоя тюрьма... – наконец, тихим поникшим голосом произнес он.

– Мартин, но все же в порядке. Я здесь. Еще раз прости, что не говорил об этом раньше...

– Боги... Что было бы если бы ты захотел выйти? Если бы ты захотел отомстить? Я посадил тебя в клетку, но не запер ее. Эта ошибка могла забрать жизни многих поколений.

– Мартин...

– Так, – аббат резко выпрямился и подняв голову посмотрел прямо в лицо Падшему Богу, – мы с тобой об этом еще поговорим. Что сейчас важно так это то, что за этой дверью, – Марк провел рукой по холодному камню скалы, – масса ни в чем ни повинных людей погибла ради все лишь попытки вскрыть твою темницу. Если активность вулкана и не имеет никакого отношения к лже-культисту, то нападение на часовню и отчетливые признаки попытки взлома печати говорят о том, что кто-то явно хочет по крайней мере увидеть тебя.

– Мой друг, не менее важный вопрос заключается в том не кто был в часовне, а откуда он узнал, что и где искать. Давай вернемся к тому, что мы уже знаем – орден не имеет сведений о местоположении моей тюрьмы. Но даже допуская тот факт, что информации обо мне строго засекречена, то зачем вашему магистрату было убивать собственных людей?

– Не сомневайся, ради того, чтобы скрыть, даже такую ме-

лочь, магистрат способен на многое и в пользу этого свидетельствует та жестокость, с которой были убиты монахи. Людей мучили и издевались над ними прежде чем убить, словно отводя взгляд от чего-то более важного...

– Печатей.

– Вероятно, но я уже порядка пятнадцати лет изучаю, что именно произошло после моего ухода. Мне помогает Абель – умный парнишка, он тайком исследует библиотеки магистрата каждый раз посещая Солас Мор. Пока мы не нашли ничего о тебе, но зато нашли нечто гораздо более интересное, касаясь западной войны, – аббат порылся в карманах своего походного балахоны и вынул помятый древний свиток отдал его Аргхзуру. – Но, предположим, в этом не замешан орден, то кто еще мог? Норгхстор?

– Норгх? Нет, это абсурд. Воссоздавать моих культистов, обучать людей, убивать ради моего освобождения? Нет. Это слишком сложно. Если бы он захотел он... прости конечно, но он мог прийти в часовню, и без каких-либо жертв и никем не замеченный уничтожить твои печати и навестить меня, но за все эти века он не приходил и не говорил со мной ни разу.

– Зааш тоже не мог...

– Я знаю. Он все еще живет в той пещере?

– Жил, до всех этих новостей. Он боится тебя.

– Боится... Я должен был с ним поговорить и уже давно.

Сколько раз я за ним наблюдал, но никогда не решался показаться, обратиться к нему. Мартин я не сержусь на него.

Пожалуйста, передай это ему, когда встретишь. Я был бы рад если бы он меня навестил. Он мне как сын, да так и есть, по крайней мере я с ним проводил времени гораздо больше Норгха. Все эта ссора! Проклятые слова, я не должен был говорить их тогда. Теперь я потерял его, как племянника, как сына, как друга... Простите, Мартин, Роджер вам следует отдохнуть с дороги. Я вернусь к вам позже, – бог развернулся и быстрым шагом пересек огненную поляну и скрылся в лесу.

– Я думаю, нам стоит прислушаться к его совету, по крайней мере мне точно необходим сон, – Марк снял свой балахон и сложив его в несколько раз положил на землю. – Я бы на твоём месте тоже отдохнул, – вздыхая, аббат опустился сначала на колени, а потом и совсем лег, положив голову на сложенные одежды.

– Но здесь еще день... – как только последнее слово слетело с губ Роджера, пылавшее в небе солнце пришло в движение. Лениво, огненная сфера стала опускаться к земле, окрашивая небо в багровый оттенок, а вскоре и совсем скрылась за лесом, сменившись мириадами блестящих звезд. Вслед за исчезающим светилом на огненной поляне цветы закрывали свои бутоны и сонно пригибались к земле, алые и пылающе-рыжие лепестки темнели и наливались синевой. Яркая, пестрая поляна, встречавшая их теперь походила на затухавший костер, темно-синие, чуть голубоватые цвета сливались с общим полумраком и спокойствием.

Когда Кэй проснулся, то понял, что остался один. Он лежал в седле, крепко прижавшись к лошади и инстинктивно обнимал ее руками. Еще вчера он направлялся домой, но после практически прямого столкновения с неизвестной армией, Эрик решил покинуть тракт и свернуть на одну из множества лесных троп. Именно тогда в последний раз он и видел своего спутника.

Эрик предпочел пересадить мальчика к себе на лошадь, на которой Кэй вскоре и уснул. И судя по тому, что засыпал он еще в вечерних сумерках, а сейчас солнце уже полноправно сияло высоко в небе, хоть и казалось блеклым пятном на молочно-белом фоне, то проспал он, по всей видимости, всю ночь и добрую половину следующего дня.

Кэй не мог в точности сказать куда они направлялись, Эрик постоянно молчал и казалось полностью игнорировал присутствие с ним кого-либо еще. Но исходя из того, что погода стремительно ухудшалась – все чаще их обдували порывы морозного ветра и все слабее становился солнечный свет – мальчик был уверен, что они продвигались на север.

Он огляделся, он находился в лесу, но совсем не похожем на тот что окружал тракт. Здесь некоторые деревья были срублены, всюду торчали заросшие мхом пни. И только сейчас меж этих одиноких стволов он заметил фигуру идущего к нему человека. Эрик шел бодрой, стремительной походкой

не взирая на не утихавший ветер, дувший прямо на него.

– Ну что, проснулся, наконец, – спросил он, поравнявшись с мальчиком.

– Где мы?

– Не так далеко от стен Хоштраша. Ты замерз? Совсем о тебе не подумал, – сняв с себя плащ, он набросил его на мальчика, оставшись в одном кожаном камзоле.

– Ты сам замерзнешь теперь. Что мы здесь делаем?

– Я вырос в гораздо более морозных местах чем это, так что за меня не беспокойся. Зачем мы здесь? Я должен встретиться с отцом и рассказать ему о том, что происходит к югу от его земель, а тебя просто не могу бросить, – Эрик с жалостью смотрел на дрожащего ребенка, пытающегося укрыться в поданный ему плащ. – Ты прости, но больше задерживаться здесь мы не можем. Постарайся по плотней завернуться в плащ и слезай, дальше мы пойдем пешком.

– Пешком, но почему? А как же лошадь?

– Я подвез нас максимально близко насколько это было возможно, дальше верхом нам не пройти, и к тому же эта кобыла уже давно на пределе. Она сдохла еще ночью, а времени на ее подготовку к дальнейшему пути у меня не было.

– Сдохла?! – от ужаса Кэй подскочил в седле и, рухнув на промерзшую землю, стремительно отполз от меланхолично наблюдавшего за происходящим животного. – Но она стоит! Дышит! Вертит головой, в конце концов!

– Успокойся и привыкай, – ровным голосом, словно бы

ничего необычного не произошло, произнес Эрик и приблизившись к Кэю помог мальчику встать и отряхнуться. – И прекрати паниковать, это лишь малая часть того что ты можешь вскоре увидеть. Сохраняй тепло, до деревни Ульгиров мы доберемся не раньше вечера и далеко не факт, что нас там вообще примут. На костер особо не надейся, здесь сильный ветер и даже если мне и удастся развести огонь особо много тепла он нам не даст.

– Но почему мы здесь? Почему не на пути в Тиретхолл? – Кэй отвернулся от лошади, стараясь даже не смотреть в ее сторону, стараясь забыть сам факт присутствия ее рядом.

– О Тиретхолле можешь забыть, туда я тебя не повезу.

– Что? Ты в своем уме? Меня потеряют! В конце концов я не дворовый мальчишка, я будущий лорд!

Эрик подошел в плотную к возмущенному, покрасневшему от злости ребенку и посмотрев ему прямо в глаза медленно, не терпящим пререканий голосом произнес:

– Прекрати ныть и указывать. Повзрослей. Я не по своей прихоти изменил наш маршрут. Будь моя воля, я бы с превеликой радостью отвязался от тебя. Я даже готов бросить тебя здесь, прямо сейчас, на съедение оголодавшим диким лесным тварям, лишь бы избавиться от навязанного груза. Единственная причина почему я до сих пор этого не сделал – это данное мною слово. Я верну тебя живым и по возможности невредимым к Марку, но до этого момента твое положение равносильно вещи – я защищаю и оберегаю тебя, а

ты молча выполняешь все что я скажу. Ты меня понял? – ледяной взгляд холодных глаз Эрика пугал и парализовывал Кэя. – Мальчик, ты меня понял? – Эрик чуть тряхнул Кэя за плечо.

– Да, – только и смог выдавить он из себя.

– Хорошо, поверь, у меня хватает проблем и помимо твоей безопасности...

– Мы зайдем в Хостраш? – пытаюсь сменить тему и отвлечь Эрика, перебил его Кэй.

– Будем надеется, что нет. Сейчас мы по моим подсчетам должны быть довольно далеко от самой крепости, но зато совсем близко к восточному окончанию стены. Деревья, как ты сам можешь видеть, здесь местами вырублены. Лес прореживают остатки гвардии Хостраша для более удобного и детального наблюдения за прилегающими к стене территориями. И окружающие нас пни определенно свидетельствуют о том, что до нашей первоочередной цели осталось всего несколько сотен ярдов. Для начала, я думаю, мы продолжим идти прямо, пока не достигнем стены, добравшись до нее, мы развернемся и направимся уже строго на восток. Наша следующая цель уже хорошо видна отсюда, – Эрик указал на заснеженную гору вдалеке. – Все что нам останется сделать дальше – так это найти тайные тропы, ведущие к ее вершине, но об этом можешь не беспокоиться, эти каменистые, продуваемые земли я знаю с юных лет и знакомы они мне гораздо лучше, чем многие теплые леса Долины. Меж тех гор-

ных складок нас ждет первая и будем надеется единственная проблема – деревня Ульгиров – по сути наша финальная цель на этом этапе пути. Когда-то их многочисленный народ населял всю территорию Мертвых Земель, теперь же от него остались лишь жалкие крохи – два маленьких племени, две деревушки, ютящиеся по краям огромной стены. Во времена расцвета их народа они почитали отца, теперь же люто его ненавидят. Они могут нас пропустить, а могут и нет.

– Ты хочешь пойти в Мертвые Земли?!

– Ты только понял, – улыбаясь Эрик похлопал по плечу Кэя, подталкивая мальчика вперед. – Но об этом позже. Нам пора выдвигаться.

Следуя плану Эрика вскоре они уже шли вдоль огромной стены, преграждавшей путь в Мертвые Земли. Здесь на очищенной от леса полосе размером чуть более ста ярдов ветру больше ничего не мешало и холодные порывы били нещадно, постоянно сменяя свое направление. От жалящего холода ничего не спасало, пальцы рук немели и с каждым вздохом глаза застилал белесый пар. Вцепившись мертвой хваткой в плащ мальчик мог думать только о том, чтобы эта ужасная пытка по скорее закончилась.

Следуя на восток по продуваемой полосе они вышли к черному, стального цвета озеру, простиравшемуся у подножия скалистой горы.

– И как мы переберемся на ту сторону? – перекрикивая

завывание ветра, спросил Кэй. – Здесь должно быть ледяная вода, а у нас нет ни лодка, ни чего-либо на нее похожего.

– Нам ничего и не понадобится, – Эрик прошел по берегу озера и остановился в нескольких футах от Кэя. – Как я уже говорил крепость Хостраш не единственный путь, ведущий в Мертвые земли, но и он охраняется и не только самим племенем. Я думаю для тебя не секрет, что по ту сторону горы, как и на ней самой ничего не вырастишь, а значит нет и пищи, но как бы то ни было племя должно чем-то питаться.

– Не лучшее место для жизни, – ежась от холода прошептал мальчик.

– Ну почему же? Раньше они жили еще северней, а до этого и во все на другом континенте и уж там, поверь мне, холода были гораздо сильнее, так что скорее, я бы сказал, их жизнь становится теплее. Но в любом случае это решение вынужденное и от них в данном случае мало что зависит. Как я уже сказал по ту сторону гор больше нет жизни, а Ульгиры крайне зависимы от оленей. Они охотятся на них, в этих самых лесах, разводят в племени. Большая часть их жизни зависит от оленей, это и их пища, и их одежда, и материал для домов, практически все части туши идут в дело. Олени мигрируют на юг и Ульгирам приходится следовать за ними. И живя здесь они столкнулись с проблемой: как пересечь озеро, но не привлечь внимание гвардейцев Хостраша? Если бы каждый охотник всякий раз оставлял свою лодку на берегу, то довольно скоро племя бы обнаружили и с ним бы

произошло примерно тоже что и с его сородичем на западе, а уж поверь мне Ульгиры и особенно их восточное племя привыкли жить довольно изолировано от жителей Долины и крайне неохотно пойдут на контакт.

– Они могут брать лодки с собой и прятать их в лесу, – стуча зубами ответил Кэй.

– Идея хорошая, но в ней, к сожалению, больше минусов чем плюсов. Да, прости. Я постоянно забываю о том, как здесь холодно. Давай поторопимся, я все расскажу по дороге, – с этими словами он сделал несколько уверенных шагов по водной глади, погрузившись в нее всего на несколько дюймов. – Не отставай, – скомандовал Эрик и быстрым шагом направился к противоположному берегу. – Довольно сообразительный народец, не правда ли? Невидимый путь сквозь промерзшее озеро, один неверный шаг, и ты окажешься в ледяной воде, что в этих условиях верная смерть. Его можно использовать и как тайную тропу и как ловушку, – юноша остановился в центре озера, наблюдая за тем чтобы Кэй в точности повторял его маршрут. – Подобные этому мосты я видел и раньше, правда они были в гораздо менее глубоких водоемах. Как правило Ульгиры ждут заморозков и как только водная преграда покроется льдом, на ней выкладывают путь из камней. Когда же лед тает, давая воде свободу – камни тонут и о существовании такой тропы остается известно лишь ее создателю. Но здесь, я полагаю, они использовали бревна. Каменную тропу или земляную насыпь на та-

кой глубине сделать практически невозможно, – Эрик схватил за руку, догнавшего его в центре озера, мальчика и быстрым шагом направился к противоположному берегу.

Преодолев тайную тропинку, они стали осторожно взбираться по скалистому склону. Здесь путь ветру преграждала сама гора, отчего он уже не набрасывался, словно голодный зверь. Но в то же время легкие порывы несли с собой снежные хлопья, которые впивались в лицо словно десятки маленьких игл.

На этот раз их путь оказался довольно коротким. Не пройдя и десяти ярдов Кэя почувствовал легкий укол в спину, а в нескольких шагах перед Эриком уже выглядывали из-за скал головы людей, обрамленные меховыми капюшонами.

– Что тебе здесь нужно? – спросил подошедший человек, угрожая Эрику копьём.

– Я направляюсь к отцу и прошу пропустить меня и моего спутника.

– Ты думаешь мы так глупы что дадим тебе пройти? – к подошедшему воину стали приближаться другие.

Люди боялись, осторожно делая каждый шаг, они оглядывались на своих сородичей и только убедившись, что те продолжают движение к двум непрошеным гостям, выставив копьё шли дальше.

– Что я думаю? Я думаю, что пробудившийся бог на юге сметет все, включая и вас если ему не оказать противодействие, а единственная сила, равная ему, находится по ту

сторону гор.

Воин долго молчал, что-то обдумывая, наконец, он отвел свое копьё, тоже сделали и все остальные его соплеменники, уже взявшие в окружение двух путников, и посмотрев сначала на Кэя, а следом и на Эрика произнес:

– Мы отведем тебя к вождю, но если он решит не пропускать тебя, ты уберешься отсюда.

– Договорились, – непринужденно ответил Эрик.

Весь следующий подъем, вплоть до самой деревни они прошли фактически под конвоем. Путь оканчивался в горной расщелине. Небольшое, узкое плато было лишь отчасти защищено от нестихавшего ветра.

Деревня представляла собой несколько десятков конических строений, обтянутых оленьими шкурами. Из вершин некоторых струился дым, уносимый ветром. Практически перед каждым домом сушились шкуры или в небольших загонах гуляли либо молодые олени, либо свора мечущихся черных или белых собак.

Прибытие отряда соплеменников и их пленников вызвало всеобщее оживление. Чем глубже отряд продвигался в деревню, приближаясь к ее предполагаемому центру, тем больше и плотнее становилось его окружение.

Перед одним из домов их встретил угрюмый мужчина, одетый как все остальные в глухую малицу, сшитую из белой оленьей шкуры с капюшоном. Вместе с ним вышла женщина в таком же белом облачении, но с шапкой с опушкой из

черного собачьего меха.

– Зааш-нянту... – с шипением произнес угрюмый, внимательно смотря на Эрика, а стоящая рядом женщина тут же ринулась к Кэю и схватив его в охапку потащила в соседний дом.

– Не бойся ее, это шаман, – успокаивающе крикнул Эрик, следя как женщина пытается втолкнуть упирающегося Кэя в дом.

Внутри было довольно жарко, особенно после целого дня пути под ледяными атаками ветра, и уже спустя пару мгновений глаза Кэя стали слипаться. По телу пробежали приятные теплые волны, исходящие от горящего в центре костра, но в то же время руки, лицо, ноги пощипывало от неутрачиваемой боли, сопутствующих приливу тепла.

Пока женщина с чем-то возилась в правой части дома, Кэй начал медленно сползать к земле. Не в силах больше сидеть он уткнулся в теплые шкуры, устилавшие пол. Вернувшись к нему шаманка накрыла мальчика огромной толстой меховой шкурой и укутав его направилась к костру.

– Зааш-нянту, коча, плохой. Не следует тебе быть рядом с ним, – приговаривала она мешая какую-то похлебку на огне. – Он ведет тебя в плохое место. Слышишь? Мертвецов земля не место для живых. Уйдешь с ним и никакие дядьки не помогут, никто не придет на помощь. Там земли Норхнгоу, земли смерти, земли холода. Тебе нужно согреться. Сейчас я тебе дам что-нибудь горя... Что там такое? – ша-

манка отвлеклась, услышав крики снаружи. – Коча Зааш, ничего хорошего не принесет нам, зря Ткугус привел его, зря.

В прорези, служившей входом в дом вдруг появилось лицо Эрика. В мгновение он влетел в дом, одной рукой сорвал с Кэя теплую шкуру и выкинул ее в прорезь откуда пришел, другой подхватил самого мальчика и выскочил вместе с ним наружу.

Тем временем дом уже окружали вооруженные люди. На снегу в нескольких шагах от них были видны темные кровавые пятна, уходящие в дом, из которого их выходил встречать угрюмый мужчина с шаманкой.

– Беги прочь из деревни, – скомандовал Эрик и оттолкнул мальчика от себя. – Я догоню тебя позже.

Лишь благодаря своему спутнику Кэй успел вырваться из смыкающегося кольца вокруг дома шаманки. Местные, оцетинившись копьями, неуклонно приближались, окружая и отталкивая неприятеля.

На Кэя же никто не обратил внимания, мальчик быстро добрался до края деревни и остановившись в нерешительности стал ожидать своего спутника.

– Не стой! Убирайся отсюда! – продолжал кричать Эрик, озираясь на наступавшую со всех сторон толпу.

Вдруг в его руке что-то блеснуло и по толпе пробежал тихий вздох отчаянья, вскоре переросший в единый боевой клич. В след за новой атакой полетели стрелы, которые казалось заполнили все пространство этого жалкого клочка зем-

ли, на котором еще проходил бой, но в то же мгновение из-под стрел вылетел Эрик, размахивая блестящим клинком.

Удар за ударом, его рука то поднималась то с силой обрушалась на окружавших его воинов. Словно загнанный зверь он метался на крошечном куске земли, отбивая атаки местных и нанося свои.

– Я сказал тебе уходить! – в ярости крикнул он, в перерыве между атаками, бросив взгляд прямо на побелевшего от страха мальчика.

Следом за его криком воздух заполнил бой бубнов и низкое, утробное горловое пение. Дым струящийся из вершин домов словно подчиняясь неведомой воле изогнувшись прильнул к земле и потянулся к Эрику. Периодически в темном облаке вспыхивали красные искры, но Кэй этого уже не видел. Мальчик в панике бежал по камням, перепрыгивая с одного на другой.

Он уже спустился к озеру и в ужасе понял, что не помнит где начинается тропа, ведущая к противоположному берегу.

– Черный камень, слева от тебя, прямо за ним тропа. Беги! – на вершине, меж темных скал уже показался Эрик, а следом за ним, и толпа вооруженных Ульгиrow. С неба летели стрелы и копья. С глухим хлопком они врезались в землю в нескольких шагах от Кэя или с пронзительным треском ломались о камни.

Спустившись к берегу Эрик подхватил застывшего на месте Кэя и перебросив мальчика через плечо ринулся на про-

тивоположную сторону.

– Они скоро отстанут, но не на долго. Теперь у нас не осталось выбора, придется идти через Хостраш.

Ночевать пришлось под открытым небом.

В погоне Ульгиры не пересекли даже озера, но Эрик все равно торопился и не сбавляя хода увел их на запад по меньшей мере на пол мили. На любые возражения и восклицания мальчика о том, что за ними больше нет погони он неустанно твердил, что эта задержка лишь подготовка перед наступлением и армия племени довольно скоро выдвинется за ними следом.

Те скудные припасы, остававшиеся еще после таверны были безвозвратно потеряны при отступлении и голод неумолимо напоминал о себе, зато холод больше не беспокоил. Эрик каким-то чудом умудрился прихватить с собой ту самую меховую шкуру, которой накрыла Кэя шаманка и проташить ее на спине вместе с самим мальчиком.

– Ты ранен? – осторожно, боясь вновь рассердить своего спутника, спросил Кэй, выглядывая из толстого меха.

Камзол Эрика был весь изодран, местами на нем виднелись следы засохшей крови. Сквозь разорванные, свисающие лохмотья ткани виднелись темные, набухшие порезы.

– Спи. Обо мне не беспокойся. Нам придется уходить с рассветом, так что набирайся сил.

Утром, когда на горизонте лишь появилась тонкая красная полоса, предвещающая начала нового дня, они выдвинулись в дорогу.

Толстая, теплая шкура хороша защищала от вновь вернувшегося ветра, но ее вес был слишком велик для ребенка и уже к полудню Кэй повалился без сил на промерзшую землю.

Оставшийся путь он вновь провел на спине Эрика, соглашаясь с любыми его указаниями.

– Еще раз. Что бы не говорили и к кому бы не обращались – молчи, говорить буду только я, – уже в который раз повторил Эрик.

Во двора крепости их встретил мальчишка, на вид чуть старше Кэя.

– Добрый день, – добродушно произнес он и бегло осмотрел странников. – Я Рик, помощник местного мажордома. Вижу вы ранены, а ваш друг совсем без сил, и, по-моему, вы довольно легко одеты для наших краев. Пройдемте скорее за мной, я отведу вас в крепость, и сообщу лорду-командующему о вашем прибытии, – парень указал рукой на ближайшую дверь и пропустив Эрика с Кэйем вперед, направился следом.

Разместив их в одной из комнат мальчишка тут же умчался за местным мастером над травами и вскоре уже привел с собой огромного верзилу, больше похожего на кузнеца или бывалого воина. Пока человек называющий себя мастером пытался осмотреть раны Эрика, от чего тот упорно отбрыки-

вался, размахивая руками и угрожая чем-нибудь врезать если от него не отстанут, в комнату вошли пара слуг, принесшие горячие, густые похлебки.

Следом за слугами в комнату вошел рослый седой мужчина в темном кожаном камзоле.

– Добрый день юноша, меня зовут Джон Форкстон, я комендант-командующий крепостью Хостраш. Как я вижу путешествие ваше...

– Простите, что прерываю вас, – перебил командующего Эрик, – но не могли бы вы попросить вашего эм... мастера отойти от меня.

– Как мне кажется вам бы не помешала его помощь, но решать вам. Харлон, прошу, – верзила мрачно посмотрел на командующего и не сказав ни слова покинул комнату.

– Благодарю. Мое имя Эрик. Это мой помощник – Сэмюэль, – Эрик указал на стену слева от себя. – Я представляю интересы лорда Вильгельма Ансельмского...

– Прошу прощения, – командующий мягко прервал собеседника, положив свою морщинистую руку на его плечо. Вы наверно имели ввиду, юношу справа от вас, говоря о своем помощнике? – осторожно комендант развернул Эрика в сторону сидящего рядом Кэя.

– Да, да, конечно. Простите меня сэр Джон. Как вы могли заметить мои глаза оказались поражены довольно серьезной болезнью, – Эрик дрожащей рукой прикоснулся к своим векам. – До того, как я, по приказу лорда, был вынужден поки-

нуть Ансельм все было еще не так страшно, но за время пути я, к своему глубочайшему сожалению, окончательно потерял остатки зрения.

– Это многое объясняет. Сказать по правде, вы сильно напугали многих жителей нашей крепости. Я полагаю, что сейчас вам крайне необходим отдых и горячая еда. Я попрошу Рика зайти к вам этим вечером и если вы пожелаете он проведи вас в мой кабинет, где мы и обсудим цель вашего визита к нам.

– Конечно, я благодарен вам за оказанную доброту.

Дослушав, командующий еще раз пожелал им хорошо отдыха и улыбнувшись Кэю вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

– Почему ты не сказал им кто я? – возмутился Кэй, как только они остались одни.

– Кто ты? Ты похоже до сих пор не понимаешь, что означала та армия на тракте. Твоя семья, родные и близкие сейчас либо мертвы, либо в плену.

– Что ты несешь!

– Восходящее над горизонтом солнце – это символ Архзура. Ваш культист, шлявшийся и в конце концов напавший на семью местного мельника был лишь первым звончком, возвещавшим освобождение павшего бога. Теперь же у него есть своя собственная армия, вооруженная и готовая к бою. А теперь подумай, вспомни откуда она и скажи мне, что стало с тем местом. Тиретхолла больше нет, а если от него

что-то и осталось так это либо захваченная крепость, либо – разоренные руины. В любом из случаев первой целью этой новой армии станет уничтожение всей твоей семьи. Хочешь сказать кто ты? Назвать свое имя? И уже завтра на пороге Хостраша будет стоять армия, готовая разорвать тебя на части лишь бы ты не поднял мятеж и не попытался вернуть власть в своих землях, или может быть тебя тихо задушат этой же ночью. Откуда нам знать, что все эти люди уже не преклонили колени перед ним?

– Мы не сможем пройти через стену здесь.

– Оооо... Я вижу в тебе наконец заговорил здравый смысл? Не беспокойся, я уже все обдумал. Для начала мне необходимо поговорить с этим командующим, но это вечером, а пока, как он и сказал, отдыхай.

Кэя разбудил тихий стук, и последовавший за ним скрип отворяемой двери. Мальчик, встретивший их во дворе что-то шептал, обращаясь к Эрику, на что тот тут же согласился и все вновь затихло.

– Проснись, – открыв глаза Кэй сразу же увидел холодные зрачки глаз своего провожатого. – Нам пора.

В один момент комната погрузилась в кромешную тьму. Лишь изредка в небе проглядывала луна, но спустя несколько мгновения вновь скрывалась за облаками.

– Одень это, – шептал Эрик, бросая на кровать, рядом с

лежащим мальчиком что-то большое и толстое. – Это форма гвардейцев. Возможно великовата будет для тебя, но это самая маленькая что я нашел.

– Ты давно вернулся? – так же шепотом спросил Кэй, сясь отыскать очертания силуэта Эрика в темноте и попутно натягивая толстые бриджи.

– Довольно давно. Не хотел тебя будить раньше времени.

– Нас пропустят через стену?

– Пропустят, командующий оказался довольно сговорчивым, но пропустить он сможет нас не раньше, чем получит одобрение от совета, а вот мы, к сожалению, этого ждать совсем не можем. Кстати оказалось, что мы не первые. Какой-то парень забрал с собой целый отряд местных гвардейцев и сгинул за стеной... Ты готов?

– Да.

– Тогда следуй за мной.

Схватив два огромных, набитых насколько это возможно мешка, Эрик открыл дверь и замер, прислушиваясь не разбудил ли кого скрип. Убедившись, что все тихо он бесшумно нырнул в не менее темный коридор. Луна казалось бы словно специально мешала их и без того опасной вылазке. Показавшись в последний раз она скрылась за тучами и так больше и не появлялась. Кэю приходилось крепко держаться за, свисающий с плеч, плащ Эрика и только благодаря ему не отставать.

Лишь оказавшись во дворе в мрачной мгле было возмож-

но хоть как-то ориентироваться. Эрик оставил два мешка прямо в центре двора и согнувшись бесшумно, словно тень проплыл к лестнице, ведущей на стену. Тихо прокравшись он встал всего в нескольких шагах от ничего не подозревающего гвардейца.

На мгновение он выпрямился во весь рост и легонько толкнул человека, от чего тот словно бы потеряв сознание повалился прямо в его объятия.

Как только две фигуры скрылись за зубцом стены Кэй рванул с места и перепрыгивая через ступеньки вбежал на стену.

– Ты его убил?

– Какого? Оставайся внизу. Нас могут заметить. Не усложняй все! – злобно прошептал Эрик вцепившись ледяными глазами в испуганного мальчика.

– Он жив?

– Да, пока что, но сейчас я это исправлю, – в его руке вновь блеснуло холодное лезвие и метнулось к груди гвардейца.

– Не надо. Он уже без сознания, а значит не опасен.

Помедлив мгновение Эрик вновь посмотрел на полулежащего на нем гвардейца и замахнувшись приготовился нанести удар.

– Прошу, – еле слышно прошептал Кэй.

– Если он очнется – нам конец, – осторожно положив голову воина на темный камень стены, Эрик освободился от его тела и схватив Кэя потащил его следом за собой. – Здесь ры-

чаг, опустишь его – освободится противовес, который поднимет решетку, – он указал на огромный спусковой механизм с толстым, размером с руку крепкого мужчины, рычагом. – Сейчас я спущусь во двор и приведу для нас двух лошадей. Как только увидишь меня выходящим, всем своим весом наваливались на рычаг и когда услышишь скрежет, поднимающейся решетки, быстро, что есть сил беги ко мне. Времени у нас будет не много. Я готов поклясться, что на этот шум сбегутся все гвардейцы Хостраша, даже те что сейчас дрыхнут без задних ног. Готов?

Кэй коротко кивнул и приготовившись, обеими руками ухватился за огромный деревянный рычаг.

Темная фигура Эрика в развевающемся меховом плаще, быстро преодолела двор и скрылась под навесом конюшни. Вскоре она показалась вновь, ведя за собой двух кобыл.

В тот же момент как два набитые припасами мешка оказались прикрепленными к седлам, Кэйл изо всех сил навалился на рычаг и услышав лязг поднимающейся решетки рванул вниз.

Как и предполагал Эрик, лязг слышали многие – череда огоньков стремительно приближалась к воротам, словно мотыльки, летящие на огонь. Часть с восточной стороны стены, часть с западной, в окнах башен загорались огни и во двор выбегали сонные, полураздетые люди.

Кэйл, запинаясь в огромном плаще, неуклюже бежал к ожидавшей его во дворе лошади и вполне вероятно так и

не добравшись до нее рухнул бы на землю, запутавшись в неудобной одежде, если бы на помощь ему вновь не подоспел Эрик. Подбежав тот подхватил мальчика и забросив его в седло, хлестнул животное, отчего оно издав болезненное ржание рвануло в открывшийся проход.

Лежа поперек несущегося коня, мальчик всеми силами старался удержаться в седле. Цепляясь за ремешки руками, отталкиваясь ногами, он все равно продолжал неизбежно сползать под бешено мельтешащие копыта.

– Тихо, тихо, спокойно, – перед глазами Кэя показалась лошадь Эрика. Юноша ухватил поводья обезумевшего коня и успокаивая животное, заставил его сначала замедлить ход, а после и вовсе остановиться.

Ледяная пустыня оказалось точно такой какой Кей ее и представлял. Белоснежный, чуть искрящийся от лунного света снег освещал все пространство холодным тусклым свечением. На многие мили вокруг не было ничего кроме казалось бы бесконечных снежных барханов, лишь сзади все продолжали уменьшаться, растворяясь в линии горизонта, очертания стен Хоштраша.

Вновь показавшееся луна продолжала то появляться, то исчезать за быстро плывущими облаками, словно дрожащий огонек свечи на короткие мгновения она заливала светом пустыню, но вскоре вновь затухала, погружая все во тьму.

С рассветом вместе с лениво выползающим из-за горизон-

та блеклым солнцем путников встретила метель. Морозные порывы подбрасывали в воздух и бросали на них жалящие крупинки снега. Все пространство стал заполнять оглушительный вой ветра, похожий на крик израненного зверя.

В молочном мареве стали проступать очертания темного замка где-то впереди. Казалось он словно бы играл с Кэйем в прятки, скрываясь за снежной бурей, он появлялся вновь, но уже справа или слева от мальчика.

Временами через вой ветра слышались крики людей, стуки, лязг и цокот копыт, хотя их и окружал мягкий воздушный снег.

– Я думаю нам лучше остановиться, пока не стихнет буря, – развернувшись к Кэю прокричал Эрик, прикрывая лицо рукой, защищаясь от набиравшей силу морозной вьюги.

Спрыгнув с лошади он сбросил на снег и мешок, до этого прикрепленный к своему седлу.

– Поешь и ложись спать. Я разбужу тебя как все кончится.

– Эрик... – осторожно начал Кэя, оставаясь в седле.

– Что? Замерз?

– Нет. Я видел замок, и он вроде бы не далеко. Может если мы продолжим путь, то отдохнем в нем? Там хотя бы не будет ветра... – голос Кэя с каждым словом становился все тише и вскоре потонул в вое. Мальчик в панике смотрел на грозный взгляд своего спутника, сожалея о своих словах.

– Что ты знаешь об этих землях? – на удивление спокойно произнес Эрик.

– Это земли Норгхстора, здесь холодно и нет жизни... это все.

– Понятно. Ты когда-нибудь слышал о Джаредде Йорге?

– Да. Нам рассказывали монахи. Он был первым лордом-командующим...

– Хорошо. А теперь слушай. Я тебе скажу, что встретил здесь первый командующий. В этих землях не водятся диких хищников. Здесь нет людей, готовых предать тебя. Единственная опасность – это ветер и снег, но и с ними можно бороться, должным образом подготовившись. Такого мнения об этих землях придерживаются жители Долины, но они упускают еще одну деталь, самую опасную из всех и, я думаю, единственную настоящую угрозу с которой и встретился Йорг. Ульгиры еще жившие в этих землях называли отца – лживым богом или богом обмана. В этих землях, ты должен запомнить, существует лишь одно строение – это белый замок, а до него мы еще не добрались. И на всем протяжении этой огромной пустыни больше нет ни единой, даже самой крошечной живой души. Все что ты здесь увидишь, все что ты здесь услышишь, каким бы настоящим тебе это не казалось – обман. Не трогай ничего, ни с кем не разговаривай, даже если тебе кажется, что обращаются именно к тебе. Если ты поверишь в, то что здесь увидишь, если примешь это, то оно больше никогда от тебя не уйдет и будет преследовать вечно и за пределами этих земель. Отряд Йорга как раз встретился с подобной иллюзией и пытался с ней вое-

вать, это и стало их роковой ошибкой. Его люди размахивали мечами, защищаясь от чудовищного кошмара, который, сказать по правде, не обращал на них никакого внимания. Все закончилось тем, что они перебили своих же товарищей и бежали, гонимые своим же страхом. Печальная, но поучительная история.

– То есть ты хочешь сказать, что никакого замка впереди нет?

– Именно, и запомни это. Безумие – вот самая страшная угроза этих мест, – с улыбкой Эрик похлопал по плечу Кэя и помог мальчику спуститься на землю. – А теперь, как я сказал, у нас привал, пока не стихнет непогода.

Порывшись в мешке Кэй по большей части нашел лишь хлеб, да вяленое мясо с рыбой.

– Я не брал ничего, что пришлось бы разогревать. Деревьев здесь нет, а нести с собой еще и дрова было бы слишком тяжело, так что на время пути нам придется обходиться без костра, – прокомментировал Эрик попытки Кэя найти что-то более питательное.

Перекусив скудной, практически безвкусной едой мальчик попытался лечь на землю, но ощутил под собой что-то твердое и выпиравшее из промерзшего грунта. Разворошив рукой снег, он наткнулся на небольшой деревянный колышек вбитый в землю, через отверстие в котором тянулась плотная веревка, скрываясь по обеим концам в снегу.

– Эрик! Что это? – Кэй подозревал своего спутника, сам тем

временем стараясь откопать уходившую вдаль веревку.

– Не трогай и быстро возвращайся! – выкрикнул юноша, заметив удалявшегося от места привала Кэя.

– Что это?

– Возможно, какая-то ловушка или направляющая Ульгириков. Нам она не нужна, и мы не знаем опасна ли она, так что не трогай. Я же просил тебя ни к чему не прикасаться, понял меня?

– Хорошо, – понура согласился Кэй, укрывшись плащом.

Мальчик пытался уснуть, но сначала не затихавший ветер постоянно стаскивал с него шкуру, потом ко всему прочему его стал засыпать снег, но вдруг произошло что-то совсем странное. Справа от него послышался грубый, чуть хрипящий голос:

– Будь я на твоём месте, я бы положил свой плащ на землю и лег бы уже на него. Пока тебе конечно тепло, но довольно скоро холод идущий по земле передаться и тебе, – Кэй, помня слова Эрика, старался не замечать голос, но тот не утихал, – решать то конечно тебе, но если ты замерзнешь, то согреться ты уже не сможешь.

Открыв глаза мальчик посмотрел на своего спутника, тот лишь ответил коротким взглядом и вновь продолжил возиться с лошадьми. Тогда, осторожно привстав Кей резко повернул голову направо, ожидая увидеть лишь очередной бархан снега, но в ужасе замер.

В шаге от него стоял человек, хотя слово стоял в этом слу-

чае было не совсем подходящим. Во-первых, у человека не было ног, да и на человека он скорее был похож нежели являлся им.

Начиная от пояса его тело казалось таяло, медленно расплываясь и превращаясь в густой молочно-белый туман, струившийся до самой земли. Лицо его имело пепельно-белый оттенок, и вся его поверхность была покрыта рытвинами. Его кожа скорее походила на зернистую муку, слепленную в форме головы. Серые волосы, зализанные назад были в тон коже, но чуть более темного оттенка. Холодные, словно замерзшие, белые глаза неотрывно наблюдали за мальчиком. Тонкие, словно коряги старых деревьев руки, замерли в неестественной позе, а длинные, похожие на кривые сучья пальцы гладили жесткую седую бородку.

– Бедные животные, но так им, наверное, все-таки будет лучше, – вновь прохрипело существо, переведя взгляд за спину Кэя.

Туда же посмотрел и Кэй. На снегу, без движения лежали обе лошади и над головой одной из них нависал Эрик. Он что-то шептал в ее ухо, а по его правой руке тянулся белый густой дым, проникавший в нос, глаза и рот животного.

– Что ты делаешь? – в ужасе прокричал мальчик.

Эрик же не обращая никакого внимания на выкрики своего спутника продолжал шептать, но как только он убрал свою руку от головы животного, лошадь брыкнулась и возмущенно проржав встала, отряхиваясь от налипшего снега.

– Убиваю их, – холодно процедил он и встав, подошел ко второй.

– Они бы все равно замерзли, а мучительная смерть от мороза гораздо хуже жизни после смерти, – склонившись к Кэю прохрипело существо.

Подскочив, мальчик отбежал от своего прежнего места и не желавшего исчезать незнакомца. Вплотную приблизившись к лежащей лошади и Эрику он вновь лег на снег.

– Тебе холодно что ли? Так бы и сказал. У нас не так много времени на отдых, а ты его тратишь в пустую, – произнес Эрик, как только вторая лошадь поднялась, отряхиваясь от снега. – Иди сюда, – он снял свой плащ и постелил на снег подле себя. – А теперь спи. Иначе ты не справишься с дорогой.

Метель стихла лишь под самый вечер, оставив после себя уже знакомый ветер, гоняющий под ногами хлопья снега. Вернувшись в седло Кэй чувствовал себя довольно бодро. Существо, шептавшее ему на ухо днем, к счастью пропало, исчезли и облака, окутывавшие небо прошлой ночью белым саваном. Лишь одинокая луна простиралась над искрящейся пустыней.

Впереди вновь маячили замки. Сейчас, когда снег не прятала их от взгляда, Кэй ясно видел, как они появляются там, где мгновение назад был снежный бархан и растворяются без следа, уступая месту накатывавшему снегу. Некоторые

из них до боли напоминали родной Тиретхолл, другие обладали причудливой архитектурой и казались уродливыми или наоборот необычайно красивыми. Кэй видел проходящих мимо людей, отряды воинов, караваны купцов. Мальчик стал привыкать и уже с интересом наблюдал, гадая что же появиться в следующий раз, но счастье сменилось ужасом, когда в очередной толпе он заметил знакомый силуэт.

Существо стояла в потоке бредущих людей и молча наблюдало. Его оплывали остальные, словно скалу, встретившуюся перед косяком рыб. Люди исчезали, сменялись другими, но существо, словно преследуя мальчика, всякий раз появлялось вновь и продолжало неотрывно следить. Кэй в ужасе узнавал очертание неестественной фигуры и рядом с замками и крепостями.

– Стой, – вдруг послышался голос Эрика.

Он, быстро спрыгнув с лошади, направился вперед, где всего ярдах в десяти стоял высокий, худощавый человек, облаченный в одежды гвардейцев крепости Хостраш. Он что-то бормотал, смотря невидящим взглядом куда-то перед собой. Его некогда каштановые борода и усы покрылись инеем, всклокоченные волосы застыли ледяной колючкой, а глаза и вовсе побелели, превратившись в два замерзших шарика.

– Это кто-то из отряда, вышедшего до нас? – крикнул Кэй, уже обнажившему меч и осторожно подходящему к гвардейцу Эрику.

– Видимо да. Он замерз, я полагаю, – остановившись ша-

гах в десяти от мужчины, ответил Эрик.

– Мы можем ему чем-то помочь?

– Помочь? Я сказал, что он замерз, а не замерзает. Он мертв. Внимательно посмотри на него. Видишь белое, похожее туман облако под его ногами?

– Да, – выкрикнул Кэй, всматриваясь в густое белесое облако. Белый дым казалось бы стекал с человека, образуя под его ногами скорее не облако, а лужу.

– Этот “дым” дает ему жизнь, мог бы давать, точнее. Но сейчас он вытекает словно кровь из раны, – Эрик выставил правую руку вперед, защищаясь мечом, а левой легко взмахнул и из молочного облака ему на встречу потянулась туманная струйка. Как только она достигла его руки, белый тонкий поток превратился в вихрь, бешено закружившись вокруг его пальцев.

В то же мгновение человек издав подобие крика, с хрипом ринулся вперед, но ловким пинком был повален на спину и быстрым ударом меча приколот к земле. Все его движения были угловатыми и неестественными. Негнущиеся ноги бились о землю, замерзшие скрюченные пальцы тянулись к противнику.

Встав над поверженным мужчиной, Эрик почти касаясь его головы рукой, что-то тихо прошептал. И в то же мгновение к его левой руке, вокруг которой уже вертелся слабый белый вихрь, потянулись новые струйки дыма. Как только последняя из них покинула тело человека тот издал тихий

хрип и затих. Юноша с сожалением закрыл глаза воина и сжал руку в кулак. С приглушенным хлопком вихрь разлетелся, растворяясь в воздухе.

– Что мы теперь будем делать? – Кэй слез с коня и подошел к лежащей без движения фигуре гвардейца.

– Да будь ты проклят! Неужели ты меня бросил, снова?! Опять... Тварь... Какая же ты тварь, отец! – Эрик словно взорвался. Он то бежал к лошадям, то резко разворачивался и бежал обратно к Кэю, хватался за голову руками, пинал сугробы. – Ты вернешься в Хоштраш и будешь ждать меня, – взяв себя в руки, он подошел к мальчику и больно схватил его за руку. – Скажешь, что я угрожал тебе и у тебя не было выбора. Скажешь, что сбежал от меня сразу как смог. Попросишь помощи. Дорогу лошадь знает, так что просто подгоняй ее и уже завтра будешь в крепости, и я советую тебе бросить ее сразу как отчетливо увидишь стену. Пройдешь-ся немного пешком, зато не будет лишних вопросов, почему твоя лошадь сдохла сразу после прибытия в крепость. Понял? А теперь убирайся и жди меня в крепости! Я скоро за тобой вернусь...

Голова болела так словно бы в нее воткнули острый кинжал, к горлу то и дело подступала рвота, в глазах двоилось, а очертания любых предметов расплывались. Тайя с трудом

приподнялась на дрожащих руках, но тут же рухнула обратно.

Закрыв глаза, она провела рукой по земле, ощупывая окружающие ее предметы. Она лежала на некоем подобии плетеной лежанки, располагавшейся прямо на голой земле. Почва здесь была сухая, скорее напоминающая песок.

Заставив себя открыть глаза и сконцентрироваться, она осмотрелась, изо всех сил стараясь не обращать внимание на никак не желавшую затихать головную боль. Ее окружали плетеные стены сероватого оттенка, через которые пробивались солнечные лучи, отчего в крошечном домике было довольно светло. Всего в шаге от лежанки располагался низкий столик, представлявший из себя несколько тонких бревен оплетенных и скрепленных вместе все той же сероватой лозой. В противоположном от лежанки конце дома стоял плетеный сундук, больше напоминавший корзину, в которой дядя Халэн хранил привезенные фрукты и овощи. Над ним, на нескольких натянутых веревках сушили какие-то травы и корни. Входом и выходом из дома служил невысокий проем, занавешенный грязной, когда-то белой тканью.

Тайя медленно, делая передышку через каждые два-три движения, подползла к чуть развевающейся занавеске и осторожно отодвинув ее край, выглянула наружу. Яркое солнце тут же ослепило ее, отозвавшись резкой болью где-то в затылке.

Уткнувшись головой в землю, она перевела дух, насла-

ждаясь темнотой, но вновь заставив себя разомкнуть глаза, сощурившись, осмотрелась. Дом, в котором она находилась, казалось располагался в самом центре какого-то наспех построенного лагеря. Замерев, со всех сторон на нее в ужасе смотрели люди. Казалось время остановилось. Мужчины, несшие на вид тяжеленные корзины, доверху набитые разными фруктами, женщины, сопровождавшие их, дети, от почти взрослых до совсем маленьких – все замерли без единого движения. Лишь десятки широко открытых, испуганных глаз говорили о том, что время все еще продолжает свой бег.

Девушка тут же отпрянула от выхода, старясь отползти обратно к лежанке и спрятаться как можно дальше от этих незнакомых, совсем чужих и возможно опасных людей, но было уже слишком поздно. Снаружи четко раздавались неумолимо приближающиеся шаги и вскоре под грязной занавеской показали две ноги, обутое в, искусно сплетенные из листьев акавы, сандалии.

Отодвинув занавеску в дом вошел низенький, худой старичок в набедренной повязке и хлопковом плаще. Все его лицо, руки, грудь были изрезаны глубокими морщинами. Оказавшись внутри, он развязал тугий узел на шее, соединявший два конца прямоугольной ткани и сложив плащ в несколько раз, убрал его в плетеный сундук. Порывшись за ним, он достал еще одну лежанку, точь-в-точь такую же как ту, на которой лежала девушка, и осторожно развернув ее на земле, располагая прямо перед столиком, сел напротив Тайи.

– Меня зовут Тцаситлаль, – представился он и тут же замолчал, внимательно осматривая незнакомку.

Его лицо напоминало старую сушеную сливу. Десятки морщин тянулись от почти лысой головы до беззубого что-то жующего рта. А нос походил на одинокий утес меж бесчисленных складок гор, чуть выше которого тянулись две морщинки – два живых, заинтересованных глаза.

Вдруг занавеску, прикрывавшую вход, резко одернули и в дом втолкнули мальчика лет шести-семи. В его руках была миска с каким-то зернистым густым содержимым. От страха ребенок застыл в проходе, боясь пошевелиться. Только после того как старик легонько щелкнул его по ноге, указывая на стол, мальчишка, ожив поставил миску на указанное место и тут же сломя голову вылетел прочь из дома.

– Это каша, – старик указал на стоящую перед ним миску. – Ты проспала больше двух дней и должна была изрядно проголодаться. Головная боль и тошнота являются последствиями яда. Чуть позже я все тебе расскажу, а пока, – старик вновь встал и покопавшись в сундуке вернулся к столу, – вот это, – он положил на стол, рядом с миской маленький мешочек, – добавляй в кашу. Это снимет боль и поможет тебе скорее восстановиться. А вот это, – старик достал еще один мешочек и привстав положил его поближе к девушке, – яд. Будь осторожна и храни его у себя. Никому не давай. Я уже высчитал приемлемую для тебя дозу и в нужном количестве нарезал лепестков. Не сегодня, главное не сегодня, запомни!

Ты должна будешь их принимать, но только по половине одного лепестка. Я специально их порезал пополам чтобы ты ничего не напутала. Все, а теперь отдыхай. Поешь, как сможешь сидеть. Я проведу тебе вечером, – встав, старик достал свой плащ из сундука, набросил его на плечи, вновь связав два конца ткани на шеи и вышел, оставив девушку одну.

– Два дня, неужели она здесь уже два дня, – думала она про себя. – Зачем ее здесь держат, кто этот старик, что за яд он ей принес и зачем ей его уже давал? – вопросов было множество, а ответов ни одного. Единственное в чем она была полностью уверена так это в том, что есть ей сейчас совсем не хотелось. От любой мысли о еде к горлу сразу же подступали рвотные позывы, да и пробовать незнакомую пищу она совсем не хотела и уж тем более добавлять в нее что-то неизвестное.

Отбросив мешочек с ядом ко второму, лежащему на столе, Тайя отползла как можно дальше от выхода и без сил повалившись на землю, уснула.

Проснувшись вечером и вновь услышав топот босых ног десятков людей, их голосов, переговаривающихся меж собой на непонятном языке, она в ужасе поняла, что все это не один большой дурной сон, а кошмарная реальность. Даже находясь в караване “пузыря” у нее еще была надежда вернуться домой. Рядом был дядя Халэн, беспокоящийся о ней. Эллирион придумывал план ее освобождения, но сейчас она оста-

лась совсем одна.

Солнце садилось и яркие светлые лучи сменялись темным, красным закатом. Острая головная боль, мучившая ее днем, медленно отступала, но все еще ощущались болезненные уколы, вызываемые резкими движениями или ярким светом. От тошноты не осталось и следа и, наконец, о себе громко заявил голод. Каша, принесенная днем мальчиком, все так же стояла на столике, где тот ее и оставил. Тайя уже была готова забыть обо всем и съесть, принесенную пищу какой бы мерзкой она не оказалась на вкус и какие бы последствия она не вызвала, лишь бы утолить стремительно нараставший голод, но услышав снаружи тихие шаркающие шаги в панике прижалась к плетеной стенке.

В проходе вновь появился старик, войдя в дом, он, как и утром снял с себя плащ и аккуратно сложив его, убрал в сундук. Вернувшись на место перед столиком, он сел на плетеную лежанку и внимательно посмотрел на девушку.

– Хорошо, – произнес он, пошамкав беззубым ртом. – Голова все еще болит, наверное. Ты что совсем не ела? – старик осмотрел полную миску подсохшей и покрывшейся желтоватой корочкой каши. – Странно, это очень странно. Ты должна быть очень голодной. Миккли поил тебя пока ты была без сознания, но кормить то не мог, а ведь уже два дня прошло. Странно... – задумавшись, старик замолчал, не переставая что-то жевать. – Я сейчас попрошу принести тебе свежую, – он встал и, забыв про свой плащ, вышел из дома, но вскоре

вернулся ведя за собой все того же мальчишку, что приносил еду днем. Мальчик вновь поставил миску на указанное стариком место на столике и стремительно покинул дом. – Я думаю, что сейчас уже нет смысла добавлять снадобье. Ты почти оправилась, так что ешь без него.

Голод мучил девушку по хуже заправского палача. За те короткие мгновения что прошли с момента ее пробуждения, голод уже не просто напоминал о себе, а надрываясь орал изнутри. Живот крутило, а горло словно драли когтями. Тело умоляло дать ему хоть кусочек пищи.

Гордо встав, чуть пошатнувшись, Тайя подхватила свою лежанку и расположив ее перед столом села напротив старика. Взяв теплую миску в руки она попыталась отпить густую кашу.

– Ох, прости, – поднявшись, произнес старик и прошаркав к сундуку извлек из него небольшую грубо вырезанную из дерева ложку. – Вот возьми, – вернувшись к столу он протянул ее девушке. – Сейчас еще светло так что мы посидим здесь, а позже, как стемнеет я провожу тебя в твой новый дом. Наверно, мне стоит объяснить кто я такой и что ты здесь делаешь. Как я уже сказал меня зовут Тцаситлаль. Ты ешь, не смотри на меня. Когда-то я жил в небольшой деревушке, но это было далеко отсюда, – старик взмахнул рукой, словно отмахиваясь от надоедливой мухи, – хотя я мог жить и в самом Тлапоко. Я был жрецом Нейк Зааля. Но все изменилось, когда на нашу землю пришли люди из-за моря.

Первое время они были дружелюбны. Они строили крепость на берегу, а мы с ними торговали. Но закончив строительство, они предали нас и обокрали. Явившись в мою деревню с мечами и огнем, они убили всех, кого я любил и знал. Не многие пережили ту ночь – лишь те, кто по их мнению имел для них какую-то ценность. Нас, в том числе и меня, привезли в их крепость, где начали пытаться, выспрашивая о несуществующих богатствах. В отличие от моих соплеменников мне удалось избежать мучительных пыток, так как их планы поменялись и меня просто бросили в темное подземелье. А в это время мой народ восстал и началась война, вновь объединившая наши племена в единую империю.

Я провел в заключении несколько долгих лет и успел выучить ваш язык, в большей степени благодаря одному человеку. Он прибыл в крепость спустя годы после моего пленения. Как я позже понял он оказался их тонаалем – правителем. Он велел перевести меня из подземелья в крепость, и впервые за долгое время я, наконец, снова увидел свет. Он часто навещал меня с тех пор мы много разговаривали с ним. Иногда он приходил с первыми лучами солнца и проводил со мной весь день до глубокой ночи, а потом он приказал отпустить меня.

Я направился в Тлапоко, ведь больше пойти мне было некуда, от моей родной деревни остались одни обгоревшие останки. Но, к сожалению, великий город не провоевав и пяти лет проиграл войну и покорился людям из-за моря. Ко-

гда я пришел, они уже во всю разрушали наши храмы и разбивали древние идола, а на руинах возводили свои. Тогда я решил покинуть Тлапоко, уйти и не видеть, как гибнет мой дом.

В дорогу со мной отправились несколько десятков фермеров, каменотесов, лесорубов – обычных людей, кому теперь каждый день грозила гибель из-за законов наших завоевателей. Они последовали за мной целыми семьями и, я думаю, нам бы так и не удалось вырваться из покоренного города живыми если бы не отряд Ксочими-Итсуни. Благодаря смелости его воинов, прорубавших нам путь на свободу, и защите Темных Богов мы достигли земель Нау Тонааля – первого бога.

Теперь мы живем здесь, и наша деревня окружена священным лесом Кашамли – бога охоты. Он стережет земли создателя от непрошенных гостей. Не один живой человек не может пройти через лес Шочамалько. Любой, попадая в него становится его частью. Многие охотники на закате своей жизни приходят в него чтобы передать свои души богу и тем самым уплатить долг за его покровительство в течении жизни, но об этом я расскажу тебе в другой раз.

А теперь послушай меня внимательно. Власть Кашамли не столь безгранична и ей можно сопротивляться. Те лепестки, что я дал тебе утром даруют возможность пройти через его лес не подчинившись его воле. Но сами по себе они крайне ядовиты и нужно быть очень внимательным и осторож-

ным, соблюдая грань между смертью от яда и смертью в руках бога. Ты должна принимать только те половинки лепестков, что я тебе нарезал, не больше и не меньше иначе ты умрешь. Запомни.

Здесь, несколько дней назад, ко мне явился сам Нау Тонааль. Он был слаб и истощен, но разгневан уничтожением храмов и идолов. Он сказал, что вскоре совсем близко пройдут люди. В их плену, словно маленькая зверюшка, будет девушка, которую я должен спасти и о которой я теперь обязан заботиться. Обо всем я рассказал Ксочими-Итсуни, и он устроил засаду на одно из проложенных людьми дорог, а два дня назад он привез тебя...

– И что теперь со мной будет? – впервые Тайя решилась заговорить, перебив старика.

– То, что пожелает Нау Тонааль, – мгновение промедлив, ответил Тцаситлаль.

Тайя тут же вспомнила о кровавых жертвоприношениях, чудовищных ритуалах, о изуродованных людях, вернувшихся с чужого континента. Она вспомнила все те страшилки, что они с сестрами любили пересказывать друг другу по ночам. А что если все эти, даже самые неправдоподобные истории, не вымысел? Что если героиней одной из следующих страшилок станет она?

– Он бог жизни и нового дня. Он не пожелает, чтобы тебе причинили вред, тем более после того как приказал спасти, – распознав страх на лице девушки, прошамкал старик, попы-

тавшись улыбнуться.

Пожевав беззубым ртом и глубоко зевнув, он привстал и высунув голову наружу, осмотрелся.

– Стемнело, – произнес он, повернувшись к своей гостье, – Иди за мной. Я отведу тебя в приготовленный специально для тебя дом, а завтра утром зайду за тобой, – старик встал и, набросив на плечи плащ, тут же вышел.

Тайя в нерешительности замерла. Пойти за ним? А можно ли ему было доверять? До сего момента с ней обращались хорошо, но что если все это приготовления к какому-нибудь жуткому обычаю. Дрожа от волнения или может быть от страха она поставила пустую миску на столик и, выпрямившись, встала. “Пусть лучше я сама выйду гордо и бесстрашно, чем меня выволокут на потеху всей деревни и словно пойманного зайца поведут на смерть,” – сказала она про себя, силясь набраться смелости и отваги. Широкими, быстрыми шагами девушка выбежала наружу, но в ночных сумерках не было никого кроме шаркающего впереди старика. Остановившись перед небольшим плетеным домом с травяной крышей, он развернулся к девушке и поманил ее к себе.

Впустив ее внутрь, он зашел следом за ней сам. Обстановка в доме была до боли знакома. Та же лежанка, тот же низенький маленький столик и маленький сундучок – все было в точности таким же, как и в доме самого старика.

– Это не дом в Тлапоко или на худой конец не барак в Тимачлипане, но это все что мы можем предложить тебе, –

старик потер свой нос, немного пошмыгав. Вновь что-то пожевал беззубым ртом и добавил: – Я зайду утром. Одежду тебе, я думаю, тоже принесут утром, – развернувшись он уже собрался выйти, одной рукой отодвинув хлопчатую занавеску, но вдруг остановился и отвязав что-то от своего пояса, развернулся к Тайе. – Забыл совсем. Вот возьми лепестки. Сегодня не принимай. Не сегодня, – погрозил он пальцем, протянув знакомый мешочек. – Завтра ты должна быть бодрой, иначе я не смогу тебе все здесь показать, – девушка протянула руку на встречу старику, понимая, что пока она не возьмет его мешочек, он не уйдет. Тцаситлаль аккуратно положил его на протянутую ладошку и улыбнувшись вновь пошмыгав носом, ушел.

Солнце пробивалось даже сквозь сомкнутые веки, окрашивая их в красные тона. Тайя попыталась скрыться от ярких лучей, заслоняя газа рукой, но они казалось проникали всюду. Смирившись с мыслью, что пора вставать, она со вздохом поднялась и потеряв глаза, потянулась. Ее окружала все та же аскетичная обстановка – низенький столик, плетеный сундук и... мальчик.

Ребенок, прислуживавший старику, сейчас, сидел подле входа, поджав ноги. Его глаза были широко открыты. Словно маленький зайчонок, он набрав в грудь воздуха боялся лишний раз двинуться или просто вздохнуть.

– Привет, – попробовала заговорить с ним Тайя.

Услышав голос, мальчик подскочил на месте и тут же сломя голову помчался к плетенному сундучку, но споткнувшись упал, распластавшись на земле. Быстро поднявшись, чуть прихрамывая и шмыгая носом, он дошел до сундука и покопавшись в нем извлек стопку одежд, которую положил на стол перед девушкой и тотчас выбежал прочь из дома.

Следующим утренним гостем, навестившим ее стал старик. На этот раз он не стал снимать свой плащ и садиться за стол, как делал это в прошлые визиты, а сразу войдя произнес:

– Доброе утро, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – ответила Тайя, – тот мальчик...

– Микцли, – подсказал старик.

– Да, Микцли... Чем я его так напугала?

– Пойдем за мной, – старик отодвинул занавеску и вышел из комнаты.

Тайя промедлила. Она отчетливо слышала голоса и топот снаружи, а встреча с остальными жителями деревни ее крайне пугала. Подкравшись к одной из стен, она припала к щелке меж сплетенных прутьев, стараясь хоть что-то разглядеть.

Снаружи и вправду было множество народа. Некоторые таскали большие корзины с фруктами, некоторые стоя, возле своих хижин, весело переговаривались друг с другом. Бежали дети, звонко смеясь и мешая взрослым. Старик же остановился в нескольких шагах от костра, наблюдая как большая мясная туша медленно вертится над пылающими поле-

ньями.

Несколько раз она подходила к занавеске, но тут же разворачиваясь возвращалась обратно, так и не решаясь все-таки выйти. Наконец, сжав кулаки и глубоко вдохнув, она с разбега вылетела наружу, боясь что в последний момент может снова передумать.

В первые мгновение казалось люди не обращают на нее никакого внимания, но шум толпы стал утихать. Разговаривавшие стали прятаться в хижинах, уводя за собой своих собеседников. Переносившие корзины с фруктами мужчины осторожно меняли свои маршруты, стараясь обходить незнакомку стороной. Крики и детский смех совсем пропал, как и сами дети. Деревня погрузилась в напряженное молчание.

Только сейчас Тайя смогла оценить ее размеры и бедность племени. Всего несколько десятков маленьких плетеных хижин с крышами из травы, окружавших шелкающий костер в центре. Наверное, этот очаг был самой большой ценностью этих людей. Мужчина, готовящий большую мясную тушу, с невероятной заботой и осторожностью следил за огнем и тремя белыми камнями, меж которых пылали поленья. Он аккуратно стирал капли жира, капающие на камни и всякий раз, словно вознося молитву, подбрасывал в яркое пламя очередное полено.

За некоторыми домами виднелись грядки, где колосились зеленые побеги. Здесь были и плетеные клетки, где надменно расхаживали разного вида птицы. Перед одним из домов

стояла большое каное, доверху наполненное водой, а в нем вроде бы плавали толстые змеи.

– Мы живем здесь уже почти три года, – осмотревшись, со вздохом произнес старик, обернувшись к Тайе. – Живем как изгой. Тлапоко пал, Тимачлипан ведет войну. Маленькие деревни, как некогда моя, теперь все сожжены или разорены. Народ бежит в столицы, ища защиты и крова. Наш мир, вся наша прежняя жизнь уничтожена. Лишь здесь, в землях Нау Тонаалья мы в безопасности, но в них нет карьеров для добычи камня, в них не водятся звери, на которых можно было бы охотиться.

Но мы приспособились, мы научились жить не имея ничего. Часть пищи мы выращиваем здесь, а воины Ксочими-Итсуни, с риском для жизни, добывают для нас мясо. Земли когда-то принадлежавшие Тлапоко теперь наводнены людьми из-за моря. Они всюду – они охраняют дороги и бродят по лесам, теперь каждый охотник стал еще и добычей.

Но и Нау Тонааль не бросил нас. Он подарил нам дома, даровал оружие. Мы не могли рубить священный лес и гневить Кашамли, у нас не было камня, но зато нам даровали... – старик направился к каное, в котором Тайя видела змей. Остановившись прямо перед ним он поманил девушку рукой и дождавшись, когда та подойдет к нему, опустил руку в воду. – Мы нашли лианы, – старик осторожно поднял из воды толстый стебель растения. – Из целых мы делаем луки для охотников и опоры для хижин. Разрезав их вдоль на

две половинки мы используем их при постройке домов, а из порезанных на совсем тонкие нити мы делаем лежанки, столики, сундуки и корзины. Сейчас, пока они свежие, их легко изгибать и придавать нужную форму. Но если их достать из воды и оставить на воздухе, они вскоре начнут засыхать, становясь прочными и упругими, сохраняя при этом заданную форму, – он аккуратно опустил обратно в воду стебель растения. – Идем.

Старик уверенной походкой покинул деревню, углубляясь в лес. Вскоре их дорога стала круто подниматься вверх, но его это казалось совсем не останавливало. Тайя уже успела выдохнуться, а он не сбавляя хода продолжал восхождение.

– Мы научились выращивать множество ценных трав. Иногда воины Ксочими-Итсуни, даже приносят птиц котль. Словом, наш почтек мог бы многое предложить. И шкуры животных, и перья птиц, и какао бобы, многое... но торговля стала опасной. Люди из-за моря хватают всех без разбора и тащат в свою крепость. Да даже если бы наш почтек и добрался до того же Тлапоко с ним бы никто не стал говорить, – старик уже был высоко. Остановившись, он посмотрел на запыхавшуюся девушку, отстающую от него уже на ярдов десять. – Нам хватает всего, что у нас есть, но в сравнении с тем, что могли бы нам предложить столицы в обмен на наши товары... Эх... Мои люди. С их умениями и талантами. В прежние времена они могли бы обладать многим больше, чем имеют сейчас, – старик, дождавшись Тайю, продолжил

подниматься в гору. – Совсем не много осталось.

Больше он не разговаривал, пока они не достигли небольшой полянки с несколькими одиноко стоящими деревьями. Поляна располагалась на небольшом утесе, с края которого открывалась панорама на казалось бескрайний лес, простиравшийся на многие мили в разные стороны.

– Красиво, – рядом с Тайей встал старик. – Вот там, – он указал на темное, зубчатое строение, окруженное огромной стеной на самом берегу моря. – Это их крепость, людей из-за моря. Моя деревня была совсем близко, чуть дальше в лесу. Каждый день наши рыболовы выходили к лагуне, куда спускалась река, проходившая по землям Тимачлипана и подчас возвращались с завидным уловом. Но это было очень давно. – А вот там, посмотри, – он указал на яркую, блестящую на солнце гору глубоко в лесу намного севернее крепости ордена, – это великая пирамида Тлапоко.

Внимательно присмотревшись к блестящей постройке Тайя стала различать очертания плоской вершины и ровные, словно ступени огромной лестницы, стороны горы.

– Четырнадцать эпох назад мы были одной большой империей. Столицей тогда был Тимачлипан. Его окружало множество более маленьких деревень, и соседних племен. Периодически разгорались войны и очередное племя было вынуждено покориться, но единственной настоящей угрозой был... – старик замолчал, что-то обдумывая, – Миктлан – город Тонааля, или библиотека герцога. Я могу ошибаться...

я не плохо изучил ваш язык, но могу путать слова. Так, если мне не изменяет память, называл ее тонааль людей из-за моря.

– Библиотека? Герцога? Здесь? – удивленно переспросила Тайя. – Там хранятся книги?

– Да, да, – вдруг оживился старик. – Миктлан очень древний город, существовавший еще до образования нашей империи, он содержит знания первого народа. – Четырнадцать эпох назад юный тонааль Тимачлипан решил захватить... библиотеку... но жрецы стали его отговаривать. Они твердили ему, что боги против и для сражения сейчас не подходящее время, но юный Аутсотль вопреки возражениям все же выступил войной. Она длилась не долго. На десятый день одно из сражений было прервано чудовищной тряской земли. Войску Аутсотля пришлось отступить в столицу, но это поражение оказалось лишь малой частью всех последующих бедствий, обрушившихся на империю по велению разгневанных богов.

Наши предания гласят, что земля дрожала многие дни. Тимачлипан был в руинах, люди гибли под обломками собственных домов. Но и на этом все не закончилось. Начался сезон ливней. Вода смывала посевы, растения гнили прямо в земле, животные покидали родные места и империю стал охватывать голод. В одну из ночей дамба, обеспечивающая город притоком воды, не выдержав напора стремительно наполняющегося озера, обрушилась, направив разруши-

тельный поток прямо в Тимачлипан. К утру вода отступила, но погибших было уже не вернуть, а от города остались одни лишь руины.

Империя раскалывалась надвое. Часть людей обвиняла Аутсотля в гневe богов, припоминая ему о предупреждении жрецов, часть все же оставалась преданной ему. Сами же жрецы, один за другим, стали покидать Тимачлипан. Они уходили в небольшой город, когда-то бывшую столицу племени апатчли, завоеванную империей. Тогдашний верховный жрец обвинил Аутсотля во всех бедствиях. Он объявил, что больше не желает починяться тонаалу, навлекшему на свой народ гнев богов. Юному Аутсотлю тогда стоило начать переговоры и попытаться умиловить богов, но его вспыльчивый характер толкнул его лишь на угрозы.

Жрецы день и ночь приносили жертвы, стараясь вернуть расположение богов и просили простить их народ. Вскоре ливни прекратились, и земля успокоилась. К тому времени маленький город разросся. Его поддерживали все больше деревень, отрекаясь от Тимачлипана. Но это только сильнее гневило Аутсотля. Он вновь объявив войну, собравшись наказать жрецов и уже подготовил огромное войско, но был отравлен накануне похода. Новым тонаалем стал сын его брата – Ицкотль. Он отправил послов в укрепленную столицу жрецов – Тлапоко с предложением мира, принеся извинения за действия Аутсотля. Итогом переговоров стал тройственный союз, объединивший Тимачлипан, Тлапоко и Сураю.

За тринадцать последующих эпох союзом были покорены многие племена, граничащие с его землями. Завоевание остановилось лишь перед землями Миктлана. Жрецы вновь объявили, что нападению противятся боги и в этот раз ни один из тонаалей не посмел им перечить.

Сама тринадцатая эпоха с самого первого дня была названа “несчастной” и вердикт жрецов никого не удивил. В те годы каждый день они приносили вдвое больше жертв богам, вдвое увеличилась частота войн цветов, а на тридцатый год с моря прибыли люди. Как я уже сказал первое время они были настроены мирно и активно торговали с нами, но через двадцать лет, когда их крепость была достроена, в последние два года “несчастной” эпохи, они обрушились на нас, уничтожая все что встречалось им на пути, и не щадя никого.

Сейчас идет двадцать вторая эпоха с основания империи и четырнадцатая с ее разделения. И видимо это эпоха станет для нашего народа последней, – старик замолчал, грустно наблюдая за темной крепостью на берегу.

Он медленно, шаркая ногами отошел от края утеса и добравшись до ближайшего дерева с громким вздохом сел, прислонившись к его стволу.

– Прости. Я не сказал тебе. Мы уйдем отсюда уже глубокой ночью. Я захватил нам с тобой лепешек, если проголодаемся, – старик отвязал от пояса небольшой мешочек и положил его рядом с собой. – Разбуди меня как начнет заходить солнце, – прошамкал он.

– Меня зовут Тайя.

– Тайя? – постарался повторить старик. – Красивое имя.

Что оно значит?

– Не знаю, – ее и в голову никогда не приходило что ее имя может что-то значить.

– Мое имя означает полночный странник. Отец говорил, что я долго не хотел появляться на свет, а когда, наконец, решил уже была глубокая ночь. Отец тогда перебудил всю деревню, ища повитуху, – с добродушной улыбкой произнес старик, а после, укутавшись в свой плащ, задремал.

Первое время Тайя разглядывала крепость и блестящую пирамиду вдалеке, потом собирала цветы. Проголодавшись, она перекусила несколькими лепешками, оставив пару для своего спутника и села рядом с ним.

Солнце уже заканчивало свой дневной путь, но до заката было еще далеко. Тайя посмотрела на старика. Он казался таким маленьким и хрупким. Худые морщинистые руки были скрещены на груди, беззубый рот продолжал что-то жевать. Старик то и дело ворочался во сне, стараясь принять более удобную позу. Тогда девушка осторожно приобняла его и медленно и аккуратно положила его голову к себе на колени.

Впервые за долгое время она ощущала покой. Всматриваясь сначала в облака, а позже в проявляющиеся на небе звезды, она совсем забыла о просьбе старика.

В последний раз солнце показалось на горизонте и усту-

пило свое место бледному диску луны. Холодный свет заливал их поляну, а мерцающие вдалеке звезды горели яркими огоньками. Вслед за своим сопящим спутником Тайю стало клонить в сон, но тихий шорох травы и приближающиеся шаги в миг отогнали подобные мысли. Девушка внимательно вгляделась в ночную мглу, откуда шел звук.

Всего в нескольких шагах от нее появилась высокая, худая фигура человека. Он шел мягко, не торопясь. Его черные ботинки отражали лунный свет. Одет он был причудливо – темные штаны, жилетка и камзол, но совсем не одежда привлекала к нему внимание.

Пройдя по поляне, он остановился там, где днем стояли Тайя со стариком, осматривая с высоты, простирающиеся перед ними земли. Он стоял к девушке боком и казалось не обращал на нее никакого внимания, чего уж точно было нельзя сказать о самой Тайе. Она пристально наблюдала за ним со смесью ужаса и детского любопытства.

Перед ней ожил кошмар. Одна из историй, в шутку рассказываемых по ночам, сейчас стояла всего в нескольких шагах. Нейк Зааль – огромный черный кролик, бог смерти, бог болезней и всяческих несчастий непринужденно смотрел на звезды и луну.

Его нос чуть дрожал, словно принюхиваясь, длинные уши стояли торчком, а руки были скрещены за спиной. Девушка изучала каждую деталь существа, каждую маленькую шерстинку на его лице, пока все внутри ее призывало бежать.

Вдруг их глаза встретились. Тайя поняла, что существо смотрит прямо на нее, теперь уже бежать было поздно.

– Не буди его... – Нейк Зааль не шептал, но его голос походил на тихий шелест листвы. – Ты потеряла дом, тебя изгнал свой народ... – продолжал он, повернувшись к девушке лицом и сделав несколько шагов к ней на встречу. – Тебя хотели продать, словно диковинную зверюшку, но я послал к тебе помощь... Я подарил тебе новый дом и новую жизнь... А теперь я прошу о помощи... Мой народ страдает и гибнет... Ему нужна надежда... вера... и сила... Они должны объединиться и изгнать со своей земли чужаков... Теперь ты здесь и это главное... – черный кролик сделал еще несколько шагов на встречу и оказавшись прямо перед Тайей склонился к ее лицу. Его большие, глубокие черные глаза теперь находились всего в нескольких дюймах от глаз девушки. – А теперь спи... – кролик протянул к ее голове свою мохнатую руку и нежно прикоснувшись, аккуратно провел по лицу. – У тебя впереди долгий путь... – очертания его пушистой мордочки медленно расплывались и сон, словно приливная волна охватывал девушку.

Две фигуры медленно и осторожно прокрадывались сквозь высокую траву. Малейший звук, будь то шорох травы, шелест листвы или хруст разломившейся под ногами ветки

останавливал их, но спустя короткий миг, прислушавшись и удостоверившись, что все спокойно, они продолжали путь.

Добравшись до большого, пышного куста, пара быстро нырнула в него и оба человека замерли, затаившись в темной листве. Как только шелест стих, мужчина, вооруженный луком, чуть склонившись прошептал сидящему рядом с ним светловолосому юноше:

– Я думаю достаточно, – он плавно вытянул из колчана стрелу и приложив к тетиве лука прицелился в ничего не подозревающего о нависшей угрозе оленя.

– Мартин, надо подойти ближе. Ты не попадешь в него с такого расстояния, – шептал в ответ светловолосый.

– Другого шанса не будет, он практически в самом центре поляны. В лучшем случае мы сможем обойти его слева, а это лишний шум и время. Не будет же он здесь вечно стоять. Не отвлекай меня, вон и ветер стих, – мужчина натянул тетиву, выравнивая лук, задержал дыхание и выпустил стрелу.

Вдруг животное резко встрепенулось, подняв голову, оно посмотрело куда-то в лес и галопом помчалось прочь, ускользнув от пролетевшего мимо снаряда.

– Да чтоб его! – выругался стрелок, от разочарования отпрянув назад. – Слишком долго выжидали, надо было раньше стрелять. Что с тобой? – он посмотрел на светловолосого, вцепившегося в его в плечо. Юноша не давал подняться или хотя бы сдвинуться с места своему напарнику, оттесняя его глубже в лес, а сам тем временем осторожно выглядывал из-

за темного ствола дерева, скрывавшего их от посторонних глаз. – Зааш нам нужно идти. Может быть мы еще нагоним его.

В ответ парень лишь молчаливо поднес палец к губам, призывая сохранять тишину и указал на красноперую стрелу, застрявшую в земле под ногами мужчины. Теперь юноша пристально наблюдал за противоположной от них стороной поляны, вглядываясь в пышные кусты и вековые деревья.

На короткое мгновение выражение его лица изменилось, казалось он что-то заметил и встав во весь рост тут же помчался напрямик через опустевшую поляну.

– Вот ты где! – громко выкрикнул парень.

В тоже мгновение ему на встречу вылетели две стрелы. Первая звонко хлопнув, пролетела через листву куста, в котором прятался мужчина, и вонзилась в ствол ближайшего дерева. Вторая пробив грудь светловолосого парня заставила его чуть пошатнуться и рухнуть на колени.

– Зааш... – прокричал мужчина выскочив из своего укрытия и помчавшись к поверженному напарнику, на бегу обнажая меч.

– Мартин, аббат Маркус. Мартин! Аббат Маркус вы меня слышите?! **МАРТИН!** – по обе стороны от проснувшегося аббата сидели люди. Встревоженной Роджер держал его за руку, а Аргхзур нависал прямо над ним, держа за плечи.

– Он проснулся. Мартин скажи что-нибудь! Слава тем-

ным богам, он, наконец, проснулся, – с облегчением выдохнув, уже спокойней, но все еще взволнованным голосом, обращаясь к Роджеру произнес Аргхзур.

– Простите, я напугал вас? – Марк сел, потирая лицо руками, все еще отходя от сна. – Дурной сон. Просто дурной сон, простите.

– Напугал? – встав и стараясь успокоиться Аргх принялся ходить туда-сюда, периодически поглядывая на аббата. – Для начала ты довольно громко кричал и к тому же мы еле смогли тебя разбудить. Испугал это мягко сказано. И часто у тебя бывают такие “дурные сны”?

– Это уже не в первый раз, сколько мы путешествуем вместе, – не дав ответить Марку, произнес Роджер, – но до этого он быстрее просыпался.

– Не в первый раз... – тихо повторил Аргх, не сводя глаз с Марка. – И что тебе снится Мартин? – не сводя глаз с аббата, он стал медленно приближаться к нему.

– Ничего такого, из-за чего можно было бы беспокоиться. Просто неприятные воспо...

– Воспоминания, – перебил его бог. – Пусти-ка меня, – положив руку на плечо Роджера, он легонько оттолкнул юношу от аббата. – Ну... Это просто... Я не знаю, как это назвать! Как можно быть настолько безответственным!? – Аргх принялся счищать что-то с плеч Марка, похлопывал его по спине, стряхивал с головы, словно бы видимые лишь одному ему мельчайшие пылинки грязи.

– Что ты делаешь? – отбивался аббат.

– Когда ты в последний раз видел Зааша?

– Ну, день назад. Мы разделились на перекрестки, ведущим к капелле.

– Боги, какой же он все-таки еще ребенок. И интересно многих он еще заразил? Боги... Зааш видимо не так давно был в землях отца. Тебя не кошмары мучили, а осевшие частицы червоточины. Хорошо хоть тебе наяву ничего не мерещилось из прошлого. Норгх окончательно его распустил. Теперь, я думаю, эти... “сны” должны прекратиться.

– Я разбудил вас?

– Разбудил? Нет, конечно. Роджер уже давно проснулся, да и снаружи уже во всю светит солнце, – Аргх взмахнул рукой и из-за леса медленно выплыло солнце, озарив его темницу светом. – Ты невероятный соня.

– Аббат Маркус, – осторожно, стоя чуть поодаль, произнес юноша, – нам пора.

– Аргх он прав. Я поговорю с Заашем, как его увижу, но чего-то обещать не могу.

– Буду надеется он простит меня. Я слежу за тем, кто появится в часовне после вашего ухода и если что-то узнаю об убийцах, то постараюсь дать тебе знак, а ты, прошу, позаботься чтобы их похоронили.

Набрав всевозможных припасов, принесенных Аргхзуром, и распрощавшись с ним, пара прошла через арку, обрамленную огненным орнаментом, вернувшись в мрачный

сад часовни. Погрузив свои вещи на спокойно ожидавших в конюшне лошадей, аббат в сопровождение юного воина покинул траурную одинокую темную крепость в горах.

– Аббат Маркус, – на этот раз Роджер не хотел терять времени и как только они оказались на дороге, он сразу же набросился на старика с вопросами. – Вы обещали все мне рассказать...

– Я не думаю, что все что я знаю может тебе понравиться или хотя бы просто заинтересовать, но спрашивай.

– Что произошло семьсот лет назад и как вы оказались здесь? – быстро выпалил юноша.

– Аххх, – вздохнул аббат. – Ну если тебе это так интересно, то приготовься. Это долгая и совсем не героическая история. Еще ребенком я жил деревне, располагавшейся в землях, ныне находящихся в составе владчества Ансельма. Мой отец был лесорубом, а мама ухаживала за домом и жили мы не сказать, что богато, но нам вполне хватало, и я был довольно счастливым ребенком. В то время не было ордена, не было грозного магистрата, не было никакой военной угрозы от торговой картели, да и самой картели тоже не было. Долина не была разделена на земли. В те времена не существовало никаких лордов, и никто не обязан был отдавать им часть своего урожая, выращенного честным трудом, или просто часть своего имущества в уплату за право жить на их землях. Да тогда существовали более богатые и укрепленные города среди десятков обычных деревень со своими

вождями, но не более того. В то время нашим миром правил Аргхзур.

Его крепость – Солас Мор, орден в последствии украл даже название, находилась все там же в землях Рид. По правде сказать, вся земля Рид была Солас Мором. Нынешний магистрат построен на руинах всего лишь одного квартала этого города. Сам Аргх никогда не занимался ни проектировкой этого города ни тем более его строительством. Первоначально он жил просто в лесу. Люди приходили к своеобразному алтарю, чтобы встретиться с ним. Они просили его о помощи, просили об урожайном годе, просили вылечить животное или близкого, просили защиты, много чего еще. В последствии некоторые поняли, что гораздо выгоднее и удобнее не ходить за многие мили ради одной просьбы, а поселиться рядом и в любой день видеть бога. Впоследствии одинокие дома разрослись до деревень. Деревни в свою очередь соединяясь друг с другом превратились в кварталы и возник великий город бога – Солас Мор.

Но всех выслушать и увидеть Аргх конечно же не мог, а помощи просили многие. Тогда впервые появились те самые культисты, которыми теперь так любит пугать орден. Это были обычные люди, с которыми бог разделял часть своей силы. В последствии они расселялись по деревням, таким как к примеру, была моя. Нашего культиста звали Перех, и уж можешь мне поверить он не был каким-то ужасным монстром. Сколько я себя помню он всегда был добродушным, я бы да-

же сказал, наивным старцем. В ходе наделения культиста силами на тело представителя бога наносились письмена, но даже весь этот орнамент на коже старика Переха не делал его злым или страшным. Он был очень добр и часто играл с детьми из деревни, когда взрослые уходили рубить лес или пахать землю. Я с огромной теплотой вспоминаю те далекие времена.

Основная задача культистов была помощь жителям Долины. Они призывали дожди или наоборот расчищали небо. Лечили больных, помогали связаться с богом. Да они владели определенной силой, тем же пресловутым огнем, но использовали его совсем не так как это утверждает орден. Таким был мир моего детства.

Все изменилось спустя многие годы. Тогда я подросток и уже помогал отцу с его работой в лесу. Мне было двадцать. Наш добрый и вечно улыбающийся старик Перех умер, и деревня осталась без культиста. Правда вскоре из Солас Мора прибыл новый, он был значительно моложе Переха и рьяно занялся перестройкой его дома. Мне это совсем не нравилось, как и он сам. Не нравился он и многим другим жителям деревни. Новый культист был резок, а временами откровенно груб. Тогда впервые по деревни стали ходить слухи о пропаже людей и якобы их убийствах новым культистом. В то время это воспринималось как полный бред и чепуха, никто серьезно в это не мог поверить. Мы даже не могли представить себе, что посланник Аргхзура попытается навредить нам.

Невозвратной точкой стал всего лишь один день. Новый культист в окружении каких-то людей стал врывать в дома и вытаскивать людей наружу. Я не хочу пересказывать тебе все что было в тот день, скажу лишь только то что под вечер вся деревня полыхала. Людей заживо сжигали в огромном костре, а обезумевший мужчина танцевал вокруг него.

Небольшой группе людей удалось уцелеть в тот день. Мы вернулись утром, похоронили останки своих близких и решили, что эта тварь, виновная в гибели людей, должна заплатить за свой поступок. Мы должны были пойти к Архзуру, рассказать ему все о произошедшем, но я был молод и во мне кипела злость и боль. В смерти родителей я винил уже не столько самого культиста, сколько бога, приславшего к нам убийцу и допустившего смерть стольких дорогих для меня людей. В деревни у меня был друг – Хьеэр, мы вместе росли, вместе играли и вместе повели народ.

Культист поплатился за гибель наших семей. Мы заперли его в доме и сожгли, но ни утешения, ни облегчение боли это не принесло. Разгоряченные и злые мы омылись в первой крови и почувствовали свою силу.

Потеряв свои дома, потеряв привычный уклад жизни и вознамерившись покарать бога за предательство мы в последствии напали на соседнюю с нашей деревню. Часть ее жителей сопротивлялась нам, но тогда мы посчитали их приспешниками павшего бога, и просто на просто убили вместе с их собственным культистом. Но были и те, кто встал на на-

шу сторону. Сейчас я понимаю, что воров, убийц, обычных разбойников, да и просто недовольных своей старой жизнью хватало и в те времена, но тогда я считал их одумавшимися и вставшими на сторону освободителей. Мы уничтожили всю деревню. После нас на ее месте остались лишь обгоревшие остовы зданий и огромное количество погибших ни в чем неповинных людей.

Вслед за нашим первым набегом последовали и другие. Мы вознамерились убить всех культистов, а ослабив тем самым бога свергнуть и его. Наша банда словно смерч налетала на каждую новую деревню, разрушая все на своем пути. В глазах обычных людей, коими и мы когда-то были, наш освободительный отряд выглядел скорее, как скопище разбойников и убийц. Укрепившись и пополнив свои ряды отбросами мы рискнули покинуть наши земли и направиться в сам Солас Мор. Наши стычки с приграничными беззащитными деревнями лишь усилила уверенность и решимость идти в бой, а первое сражение с ополчением пригородных деревень окончательно решило наши дальнейшие планы.

Теперь мы в открытую, не прячась больше по лесам, шли в столицу ненавистного бога. Но вскоре все в одночасье рухнуло. Наше второе полномасштабное сражение произошло с еще не совсем подготовившимся, но уже крупным ополчением самого Солас Мора. Я не могу сказать, что мы проиграли эту битву, но потери были столь огромны с обеих сторон, что ополчению, как и нам пришлось отступить. Правда

оправились они гораздо быстрее чем мы. Этих людей толкал в бой страх за своих детей и близких, страх потерять свои дома, а нас лишь нажива, прикрываемая лозунгами свободы. Наше третье сражение и боем то было не назвать, мы были вынуждены бежать.

Но и отступить оказалось не так просто. Ополченцы Солас Мора должны были понимать, что в лесах, привычных нам, у нас будет преимущество, но это их совсем не останавливало. Они стремительно нагоняли нас, а мы лишь выбивались из сил с каждым днем все больше.

Тогда я принял решение. Со мной остались самые верные и преданные мне люди, бывшие соседи, знавшие меня и мою семью. Мы забрались и укрепились на горе, располагающуюся сейчас на землях Лордсхена. Нашей целью было отвлечь, идущее по пятам за нами войско и дать Хьеэру обойти наших преследователей и вернуться в родные земли, где бы он смог получить поддержку.

Но уже в первые мгновения осады нашей горы я понял, что мой план провалился. К ополчению Солас Мора присоединились уже хорошо вооруженные и готовые к бою воины, но это было только частью беды. Вместе с ними шли и культисты, впервые использовавшие свои силы в бою.

В тот день я познакомился с Заашем, таково настоящее имя Эрика. Объединившись с побитыми остатками, убежавшей с Хьеэром армии, он прибыл к горе. Никакого великого сражения не было, как это преподносит орден. Я не произ-

носил никаких речей, я не грозил Аргхзуру свержением или смерть. Я не предсказывал новую эру. Ничего этого не было. В действительности весь бой я так и провел на вершина, где мы готовились удерживать осаду, а сражение для нас выиграл отряд Зааша. Весь следующий вечер я перепуганный, сонный, голодный и замерзший отогревался в лагере, накачивая себя выпивкой.

Единственным правдивым фактом той битвы служит упоминание о том, что она стала для нас переломной. Мы вновь наступали, а вот жители земель, обитавшие на землях в последствии получивших название владычество Лордсхен, спешно покидали свои дома.

По сей день земли Лордсхена является самой большой часть Долины, но при этом самой малонаселенной. А все благодаря тем далеким дням. Хьеэр больше не хотел рисковать и поэтому расправлялся с местными быстро и жестоко. Половина тех лесов омыто кровью. Я же так и остался подле горы, разрабатывая наши дальнейшие планы, а Хьеэр начал строительство своей крепости – собственно того самого замка Лордсхен, позже он правда вернулся в Ансельм, став лордом тех земель, но об этом позже.

Благодаря Заашу мы успешно отбивали атаки Солас Мора и беспрепятственно ходили по его землям. Хьеэру и Заашу тогда хотелось как можно быстрее напасть на город, и они с жадностью набрасывались на любого, кто покидал его стены. К тому времени в Лордсхен стали прибывать вожди тех са-

мых богатых и укрепленных городов, которые еще не были разворованы нами. Эти трусливые торгаши, которых орден в последствии назовет великими лордами, в конечном итоге были готовы на все. Если бы им тогда сказали вывести по половине своего населения в лес и на потеху нам перерезать их, они бы беспрекословно выполнили приказ, лишь бы уберечь свое имущество и что важнее свои собственные шкуры. Там они в конце концов подписали договор о фактической сдачи своих городов и всего их населения на откуп ордену. По договору никакого равноправия не предполагалась, лишь полное подчинение. Этот позорный день для Долины в последствии орден гордо назвал днем создания Совета Пяти лордов.

Все это проходило без меня. Я все так же оставался около той самой горы, на которой чуть не лишился жизни. Тогда там еще только начиналось строительство замка, позже ставшего аббатством Родсбери. Я не буду уверять тебя, что все те дни обдумывал планы заточения Аргхзура. Это было не так. Большую часть работы, от идеи до почти готового плана, сделал не я. Я лишь свел детали и представил все как свою идею.

– Кто вам помогал? Эрик, в смысле За... Зааш? – впервые рискнул прервать аббата Роджер.

– Нет, конечно нет. Зааш воевал на границах Лордсхена, но помогал мне не менее странный человек. Он пришел в один из дней и сказал, что у него есть идеи, которые могли

бы меня заинтересовать.

– А что с ним стало потом?

– Честно говоря не знаю. У него были обширные познания и просто так затеряться он не мог, но орден подчистил свое прошлое после моего исчезновения и найти хоть что-то весьма затруднительно. Брат Абель сейчас ведет поиски в архивах и библиотеках Солас Мора, но как оказалось мы ищем совсем не там. Но вернемся к прошлому.

Имея на руках план пленения Аргхзура мы потренировались на все той же горе и добившись успеха, наконец, выступили в поход. К тому времени у нас уже была хорошо вооруженная армия, состоящая не только из бывших разбойников, а теперь к тому же и из армий вождей. Мы были уже несокрушимы, хотя бы потому что наша армия в разы превышала оборону Солас Мора. В последствии я много раз спрашивал почему Аргх не выступил в бой сам, почему не уничтожил нас одним ударом, когда мы только захватили Долину. Когда еще был шанс. На что он всегда отвечал, что надеялся защитить город и мир своих людей. Любой военачальник тогда бы понял, что эту войну он уже не победит, но Аргх не был ни воином ни уж тем более гениальным стратегом. Орден все перевернул с ног на голову. В реальности мы воевали с ребенком, надеющимся на лучшее. Мы не просто взяли Солас Мор в считанные дни, мы разрушили его до основания, квартал за кварталом.

Установив ловушку в самом городе мы с Заашем направи-

лись в замок, в котором еще оборонялись люди и оставался сам бог. Хьеэр тем временем догонял уцелевшие силы Аргхзура и о том, что с ними стало, я честно, не хочу даже знать. Этот последний рубеж стал самым тяжелым в войне, но в конце концов, под угрозой убийства мирных жителей, попавших к нам в плен, Аргх сдался. К слову, спасти ему так никого и не удалось. После окончания войны, все пленные были убиты под предлогом очистки Долины от скверны и ереси павшего бога. Мы вошли в его кабинет в котором Эрик сделал то что не входило в мои планы. Он ударил Аргха мечом и запустил механизм его смерти. Ловушка не давала богу восстановить силы и спастись от смертельного ранения, и он погибал.

Следующую часть рассказа ты хорошо знаешь. Мы перевезли Арха к вулкану и запечатали его в темнице. После чего началось образование нового порядка.

Позже еще были две неудачные войны. Первая на севере – отряд Джареда Йорга отправился в земли Норгхстора, но вернулся не с чем. Об этом я знаю мало. Но вот насчет второй войны Абелю кое-что удалось отыскать. Сама по себе эта западная или как ее еще называют южная война считается провальной. Пара месяцев борьбы с кочевниками и скорое отступление – позорная страница истории ордена, но почему-то не скрытая от глаз в отличии от остальных неприглядных фактов. Все оказалось куда сложнее. Пока армии пяти лордов изображали противостояние, на запад перевозилось

что-то ценное. И по сей день орден что-то имеет в южных землях и тщательно скрывает это от всех, в том числе и собственных магистров. Я полагаю, что многие ответы и тщательно спрятанные части истории находятся именно там.

На руинах же Солас Мора начал возводиться магистрат ордена Ирдром, который между тем продолжал оплетать Долину сетью всевозможных часовен, капелл, аббатств и прочих представительств. Земли Долины были поделены на владычества. Все успокаивалось... А если быть точнее, то создавалось видимость мира и спокойствия. Кровавая рука ордена заставлял людей работать на магистрат, вкачивая в него жизнь. Даже после падения Солас Мора и исчезновения Ар-гха, люди верили в него и во владычествах тайно продолжали вспоминать Темных Богов и молить о возвращении Ар-гхзура. Естественно так долго продолжаться не могло. Прознав о грязных приверженцах павшего бога, орден объявлял их культистами и жестоко расправлялся. Временами кое-где вспыхивали слабые восстания, но быстро гасли как угольки потухавшего костра.

А потом... Одним днем... Я охотился. Мы были вместе с Заашем. Но охотились не только мы, охотились еще и на нас, а точнее на меня. Зааш в тот день спас меня от стрелы и поймал стрелявшего. А вечером я уже знал имя желавшего моей смерти.

Зааш помог мне спрятаться, бежать и еще пару месяцев я оставался в Долине, выясняя детали. Тогда я впервые по-

говорил с Аргхом. Он очнулся и восстановил силы. Я помню тот разговор до сих пор, каждое его мгновение, каждое слово, сказанное мне и сказанное мной. Такую боль, стыд и отчаянье я больше никогда не испытывал. Аргх мог убить меня на месте, мог обвинить в смерти сотен тысяч, мог орать и поносить меня и имел на это все права, но он продолжал заботиться о своем народе, думая, как можно облегчить их новую жизнь.

Я выяснил что новый культист с которого все началось никогда не направлялся к нам из Солас Мора. Аргх даже не знал о смерти Переха. Бедный старец стал жертвой будущего лидера восстания. Напавшие на деревню люди во главе с культистом подчинялись Хьеэру. Мой друг объединившись с обезумевшим маньяком, собственноручно убил старика Переха и сжег его дом и все наше селение, а когда народ во главе со мной пошел мстить, он изменил свой бездушный план. Он продумал каждый свой шаг, а когда при помощи меня ему, наконец, удалось свергнуть Аргха я стал ему попросту не нужен, и он не задумываясь отдал приказ на мое убийство. Друг, которого я знал с самого детства, друг о котором я думал, что знаю все, хладнокровно дал приказ пристрелить меня как какого-то оленя.

– Я не помню такого имени.

– Информации мало. При мне он еще правил Ансельмом, он стал одним из пяти лордов и первым Великим Магистром тогда еще зарождавшегося ордена. Кстати, он выковал се-

бе броню из переплавленного оружия культистов, и создал шлем в виде головы ястреба. И в последствии отразил это и в созданном ордене. Я полагаю, его возможно тоже вскоре убили. Люди что пришли к власти в те дни особо не гнушались замарать руки, а он в сравнении с ними оставался все же мечтающим ребенком. В любом случае о нем нет никаких сведений ни как о магистре, ни как о лорде Ансельма... – рассказ аббата был прерван глухим хлопком, двух вошедших в землю стрел, отчего обе лошади тут же встали на дыбы, чуть не скинув своих наездников.

Спереди к ним уже скакала группа всадников, несколько из них были вооружены арбалетами, другие размахивали обнаженными мечами.

– Вы только посмотрите на это. Они же словно мотыльки сюда дохнуть слетаются, – прокричал один из всадников, обращаясь к другим, и вся толпа разразилась мерзким смехом. Но вдруг смех резко прекратился. Всадники угрожая мечами взяли их в окружение. – Быть того не может, это же сам Роджер Эклстер.

– А ну ка дай-ка я ему рожу-то разукрашу, – прокричал второй разбойник и уже замахнулся мечом, но Роджер быстро отразил удар, угрожая в случае нового нападения нанести свой.

– Не смей к нему приближаться. Что с ним делать будем решит Шалас, – с улыбкой, наблюдая за позором своего товарища произнес первый разбойник.

– Мне насрать на Шаласа, этот ублюдок со своей чисто-породной шайкой всех моих ребят перебил, – взбешенный отпором юнца, и насмешками своих товарищей второй разбойник взял и в другую руку меч.

– Что вы там встали? Дорого ведет прямо до часовни, недоноски. Езжайте и приготовьте там все для меня! – со стороны, откуда появились сами разбойники к ним уже скакал новый отряд всадников, а за ним шествовала огромная пешая армия.

– Лорд Шалас, здесь... – разбойники разъехали в разные стороны, указывая на Марка.

– Оуууу... – тут же на лице лидера разбойников появилась улыбка. – Ездили навестить монахов, а они не оказали должного уважения и гостеприимства? Так это моя вина, а не их, не сердитесь, прошу. Но ничего, не расстраивайтесь, вы как я вижу кто-то важный, и конечно же я не могу допустить чтобы такая личность как вы не достигла своей цели. Мои ребята, – Шалас положил руки на плечи двух разбойников, – с превеликим удовольствием проводят вас к вашим, я полагаю, знакомым или... может быть друзьям?

– Лорд Шалас, это еще не все, – разбойники перевели острия клинков с Марка на Роджера.

Тут же забыв об аббате самоназванный лорд, спешившись подошел к лошади парня.

– Просто нет слов, – Шалас буквально светился от счастья. – Роджер Эклстер... – протяжно произнес он. – Что за

чудесный день, что за чудесный подарок, – ласково промурлыкал разбойник, поглаживая лошадь.

– Убери от моей лошади свои руки, – угрожающе произнес Роджер несмотря на то что на него было направлены пара арбалетов и с десятков мечей.

– Роджер, ну что ты так со мной. Мои парни погорячились. Уберите оружия, – обиженно взмахнув рукой, Шалас приказал разбойникам спрятать мечи, – и ты тоже мой милый друг.

– Я тебе никакой ни друг...

– Мы ведь так давно с тобой знакомы, сколько раз встречались, а ты так груб. На твоём месте я бы был чуточку поласковее, я бы даже сказал понежнее. Поверь я бы так хотел остаться сейчас с тобой, но к сожалению, у меня совсем нет времени, – вдруг его лицо резко изменилось, улыбка исчезла, а лицо исказила гримаса ярости. Развернувшись он отошел на несколько шагов от лошади воина и в бешенстве пнув несколько придорожных камней, прокричал: – Как часто мне так везет?! И у меня совершенно, нет времени! Вы ублюдки, жалкие недоноски, которые потратили мое время! Неужели так сложно было поймать этот скот и допросить?! – разбойники в ужасе смотрели на своего лидера боясь пошевелиться. – Ну ладно, как-нибудь в другой раз, – в мгновение с его лица слетела злость и вернулась полуулыбка. Больше не обращая ни на кого внимания, он направился к своему коню и быстро запрыгнул на него.

– Лорд Шалас, – дрожащим голосом произнес один из разбойников.

– Да.

– А что с ним делать?

– Свяжите и посадите на какого-нибудь... ну, не знаю, коня. Я с ним позже поиграю, – ответил он и чуть было не проехал, застывших в ужасе разбойников.

– А с ним? – на этот раз его подчиненные указывали на Марка.

Шалас резко остановился, мгновение казалось он что-то обдумывал, но быстро очнувшись с улыбкой добавил:

– Ребята не будьте такими грубиянами. Проводите нашего гостя к его друзьям, хотя нет... – он ненадолго вновь о чем-то задумался, внимательно осматривая аббата. – У него довольно высокий статус. Так что... да, определенно да, разделите его и возьмите... эм кольцо, замечательно. Да, возьмите кольцо и скажем... голову. Я думаю она станет отличным подарком для повелителя...

– Нет! – вдруг раздался детский крик, прервавший веселые рассуждения Шаласа.

– Что-то не так командующий? – развернувшись, он ласково обратился к сидящему на соседней с ним лошади мальчику.

– Не трогайте его. Оставьте его мне, – тонким голосом потребовал ребенок.

– Интересная просьба и я думаю...

– Это приказ! Вы обязаны мне подчиняться, – Вилл вжился в седло, но не сводил глаз с лидера разбойников.

– Приказ... – медленно, угрожающе повторил Шалас. – И что же... сэр... вы собираетесь с ним делать?

– Отведите его в лес и дайте мне арбалет. Я хочу поохотиться.

– Поохотиться? – с улыбкой вновь повторил Шалас, оглядываясь на своих подчиненных. – Вы это слышали? – глаза ребенка округлились, а руки крепко сжали поводья, казалось еще мгновение, и он сорвется с места, постаравшись сбежать от окружавшего его кошмара. Никто в армии Шаласа в точности не знал, что может сделать их лидер в следующий момент и вся огромная толпа, окружившая их в трепете замерла. – Великолепная мысль, – с улыбкой заключил он. – Ребята, слышали нашего командующего. Быстро отволоките эту свинку в лес. А я недооценивал тебя мальш, – похлопал он по плечу Вилла. – Дайте-ка нам арбалет.

Подхватив под руки, Марка стащили с лошади двое разбойников и потащили в чащу. Следом за ними пошел, и мальчик в окружении Шаласа и еще нескольких его подчиненных.

Выйдя на небольшую полянку ребенок встал на против, брошенного на землю старика, наведя на него арбалет.

– А теперь все уйдите, – потребовал он.

– Уйти? – раздраженно переспросил Шалас.

– Да! Я хочу это сделать один.

– Ну что ж. Первое убийство запоминается на долго. Не будем же мешать столь священному ритуалу. Все слышали командующего! – прокричал Шалас. – А теперь валите отсюда! Ему нужно сосредоточиться, – тут же развернувшись он быстрым шагом направился обратно к дороге.

– Лорд Шалас, вы действительно намерены оставить его там одного, с этим? – произнес догнавший его разбойник.

– Конечно же нет, – Шалас вцепился своей рукой в плечо разбойника. – Идите вдвоем с Грегором в обход. Присмотрите за ним, но чтоб он вас не заметил. И не вмешивайтесь без необходимости.

Марк и Вилл остались одни на поляне. У мальчика дрожали руки не то от тяжести огромного арбалета, не то от того что он должен был сейчас сделать.

– Ты не такой как они. Ты не с ним, – поднявшись с земли, произнес Марк, смотря прямо в глаза ребенка. – Положи его. Я знаю кто ты и знаю, как тебе тяжело. Не пятнай руки кровью, ты об этом еще пожалеешь, но будет поздно. Пусть они сами это сделают.

– Я с ними, – тихо и безнадежно ответил Вилл.

Аббат тяжело вздохнул, осматривая дрожащего ребенка.

– Тогда сделай это быстро и уходи отсюда. Это не твоя вина.

– Я не буду вас убивать, – чуть отведя прицел арбалета от Марка, он выстрелил в лес и с облегчением опустил тя-

желое оружие. – Уходите из земель Тиретхолла, здесь больше не безопасно. Уходите, только скорее. У нас очень мало времени.

– Пойдем со мной, с ними тебя ничего не ждет кроме смерти.

– Нет. Если я вскоре не вернусь, они будут меня искать, а если вы уйдете, я скажу, что убил вас. Уходите, сейчас вы ничего не сможете сделать не для меня не для своего друга. Я постараюсь защитить его от них. Уходите.

Марк с тяжелым сердцем развернулся и медленно направился в лес. Каждый шаг отдавался болью где-то глубоко в груди, терзая старика. Этот ребенок, он не заслуживал подобной участи. Ему была сейчас так необходима помощь, но вместо того чтобы спасти несчастное дитя, Марк был вынужден просто уйти, бросая его одного с этим грязным отребьем.

Он продолжал углубляясь в лес, но с каждым шагом все больше понимал, что совершает ошибку.

– Нужно обойти их и вернуться в часовню, – думал он про себя. – Теперь все встало на свои места. Они идут к Аргху. Именно они пытались вскрыть его тюрьму. Но открыв ее, если не их усилиями, то силами самого Аргхзура, их ждет гибель, а для Марка появится шанс спасти Роджера и Вилла. Мальчик достаточно настрадался лишившись семьи и родного дома, а теперь еще и став заложником банды разбойников. Вдруг его плечо прострелила резкая боль. Аббат привалился к стволу дерева, тяжело дыша. Каждое движение теперь

вызывало мучительную судорогу, от казалось горящего эпицентра в плече и до самых пяток. Собравшись с силами он прикоснулся к плечу, осторожно ощупывая каждый дюйм.

– Нет, он не мог, – с грустью думал он про себя, нащупав торчащие древко стрелы.

Медленно пошатываясь он развернулся назад, но увидел перед собой совсем не дрожащего ребенка, прицелившегося в него, а двух идущих к нему на встречу разбойников. Первый из них, вооруженный арбалетом, громко смеялся и что-то рассказывал второму, вооруженному мечом. Остановившись, они о чем-то поспорили и пожали друг другу руки. После чего первый разбойник поднял огромный арбалет и прицелившись, выпустил новый смертоносный снаряд, попавшую аббату в живот.

Ноги стрика подкосились, обрушив измученное тело на землю. Казалось в одно мгновение из его груди вырвали весь воздух, бросив задыхаться. Терзаемый болью, он не чувствовал правой руки, пару раз попытавшись приподняться, что теперь оказалось непосильной задачей, Марк оставил всякие попытки вновь подняться на ноги.

– Не ну ты видел этого сопляка, он ведь даже стрелять не умеет. Ладно давай кончай с этим, – голоса разбойников приближались, и вскоре перед глазами Марка возникло два улыбающихся лица.

– Да брось. Давай развлечемся. Скажем, отрежем ему... ну давай палец, как Шалас. Он же приказал принести ему

голову этого монаха, вот и пальцы принесем тоже, лишними то не будут, – произнес разбойник с мечом, указывая острием клинка на кисть аббата.

Голоса разбойников начали отдаляться, хотя они оба все так же продолжали стоять над своей поверженной жертвой. Их лица расплывались, теряя четкость.

– Если мы тут задержимся, Шалас у нас самих все пальцы поотрезает. Кончай с ним и пошли, – настаивал, стрелявший в Марка.

– Ну как скажешь.

Перед глазами Марка промелькнуло блестящие лезвие меча, остановившись в нескольких дюймах от его шеи. Старик уже практически не различал лица своих мучителей, их голоса слышались, словно из какой-нибудь далекой пещеры. Словно издеваясь они продолжали переговариваться, оттягивая последний удар.

Наконец лезвие ожило, взметнувшись ввысь, отсчитывая последние мгновения жизни, оно должно было обрушиться обратно, но вдруг исчезло. В след за мечом от лежащего тела отпрянула, и фигура с арбалетом, резко развернувшись и прицелившись куда-то в лес, но вскоре, и она бесследно исчезла. Из тумана сливавшихся красок появился кто-то третий, не знакомый. Темный расплывчатый силуэт бежал прямо к Марку и вскоре его руки с осторожной заботой посадили старика, прислонив безвольное тело к дереву

– Пожалуйста держись, – произнес черноволосый юноша,

нависая прямо над ним. – Прошу. Я не знаю, что делать! – на его глазах выступили слезы. – Ты должен знать! Помоги мне! – прокричал парень кому-то рядом, но картинка перед глазами Марка все больше отдалялась, теряя четкость. Боль отступала, цвета гасли, а крики затихали.

21

Холод. Бескрайняя холодная пустыня без единого признака жизни. Каждая новая миля ничем не отличалась от предыдущей. Запутаться и потеряться здесь было легко. Кэй уже давно не понимал в каком направлении он скачет. Лишь умоляя Пророка о помощи и сострадании он надеялся, что Эрик прав, и лошадь, которую он оседлал, знает дорогу обратно.

Ни разу не остановившись, не сбавив ходу, он провел в дороге весь день и добрую половину следующей ночи. Лошадь казалось могла проскакать без передышки еще столько же, но мальчик уже больше не мог. Кэй устал, смертельно устал. Его клонило в сон все сильнее и несколько раз он даже чуть не вывалился из седла. Но животное, как ни в чем не бывало продолжало свой бег и вряд ли бы заметило отсутствие седока в случае если бы Кэй все-таки упал. И вполне вероятно продолжила бы путь дальше одна, а вот для самого Кэя это бы означало гибель в этих промерзших землях.

Уже глубокой ночью он все-таки решил остановиться. Вспоминая действия Эрика, Кэй с трудом вбил колышек в

твердый, скорее лед, чем снег и привязал к нему лошадь. С не меньшим трудом мальчик заставил животное лечь, так как поводья оказались короткими, и до земли не доставали. Для надежности к ним он привязал и свою руку.

Закончив, без сил, Кэй повалился на землю. Ему хотелось есть, хотелось тепла, но сил уже не было даже на то чтобы стащить с седла мешок с припасами. Укутавшись в теплый плащ, мальчик сразу же заснул.

Но и выспаться ему не удалось. Кэю снился дом, родная крепость, где он вырос, город, где он бегал с Тимом. Но что замок, что городские дома и улочки – все были пусты. Во всем огромном городе никого не было за исключением все лишь одного существа. Мальчик с замирающим от страха сердцем, борясь с щемящим чувством одиночества забегал в очередную комнату в надежде хоть кого-нибудь отыскать, выбегал во двор, в большой и малые залы. Кричал, звал отца, маму, миссис Дьюрер, сэра Эклстера, Тима, но единственным кто отвечал ему на все просьбы и мольбы о помощи было то жуткое существо. Теперь оно преследовало его и во снах. Оно было всюду, появлялось из ниоткуда и звало Кэя по имени.

Наконец, он проснулся. Сонным, с нестерпимо болевшей головой, нараставшим где-то в глубине страхом, чувством безысходности и бессмысленности всех его действия и поступков. Мальчика била дрожь, живот урчал, а голод грыз глотку. Перекусив первым, что попало ему под руку, он от-

вязал лошадь и взобравшись на нее отправился вновь в дорогу.

Теперь эта тварь не давала Кэю покоя ни во снах ни наяву. Неужели он свихнулся, лишился разума, как когда-то отряд Джареда Йорга? Эрик предупреждал его чтобы он не смотрел на все эти проклятые иллюзии, но тогда это казалось таким забавным. Прошел всего лишь день, но Кэй чувствовал, что тот мальчик, которого еще вчера тянуло на приключения, который с таким интересом наблюдал за удивительными замками и караванами странников был таким далеким от него сейчас, был таким... ребенком.

Иллюзии не прекращали появляться, они стали даже более живыми, материальными и правдоподобными. Замки казались ближе, караваны проходили всего в нескольких ярдах от него самого. Воины шли в атаку, размахивая мечами, словно бы преследуя его. Он мог слышать их голоса, различал каждое слово, но старался не обращать внимание на несмолкающий шум и бурлящую жизнь вокруг.

– Здесь никого и ничего нет, – всякий раз твердил он себе. – Не смотри, не слушай, это обман, обман, обман...

Но не толпа разбойников, появлявшаяся из ниоткуда, ни воины, следовавшие за ним словно бы за своим командиром, ни идущие рядом люди, говорившие на самые личные темы, словно бы их никто не слышал, пугали его. Одно лишь безумие. Сама мысль о том, что эти ведения теперь будут преследовать его вечно, бросала мальчика в дрожь. Оживший и ма-

териализовавшийся глубинный ужас, кошмар. Теперь он был всегда рядом, следил и наблюдал за ним. Кэй молил Пророка, чтобы это существо, появлявшееся в его снах и преследовавшее в реальности оказалось всего лишь последствием того самого безумия, о котором его предупреждал Эрик. Он просил Пророка чтобы он уничтожил эту тварь, чтобы она исчезла, пропала и больше никогда не появлялось в его жизни, как только он выберется из Мертвых земель, а он должен выбраться, любой ценой должен. Всякий раз заметив худую фигуру, он отводил от нее взгляд, вжимаясь в седло и подгоняя лошадь.

– Только бы выбраться отсюда, и он пропадет, все закончиться. Только бы выбраться.

Когда на далеком горизонте, наконец, появилась темная полоса, мальчик чуть было не подпрыгнул от радости в седле. Теперь появился шанс, настоящий шанс, а не жалкая надежда. Он видел стену, теперь он знал ориентир, оставалось только добраться до него.

– Хоть бы это была стена, хоть бы стена, а не очередной обман. Пророк прошу, помоги мне, хоть бы это была стена, не будь так жесток, – молил он не отводя взгляда от столь желанной цели.

Темная полоса не исчезала, становясь больше и отделяясь от горизонта. Вскоре Кэй стал различать очертания крепости и слабые огоньки.

Спрыгнув с лошади, как советовал ему Эрик, он пошел

пешком. На глазах наворачивались слезы.

– Неужели наконец все закончиться. Этот кошмар закончится!

Кэй не взял с собой ничего, ни мешка с припасами, ни дополнительных теплых вещей. Он пообещал себе дойти до стены любой ценой, а все эти вещи только бы отняли у него остатки сил. Пусть он будет сходить с ума от голода, пусть его голова будет раскалываться на части, требуя сна и отдыха, да пусть он хоть проползет последние ярды, вцепляясь в холодную землю ногтями, но он должен добраться до замка, пока он не исчез.

Идти было тяжело. Некоторые снежные барханы, казалось состояли из одного лишь льда, отчего у мальчика скользили ноги, другие же были мягкими и рассыпчатыми и взбираясь на них Кэй по колено утопал в снегу.

Он шел вперед, карабкался на очередную снежную гору и спускался к новой. Силы стремительно покидали его. В один момент он решил сбросить тяжелый плащ, который как ему казалось лишь замедлял его, но вскоре он об этом пожалел. К усталости теперь добавился и холод. Порывы жалящего ветра не стихали ни на одно мгновение.

Измощенный он так и не добравшись до возвышающейся стены, рухнул в снег. Крохотные льдинки не на долго отрезвил его разум, придав сил, но вновь подняться он уже больше не смог. Дав себе слово, он выполнял его и продолжал ползти, изредка поглядывая на уже такую близкую стену и

крепость.

Темные очертания расплывались в его глазах, шпили замка двоились, голова кружилась, а руки обжигал холод. Подтянувшись в последний раз Кэй замер, переводя дыхание и собираясь с мыслями и уже больше не двигался.

Комната. Яркий свет бивший из окна. Теплая уютная постель. Все знакомое и родное. Тиретхолл. После всего этого кошмара, он оказался дома. Не важно как, не важно, что было, не важно, что будет. Главное он дома, наконец, дома. Закрыв глаза, Кэй наслаждался мягкой кроватью.

Быстро одевшись он выбежал в коридор, спустился по лестнице и распахнув дверь вылетел во двор.

Здесь все осталось таким каким было, когда он покидал крепость, отправляясь с Роджером в дорогу. Направившись к пристройке миссис Дьюрер он радостно вошел, выкрикивая ее имя, но никто не ответил. Мальчик позвал Мари, но не отозвалась и она. Он быстро вбежал по лестнице наверх, проверяя комнаты. Здесь было пусто. Снова. Упав на колени, он сжался в комок и закрыл глаза.

– Где все? Почему здесь никого нет? Где все они? Где?! Пусть все это прекратится, пусть все это прекратится! – надрывавшимся от слез голосом, твердил он без конца.

– Я же предупреждал тебя, что если замерзнешь, то тепла ты уже не найдешь, – тихий, хрипящий голос парализовывал. Кэй боялся открыть глаза и посмотреть на того, кто

это произнес.

– Тебя здесь нет! Ты никто! – выкрикнул он.

– Меня нет? – переспросил голос. – Сейчас мы в Тиретхолле, а как я помню последний раз ты полз по снегу Мертвых земель. Это тебя здесь нет Кэйл. Это ты здесь не можешь быть.

Кэй вскочил с места, широко открыв глаза. Перед ним все также со спокойным, отчасти даже надменным выражением лица, парила худая фигура существа. Мальчик в ужасе отпрянул от нее, ища путь отступления из комнаты, но не найдя его, стрелой помчался прямо вперед. Пробежав в паре дюймов от существа, он покинув сначала комнату, а за ней пристройку миссис Дюрер, он просто бежал не разбирая дороги.

– Кэйл... – удивленно прохрипело существо.

“Просто бежать. Бежать! Дальше! Быстрее!” – мальчик мчался вперед, кидаясь в первую попавшуюся улицу, отдаляясь от крепости.

– Безумие? Это довольно интересное явление... – существо появлялось из воздуха, преследуя его, как бы быстро он не бежал. – Бороться с собой, довольно тяжело и мучительно... – продолжало оно, проявляясь на каждом следующем повороте. – А что если я тебе скажу, что ты не безумен? Ты поверишь мне? – фигура парила перед остановившимся и задыхавшимся от бессмысленной беготни ребенком. – Что если я предложу те... – голос существа стал затихать, он ста-

новился едва уловимым, а сама фигура, истончаясь, становилась полупрозрачной. Сквозь нее на Кэя смотрели два горящих холодных глаза. Чем сильнее фигура существа выцветала, теряя краски и исчезая, тем ярче горели холодные глаза и вокруг них проявлялось новое тело. Когда от существа совсем ничего не осталось перед Кэйем выступил Эрик.

– Я возвращаюсь. Приготовься, – его голос отдавался эхом, и казалось заполняя собой все вокруг. словно нескончаемый гром, он отражался от стен домов, продолжая нарастать и усиливаться.

Кэя стал заливать солнечный свет. Вскоре все что он видел перед собой исчезло за яркой пеленой.

Мальчик поднес руку к лицу, защищаясь от солнечных лучей и проморгавшись начал осматриваться. Пелена исчезла, и он вновь оказался на кровати, вновь сквозь окно пробивалось солнце. Все началось сначала? Он закрыл глаза руками, умоляя о том, чтобы его перестали мучать.

– Проснулся? – голос, совсем не похожий на голос существа. Этот был звонкий и веселый. Кэй открыл глаза, ища взглядом говорившего. – Сэмуэль? Я прав? – перед кроватью стоял мальчик с небольшим деревянным подносом в руках. – Я Рик. Помнишь?

– Рик, – тихо повторил Кэй.

– Хорошо. Раз ты можешь говорить, значит еще не все потеряно, – улыбаясь, мальчик положил свой поднос прямо на кровать. – Тебя заметили гвардейцы и принесли в крепость.

О делах потом. Пока ешь и отдыхай. Если что, я буду рядом, только позови. Рик, еще раз, если забыл, – мальчик внимательно посмотрел на Кэя, видимо ожидая ответа или хоть какой-то реакции на его слова. Дождавшись короткого кивка он быстро развернулся и вышел, закрыв за собой дверь.

Оставшись один, Кэй стал замечать шум, исходящий откуда-то снаружи, возможно со двора. Не так важно, что это был за шум. Будь то перебранка жителей или грохот упавших вещей, главным был сам звук. Он с дрожью вспомнил свой кошмар. Только сейчас он понял, что в нем была абсолютная тишина. Он не слышал не скрипа кровати, когда вставал, не слышал топот собственных ног, пока убегал от существа. В том мире царила полная тишина и лишь единственным звуком был голос этой ужасной твари.

Перекусив принесенной Риком едой, он осмотрелся и найдя свою, а по правде говоря ворованную одежду, надел ее и вышел из комнаты в длинный коридор.

“Как давно я здесь нахожусь,” – думал он, оглядываясь по сторонам. Кроме его комнаты тут было еще с десятков других, но все они пустовали. В каждой следующей, в которую он заходил, обстановка ничем не отличалось от предыдущей, в том числе и от его. Интерьер не выглядел особо богатым, здесь стояло лишь самое необходимое. В комнатах царил дух спокойствия, но в то же время какой-то заброшенности. Казалось все замерло и уже очень давно, лишь мельчайшие пылинки выделялись на фоне общего спокойствия. Под лучами

яркого солнца они кружились в воздухе, играя друг с другом и медленно оседая на пол. Пустота теперь пугала Кэя. Он желал криков, любого общения, но только не тишины и мнимого покоя.

Мальчика охватывал страх. Он старался убедить себя что это реальность, что он проснулся, что он больше никогда не увидит чудовище, преследовавшего его. Он прислушивался и только услышав очередной выкрик или удар откуда-то снаружи немного успокаивался, но каждая следующая комната наводила на него ужас. Войдя в очередную, в надежде найти хоть какой-нибудь признак обитаемости этих помещений, он не выдержал. Горло словно сжала чья-то холодная склизкая рука, по телу пробежала дрожь. Паника словно ледяная вода дюйм за дюймом окутывала его тело. Кэю захотелось скорее выбежать отсюда, увидеть людей, не важно каких, только бы просто хоть кого-нибудь увидеть, понять, что он не один.

– Рик! – заорал он, выбежав обратно в коридор. – Рик!

Мальчик не заставил себя долго ждать. Он появился на лестнице, в противоположной от Кэя стороне коридора. Запыхавшись, он тяжело дышал, не сводя обеспокоенного взгляда со своего подопечного.

– Что-то случилось? – глотая воздух спросил он. – Ты вышел. Потерял меня? Я видимо не услышал, как ты меня звал. Прости. Я думал...

– Нет, – Кэй прервал извинения помощника мажордома. – Это ты меня прости. Я просто... просто еще не совсем опра-

вился. Почему эти комнаты пусты? – присутствие рядом Рика успокаивало Кэя. Теперь он держался за этого мальчика как за крошечный пруттик, связывающий его с реальностью.

– Когда строилась крепость, планировалось что в ней будет жить большой гарнизон, но в наше время больше половины замка пустует. Мастер Харлон решил положить тебя сюда. Он сказал, что тебе был необходим отдых, а здесь как раз никого нет и шумы не так слышны. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, наверное, – ответил Кэй, боясь отвести взгляд от своего собеседника.

– Командующий хотел поговорить с тобой как ты оправишься, но если ты пока не хочешь, я скажу ему, что тебе еще нужен отдых.

– Нет. Я хочу поговорить с ним. Можно сейчас? – больше всего на свете Кэй желал покинуть этот коридор с пустыми, мертвыми комнатами. Его тянуло к живым людям, готовым поговорить с ним, пусть даже первым с кем он встретиться будет сам комендант-командующий крепостью.

– Это будет не самый приятный из разговоров, – предупредил его Рик. – Когда вы убегали, то подняли всю крепость на уши. Командующий был очень рассержен.

– Все равно, – быстро выпалил Кэй, не понимая почему Рик так медлит и не ведет его к командующему. – И еще, можно тебя попросить переселить меня отсюда по ближе к другим жителям.

– Как скажешь. Я сообщу мажордому Калэну о твоей просьбе. Он найдет где-нибудь комнату, – Рик развернулся, и убедившись, что его новый подопечный идет за ним, направился к выходу.

Следуя за мальчиком Кэй вышел во двор, где во всю суетились люди. О чем-то спорили двое мужчин, возясь с лошадьми. Под присмотром местной кухарки с большущей телеги переносились всевозможные мешки и вязанки тушек разных птиц.

Пройдя по двору они вновь зашли в крепость, несколько раз свернув, прошли по еще одному длинному коридору, выходящему к винтовой лестнице. Остановившись перед дверью, Рик еще раз спросил не передумал ли Кэй и получив отрицательный ответ, постучал.

– Командующий Форкстон я привел Сема, как вы просили, – громко объявил Рик пропуская перед себя Кэя.

Командующий сидел за столом и внимательно вчитывался в какие-то бумаги, разбросанные по столу. Оторвав взгляд от свитка, он взглянул на двух ребят.

– Пророк всемилостивый, Рик, – Джон вскочил с места, обеспокоенно осматривая Кэя. – Я просил сообщить мне, когда он придет в себя, а не поднимать с постели и тащить ко мне. Ему еще нужен отдых. Мастер Харлон сказал, чтоб его не трогали минимум дня четыре.

– Но он сам попро...

– Я в порядке, – перебил Рика Кэй.

Командующий с недоверием посмотрел на обоих мальчиков, но все же указал на стул, предлагая Кэю присесть.

– Хорошо, Рик оставь нас, – помощник мажордома коротко кивнул и вышел, закрыв за собой дверь.

– Ты уже завтракал? Я могу попросить принести прямо сюда что-нибудь, хочешь? Все же рано ты встал, надо было еще пару дней отдохнуть, понабраться сил.

– Нет, спасибо. Рик уже принес мне завтрак. Как давно я здесь?

– Сегодня третий день, не считая ночи. Тебя заметил гвардеец, к слову тот самый на которого вы с Эриком напали. Когда тебя принесли в крепость у тебя уже был сильный жар. Мастер беспокоился за твою жизнь, а ты так толком и не оправившись вскакиваешь с кровати...

– Я сожалею что доставил столько хлопот вашему мастеру над травмами. Рик сказал, что вы хотели со мной поговорить?

Лицо командующего сразу же нахмурилось. Он обошел стол и сев на свое место, посмотрел на Кэя.

– Не о том ты должен сожалеть. Я понимаю ты ребенок...

– Я не ребенок, я... – возмутился Кэй, чуть было не назвав себя лордом.

– Хорошо, но в таком случае ты тем более должен понимать, что совершенные вами действия являются преступлением. Вы напали на гвардейца крепости Хостраш, когда он был на боевом посту. Вы обокрали нас и отворили самые охраняемые врата во всей Долине. Только благодаря тому,

что Слейд не пострадал ты сидишь сейчас здесь, в противном же случае я был бы вынужден заключить тебя под стражу и сообщить обо всем произошедшем Совету.

– Командующий Форкстон, – в кабинете вновь появился помощник мажордома.

– Рик, я бы просил, пока что не отвлекать меня, – довольно резко произнес Джон.

– Простите командующий, но пришли вести с восточной части стены. Многочисленный отряд Ульгиоров, что наши гвардейцы заметили ранее, теперь направился к крепости.

Джон ненадолго задумавшись, подошел к окну, всматриваясь в далекие снега.

– Насколько они близки к нам? – не оборачиваясь спросил он.

– Все еще у восточных гор, сэр. Они продвигаются пешком так что по примерным расчетам должны достигнут крепости не раньше этой ночи если, конечно, продолжат идти без остановок, либо на следующее утро-день, если остановятся на ночевку.

– Хорошо. Тогда с этим позже. И, пожалуйста, не отвлекай меня пока я буду разговаривать с Самюэлем. Прости за грубость.

– Да, сэр, – Рик снова коротко кивнул и тот час покинул кабинет.

– Так, – Джон вновь вернулся к разговору, обернувшись к Кэю. – Скажу честно, я не знаю, что с тобой делать. С одной

стороны, я должен бы тебя взять под стражу и отослать на Совет, чтобы они решали твою судьбу. С другой стороны, чтобы ты не говорил, но ты все же еще ребенок, и отдать тебя под суд как взрослого нарушителя у меня не поднимается рука. Что-то можешь сказать в свое оправдание?

– Не так давно у меня погибли родители, – Кэй решил рассказать командующему правду, умолчав лишь о некоторые деталях. – Моего отца вероятно убили и заботиться обо мне стал Эрик. Он хотел уйти на север, в Мертвые Земли и поэтому мы направились в Хостраш, – мальчик подумал, что говорить сейчас о визите в племя Ульгиоров лучше не стоит так как узнав о нем командующий может сделать определенные выводы. – Я надеялся, что вы нас пропустите, что Эрик договориться. Но он пришел ночью, разбудил меня и поволок за собой. Я не успел даже понять, что происходит, как он вывел двух лошадей во двор и приказал забираться в седло. Потом мы ехали, всю ночь и утро. Мы словно бежали от кого-то... хотя, наверное, от вас.

– Мы бы не стали вас преследовать, – Джон не сводил глаз с Кэя, внимательно его слушая и обдумывая свое решение.

– Он, наверное, этого не знал. Мне было страшно и холодно. Я хотел вернуться, я просил его, но он словно бы меня не замечал, а потом мы встретили человека. Вашего гвардейца, видимо из того отряда, что ушел до нас, – услышав о гвардейце Джон тут же оживился.

– Он назвал свое имя? Где он сейчас? Он был один?

– Он был уже мертв, – печально ответил Кэй. – Эрик сказал, что он замерз насмерть и тогда я подумал, что с нами произойдет тоже самое. А ночью, когда Эрик уснул я забрался на лошадь и помчался назад. Я хотел вернуться. Я боялся заблудиться. Я молил Пророка указать мне путь. Когда моя лошадь погибла, она просто рухнула подо мной, наверное, я загнал бедное животное. Мне пришлось идти пешком, а потом я упал. Я до сих пор помню этот холод, вой ветра и хруст снега, я полз пока не потерял сознание, а очнулся уже здесь.

– Лорд-командующий, – в кабинет влетел Рик, мальчик тяжело дышал и казалось был чем-то испуган.

– Рик, я же просил, не отвлекать меня! – повысив голос, раздраженно прокричал Джон.

– Лорд-командующий, – официально повторил Рик, его голос дрожал, – там люди.

– Что? – Джон, наконец, обратил внимание на дрожащий голос ребенка и явный испуг в его глазах. Смягчившись и сожалея о вспышке гнева, он уже спокойным голосом спросил: – Ульгиры? Ты же говорил они далеко.

– Нет, сэр. Там огромная армия. Они разбивают лагерь недалеко от нас, а прямо сейчас к нам движется небольшой отряд.

– Пророк сохрани нас, – на лице Джона на многоводие появилось замешательство, но он быстро взял себя в руки и командным голосом приказал мальчику: – Быстро, объяви командирам ближайших отрядов оставить часть людей на сте-

не, но большинство срочно направить во двор. Посмотрим кто это такие и что им от нас нужно.

Тут же все дела были отложены. Извинившись перед Кэйлом, Джон спустился во двор, оставив мальчика в кабинете. Но сидеть в неведение Кэй уж точно не мог. Дождавшись, когда шаги командующего стихнут, он вышел из кабинета и бегом спустился по лестнице.

Идти следом за комендантом было нельзя, но зато в крепости было множество пустых коридоров и комнат с десятками окон, выходящих во двор, так что ответ что делать дальше к Кэю пришел сам собой. Мальчик остановил свои поиски на втором этаже. Из окна, в котором он расположился было прекрасно видно двор со скопившейся массой людей на нем. Отсюда он видел и приближавшийся отряд, и голоса сгрудившихся гвардейцев. Оставалось только ждать.

К крепости стремительно приближались пять всадников. Никто из них не был вооружен, только у одного из них в руках развевалось красное знамя с восходящим из-за горизонтов солнцем.

Остановившись в нескольких ярдах от вооруженных защитников крепости, они спешили и медленно, показывая всем своим видом, что они не желают сражения, приблизились.

– Добрый день лорд-командующий, – произнес один из спешившихся всадников.

– Вскоре мы узнаем насколько он добрый, – сурово отве-

тил Джон. – Кто вы такие и зачем прибыли сюда?

– Для начала я бы попросил ваших людей убрать оружия и перестать нам угрожать. Я не обнажаю свой меч, и если бы я даже и попытался нанести вам хоть какой-то вред, то ваши гвардейцы, я полагаю, смогли бы скрутить меня и мой немногочисленный отряд и без применения клинков. И уж тем более если бы я захотел захватить крепость, то ваши стражи не смогли бы мне оказать никакого сопротивления. Так что прошу, мечи в нашем разговоре не уместны, – Джон приказал свои людям опустить оружия и человек продолжил. – Мое имя Дрейк. Я Командующий армией Тиретхолла...

– Я знаком с командующим войсками Тиретхолла, – перебил воина Джон, – и насколько я помню это сэр Хьюго Эклстер.

– Я сожалею что именно мне приходится сообщать вам эти печальные новости, но сэр Хьюго Эклстер разыскивается за убийство, либо за пособничество в убийстве лорда Натаниэля Аргера, – слова Дрейка прозвучали как гром. Гвардейцы, окружавшие Джона затихли, в страхе переглядываясь меж собой. В одночасье казалось замерла вся крепость, пытаюсь переварить и осознать ужасные вести.

“Эрик был прав, отец убит,” – думал про себя Кэй. В это мгновение мальчик потерял всякую надежду. Новость словно удар ножа, больно отозвалась в груди. Она не была для Кэя нова, но он до последнего надеялся, что это не так, что

Эрик ошибается и вскоре он все же сможет вернуться домой, вернуться к привычной жизни.

– Как мне известно, лорд Аргер был заколот в своем кабинете монахом, присланным орденом. После его гибели в городе начались волнения. В последствии сами люди выбрали своего представителя, которым стал близкий знакомый сына лорда Аргера – мальчик по имени Тим.

– А как же Кэйл Аргер? По всем законам именно он должен был занять трон отца, – возмутился Джон.

– Лорд Кэйл Аргер отбыл из Тиретхолла еще до гибели отца и о его местоположении до сих пор ничего неизвестно.

– Как только он появится этот мальчик должен передать ему все права на...

– В этом больше нет необходимости.

– Что? Он законный Лорд...

– Командующий, спокойно. В этом нет необходимости только потому, что сейчас трон Тиретхолла пустует. Как только Совету Пяти стало известно о гибели лорда Аргера, тут же было созвано срочное совещание, на которое в качестве представителя земель Тиретхолл был послан Тим. Я до последнего отговаривал мальчика посещать это совещание, так как полагал, что орден попытается свалить все на него. В том числе и обвинит в убийстве и захвате власти, умолчав о действиях своего собственного представителя, который кстати ускользнул из кабинета лорда незамеченный. Так что на данный момент мы практически не имеем никаких

доказательств причастности ордена к смерти лорда Аргера, кроме единственного очевидца, который в свою очередь тоже сбежал. Но с сожалением должен признать, что план ордена оказался куда более изощренным и продуманным. Убийством одного лорда они не ограничились. Прибывшие на совет монахи расправились со всеми оставшимися владыками, не оставив в живых даже членов их свиты. Еще живого, но серьезно раненого мальчика мне все-таки удалось вывезти из того хаоса, что начался в городе, но, к сожалению, Тим по дороге скончался от полученных ран.

В одночасье мир потускнел. Все, кого он любил, кого он знал, исчезли словно их и не было. Привычный мир рухнул. Кэй больше не слышал, о чем говорили, прибывший воин и лорд-командующий, он больше ничего не хотел слышать.

Медленно, шаркая ногами мальчик побрел в свою комнату и оказавшись внутри без чувств и эмоций рухнул на кровать. Ему больше ничего не хотелось, теперь больше не было смысла ни в чем. Кэй просто лежал пустой и ослабший.

Сон незаметно охватил Кэя, унеся мальчика к далеким воспоминаниям. Он вновь был в Тиретхолле, в родной крепости, но на этот раз она не была пуста.

Снова заботливая миссис Дьюрер оттирала от него грязь, поражаясь тому где он столько ее находит, а строгий отец учил стрелять из лука, обещая взять с собой на следующую охоту. Снова его обнимала любящая мать и раздавался такой

знакомый радостный смех Тима. Они вновь бегали по крепости, изучая всякие, как им тогда казалось, таинственные коридоры и заброшенные комнаты. Сбегали из города, гуляли по деревни, отправлялись рыбачить к озеру большого Рагра, боролись на воображаемых мечах. Вновь к ним спускался добрый старина Хью, чтобы вернуть “шалобаев” домой. Как бы Кэй хотел остаться здесь, остаться дома, среди близких и родных ему людей.

Но улыбка слетела с лица мальчика, когда он внимательно осмотрелся. Все было точно таким каким он запомнил. И огромное, кристально чистое озеро, и Тим, и удочки на берегу, и гвардейцы на холме, но спускавшийся к нему рыцарь не был похож на сэра Хью. Этот воин был худощав и что важнее облачен совсем не в темные доспехи Тиретхолла. С его плеч спускался белоснежный плащ, а все его тело, с головы до ног, закрывали молочно-белые латы. Кэй присмотрелся и к всадникам на холме. Все их облачение тоже искрилось на солнце. Мальчиком вновь стал овладевать неудержимый страх и чем ближе приближался рыцарь, тем сильнее этот страх возрастал.

Белоснежный воин был уже на берегу и не сбавляя шага шел прямо на Кэя. Остановившись он резко сорвал с себя шлем. На Кэя смотрели два ледяных глаза и голос подобно грому разнесся над гладью тихого озера:

– Я уже здесь. Собирайся, – слова Эрика казалось начали бурю в крохотном теплом мирке Кэя и вскоре сон стал рас-

падаться уступая место реальности.

Мальчик подскочил на кровати, его била дрожь. Убедив себя что он один и в полной безопасности, Кэй немного успокоился. Он проспал весь день. Вернувшись в свою комнату еще днем и упав на кровать, он уснул даже не раздевшись и видимо за все прошедшее время его даже никто не искал.

Вдруг в ночной тишине он стал различать тихие крадущиеся шаги, исходящие из коридора. Словно ночной вор, этот человек делал всего два-три шага и замирал, прислушиваясь не заметил ли его кто-нибудь. Мальчик запрыгнул на кровать и вжался в ее спинку, не сводя глаз с двери и вскоре она с тихим скрипом стала медленно отворяться.

В проходе появилась темная фигура. Зайдя в комнату ночной гость даже не потрудился закрыть за собой дверь.

– Кто ты?! – требовательно, придавая голосу бесстрашие, прокричал Кэй, сам же вжимаясь еще сильнее в спинку кровати, подавляя дрожь и страх.

– Пророк всемилостивый! – неизвестный подскочил на месте. – Как же ты меня напугал, – Кэй замер. Этот голос, женский или скорее девчачий. Такой знакомый, но откуда? – Где твоя одежда? – спросила девушка. – Я пока положу это сюда? Здесь припасы в дорогу. Очень тяжело. Дальше понесешь их сам, – она подошла к окну и положила огромный в сравнении с ее фигурой набитый под завязку припасами мешок в оконный проем. Теперь лунное сияние хорошо освещало ее лицо и Кэя словно бы что-то ударило. На мгновение

из его глаз брызнули слезы, но он тут же постарался их подавить.

– Мари? – сам не веря в то что говорит спросил Кэй. – Но... Откуда ты здесь?

– Кэй, мой милый дурачок Кэй, – с улыбкой произнесла девушка. – Я так бы хотела сейчас остаться с тобой, побыть рядом, обнять, поговорить, но нам пора. Правда пора. Где твоя одежда?

– Я не раздевался.

– Отлично, – вновь подхватив мешок, Мари бросила его в руки Кэю и ловко схватив мальчика за рукав, потащила за собой как какую-то тряпичную куклу.

– Мари как ты здесь оказалась? Что с отцом, что с мамой, что вообще произошло? – Кэй вновь набросился на девушку с вопросами, надеясь получить хоть на некоторые из них ответы. Он до сих пор не мог поверить, что все это реальность, а не очередная издевка ночных кошмаров.

Но не успели они покинуть и коридора как по крепости разнесся встревоженный звон. Он доносился откуда-то со двора. Казалось били в небольшой звонкий колокол.

– Началось, – прошептала девушка и еще крепче вцепившись в рукав Кэя, потянула мальчика за собой.

– Что началось? На нас напали? Та армия что пришла? – Мари казалось не слышала шквал обрушившихся на нее вопросов, думая о чем-то своем.

Вскоре они уже выбежали во двор. Творившиеся здесь

можно было назвать лишь суматохой и всеобщей паникой. Люди бегали туда-сюда, что-то кричали друг другу. Кто-то катил тяжелые бочки, кто-то бежал, разнося связки мечей, кто-то раздавал зажженные факелы и охапки стрел.

Присмотревшись к людям Кэй стал различать в общей массе людей не только гвардейцев, но и людей, пришедших с Дрейком. Все они метались, словно загнанные в панике звери. Мальчик вообще плохо понимал, что происходит.

Но Мари не останавливалась ни на одно мгновение, ловко лавируя между спешащими людьми, она приволокла Кэя к конюшне, где наконец остановившись, отпустила его рукав.

– Быстро запрыгивай, – выкрикнула она, выводя из стойла лошадь.

– Что? Нет, нет, нет. С меня хватит приключений. Я лучше останусь здесь, – заупрямился мальчик.

– Прошу, скорее, – девушка приблизившись в плотную к Кэю, обняла его и нежно поцеловала. – Я и так все напутала, ты должен уходить, прошу тебя, – на ее щеках появились кристальные слезинки.

Плохо понимая, что он делает, Кэй забросил мешок с припасами на лошадь и помог Мари закрепить его, а потом и сам забрался в седло, не переставая кивать на сбивчивую речь девушки. Поцелуй выбил Кэя из колеи, все происходило слишком быстро и это сбивало с толку.

– ...тебя встретит Барет. Не сворачивай с тракта, – до сознания Кэя долетел лишь последний слова Мари, перед тем

как девушка размашисто хлестнула лошадь и та, громко заржав пустилась вскачь.

Когда крепость заполнил оглушительный звон, Джон еще не спал. Он тут же выбежал во двор, посчитав что их атакуют, и в первые мгновение его уверенность лишь укреплялась. С разбитых, вдоль границ Хостраша, лагерей новой армии Тиретхолл к крепости спешили люди. Джон уже было хотел скоординировать боеготовность и взять руководство обороной крепости, как заметил Дрейка на стене. Тот самый воин, что привел огромную армию к его границам и посмел обвинить сэра Хью в измене и убийстве, сейчас руководил гвардейцами Хостраша словно их командующий.

– Целься! – среди общего шума прогремел голос Дрейка. Тут же его команду повторили командиры отрядов на стене. – Огонь! – сноп огоньков взметнулся высоко в небо. – Нам нужно больше людей, – обратился он к поднимавшемуся на стену командующему, словно к старому знакомому.

– Что здесь... – Джон хотел было потребовать объяснений, но онемел от увиденного.

Из глубин Мертвых Земель к стене приближалась огромная армия, объятая каким-то белесым то ли дымом, то ли туманом. В сравнении с ней войско нового Тиретхолла казалось не более чем жалким отрядом. Неумолимо приближав-

шьяя армия заполняла собой весь горизонт и растянулась далеко на восток и запад.

– Они всюду... – шепотом произнес Джон.

– Да. Нападение идет сразу по всему периметру стены. В западных и восточных частях не легче, – подумав, что командующий обращается именно к нему, ответил Дрейк. – Огонь! – скомандовал он и огненный дождь вновь озарил ночное небо. – Командующий ваш мальчик ведет укрепление внешней решетки, но нам нужно действовать быстро. Огонь! Если эти твари сюда прорвутся, то я не смогу ручаться за своих людей. Они к такому еще не готовы. В ближнем бою нам не победить. Многие боятся их здесь, на стене, находясь на довольно большом расстоянии и в относительной безопасности, но если эти существа прорвутся и зайдут во двор... В наших рядах может начаться паника, а это... Огонь! ...грозит массовым бегством.

В то же время стену сотряс сильнейший удар. Несколько воинов перевалившись через каменные зубцы рухнули к ее подножию.

– Командующий? – с некоторым удивлением воскликнул Рик, бегом забравшись по лестнице. – Командующий... сэръ Дрейк, внешняя решетка пробита, мы открыты для них.

– Пророк нас сохрани. Все! – громко, насколько он мог прокричал Джон, суетящимся во дворе людям, привлекая к себе внимание. – Хватайте все что есть! Столы, стулья, все что попадется под руки и тащите сюда! Надо завалить проход

и укрепить внутреннюю решетку! Быстро! – многие, кто нес оружие в руках или катил бочки, побросав все ринулись в крепость. – И несите воду, снег. Если нам повезет все это успеет подмерзнуть и укрепит баррикады.

Все усилия Дрейка были напрасны. Огненный ливень не стихал ни на одно мгновение, но наступавшую армию это не могло ни сдержать ни тем более остановить. Объятые пламенем люди, так же тихо шли дальше, в один момент просто беззвучно падая в снег. Мимо них проходили другие, не обращая никакого внимания на павших товарищей.

Вместе с армией к стене приближался и туман. Холодное молочное облако с тихим шелестом и хрипом подплывало к стене. Вдалеке же, руководя атакой возвышался белый рыцарь в сопровождении нескольких всадников. Откуда-то из глубины выползали массивные осадные машины отчасти напоминавшие перевернутые на девяносто градусов катапульты. В них заряжались ледяные шары и с тихим свистом выпускались в стену.

Удары наносились хаотично. Некоторые из валунов с оглушительным грохотом врезались в стену, каждый раз разваливаясь на части и сбрасывая защитников стены к ее подножию. Некоторые ледяные шары залетали в уже раскуроченную, изогнутую, словно сильнейшим взрывом решетку, скрываясь в темноте прохода под стеной.

– Сосредоточить огонь на катапультах! – кричал Дрейк, указывая мечем на огромные осадные машины.

Но и эти усилия оказались тщетны. Белый рыцарь, охранявший и руководивший катапультами легким взмахом руки тушил подлетавший огненный дождь, отводя порывами ветра его в сторону и ледяные шары продолжали свое разрушение, стремительно унося жизни оборонявшихся.

Очередная глыба с треском ворвалась в проход, уничтожив на своем пути несколько баррикад.

– Быстро всем покинуть туннель и опустить решетку! – скомандовал Джон.

– Командующий так долго продолжаться не может. Я начну готовить своих людей для открытого боя. Скоро они уже будут здесь, – выкрикнул Дрейк, спускаясь со стены.

– Нет.

– Что? – Дрейк замер на лестнице, так и не спустившись во двор. – Командующий сейчас не время показывать кто здесь хоз...

– Прикажи своим людям отступить.

– Что?! Да вы в своем уме?! Здесь мы сможем хотя бы сдерживать их в узком проходе. Они не смогут массово зайти, но если мы отступим у нас не будет ни единого шанса.

– Дрейк, я руковожу этой крепостью более двадцати лет, и я отдаю отчет каждому своему слову! Уводи людей, немедленно! – прокричал Джон, не сводя глаз с воина. – У крепости Хостраш всегда существовала одна единственная задача и пришло время ее исполнить.

Дальше спорить было бессмысленно. Командующий под-

хватив Рика и повел его к мажордому, раздающему воинам промасленные мечи.

Дрейк тем временем командовал отступлением. Люди словно десятки маленьких черных мышей разбежались от крепости в разные стороны, очищая стену и прилегающие к ней территории. Последними стену и крепость покинули мажордом с Риком на одном коне и сам лорд-командующий на другом.

– Что происходит?! Ты хоть понимаешь, что ты натворил! – накинулся на Джона Дрейк, как только тот соскочил с коня.

– Крепость – это последний рубеж, защищающий Долину, – тихо и печально произнес Рик, прервав разгоравшуюся ссору между мужчинами. – Это должно было когда-то произойти...

– И мы его сейчас сдали?! – воин выплеснул всю свою ярость уже на мальчика, но его голос потонул в грохоте и треске.

Огромный ледяной валун выкатился во двор, пробив все баррикады и внутреннюю решетку.

– Ты нас всех убил, – прошипел он, оттолкнув Джона. – На изготовку! По моей команде зажечь клинки! – Дрейк, запрыгнув на коня, проскакал вдоль испуганной армии. – Ваша задача любой ценой остановить их и по возможности оттеснить за стену, иначе куда бы вы не направились вам больше не удастся скрыться от... – его голос вновь потонул в шу-

ме, но на этот раз грохот был не просто оглушительным, он словно крик самой земли поднимался из самых ее глубин, сопровождаясь невероятными толчками.

Белый дым, словно огромный паук, только успел забраться на зубцы стен, а в проходе только начали появляться первые бредущие мертвецы, как стена взмыла в воздух. Огромные каменные блоки рассыпаясь на части подлетели на десятки футов.

Ярд за ярдом огонь охватывал новые часть стены с грохотом подбрасывая их в ночное небо и тут же обрушая их обратно градом горящих камней.

Все закончилось быстро. На месте стены и возвышавшейся крепости теперь зияла огромная пылающая расселины. Молчаливое войско все так же продолжало идти и тихо падать в огонь, но отступивший на первое время туман вновь пошел в атаку, медленно гася пламя.

Вслед за исчезнувшим грохотом и звоном в ушах все пространство заполнило низкое горловое пение. Сотни Ульги-ров, стуча в барабаны и бубны, распевая странные, даже пугающие песни, появились на поле перед огненной стеной, растянувшись цепочкой по всей длине расселины. Словно бы подчиняясь их голосам затухавшее пламя взбрыкнуло, отталкивая от себя худые щупальца тумана и разгоревшись обдало жаром даже стоявшие вдалеке армии разрушенной крепости и нового Тиретхолла.

За пылающей преградой появились несколько белоснеж-

ных всадников. Спрыгнув с коня один из них направился прямо к объятый огнем пропасти.

Рыцарь был выше примерно на голову любого мертвеца из окружавшей его армии. Темная пластинчатая броня была покрыта тонким слоем инея, отчего издали казалась белоснежной. Сама она состояла из массивных каменных чешуек шириной в два дюйма, перекрывавших друг друга. От груди к поясу и до самой голени чешуйки наслаивались одна на другую, всего на пол дюйма выступая вперед, на спине же они располагались практически горизонтально земле, превращая броню в подобие заснеженного горного хребта. Каменный шлем почти полностью скрывал черты лица своего обладателя, оставляя лишь узкие вертикальные прорезы для глаз. С пояса воина свисал огромный зазубренный меч длиной дюймов пятьдесят, а к седлу лошади был прикреплен не меньшего размера овальный каменный щит, заостренный с одного конца.

Приближаясь к пропасти существо шло медленно и казалось грузным и неповоротливым, но подойдя вплотную к обжигающему пламени оно не на долго замерло, внимательно наблюдая за людьми по ту сторону, словно бы выискивая кого-то. Вдруг резко отпрянув, оно взмахнуло рукой, по всей видимости приказав отступать, и с нечеловеческой быстротой и легкостью подбежав, оседлало своего коня.

Повинуясь белому отряду огромное молчаливое войско развернувшись медленно побрело следом в глубь снежных

барханов.

Грохот докатился и до ушей Кэя. Остановившись, мальчик обернулся назад. Ему казалось, что произошел обвал, хотя самой ближайшей к крепости горой была восточная гряда, где жили Ульгиры, а она располагались довольно далеко от Хостраша.

В любом случае, чтобы там не случилось мальчик решил возвращаться. В крепости осталась Мари. “Как он вообще мог ее там оставить одну, она же могла пострадать? – корил он себя. К тому же за ним должен был вернуться Эрик, а он единственный, кто заботился о нем все это время и единственный кому мальчик до сих пор доверял.

Кэй попытался развернуть лошадь, но животное заупрямившись отказалось, а после нескольких ударов и пинков, раздраженно заржав, взбрыкнула и помчалась вперед, стараясь скинуть своего наездника. Мальчик кое-как удерживался в седле. На любые попытки остановить или хотя бы замедлить животное, лошадь не обращала никакого внимания, казалось лишь ускоряя бег.

Борьба затянулась и Кэй все больше понимал, что если вскоре он не сможет остановить взбалмошное животное, то лишившись сил, сорвется. Уже давно рассвело, а солнце поднялось высоко в небо и уже медленно опускалось, заканчи-

вая свой путь, но животное даже не думало останавливаться.

Руки Кэя ныли, сил удержаться в седле уже больше не оставалось. Лишь к вечеру, когда небо окрасилось в багровые тона, его непокорное животное видимо, наконец, начало уставать. Собрав все оставшиеся силы, мальчик потянул поводья на себя и лошадь остановившись, сдалась, фырча в негодовании. Спрыгнув на землю он был готов убить глупое существо, благодаря которому он теперь был так далеко от крепости, не зная, что в ней произошло и не имея никакого понятия о том где он находится.

– Мы вернемся в Хостраш хочешь ты того или нет, – произнес он в слух обращаясь к животному, но резко замолчал, представив, как он глупо выглядит.

Вскоре оказалось, что на тракте он был не один. Услышав чей-то голос в отдалении Кэй тут же юркнул в куст забыв про несчастное животное.

– А если он меня слышал? – думал мальчик про себя. – Я же отпор оказать даже не смогу.

Прислушавшись, он попробовал определить откуда исходит голос. Тихо переползая по кустам, мальчик старался не шуметь. Говоривший сидел на поляне, это был полуголый мужчина, жевавший, между бормотаниями и угрожающими выкриками, грязный и на вид уже зачерствевший хлеб.

– Вот приду я в Солас Мор... – бормотал он. – Меня накормят и не буду я в этих обносках ходить и жрать эти помои. Схожу к Великому Магистру и расскажу ему как эти недо-

носки со мной поступили, – чем больше Кэй слушал мужчину, тем сильнее чувствовал в нем что-то знакомое. – И тогда этому уроду, и выродку его придет конец. Посмотрим еще кого мордой по мостовой проволокут, – человек мерзко засмеялся, видимо представляя желанную картину.

В этот момент словно по щелчку пальцев Кэй понял кто перед ним. Этот голос, слова. Все было настолько знакомо. В мальчике стала вскипать ненависть. Перед ним сидел тот самый монах, что напал на мастера Арвуда, побил Тима и, как он теперь знал из слов Дрейка, именно этот монах виновен в смерти отца. Именно из-за него Кэй потерял свой дом, потерял отца и мать, потерял друзей и знакомых, потерял свою жизнь. Мальчик сжимал кулаки, желая уничтожить виновника всех своих бед.

“Надо вернуться к лошади и поискать меч. Мари не могла отправить меня в дорогу не дав оружия. Надо его найти!” – обдумывал свой план Кэй.

Все решив, он уже было хотел рвануть назад к лошади и отомстить мерзкому монаху, как встретился глазами со второй фигурой, возникшей за спиной мужчины.

– Убить его хочешь? Тебе не нужен меч. Вон возьми камень и ударь сюда, – костлявая рука существа указала на голову монаха. – Один удар и все. Как ты сказал? Виновник? Виновник всех твоих бед? Удар и смерть. Сладость мести, – хриплый шипящий голос существа казалось уже звучал в голове Кэя. Монах же не замечая ни мальчика, притаивше-

гося в кустах, ни чудовище, парящее рядом с ним продолжал грызть свой кусок хлеба, перемежая это с мерзким смехом и угрозами. – Ладно, сам так сам, – существо махнуло рукой. Послышался глухой щелчок и маннах рухнул на землю, выронив зачерствленную корку. – Потом поблагодаришь, – прошелестело существо.

У Кэя перехватило дыхание. Забыв обо всем он сорвался с места. Мальчик взобрался на лошадь так быстро как никогда и изо всех сил лягнул бедное животное, подгоняя его бежать прочь отсюда.

– Неужели передумал? – прошипело существо вновь появившись впереди. – Что ж этого теперь не изменить, пока не изменить, но вернемся к моему предложению. Нас прервали в прошлый раз... – теперь ночной кошмар больше не отставал от него ни на шаг.

Он появлялся везде, отчего Кэю пришлось свернуть с тракта, углубившись в лес.

– Мне ничего от тебя не нужно, – прокричал он вжимаясь в мчащуюся лошадь.

– Но я ведь еще ничего не предложил.

– Это сон, просто дурацкий сон. Ну да, Мари же не могло быть в крепости, и этот обвал. Рядом же нет гор. Это сон! – без конца твердил Кэй, заглушая шепот существа и убеждая себя в нереальности происходящего.

Он уже не понимал куда скачет. Всюду был лес. Он сворачивал столько раз, что не мог даже сказать в какую сторо-

ну света он направляется сейчас и уж тем более в какую ему нужно.

Кошмар продолжался многие дни. Солнце сменялось лунной. Луна уступала место солнцу. Неизменными оставались лишь лес и преследовавшая Кэя тварь. В короткие моменты, когда мальчик с облегчением думал, что, наконец, сбежал от жуткого существа, он спрыгивал на землю и тут же без сил валился с ног. Его сон был не долгим и как правило кончался тихим шелестом.

За эти дни Кэй успел хорошо изучить существо. Он знал его голос, задолго до его появления мог предсказать откуда существо появится и успеть скрыться. Услышав знакомые звуки, он поднимался, забирался в седло и вновь куда-то скакал. День за днем, ничего не менялось, все его действия уже превратились в своеобразный распорядок. Он даже стал привыкать, точнее все сильнее его переставало заботить его жизнь, его будущее, его прошлое. Он словно оказался в колесе, и каждая следующая лига повторяла предыдущую.

Очередной день. Вроде бы тишина, а значит есть возможность поспать. Сон вообще теперь стал самым желанным и роскошным даром. Спрыгнув с изможденного животного Кэй порылся в пустеющей мешке и выловив первое что попало под руку, присел на землю.

“Надо спать, пока он не догнал,” – думал мальчик, поражаясь как он сам стал похож на того полуголого безумного

монаха.

Он уже давно потерял счет времени, проведенного в дороге. Изю дня в день он мчался по этому опустевшему миру, разговаривал сам с собой, а иногда с молчаливым животным. Пытаясь сбежать от собственного кошмара, от безумия, ужасной выдумки уставшего разума, он все сильнее загонял себя. словно смертельная болезнь существо засело в нем и больше не хотело отпустить, выедавая все человеческое изнутри. Кэй рассмеялся, понимая насколько он стал слаб и беспомощен. Будущий лорд, мечтавший о приключениях, сейчас словно какая-то крыса мечется в панике, ища путь спасения. “Как же все это глупо...”

– О Темные Боги! Малыш Кэй, Кэйл Аргер?

Услышав посторонний голос мальчик вскочил с места, натолкнувшись, на жующую траву, лошадь и вновь упал. Его глаза были широко открыты, а сердце было готово выскочить из груди. “Как я мог не узнать о его приближении?” – Кэй вновь вскочил, крепко схватившись за поводья лошади и привычным движением запрыгнул в седло.

– Тихо, тихо. Я и подумать не мог что это будешь ты. Мое имя Барет. Мари должна была тебе сообщить. Прости за мой вид, ты не этого ожидал, когда просил меня... Хотя.. ты знал... Послушай, наверное, я должен тебе это сейчас сказать. Мари в порядке, она жива и невредима. Хью тоже, как и миссис Дьюрер. В лесу есть ополчение. Оно спасло многих. Мастер Арвуд все так же занимается ранеными. Ну, на этом

все наверно. Боюсь больше рассказать я тебе не успею. Надеюсь ты поймешь меня впоследствии и прости, что не смог выполнить все поручения.

Лишь сейчас Кэй немного успокоившись, взглянул на горюющего. “Человек,” – прозвенело у него в голове. “Настоящий живой человек.” Всего в нескольких шагах от него стоял мужчина средних лет. Его одежда была вся изодрана. Длинные грязные волосы лезли на лицо, отчасти закрывая его. Не менее длинная борода была заплетена в две косички.

– Я не в лучшей форме, так что не торопись, – пошатываясь и держась за видимо травмированный бок, мужчина хромая и запинаясь приблизился к Кэю.

– Вы знаете мое имя? Но откуда? – но тут же поняв, что спросил глупость, Кэй сам же ответил на свой вопрос. – Вам рассказала Мари.

– Оу... Нет, в ней можешь быть уверен. Она никому и словом не обмолвилась о том, кто ты.

– Тогда...

– Просто догадка. И видать я попал в точку, все таки не зря я столько лет провел в Тишине.

– Я с вами никогда раньше не говорил и не видел вас, – возмутился Кэй, начиная побаиваться что, и этот человек всего лишь плод его фантазии, ведь его слова не имели никакого смысла.

– Ты? Боги, Кэй, ты даже не представляешь как я рад тебя видеть после всего.

– Я... Я не понимаю. Кто вы?

– Барет, я просто Барет, – грустно усмехнулся мужчина.

– Не задумывайся. Идем за мной. Тут уже не далеко.

Путь действительно оказался коротким. Какое-то время Барет шел пешком, но видя прихрамывающую походку и явную боль, испытываемую мужчиной, Кэй предложил ему сесть на лошадь.

Остаток дороги они промчались верхом, остановившись у горной гряды.

– Где мы сейчас? – спросил Кэй, спешившись вслед за мужчиной.

– Это земли Лордсхена. Точнее их самая северная часть.

“Лордсхен? Неужели я проскакал так далеко,” – думал Кэй, не отставая от мужчины.

Пройдя по короткой горной расщелине они оказались на берегу. Здесь дымились угольки от не так давно потухшего костра. На земле, рядом, лежало пара мешком с припасами и толстые меха с водой. Неподалеку чуть покачивалась лодка, привязанная к древнему, покосившемуся камню, когда-то давно видимо обозначавшему какого-то Темного Бога.

– Помоги мне погрузить все это на борт, – произнес мужчина, указывая на мешки и меха.

– Куда мы направляемся?

– Мы? Нет. Ты. Большего, я прости, не знаю.

– Я не полезу туда! Я провел в полном одиночестве в этом

проклятом бескрайнем лесу несчетное количество дней и теперь вы хотите, чтобы я полез в это лодку?! Один! Чтобы я сменил лес на воду?! Раз мы в землях Лордсхена, то отведи меня в аббатство Родсбери!

– Кэйл я не враг тебе и делаю все от меня зависящее...

– Да что ты несешь!

– Послушай. Те, кто на меня напал теперь ищут меня. Я ранен, – мужчина, наконец, одернул обрывки кожи и ткани, показав свой изувеченный правый бок, за который он вечно держался.

Перед Кэйем предстал длинный взбухший разрез. Рана кровоточила даже сейчас, хотя по всей видимости была нанесена уже давно.

– Давай не будем обманывать друг друга. Мне осталось не долго. Либо я сам истеку кровью, либо меня нагонят преследователи. В любом случае для меня это конец, но ты должен идти дальше. Ты знаешь, что делать и нам нужна твоя помощь. Помоги перенести припасы, мне они больше не понадобятся и уплывай, – Барет подтолкнул мальчика к лодке подхватив один из мешков. – Останешься здесь – умрешь, даже если попытаешься сбежать. Меня ищут, а значит вполне вероятно, что рано или поздно найдут и тебя. Я вообще удивлен как ты сумел проскользнуть сюда. Они перекрыли практически весь лес, так что я оказался в ловушке. И я уверяю тебя их совсем не остановит то, что ты ребенок. Уплывай

Как только погрузка была завершена, Барет позвал к себе ребенка. Осторожно приобняв его он взъерошил мальчику волосы.

– А теперь отталкивай лодку и уходи. Я не знаю сколько я выторговал нам времени, – отстранив от себя Кэя он с трудом дошел до ближайшего дерева и рухнул на землю, облокотившись на его ствол.

– Поплыли со мной. Ты все еще можешь ходить и говорить. К мастеру Арвуду я видел приносили людей и с более серьезными ранами. Мы сможем что...

– Не считай меня дураком! Я прекрасно понимаю в каком я состоянии! Плыви я тебе сказал, иначе последним что я сделаю в этой жизни будет оплеуха тебе!

Кэй отчалив стал медленно отдаляться от берега, не сводя глаз с сидящего мужчины.

– Рад был знакомству с тобой, – с едва различимой, на таком расстоянии, улыбкой прокричал Барет.

Чем дальше лодка отдалялась от берега, тем сильнее становилось течение и вскоре он вновь остался один, на этот раз окруженный бескрайним тихим морем.

Часовня “Вечерней Зари” была вновь захвачена. На этот раз в этих древних стенах всем заправляли разбойники Шаласа.

Тела убитых монахов никто даже и не пытался убрать и уж тем более захоронить. Воины просто сторонились большого зала и сада часовни. Всюду царили беспорядок и грязь.

По большей части разбойники расселись во дворе и бывших кельях слугителей, сам же их глава обосновался в кабинете, который некогда принадлежал епископу и располагался в главном здании часовни.

– Лорд Шалас, – в кабинет, осторожно, словно передвигаясь по клетке с диким хищником, зашел мужчина. – Люди жалуются, что по крепости ходят духи. Они говорят, что монахи...

– Что?! Люди жалуются?! Они должны все подготовить к приходу Повелителя, а ты мне докладываешь, что они там скажут? Здесь нет никого, полудурок. Ваши головы настолько пусты и тупы что вы страшитесь завывание ветра в собственных черепушках!

– Но лорд Шалас, – мужчина побледнев, ссутулился и казалось вжался в пол. Теперь уже трудно было сказать чего он боялся больше – своего командира или духов о которых ему рассказали.

– Что но?! Ты больше не можешь контролировать своих людей Хоард? Может мне стоит подыскать кого-то нового на эту работу? Раз ты не в состоянии врезать и заставить заткнуться этих трусливых оборванцев? Я дал тебе несколько отрядов новобранцев, присоединившихся после захвата Тиретхолла, – Шалас стал расхаживать по кабинету, не сводя

глаз с мужчины. – Я дал тебе право решать, – голос лидера разбойников стал затихать, превращаясь в тихий шипящий шепот. – Я надеялся, что ты сможешь вбить дисциплину в этот скот. А сейчас ты говоришь мне что не справился с этой наипростейшей задачей?! – вдруг его голос стал набирать силу и в конечном итоге перерос в крик.

– Я объяснял им...

– Объяснял?! Ты ребенок Хоард? Если тебя не слушают собственные люди, то повесь парочку, заживо содрав с них шкуры. Пойми, мой милый старый добрый друг, – настроение Шаласа вновь изменилось и в его голосе появились ласковые нотки. – Я не злюсь, просто с каждым мгновением я все больше понимаю, что это задача была слишком непосильна для тебя, – разбойник схватил мужчину за горло, медленно сжимая.

– Я понял, я пого... – хрипел мужчина, в то время как его лицо все больше теряло живые краски.

– Поздно, мой друг, уже слишком поздно.

– Лорд Шалас, – в кабинет вбежал еще один воин и увидев задыхавшегося, уже упавшего на колени, командира и нависавшего над ним лорда, замер.

– Что-то случилось или ты тоже хочешь поведать мне о блуждающих духах? – не отпуская Хоарда спокойным, ровным, даже дружелюбным тоном поинтересовался Шалас.

– Во дворе какой-то парень. Он пытался пройти к саду и требовал вас, сэр. Мы сначала хотели его остановить, но он

убил трех наших, а сейчас мы его взяли в окружение и не выпускаем. Меня послали за вами.

– Парень? – удивился разбойник, не обращая никакого внимания на барахтающиеся руки Хоарда, его стоны и хрипы.

– Он назвал себя Нейком, сэр.

– Оу... Замечательно. Первая приятная новость с утра, – Шалас отпустил задыхавшегося мужчину и тот повалившись на пол, жадно глотал воздух. – Передай ему, что я сейчас спущусь, – стоявший в проходе воин быстро развернулся и бегом умчался прочь, радуясь тому что остался цел и невредим. – Хоард, друг мой. У тебя неожиданно появился второй шанс. Поздравляю! – широко улыбаясь и разводя руками, произнес Шалас. А теперь иди и попробуй доказать мне что ты действительно все правильно понял.

Тем временем во дворе, где еще с самого утра из-за слухов об неупокоенных духах царила тревожная обстановка, уже сейчас нарастала паника, грозящая перейти во всеобщую истерию.

Разбойники окружали черноволосого юношу, но каждый из собравшихся постоянно оглядывался, убеждая себя что он здесь не один. Обычный парень, с виду даже не вооруженный всего за пару коротких мгновений повалил трех матерых головорезов, которых побаивались даже в собственных рядах.

Воины стояли кольцом, оцетинившись мечами, а некоторые даже размахивая зажженными факелами. Позади шумного кольца со двора оттаскивали трех погибших. Первый из них совсем не выглядел мертвым, скорее мирно заснувшим. Его глаза были закрыты, а на теле не было ни единого синяка или пореза. Но что касалось двух других, то за ними тянулся кровавый след. Оба были изодраны, как если бы на них накинута дикий хищник, хотя бой с юношей был не длинней короткой перепалки.

– А ты опоздал, – светясь счастьем произнес, вышедший из часовни Шалас.

– Я опоздал? А хочешь я расскажу, что меня задержало? – огрызнулся парень.

– Конечно, очень хочу... Я бы сказал если б твое опоздание не стоило Повелителю еще одного дня заключения в этой проклятой тюрьме! – настроение Шаласа вновь скакнуло, сменившись на злость. – Ты принес ключ?

– Нет. Способов проникнуть внутрь не существует. Это невозможно, – угрюмо ответил Нейк, признавая свою неудачу.

– Оу... Забавно, – лидер разбойников зашел в кольцо своих воинов, оказавшись прямо перед юношей.

– Что здесь забавного?

– А то, что ты как и все остальные лишь жалкая кучка дерьма. Без мозгов, без фантазии, не способный абсолютно ни на что, – с улыбкой, словно распевая детскую песенку,

издевался разбойник.

– Что ты сказал?

– А то, – резко посерьезнел он, – что у тебя была одна единственная задача. Ты должен был найти и принести ключ от темницы Повелителя, в отличии от меня, потому что именно я выполнял всю работу. И что мы видим в результате? А? – Шалас покружился на месте, словно бы задавая этот вопрос своим головорезам. – Я собрал армию для повелителя. Я достал дар, о котором он просил и привел этого сопляка живым и невредимым. Я! И я нашел ключ от его темницы. Как ты там сказал? Не существует? Ребятки, я все правильно помню? Так вот прежде чем размахивать мечем и резать моих людей, научись выполнять то что тебе приказано! – тыча пальцем в грудь юноше, прокричал разбойник. – Посмотрим, что ты скажешь, когда я освобожусь Повелителя. Он ведь может тебя и на-ка-зать, – улыбаясь пропел Шалас. – Я даже знаю, что я попрошу у него. Первым делом тебя.

– Откуда у тебя ключ? – не обращая внимания на издевки и явные угрозы разбойника, спросил Нейк.

– Мне посчастливилось встретить одного старикашку, монаха, в сопровождении кого бы то вы думали, а? Самого великого заступника всех крестьян, торгашей и прочей шушеры – Роджера Эклстера! Гип-гип ура, мои друзья! Я очень вежливо спросил у своего старого друга, что он здесь делает, и ты не поверишь вечерком он мне по секрету рассказала, на ушко, вот сюда, – Шалас указал на свое ухо, демонстративно

улыбаясь, – о своей тайне. О том, что он был по ту сторону веранды и знает, как открыть вход темницу. Удача не правда ли? Или нет. Скорее мои изысканные манеры и старые знакомые. Знаешь если чуточку посоображать, найти нужных людей и правильно спросить то...

– И ты ему доверяешь? – прервал восхваления разбойника Нейк.

– Для тебя вы, мальчишка. Да, я ему доверяю. Я лично с ним беседовал и наш разговор оказался крайне продуктивным. Ладно, мы теряем время. Отволоките мелкого Эклстера в сад. Пора начинать, – скомандовал Шалас и показывая, что больше не намерен продолжать разговор, демонстративно покинул кольцо воинов, направившись к саду.

Получив возможность сбежать от черноволосого юноши, пара разбойников быстро скрылась в конюшне и откуда-то из ее глубины выволокла невероятно избитого парня. Его ноги просто волочились по земле, пока двое разбойников, подхватив его за руки тащили за собой. Лицо парня взбухшее, покрытое синяками и порезами было все в крови. Разодранная одежда открывала вид десятки свежих ран. На какую бы часть тела не падал взгляд Нейка всюду была кровь, порезы, ссадины и кровоподтеки.

Проволочив тело по двору, мужчины скрылись в саду.

– И долго ты собираешься здесь стоять? – раздраженно обратился к Нейку Шалас, остановившись под каменной аркой сада.

Следуя за, напевавшим себе под нос какую-то мелодию, разбойником и несколькими его людьми Нейк оказался около заросшей веранды.

Основная часть армии Шаласа так и осталась во дворе. В сад пришли лишь те двое, что тащили Роджера, еще пара воинов под руки ведущие мальчика, которого глава разбойников, как он выразился, хотел преподнести в дар и несколько его самых приближенных и наверно верных слуг.

Часть листвы и кореньев, оплетавших колонны веранды были срублены, а мох на горной части стены содран.

– Похоже он не врет, – радостно произнес один из приближенных Шаласа. – Кто-то правда пытался открыть проход, – мужчина радовался ровно до того момента пока его взгляд не встретился с глазами самого Шаласа.

– Это великий день господа! – прокричал разбойник – В этот день Повелитель вновь вернется в наш мир! Роджер, – обратился он к лежавшему без чувств и каких-либо движений юноше. – Эй! Пробудите нашего соню, – крикнул он двум разбойником, приволокшим тело.

Один из них тут же в спешке убежал и вскоре вернулся с ведром воды. Опрокинув все его содержимое на лежавшего юношу, он похлопал его по щекам, приводя в чувства.

– Лорд Шалас, – позвал он, как только парень вяло заморгал.

– Доброе утро, солнышко, – ласково пропел разбойник. – У меня хорошие новости. Только что у тебя появился заме-

чательный шанс доказать, что все мои усилия этой ночью, наша долгая, сладкая беседа не прошла напрасно.

– Сейчас, он откроется, сейчас. Еще чуть-чуть, мне нужно подойти по ближе, – едва слышно хрипел парень, вытягивая руки.

– Боги, ну что же вы стоите. Помогите ему. Видите, бедный Роджер страдает. Он же попросил вас помочь ему, – с состраданием произнес разбойник, обращаясь к окружающим. – Подняли его, живо! – оскалился он, пока окружавшие воины пытались понять шутит их командир или нет, – Помогите моему доброму другу подойти по ближе, – мягко закончил он.

В спешке и панике, четверо мужчин попытались поднять Роджера и поднести к веранде, но не успели они сделать и двух шагов с вновь потерявшим на их руках сознание парнем, как на каменной стене вспыхнул узор. Медленно разгораясь, наливаясь красками и извиваясь он образовывал огненную арку. И чем ярче и живей становился узор, тем сильнее истончался камень между ним, исчезая и растворяясь в воздухе.

Как только каменная поверхность исчезла и под аркой образовался проход в него тут же, оттолкнув воинов, внесших искалеченного юношу внутрь, вбежал Шалас. Разбойник оказался на той же поляне, на которой не так давно были Марк и Роджер.

Он видел лес, видел солнце, поражался красоте пылающей

поляны и всего что его окружало. В то время как из леса появился сам Архзур. Бог шел быстро, прямо к Шаласу.

– Повелитель, – трепеща от восторга произнес разбойник.

– Как тебя звать? – грозно прогремел бог, приблизившись на расстояние нескольких шагов.

– Шалас... Повелитель, – немного замешкавшись от удивления, пролепетал разбойник.

– Шалас ты виновен в смерти монахов, обитавших здесь?

– Нет, Повелитель. Это все Дрейк, он со своими людьми перебил их всех.

– Не ври мне!

– Клянусь, я здесь не причем, – впервые люди Шаласа видели своего командира испуганным и дрожащим.

– Но ты все равно виновен в пытках ни в чем не повинного юноши. Зачем ты издевался над ним, – Арх указал на лежавшего на земле парня. – Избивая его, прижигая раскаленным мечом, срезая кожу и глумясь выкручивая суставы?

– Я... Он... Он знал, как открыть темницу, он был заодно с теми, кто вас пленил, Повелитель, – надрывающимся, дрожащим голосом оправдывался разбойник.

– Он сказал тебе что откроет темницу сразу же как ты зашел к нему, но ты все равно продолжал пытаться его всю ночь! Те, кто повинен в моем заключении уже давно мертвы!

– Я... Я не знал, мой господин...

– За содеянное тебе придется заплатить и...

– Повелитель, – осторожно прервал речь бога разбойник.

– Я принес вам в дар, как вы и просили, мальчика, – он обернувшись махнул рукой, приказывая привести Вилла.

– Мальчика в дар?! Ты понимаешь, что ты несешь?! Никто не вправе распоряжаться чужой жизнью как вещью... – увидев испуганного ребенка, Аргх вдруг замолчал. Он не сводил глаз с мальчика, словно бы перед ним самим предстали неупокоенные духи, о которых уверяли Шаласа разбойники.

– Повелитель? – осторожно окликнул его Шалас. – Вы же сами прика... ах... – разбойник не договорил, издав полукрик, полустон он замолчал, дрожащими руками, ощупывая свой живот.

– Больно, да? – услышал он тихий шепот, прямо у своего уха.

Воспользовавшись всеобщим замешательство и нерешительностью, Нейк в плотную приблизился к разбойнику и нанес удар. Сейчас, стоя прямо позади Шаласа он левой рукой обнимал его, сжимая шею, правой крепко держал рукоять меча, пронзившего разбойника насквозь. Резко вырвав острый клинок парень обошел ошеломленного разбойника, встав перед ним лицом.

– Ты ни в чем не хочешь сознаться или покаяться? – со все силы, парень нанес новый удар, на этот раз рубанув по плечу, вогнав клинок почти до груди.

Шалас лишь издав очередной сдавленный хрип, пошатнулся. Его глаза были выпучены, рот как у озерной рыбы без-

звучно то открывался, то закрывался. В очередной раз вырвав клинок, Нейк пинком повалил разбойника на спину.

– Удивительно, не правда ли? – третий удар пришелся в грудь мужчины, фактически пригвоздив Шаласа к земле. – Боль есть, кровь вроде тоже, страдания присутствуют, а вот смерть все никак не приходит.

Первый оправившийся от увиденного шока разбойник из свиты Шаласа, выхватив меч помчался на Нейка, но не дойдя до парня всего нескольких шагов, словно бы споткнувшись, упал на землю.

– Завидуешь, наверное, ему?! – выкрикнул Нейк, перекивая нарастающий вопль Шаласа, одной рукой надавливая на рукоять. – Все так быстро. Сейчас ты бежишь, полный решимости, мыслей и идей, и словно бы по щелчку чьих-то пальцев, ты уже лежишь мертвым. Ни боли, не мучений, лишь сладкая, такая желанная смерть. А! Шалас?! Что скажешь?! – кричал юноша начиная медленно прокручивать меч. – Ты такого не заслуживаешь! Меня не волнуют, те сотни что были убиты по твоему приказу! Я не в праве судить тебя за гибель торговцев в караванах, на которые ты напал! Я не вправе обвинять тебя в смерти горожан Тиретхолла! На моих руках не меньше крови, но ты заплатишь мне за смерть Марка! Ты не больше чем жалкая визжащая свинья, считавшая себя выше других! Вечная предсмертная агония, без права самой смерти слишком легкое наказание для тебя! Ты убил его просто ради забавы! Запомни это имя! Запом-

ни имя Маркуса Лейдерита! Убив его – ты убил себя, – видя, как из их командира хлещет кровь, слыша его крики и стоны, наблюдая как бьется его тело, не в силах прекратить страдания, разбойники побросав оружия бросились на утек.

Продолжая проклинать Шаласа, Нейк в последний раз вырвал из его тела клинок и принялся наотмашь наносить удары по лежавшему человеку.

– Прекрати! – прокричал Вилл, отрезвив юношу от охватившего его безумия. – Он уже мертв.

Тяжело дыша и оттираясь от камель крови, Нейк отбросил в сторону меч и отошел от трупа.

– Что ты сказал про Мартина? – схватив за плечи и не давай от него отвернуться, Вилл требовал повторить сказанное Нейком.

– Он мертв. Эта тварь, – темноволосый кивнул в сторону мертвого разбойника, – послал за ним двух уродов. Они убили его, пристрелили из арбалета, словно животное на охоте.

– Как убили? – мальчик замер, собираясь с мыслями. – Но я говорил с ним. Я позволил ему жить...

– Ты говорил?! – Нейка вновь охватила ярость, надвигаясь на мальчика он не переставал кричать: – Ты его видел?! И ты... Что ты сказал? Позволил? Ты... Ты... Ты должен был его защитить! Ты мог это сделать! Что значит позволил?! Ты вообще хоть что-нибудь можешь сделать! Тебе всего лишь нужно было шляться за этим маньяком! Ты не вправе был решать его...

– Я не вправе?! – взорвался Вилл. – Не переоценивай себя марионетка, я как никто другой вправе был решать его участь, но я дал ему уйти. Все что произошло это... Это...

– Мартин мертв? Где он сейчас? – прервав перепалку тихим, печальным голосом спросил Аргх, нависавший над израненным телом Роджера.

– Я не мог, просто так бросить его тело там. Я похоронил его как смог, – Нейк плюхнулся на землю, схватившись за голову. – Я убил этих уродов, но опоздал всего на несколько мгновений. Марк еще был жив, когда я взял его на руки, – из глаз юноши потекли слезы. – Всего пара коротких мгновение, и я бы успел.

– Почему ты не принес его сюда. Я бы мог ему помочь, – прошептал в отчаянье Аргх.

– Как помочь? Да кто ты вообще? Запертых дух? Сила? Энергия? Ты бы ничего не смог, он умер. Не переоценивай свои силы.

– Теперь бы смог, – Вилл был единственным, кто до сих пор сохранял бодрость духа.

– Сделал бы ходячим трупом, как твой брат? – Нейка раздирало отчаянье и боль, все валилось из рук и ускользало.

– Нет. Запомни, все что было создано однажды, можно повторить, нужны лишь знания. Пора заканчивать. На севере начинается война. Зааш уже начал наступление. Нужно торопиться. Ты отведешь меня к Мартину, как мы закончим со всем, – Вилл изменился. Его голос был тверд. Дрожь про-

пала, глаза горели. Он ходил по поляне, что то обдумывая, а закончив направился к Аргху. Присев рядом с богом, мальчик стал внимательно осматривать раны Роджера.

– Он ведь сразу сказал этому разбойнику, что откроет мою темницу. Мальчик надеялся на меня, он знал что я рядом и услышу его. И я был с ним, но не мог остановить этого изувера, – тихо шептал Аргх, с жалостью и болью осматривая тяжелые ранения юного воина.

– Это моя вина, как и гибель Мартина. Я не успел остановить Шаласа, я проглядел, и не уберег ни одного из них. Не кори себя, сидя здесь ты не мог им ничем помочь, – руку Вилла охватило слабое голубоватое пламя. Как только мальчик чуть касался ран Роджера, пламя начинало искрить и небольшие оранжевые огненные язычки облизывали окровавленные участки тела. – Несколько переломов и ран, все остальное не так серьезно. Приведем его в порядок и оставим здесь на несколько дней. После пережитого, ему понадобится время на восстановление, пусть лучше останется подальше от окружающего враждебного мира, пока окончательно не придет в норму, – обратился к Аргху мальчик, закончив обрабатывать раны юноши.

– Это все что мы можем сейчас для него сделать, – согласился бог. – Что теперь со мной? Выйти наружу и ты меня поглотить?

– Лучше не будем рисковать, воссоединимся здесь.

Как только последнее слово слетело с губ Вилла мир стал

меняться. Огненная поляна, вспыхнув в последний раз, расползлась на сотни маленьких огненных змеек и слившись в единый огненный поток направилась к мальчику. Сам Аргх, закрыв глаза, медленно исчезал, растворяясь в огненном вихре. Небо тускнело, листья желтели и засыхая опали на землю, а голые стволы, лишившись своих пышных крон, с грохотом обрушались.

За короткие мгновения яркий, красочный участок леса полный жизни – погиб, превратившись в сухую, темную пустошь, которая так же стремительно исчезала.

Поднявшийся ветер сметал все на своем пути. Огненный смерч уже возвышавшийся до неба продолжал разрастаться, обдавая жаром и ярким светом.

Вскоре все что можно было еще различить было лишь безумно кружащееся пламя в темном пустом мире и ребенок, стоявший прямо перед ним.

Выждав время Вилл протянул руку к обжигающему вихрю и ветер начал утихать, а огонь гаснуть. Буря прекращалась, унося с собой тепло и свет, оставляя после себя лишь маленький трепыхавшийся язычок пламени на ладошке ребенка.

В тусклом освещении крохотного огонька стали угадываться грубо обтесанные стены темной маленькой пещерки.

– Мартин, Мартин, Мартин... – произнес мальчик вдруг огрубевшим голосом. Семь сотен лет ты заставил меня бродить по Долине одиноким странником. Семь сотен лет ты

держал мои силы в заточении. Ты бросил мое тело, обрекая его скитаться по свету, и я ненавидел тебя за это. Ты сдружился с отнятой у меня силой, и он полюбил тебя как родного брата. Я долгие годы разрывала ненависть к тебе, но сейчас пришло время исправлять свои ошибки и больше ты от меня не ускользнешь, – взмахнув рукой, мальчик отпустил крошечный огонь с ладошки в воздух. Дрожащее пламя, словно живое существо, до этого момента боявшееся своего хозяина, вдруг стало расти.

Пещеру озарил яркий свет, вскоре поднявшийся ввысь. Холодные неровные каменные стены пропали и из крохотного огонька выросло солнце, озарившее темную мертвую долину. На ее черной поверхности стали пробиваться травинки, а в след за ними и из маленьких побегов разрастаться целые деревья. Так же быстро как мир Аргхзура погибал, так же быстро он и возрождался, и вскоре их вновь окружал лес, вновь на поляне взошли огненные цветы и по округе разнеслись трели птиц. Все возвращалось на свои места, заканчивая цикл.

– Это даже интересно. Когда-то я жил в такой же пещере, в созданном мною мире, но пришли люди и на ее месте воздвигли город. Свой город для меня. Они построили его, они правили им, и они же его и уничтожили. А теперь я вновь как когда-то вернулся домой, – с улыбкой произнес Аргхзур, осматривая свой заново созданный тихий мирок. Он менялся на глазах. На детском лице разрасталась борода, волосы

светлели, переливаясь огненной яркостью. Мальчик рос, становился крупнее, на его руках и груди проступали очертание мускулов, и вскоре он вновь был все тем же великоаном с копной рыжих волос и карими глазами с огоньком внутри. – Люди Шаласа теперь выйдут из-под контроля. Мы этого не планировали. Ты должен был предупредить меня. Я бы нашел другое решение, – обратился он к Нейку.

– Теперь это уже не так важно. Нужно остановить Зааша. Люди будут скандировать твое имя если ты их защитишь.

– Или разбежаться в панике. Нам пора. Для начала наведем порядок в Хостраше, а дальше и на всей Тирьере.

Эпилог

Две темные фигуры в предвечерних сумерках неспеша гуляли по руинам старого города. Остова домов были пусты и полузасыпаны песком. Песчаные стены, обрамлявшие город, давно поглотила пустыня. Тем временем фигуры приближались к полуразрушенной башне. Ее верхушка с рваным краем лежала чуть поодаль от самого слегка покосившегося строения.

Первая несла с собой большую, толстую книгу и периодически всматривалась в записи, что-то отвечая второй фигуре.

– Великий Магистр запрашивает сведения о... – фигура с книгой вчиталась в свои записи, – о лесе Кашамли.

– Льюс, чтоб тебя бездна прибрала. Что же ты так вцепился то в свою Кальдеру, – произнесла вторая фигура, отворяя хлипкую дверь башни.

– Так что передать Магистру.

– Передай это во второй исследовательский отдел. Пусть отправят все что имеют.

Фигуры скрылись в башне. Они спокойно продвигались вперед, сквозь мрак и затхлость, спускаясь куда то в глубины башни.

Добравшись до небольшого круглого помещения, они остановились. Первая фигура, отложив книгу, подняла с земли факел и спустя несколько коротких щелчков зажгла его. Помещение осветилось. Перед ними было три двери, фигура вновь подхватила книгу и зашло в центральную дверь, следуя за первой фигурой.

Коридор петлял и спускался все глубже под землю, они прошли еще несколько развилок и оказались у маленького деревянного помоста. Встав на него и пнув небольшой рычаг у основания они стали медленно опускаться.

Лифт ехал не долго и вскоре они оказались в просторном помещении освещенным множеством факелов. Здесь снова-таки люди в белых и серых робах. Первая фигура наконец, отряхнув свою алую мантию от пыли и песка обратилась ко второй.

– Ладно, что по моему запросу?

– Сейчас, – фигура с книгой полистала страницы и, оста-

новившись на одной из них продолжила свой отчет. – Мы нашли семь постаментов по Долине, и четыре в южных землях, но первый отдел уверен что всего их семнадцать. Они продолжают поиски. Как вы и приказали, ближайший к нам, около Ниализа, находится в оцеплении и исследуется, – прошлась сквозь главный зал, оказавшись в очередной сети спутанных коридоров.

– И? Не заставляй меня все выпрашивать у тебя. Меня интересуют результаты, а то, что я и так знаю.

– Простите Главный Магистр Арлок. Колонну просверлил магистр Чорч со своей группой. Они описали ммм... – мужчина сверился с книгой, – как молочный туман, вытекающий откуда-то изнутри. Несколько из его людей пострадали, при взаимодействии с ним. Они описывают его как нечто прохладное и невесомое. В данный момент магистр Чорч планирует разбить монумент и посмотреть, что у него внутри, а также параллельно осмотреть обелиск на границе с пустыней.

– Хорошо, что насчет расшифровки тех записей, что Льюс приказал вывезти из Солас Мора? – магистр уже было хотел открыть дверь, ведущую в его кабинет, как подземелье сотряс приглушенный взрыв где-то ниже.

– Что? – оттолкнув монаха с книгой он быстрым шагом направился к главному залу.

Здесь царила суматоха. Монахи метались по лестницам и проходам. Последовал второй взрыв.

– Что происходит? – обратился он, к руководившему всем монаху.

– Магистр Арлок, он сорвал цепи, – быстро отчеканил монах. – Я принял решение завалиться с третьего по шестой этаж чтобы остановить его продвижение.

Арлок действовал быстро и решительно, быстро схватив стоящий рядом стул, он со всей силы бросил его в стену. Треск и хруст развалившейся мебели привлек внимание толпы.

– Тихо всем! – пророкотал он. – С первого по восьмой исследовательский отдел немедленно покинуть туннели. Соберитесь в правом крыле. Гвардия прекратите разрушение совета, его не задержат завалы. Соберитесь снаружи и ждите меня, – с этими словами магистр отобрал факел у ближайшего монаха и юркнул в туннели, которые покидала гвардия.

Разрушенный город был набит людьми. Луна освещала огромное войска закованное в латы и красные мантии. Все они были вооружены и готовились к нападению. Из покосившейся башни показался Арлок, он отбросил в сторону факел и жестом указал всем убрать оружие.

Он ждал, и никто не знал чего, время тянулось и молчание звенело, заряжая воздух тревогой.

Оно было прервано криком, словно рокот огромной птицы, он исходил, откуда-то из глубины, был прямо под ними и приближался.

Новый взрыв поднял столб земли в перемешку с песком и пылью высоко в воздух. В образовавшейся воронке пылало пламя из самого его жерло поднималось нечто. Оно шло шатаясь, сторбившись, заваливаясь в разные стороны. С тихим трескучим щелканьем за ним волочился огромный меч. Нечто было одето в латы, его ястрибиный шлем смотрел хищно, голубой плащ и перья на шлеме выцвели. Всю его броню покрывало что-то вязкое и тягучее и тяжелыми каплями падало на песок. Он приближался к Арлоку, остатки его цепей гремели.

– Аргхзур, – низкий, гортанным голосом произнес рыцарь.

Арлок молча указал на север, другой рукой успокаивая свою армию.

Существо пошло, следуя указу. Ковыляя, оно проходило мимо армии, из его обожжённого рта, выглядывавшего из-под основания шлема, при каждом выдохе шел пар.

– Аргхзур, – повторял рыцарь. – Я чувствую тебя...